ВАШИНГТОН ИРВИНГ

История Нью-Йорка

Вашингтон Ирвинг
История Нью-Йорка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123618
Вашингтон И. История Нью-Йорка: «Наука»; М.; 1968

Аннотация

«История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии» – комическая летопись старого Нью-Йорка, в те времена представлявшего собой небольшое голландское поселение, якобы написанная неким Дидрихом Никербокером и опубликованная хозяином отеля, которому сбежавший постоялец оставил в возмещение убытка этот манускрипт.

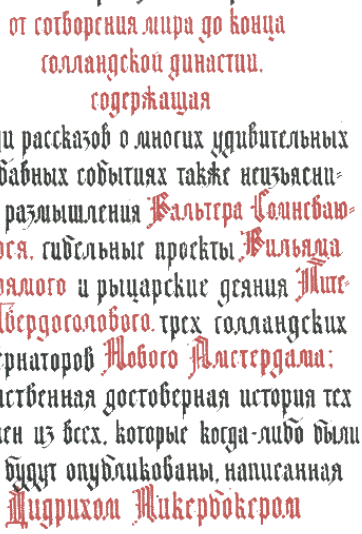
Содержание

ОБ АВТОРЕ 8
К ЧИТАТЕЛЯМ 15
КНИГА ПЕРВАЯ 25
ГЛАВА I 25
ГЛАВА II 36
ГЛАВА III 53
ГЛАВА IV 63
ГЛАВА V 76
КНИГА ВТОРАЯ 99
ГЛАВА I 99
ГЛАВА II 111
ГЛАВА III 120
ГЛАВА IV 133
ГЛАВА V 143
КНИГА ТРЕТЬЯ 154
ГЛАВА I 154
ГЛАВА II 163
ГЛАВА III 176
ГЛАВА IV 189
ГЛАВА V 197
ГЛАВА VI 206
ГЛАВА VII 214
ГЛАВА VIII 222

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ 232
ГЛАВА I 232
ГЛАВА II 246
ГЛАВА III 255
ГЛАВА IV 266
ГЛАВА V 279
ГЛАВА VI 292
ГЛАВА VII 301
КНИГА ПЯТАЯ 315
ГЛАВА I 315
ГЛАВА II 326
ГЛАВА III 334
ГЛАВА IV 342
ГЛАВА V 354
ГЛАВА VI 366
ГЛАВА VII 375
КНИГА ШЕСТАЯ 389
ГЛАВА I 389
ГЛАВА II 405
ГЛАВА III 416
ГЛАВА IV 426
ГЛАВА V 435
ГЛАВА VI 448
ГЛАВА VII 458
ГЛАВА VIII 476
КНИГА СЕДЬМАЯ 489

ГЛАВА I 489
ГЛАВА II 501
ГЛАВА III 512
ГЛАВА IV 526
ГЛАВА V 531
ГЛАВА VI 538
ГЛАВА VII 551
ГЛАВА VIII 559
ГЛАВА IX 569
ГЛАВА X 579
ДОПОЛНЕНИЯ 590
I 590
II 598
ИЗ ГЛАВЫ IV КНИГИ ВТОРОЙ ИЗДАНИЯ 1812 года 598
ГЛАВА V 609
III 615
ПРИЛОЖЕНИЯ 621
Основные даты жизни и творчества Вашингтона Ирвинга 672

Вашингтон Ирвинг
ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА


История Нью-Йорка
от сотворения мира до конца
голландской династии.
содержащая
Среди рассказов о многих удивительных
и забавных событиях также неизъясни-
мые размышления Вальтера Сомневаю-
щегося, гибельные проекты Вильяма
Упрямого и рыцарские деяния Пите-
ра Твердоголового, трех голландских
губернаторов Нового Амстердама;
единственная достоверная история тех
времен из всех, которые когда-либо были
или будут опубликованы, написанная
Дидрихом Никербокером

De waarheid die in duister lag Die kommt met klaarheid aan den dag.[1]

«НЬЮ-ЙОРКСКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ»[2]

БЛАГОГОВЕЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ ТРУД,

КАК СКРОМНОЕ И НЕДОСТОЙНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

ГЛУБОКОГО ПОЧТЕНИЯ И ВЫСОКОГО УВАЖЕНИЯ

ИСКРЕННЕГО ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯ И ПРЕДАННОГО СЛУГИ

ОБЩЕСТВА ДИДРИХА НИКЕРБОКЕРА.

[1] Правда, таящаяся в сумерках,Является сияющей в расцвете дня (голл.)

[2] «Нью-Йоркское историческое общество» – основано в 1804 г. для сбора и хранения материалов, относящихся к истории Нью-Йорка. 10 октября 1809 г. Ирвинг был избран членом этого общества.

ОБ АВТОРЕ

Однажды, если память мне не изменяет, в начале осени 1808 года какой-то незнакомец обратился в поисках пристанища в «Независимую Колумбийскую гостиницу», которая находится на Молберри-стрит и принадлежит мне. Это был низенький, шустрый на вид старый джентльмен в порыжелом черном кафтане, бархатных штанах оливкового цвета и в маленькой треуголке. Его редкие седые волосы были заплетены в косу и подобраны сзади, борода, казалось, была суточной давности. Единственным предметом роскоши в его наряде были квадратные серебряные пряжки на башмаках, а весь его багаж состоял из двух седельных мешков, которые он нес под мышкой. Внешность его носила какую-то печать своеобразия, и моя жена, особа очень проницательная, сразу же решила, что это какой-то почтенный школьный учитель из провинции.

Так как «Независимая Колумбийская гостиница» очень невелика, то вначале я пребывал в некотором затруднении, не зная, куда поместить незнакомца; но моя жена, которой он, видимо, понравился, пожелала поселить его в своей лучшей комнате, изысканно украшенной портретами всех членов нашего семейства, выполненными в черном цвете дву-

мя великими художниками, Джарвисом[3] и Вудом;[4] из нее открывается очень приятный вид на новые кварталы «Большой Лужи»,[5] на задворки работного дома и тюрьмы и на весь передний фасад больницы, так что это самая веселая комната во всем доме.

В течение всего времени, что он жил у нас, он казался весьма достойным старым джентльменом, хотя и несколько странным в своих привычках. Обычно он целые дни проводил у себя в комнате и, если кто-нибудь из детей плакал или шумел у его двери, он в большом возбуждении выбегал из комнаты с кипой бумажек в руках и кричал, что его «сбивают с мыслей», отчего моя жена начинала иногда сомневаться, в своем ли он уме. И в самом деле, для такого предположения было достаточно причин, так как его комната всегда была завалена обрывками бумаги и старинными заплесневелыми книгами, лежавшими в беспорядке; он никому не разрешал до них дотрагиваться, ибо, говорил он, все они разложены по своим местам, чтобы их можно было найти; впрочем, по правде говоря, половину своего времени он в беспокойстве расхаживал по дому в поисках какой-нибудь книги или записи, которую сам куда-то старательно засунул. Никогда не за-

---

[3] Джарвис, Джон Уэсли (1781–1839) – американский художник и гравер.

[4] Вуд, Джозеф (1778–1832) – американский художник-портретист. С 1804 по 1809 г. работал в сотрудничестве с Джарвисом.

[5] «Большая лужа» – район в Нью-Йорке, получивший свое название от низины, которая во время дождя затоплялась и превращалась в пруд.

буду, какой шум он поднял однажды из-за того, что моя жена убрала его комнату, когда он ушел, и привела все в порядок; он клялся, что теперь и за год не сумеет разложить бумаги так, как ему нужно. Тут жена осмелилась спросить его, на что ему столько книг и бумаг, и он сказал ей, что «ищет бессмертия», и тогда она еще с большим основанием подумала, не свихнулся ли бедный старый джентльмен.

Он был очень любознательный человек и, если не сидел у себя в комнате, постоянно бродил по городу, интересуясь всеми новостями и вмешиваясь во все, что происходило; особенно это проявлялось во время выборов, когда он только и делал, что спешил с одного избирательного пункта на другой, посещая все предвыборные собрания и заседания комитетов, хотя я ни разу не мог обнаружить, чтобы он стал на чью-либо сторону. Напротив, возвращаясь домой, он яростно ругал обе партии[6] и однажды совершенно ясно доказал, к удовлетворению моей жены и трех старых леди, пивших с нею чай, из которых одна была глуха, как пень, что две наши партии похожи на двух жуликов, тянущих народ за полу каждый в свою сторону, и что в конце концов они сорвут с него всю одежду, явив взорам его наготу. Он был поистине оракулом среди соседей, которые собирались вокруг него послушать, как он ораторствует, сидя днем на скамье

---

[6] …обе партии. – партии федералистов и республиканцев. На выборах 1800 г. к власти пришли республиканцы и президентом был избран Томас Джефферсон, занимавший этот пост до 1809 г.

перед дверью и покуривая трубку; и я охотно верю, что он привлек бы на свою сторону всех соседей, если бы только им удалось понять, за что он сам стоит.

Он очень любил спорить или, как он говорил, *философствовать* о малейших пустяках, и надо отдать ему справедливость, я не знал никого, кто бы мог сравняться с ним, если не считать одного серьезного на вид джентльмена, время от времени навещавшего его и часто ставившего его в тупик при споре. В этом нет ничего удивительного, так как я впоследствии узнал, что этот незнакомец был городской библиотекарь и, конечно, человек большой учености; и я сильно подозреваю, что он приложил руку к приведенному ниже историческому сочинению.

Так как наш квартирант прожил у нас долго, и мы не получали никакой платы, моя жена стала несколько беспокоиться и пожелала выяснить, кто он такой и чем занимается. Поэтому она, набравшись храбрости, задала этот вопрос его другу библиотекарю; тот со свойственной ему сухостью ответил, что наш постоялец принадлежит к числу литераторов (она решила, что это, вероятно, означает какую-то новую политическую партию). Я считал недостойным напоминать жильцу о плате, так что проходил день за днем, а я ни гроша не спрашивал со старого джентльмена; но жена, которая эти дела всегда брала на себя и была, как я уже говорил, женщиной проницательной, потеряла в конце концов терпение и намекнула, что уже давно пришла пора, чтобы «некая особа уви-

дела деньги некоей особы». На это старый джентльмен весьма обиженно ответил, что ей не надо беспокоиться, ибо вот здесь (указывая на седельные мешки) у него лежит сокровище, стоющее не меньше, чем весь ее дом со всем имуществом. Таков был единственный ответ, который нам удалось от него получить; но моя жена одним из тех неисповедимых путей, какими женщины до всего дознаются, выяснила, что у нашего жильца очень большие связи, так как он находился в родстве с Никербокерами из Скагтикока и был двоюродным братом члена конгресса с той же фамилией, и потому не захотела обойтись с ним невежливо. Больше того, она предложила ему, просто для того, чтобы облегчить положение, жить и дальше бесплатно с тем условием, что он будет учить детей грамоте, а она постарается, чтобы и соседи посылали учиться своих детей. Однако старый джентльмен отнесся к ее предложению с таким возмущением и был, по-видимому, столь оскорблен тем, что его приняли за школьного учителя, что жена моя больше не решалась заговаривать об этом деле.

Около двух месяцев тому назад он вышел утром со свертком в руке – и с тех пор о нем ничего не слышно. Мы наводили всякого рода справки, но тщетно. Я написал его родственникам в Скагтикок, но они ответили, что он там не был с позапрошлого года, когда вступил в ожесточенный спор о политике с членом конгресса и покинул город в сильном раздражении; с того времени о нем не было ни слуху, ни духу. Должен признаться, я очень беспокоился за бедного старого

джентльмена, опасаясь, не случилось ли с ним чего-то, коль скоро его так долго нет и он не возвращается уплатить по счету. Поэтому я решил прибегнуть к помощи газет; но хотя некоторые сердобольные типографы напечатали мое печальное объявление, мне так и не удалось узнать о нем ничего утешительного.

Жена сказала, что теперь настало самое время позаботиться нам о себе и выяснить, оставил ли он в комнате что-нибудь, что могло бы возместить стоимость жилья и полного пансиона. Однако мы ничего не нашли, кроме нескольких старинных книг, заплесневелых рукописей и двух седельных мешков; когда мы в присутствии библиотекаря открыли мешки, в них оказалось лишь немного поношенного белья и большая кипа исписанных листов бумаги. Просмотрев их, библиотекарь сказал нам, что это несомненно и есть то сокровище, о котором говорил старый джентльмен; ибо это была превосходнейшая и достоверная «История Нью-Йорка», которую он посоветовал нам непременно опубликовать, заверяя, что понимающие толк читатели быстро раскупят ее и задолженность нашего постояльца без сомнения будет покрыта в десятикратном размере. Тогда мы поручили весьма образованному учителю, обучающему наших детей, подготовить рукопись к печати, что он и сделал; больше того, он дополнил ее некоторым количеством собственных примечаний и гравюрой города, каким он был в то время, о котором пишет мистер Никербокер.

Таковы подлинные причины, почему я публикую настоящий труд, не дожидаясь согласия автора; и я заявляю здесь, что, если он когда-нибудь возвратится (хотя очень боюсь, что с ним произошел какой-то несчастный случай), я готов буду рассчитаться с ним, как подобает справедливому честному человеку. На чем я пока и кончаю —

Почтеннейшей публики покорный слуга Сет Хендесайд.
«Независимая Колумбийская гостиница», Нью-Йорк.

К ЧИТАТЕЛЯМ

«Чтобы спасти от забвения память о минувших событиях и должным образом прославить многочисленные великие и изумительные деяния наших голландских предков, я, Дидрих Никербокер, уроженец города Нью-Йорка, пишу этот исторический опыт».[7] Подобно великому Отцу Истории, чьи слова я только что привел, я описываю давно минувшие времена, на которые полумрак сомнений уже набросил свою тень и вот-вот должна была навсегда опуститься темная завеса неизвестности. С великим прискорбием видел я, как ранняя история этого почтенного и древнего города постепенно ускользает от нас, едва трепещет на устах стариков и старух, любящих порассказать о былом, и с каждым днем постепенно уходит в небытие. Через некоторое время, думал я, и эти почтенные голландские бюргеры, эти шаткие памятники доброго старого времени, присоединятся к своим отцам; их дети, поглощенные пустыми развлечениями или ничтожными делами современности, не позаботятся о том, чтобы сохранить воспоминания о прошлом, и последующие поколения будут тщетно искать свидетельств о днях патриархов. Происхождение нашего города будет похоронено в вечном забвении, и даже имена и подвиги Воутера Ван-Твилле-

[7] Геродот в переводе Било.

ра,[8] Вильяма Кифта[9] и Питера Стайвесанта[10] будут окутаны сомнениями и легендами, подобно именам Ромула и Рема, Карла Великого, короля Артура, Ринальдо[11] и Готфрида Бульонского.[12]

Решившись, таким образом, по возможности предотвратить грозящее нам несчастье, я прилежно взялся за работу, чтобы собрать все сохранившиеся еще отрывки нашей младенческой истории; подобно моему почтенному предшественнику Геродоту, в тех случаях, когда нельзя было обнаружить письменные источники, я старался сомкнуть цепь исторических событий с помощью вполне достоверных преданий.[13]

Для выполнения этого трудного предприятия, ставшего

---

[8] Ван-Твиллер, Воутер (1580–1656) – губернатор Новых Нидерландов в 1633–1637 гг. Ирвинг неверно указывает дату его вступления на пост губернатора.

[9] Кифт, Вильям (1597–1647) – губернатор Новых Нидерландов в 1638–1646 гг. Его правление сопровождалось жестоким истреблением индейцев. Ирвинг дает неверную дату вступления Кифта в должность губернатора.

[10] Стайвесант, Питер (1592–1672) – губернатор Новых Нидерландов в 1647–1664 гг.

[11] Ринальдо – рыцарь, упоминаемый в цикле легенд о Карле Великом. Ринальдо изображен также во «Влюбленном Роланде» М. Боярдо, «Неистовом Роланде» Л. Ариосто и «Освобожденном Иерусалиме» Т. Тассо.

[12] Готфрид Бульонский (1060–1100) – герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей Первого крестового похода (1096–1099).

[13] Било, Вильям (1756–1817)-английский литератор, выпустивший в 1791 г. свой перевод Геродота (484–425 гг. до н. э.). Ирвинг перефразирует начало первой книги «Истории» Геродота.

делом всей моей долгой и одинокой жизни, я вынужден был ознакомиться с работами невероятного множества ученых авторов, принесшими мне, однако, очень мало пользы. Это может показаться странным, но среди бесконечного количества превосходных сочинений, написанных в нашей стране, не существует ни одного, дающего хоть сколько-нибудь полное и удовлетворительное описание ранней истории Нью-Йорка или деятельности его первых трех голландских губернаторов. Впрочем, мне удалось извлечь ценные и интересные сведения из обстоятельной рукописи, написанной на исключительно чистом и классическом нижнеголландском наречии, если не считать нескольких орфографических ошибок, и найденной в фамильных архивах Стайвесантов. Роясь в дедовских сундуках и в сваленном на чердаках старом хламе, принадлежавшем нашим почтенным голландским гражданам, я также собрал по крупицам много воспоминаний, писем и других документов, а от знакомых мне почтеннейших старых дам, пожелавших, чтобы их имена не были названы, услышал множество весьма достоверных преданий. Я не могу не упомянуть и о том, какую огромную помощь оказало мне наше замечательное и достойное всяческих похвал «НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО», которому я выражаю здесь мою искреннюю признательность.

Работая над этим бесценным сочинением, я не следовал какому-нибудь определенному образцу, а напротив, довольствовался тем, что сочетал и совершенствовал достоин-

ства наиболее признанных древних историков. Подобно Ксенофонту,[14] я проявлял на протяжении всего повествования полную беспристрастность и строжайшую приверженность к истине. По примеру Саллюстия,[15] я украшал мой рассказ многочисленными описаниями древних героев, изображая их во весь рост и в истинном свете, и приправлял его, подобно Фукидиду,[16] глубокими политическими размышлениями, сдабривал изящными сентенциями, как это делал Тацит,[17] и придавал всему благородство, величие и великолепие, свойственные Ливию.[18]

Многие весьма ученые и здравомыслящие критики, как я предвижу, осудят меня за то, что я слишком часто позволяю себе следовать смелой, свободной манере моего любимого Геродота. Говоря откровенно, я не всегда мог воздержаться от соблазна останавливаться на тех приятных эпизодах, которые, наподобие поросших цветами склонов и ароматных зарослей кустов, окаймляют пыльную дорогу исто-

---

[14] Ксенофонт (430–354 до н. э.) – древнегреческий историк. Политические взгляды Ксенофонта нашли отражение в его книгах «Анабасис», «Греческая история» и др.

[15] Саллюстий, Гай Крисп (86–35 до н. э.) – римский историк, автор «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны».

[16] Фукидид (460–395 до н. э.) – древнегреческий историк, автор «Истории Пелопонесской войны».

[17] Тацит, Корнелий (55–120) – римский историк. Главные труды его – «История», «Анналы» и «Германия».

[18] Ливий, Тит (59 до н. э.–17 н. э.) – римский историк, автор «Римской истории от основания города» в 142 книгах.

рика и побуждают его свернуть в сторону и отдохнуть от долгого странствия. Впрочем, читатели, как я надеюсь, убедятся, что я всегда опять беру в руку посох и с новыми силами пускаюсь в утомительный путь; стало быть, передышка приносит лишь пользу и моим читателям и мне.

Хотя я всегда желал и постоянно стремился потягаться с самим Полибием,[19] соблюдая необходимое единство истории, все же такая задача была крайне трудной, ибо сведения о многих из описанных здесь событий попали мне в руки в самом хаотическом и разрозненном виде. Трудность еще более усилилась из-за того, что одна из важнейших задач, поставленных мною перед собой при написании этого сочинения, состояла в том, чтобы проследить развитие обычаев и институтов в этом лучшем из городов и сравнить их, какими они были в зародышевом, младенческом состоянии, с тем, какими они стали в теперешнюю зрелую эпоху роста знаний и улучшения жизненных условий.

Но главная заслуга, которой я горжусь и на которой основана моя надежда на будущее признание, – это полная достоверность, какой я придерживался при создании моего бесценного небольшого труда, тщательно отсеивая всю мякину гипотез и отбрасывая плевелы басен, слишком склонные буйно разрастаться и заглушать семена истины и благодетельного знания. Если бы я жаждал завоевать расположение

[19] Полибий (201–120 до н. э.) – древнегреческий историк, автор «Всеобщей истории».

легкомысленной толпы, парящей подобно ласточкам над поверхностью литературы, или если бы я жаждал прельстить моими писаниями изнеженное небо литературных сластен, я мог бы воспользоваться мраком, окружающим младенческие годы нашего города, и ввести в свой рассказ тысячу приятных вымыслов. Однако я добросовестно отбросил множество занимательных сказок и чудесных приключений, которые пленили бы сонный слух людей, предающихся летнему безделью, и ревностно соблюдал правдивость, серьезность и достоинство, призванные всегда отличать историка. «Ибо писатель этого рода, – утверждает один изысканный критик, – чтобы творить в назидание потомству, должен обладать качествами мудреца, который путем глубокого изучения достигает надлежащей осведомленности, тщательно обдумывает свои выводы и обращается скорей к нашему рассудку, чем к воображению».

Трижды счастлив наш знаменитый город, ибо в нем происходили события, достойные быть занесенными в летописи истории; и еще более счастлив он, что у него есть для описания этих событий такой историк, как я. Ибо в конце концов, благосклонный читатель, города сами по себе и даже империи сами по себе без историка ничто. Ведь не кто иной, как терпеливый повествователь радостно описывает их благоденствие в эпоху роста, прославляет их величие во время полного расцвета, поддерживает смутную память о них, когда они склоняются к упадку, после их гибели собирает раз-

бросанные обломки и, наконец, благочестиво предает погребению их пепел в мавзолее своего труда, воздвигая триумфальный памятник, чтобы сохранить их славу на все последующие времена.

«Что стало, – говоря словами Диодора Сицилийского,[20] – что стало с Вавилоном, Ниневией, Пальмирой, Персеполисом, Византией, Агригентом, Кизиком и Митиленами?» Они исчезли с лица земли – они погибли из-за отсутствия историка! Пусть человеколюбец плачет над их запустением, пусть поэт бродит среди их полуразрушенных сводов и разбитых колонн и предается призрачному полету своего воображения, но увы! увы! Современный историк, чье правдивое (подобно моему) перо неизменно обречено ограничиваться скучной действительностью, тщетно будет искать среди окутанных забвением развалин какие-либо следы старины, которые могли бы рассказать поучительную повесть их славы и их гибели.

«Войны, пожары, потопы, – говорит Аристотель, – уничтожают народы, а с ними все их памятники, открытия и достижения, бывшие предметом их тщеславия. Факел знания не раз угасал и вновь зажигался; немногие случайно уцелевшие люди восстанавливают связь поколении». Итак, историк – это благодетель человечества, жрец-хранитель, под-

[20] Диодор Сицилийский (80–29 до н. э.) – древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки», в которой излагается всемирная история от древнейших времен до 60 г. до н. э.

держивающий неугасимый огонь столетий. Но его заслуги не остаются без воздаяния. Все в известной степени служит к его прославлению. Подобно тому, как великий автор проекта[21] и шлюзованных водных путей доказал, что реки, озера и океаны созданы лишь для того, чтобы питать каналы, так и я утверждаю, что города, империи, придворные интриги, заговоры, войны, разрушение и запустение ниспосылаются провидением только как пища для историка. Они образуют лишь пьедестал, на который историк бесстрашно поднимается перед лицом современных ему поколений и требует себе в награду бессмертие от начала и до скончания веков. Весь мир, весь мир ничто без историка!

Та же печальная участь, что постигла столь многие древние города, ожидает, в силу тех же печальных причин, девять десятых городов, процветающих ныне на нашей планете. Писать историю большей части из них уже слишком поздно; их происхождение, самое их основание, как и ранние эпохи их заселения, навсегда погребены под ворохом лет. Такой же была бы судьба и прекрасного уголка земли, историю которого я здесь изложил, если бы я не вырвал его из мрака как раз вовремя, в то самое мгновение, когда описанные в настоящем труде события уже погружались в бездонную ненасытную пучину забвения, если бы я не вытащил их, так сказать, за волосы, когда несокрушимые клыки чу-

[21] …великий автор проекта… – имеется в виду Леонардо да Винчи, по проекту которого в 1509 г. вблизи Милана был построен первый шлюз.

довища навсегда смыкались над ним! И тут я, как уже было упомянуто ранее, стал тщательно собирать, сопоставлять и приводить в порядок эти события, восстанавливая их клочок за клочком, «punt en punt, gat en gat».[22] Положив в своем скромном труде начало истории нашего города, я, быть может, создам фундамент, на коем впоследствии множество достойных ученых воздвигнет благородное сооружение, которое со временем будет подниматься все выше, пока, наконец, «Нью-Йорк» Никербокера не сравняется по объему с «Римом» Гиббона[23] и «Англией» Юма или Смоллета.[24]

А теперь позвольте мне на мгновение, отложив перо, перенестись на двести-триста лет вперед и оттуда, с высоты птичьего полета, бросить взгляд назад на расстилающуюся пустыню лет. В это мгновение я увижу себя – свою скромную особу – предшественником, прообразом и предтечей всей этой рати почтенных авторов, стоящим во главе их с моей книгой под мышкой и с Нью-Йорком за спиной, как храбрый командир, увлекающий их всех вперед к славе и бессмертию.

Итак, я спускаю свою ладью на воду и предоставляю ей

---

[22] Шаг за шагом, кусок за куском (голл.).

[23] «Рим» Гиббона – имеется в виду «История упадка и разорения Римской империи» (1776–1788) английского историка Эдуарда Гиббона (1737–1794).

[24] «Англия» Юма и Смоллета – имеется в виду «История Великобритании» (1754–1761) английского философа и историка Дэвида Юма (1711–1776) и «История Англии» (1757–1758, впоследствии переизданная и доведенная до 1765 г.) английского-писателя Тобайаса Смоллета (1721–1771). «История» Смоллета часто печаталась вместе с «Историей» Юма как ее продолжение.

плыть вперед по воле волн. О, вы, могущественные Киты, вы, Косатки и Акулы критики, которые тешатся, сокрушая корабли несчастных искателей приключений, пускающихся в путь по бумажному морю, будьте милостивы к моему утлому суденышку. Вы можете швырять его себе на потеху или захлестывать бурными потоками грязной воды, но ради находящегося на нем злополучного моряка не пробейте его днище своими хвостами и не пустите его ко дну. А вы, вы, прекрасные рыбки! вы, мерлузы, вы, кильки, вы, гальяны, вы, головли, вы, прилипалы, вы, морские уточки и прочая литературная мелюзга, будьте осторожны и не причиняйте вреда моему только что спущенному на воду кораблю и не попадайтесь мне на глаза, не то как-нибудь забавы ради или из презрения я зачерпну вас сачком и зажарю полсотни себе на завтрак.

КНИГА ПЕРВАЯ
Подобно всем введениям в историю Америки, весьма ученая, остроумная и совершенно не идущая к делу; содержащая различные глубокомысленные теории и философские размышления, которые ленивый читатель может полностью пропустить, сразу перейдя к следующей книге

ГЛАВА I

В которой автор решается дать описание Земли, заимствованное из самых авторитетных источников.

Земля, на которой мы живем, представляет собой огромную, темную, отражающую свет, неодушевленную массу,

плавающую по безбрежному океану эфира в безграничном пространстве. Она имеет форму апельсина, являясь сплющенным сфероидом, забавно уплощенным с двух противоположных сторон, чтобы можно было вставить два воображаемых полюса, предположительно проникающие вглубь и соединяющиеся в центре, образуя таким образом ось, вокруг которой громадный апельсин вращается, совершая регулярные суточные обороты.

Смена света и темноты, отчего зависит чередование дня и ночи, обусловлена этими суточными оборотами; благодаря им различные части земного шара по очереди подставляются лучам Солнца. Последнее, согласно самым достоверным, иначе говоря, новейшим данным, является раскаленным или огненным телом чудовищной величины, от которого наша Земля стремится прочь под действием центробежной, то есть отталкивающей силы, и к которому ее притягивает центростремительная, то есть притягивающая сила; сочетание, или, вернее, противодействие этих двух противоположных движений создает круговое годичное вращение. Отсюда проистекает смена времен года, а именно, весны, лета, осени и зимы.

Я полностью отдаю себе отчет в том, что, приняв вышеизложенную теорию, навлекаю на себя неудовольствие разных давно умерших философов. Одни укроются за древним мнением, что Земля – это обширная плоскость, поддерживаемая огромными столбами; другие будут утверждать, буд-

то она покоится на голове змеи или на спине громадной черепахи; третьи – будто она представляет собой необъятный плоский блин, который покоится на том, что угодно богу, – некогда мнение благочестивых католиков, подкрепленное грозной буллой святейшего и непогрешимого папы римского. Некоторые нападут на всю мою историю, заявив вместе с брахманами, что небеса покоятся на Земле и что Солнце и Луна плавают по ним, как рыбы в воде, двигаясь с востока на запад днем, а в ночное время скользя вдоль края горизонта, обратно к исходному пункту.[25] Некоторые, наконец, будут утверждать, вместе с индийскими пуранами[26] что Земля – это обширная равнина, окруженная семью океанами молока, нектара и других восхитительных на вкус жидкостей; что на ней возвышаются семь гор, а посредине она украшена громадной скалой из блестящего золота и что огромный дракон иногда проглатывает Луну, чем объясняются лунные затмения.[27]

---

[25] Faria y Souza. Mick Lus., note B. 7.*Фария-и-Суза. «Лузиада» Камоэнса в переводе Майкла; прим. к 7 книге.**Камоэнс, Луис (1524–1580) – португальский поэт, создатель национального эпоса – «Лузиады» (1572), воспевший плавание мореплавателя Васко да Гамы в Индию и завоевание ее португальцами.

[26] Пурина – религиозно-философская эпопея, жанр древнеиндийской поэзии.

[27] Sir W. Jones. Diss. Antiq Ind. Zod.*Сэр В. Джонс. Рассуждения относительно истории, древностей, искусств, наук и литературы Азии. Лондон, 1792.**Джонс, Вильям (1746–1794) – английский востоковед, юрист и писатель. Согласно разысканиям библиотекаря нью-йоркской публичной библиотеки Г. М. Лиденберга, Ирвинг цитирует его «Рассуждения относительно истории, древностей, искусств, наук и литературы Азии» (Лондон, 1792, т. I, стр. 371–373).

Я уверен и в том, что мое описание Солнца встретит не меньшие возражения, ибо некоторые древние философы утверждали, будто оно представляет собой огромное колесо сверкающего огня,[28] другие – будто это просто зеркало или шар из прозрачного хрусталя,[29] а третья школа, возглавляемая Анаксагором,[30] считала, что Солнце – это не что иное, как громадный раскаленный камень – мнение, которое нет надобности опровергать, благодаря славным афинянам, выгнавшим философа взашей из своего города.[31] Другая группа философов, находящих удовольствие в разнообразии, говорит, что Земля постоянно выделяет огненные частицы, ко-

---

[28] Plut. de plac. Philos., lib. II, cap. 20.*Плутарх. О мнениях философов, кн. II, гл. 20**Плутарх (46–126) – древнегреческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописа ний» и философских «Нравоучений».

[29] Achill Tat. bag. cap. 19. Ap. Petav. t. III, p. 81. Stob. Eclog. Phys., lib. I, p. 56. Plut. de plac. p.p.*Ахилл Татий. Введение, гл. 19.*У Петавия, т. III, стр. 81.*Стобей. Извлечения из физиков, кн. I, стр. 56.*Плутарх. О мнениях, стр. стр.**Ахилл Татий (III–IV вв.) – древнегреческий писатель, автор романа «Левкиппа и Клитофонт», в котором получили отражение мифологические воззрения на природу.**Петавий, Дионисий (1583–1652) – французский теолог.**Стобей, Иоанн (V–VI вв.) – византийский писатель.

[30] Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.) – древнегреческий философ, заменивший понятие божества разумом. Был изгнан из Афин по обвинению в безбожии.

[31] Diog. Laert. in Anaxag., I. II, sec. 8. Plat. Apol. t. I, p. 26. Plut. de Superst., t. II, p. 269. Xenoph. Mem., I. IV, p. 815.*Диоген Лаэртский. Анаксагор, кн. II, разд. 8.*Платон. Апология, т. I, стр. 26.*Плутарх. О суевериях, т. II, стр. 269.*Ксенофонт. Воспоминания, кн. IV, стр. 815.**Диоген Лаэртский (III в.) – составитель обзора древнегреческих философских учений «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии». Ирвинг имеет в виду раздел этой книги, посвященной Анаксагору.

торые, скопляясь днем в определенной точке небосвода, создают Солнце, но, рассеиваясь в разные стороны в ночной тьме, собираются тут и там и образуют звезды. Звезды регулярно зажигаются и гасятся, подобно уличным фонарям, и каждый раз требуют свежего пополнения выделяемыми Землей частицами.[32]

Сообщают даже, что в некие отдаленные и покрытые мраком времена из-за большого недостатка в топливе (возможно в суровую зиму) Солнце полностью выгорело и вновь зажглось лишь через месяц. Весьма печальное событие, самая мысль о котором причинила огромное беспокойство Гераклиту,[33] знаменитому «плачущему» философу, бывшему горячим сторонником этого учения. Наряду с упомянутыми выше глубокомысленными теориями существует также мнение Гершеля,[34] приверженцем которого некоторые могут меня считать; Гершель предполагает, что Солнце – это великолепнейший обитаемый мир и что свет, излучаемый

---

[32] Aristot. Meteor., I. II, c. 2. Idem. Probl. sec. 15. Stob. Eel. Phys., 1. I, p. 55. Bruck. Hist. Phil. t. I, p. 1154, et alii.*Аристотель. Метеорология, кн. II. гл. 2.*Он же. Проблемы, разд. 15.*Стобей. Извлечения изз физиков, кн. I, стр. 55.*Брукер. История философии, т. I, стр. 1154 и другие.**Брукер, Иоганн Якоб (1696–1770) – немецкий историк философии. Его главная работа «История философии» вышла в 5 томах в 1742–1744 гг. (английский перевод издан в Дублине в 1792 г.).

[33] Гераклит Эфесский (ок. 530–470 до н. э.) – древнегреческий философ. Согласно его взглядам, «мир был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим».

[34] Гершель, Вильям (1738–1822) – английский астроном, открыл движение солнечной системы в пространстве.

им, возникает в небесных светящихся или фосфорисцирующих облаках, плавающих в его прозрачной атмосфере.[35] Но чтобы избежать спора и пререканий с моими читателями – они, как я уже понимаю, представляют собой придирчивую, всем недовольную компанию и, вероятно, причинят мне кучу неприятностей – я здесь, раз и навсегда, умываю руки и оставляю в стороне все эти теории, полностью и недвусмысленно отказываясь обсуждать их достоинства. Настоящая глава посвящена описанию всего только острова, где построен славный город Нью-Йорк, – настоящего, доподлинного острова, который я не собираюсь искать ни на Солнце, ни на Луне, так как я не торговец земельными участками, а простой честный историк. Поэтому я отказываюсь от всяких путешествий на Луну или на Солнце[36] и ограничиваюсь той частью земного шара, в одном из уголков которой я пользуюсь некоторым кредитом как историк (небо и мой квартирный хозяин знают, что это единственный кредит, какой мне оказывают), и намерен установить и доказать существование знаменитого острова, убедив в этом всех здравомыслящих людей.

Приступая к осуществлению сего благоразумного и

---

[35] Philos. Trans. 1795, p. 72. Idem. 1801, p. 265. Nich. Philos Journ. I, p. 13.*«Философские труды», 1795, стр. 72.*Там же, 1801, стр. 265.*«Никольсоновский философский журнал», т. I, стр. 13

[36] …путешествий на Луну или на Солнце – намек на утопическую литературу того времени, в частности, на книгу Фрэнсиса Годвина (1562–1633) «Человек на луне» (опубликована в 1638 г.), вызвавшую многочисленные подражания.

скромного замысла, я льщу себя надеждой, что высказал самое признанное и модное мнение относительно формы и движений Земли, и охотно отдаю его на придирчивый суд любого философа, мертвого или живого, которому заблагорассудится оспаривать его правильность. Я должен тут попросить неученых читателей (по моим скромным предположениям, к этому сорту людей относится девять десятых тех, кто погрузится в чтение этих поучительных страниц) не терять бодрости духа, когда им встретятся места, недоступные их пониманию; ибо я не только постараюсь в моем сочинении избегнуть всяких упоминаний о том, что не относится к делу и не является совершенно необходимым для его благополучного завершения, но и не стану выдвигать никаких теорий и гипотез, которые нельзя было бы разъяснить даже самым тупоумным людям. Я не принадлежу к числу невежливых авторов, окутывающих свои произведения таким мистическим туманом ученого жаргона, что для понимания их писаний человек должен быть столь же мудр, как и они сами; напротив, страницы моего труда, хотя и преисполненные здравого смысла и глубокой учености, будут написаны с такой приятной и изысканной простотой, что не найдется даже ни одного провинциального судьи, ни одного олдермена и ни одного члена конгресса – если допустить, что он умеет достаточно бегло читать, – которые не поняли бы моего сочинения и не почерпнули бы из него пользы. А потому я немедленно поясню на опыте сложное движение нашей вра-

щающейся планеты, о котором я говорил выше.

Профессор Вон-Поддингкофт (или Пудингхед,[37] как переводится его фамилия на английский) долгое время славился в Нью-Йоркском университете крайней серьезностью поведения и способностью засыпать во время экзаменов – к безмерной радости его многообещающих студентов, которые благодаря этому проходили курс обучения, не слишком себя утруждая. Во время одной из лекций ученый профессор схватил ведро с водой и, держа на вытянутой руке, стал вертеть его вокруг головы; толчок, которым он отбросил ведро от себя, представлял центробежную силу, удерживающая рука действовала как центростремительная сила, а ведро, заменявшее Землю, описывало круговую орбиту вокруг профессорской шарообразной головы с багровым лицом, служившей неплохим изображением Солнца. Все эти подробности были надлежащим образом объяснены изумленным студентам. Вон-Поддингкофт сообщил им также, что тот же закон тяготения, который удерживает воду в ведре, не дает океану вылиться с Земли во время ее быстрого вращения. Затем он сказал им, что в случае, если бы Земля внезапно прекратила свое движение, она неминуемо упала бы на Солнце вследствие центростремительной силы притяжения; это было бы самым гибельным событием для нашей планеты, которое вместе с тем затемнило бы, хотя скорей всего не погасило бы, солнечное светило. Какой-то незадачливый юно-

[37] Пудингхед – по-английски – олух, болван.

ша, один из тех праздношатающихся гениев, что являются в наш мир лишь для того, чтобы досаждать почтенным людям из породы пудингхедов или олухов, пожелал убедиться в правильности опыта и внезапно схватил профессора за руку как раз в то мгновение, когда ведро находилось в зените, отчего оно с изумительной точностью опустилось на философическую голову наставника юношества. Это соприкосновение сопровождалось глухим звуком и шипением заливаемого водой раскаленного железа, но теория была полностью подтверждена, так как злополучное ведро в столкновении погибло, а сияющая физиономия профессора Вон-Поддингкофта, вынырнувшая из-под воды, разгорелась ярче, чем когда-либо от несказанного возмущения, в результате чего студенты необыкновенно просветились и покинули аудиторию более мудрыми, чем прежде.

Многих усердных философов чрезвычайно смущает то унизительное обстоятельство, что природа часто отказывается следовать их самым глубокомысленным и тщательно разработанным выводам, и нередко после того, как философ изобретет самую остроумную и удобопонятную теорию, упорно поступает наперекор его системе и решительно противоречит его излюбленной точке зрения. Эта явная и незаслуженная обида дает повод для осуждения философов грубой, невежественной толпой; а между тем виновата не их теория, бесспорно правильная, а своенравная госпожа природа, которая с вошедшим в поговорку непостоянством,

свойственным ее полу, беспрестанно позволяет себе кокетничать и капризничать и, по-видимому, получает истинное удовольствие, нарушая все философские правила и обманывая завлеченных ею в свои сети ученейших и неутомимых поклонников. Так случилось и с приведенным выше вполне убедительным объяснением движения нашей планеты. Казалось, что центробежная сила давно перестала действовать, между тем как ее соперница сохраняет всю свою мощь; поэтому Земля, в соответствии с первоначально выдвинутой теорией, неизбежно должна была бы упасть на Солнце. Философы не сомневались, что так оно и произойдет, и в тревожном нетерпении ожидали исполнения своих предсказаний. Но строптивая планета упрямо продолжала свой путь, несмотря на то, что здравый смысл, философия и весь синклит ученых профессоров не одобряли ее поведения. Философы все были озадачены, и следовало ожидать, что они никогда полностью не оправятся от оскорбительного пренебрежения, проявленного, по их мнению, к ним Землей, как вдруг один добродушный профессор любезно взял на себя посредничество между враждующими сторонами и добился примирения.

Обнаружив, что природа не желает приспосабливаться к теории, он мудро решил приспособить теорию к природе: итак, он разъяснил своим братьям-философам, что описанные выше враждебные друг другу силы перестали угрожать движению Земли вокруг Солнца, как только это вращение

стало постоянным и независимым от причин, которым оно было обязано своим возникновением. Короче говоря, по его словам, госпожа Земля однажды вбила себе в голову, что она должна кружиться, как своенравная юная леди в верхнеголландском вальсе, и теперь сам дьявол не сможет остановить ее. Весь совет профессоров Лейденского университета присоединился к этому мнению; они были искренне рады любому объяснению, которое благопристойно вывело бы их из затруднительного положения, и немедленно постановили наказывать изгнанием всякого, кто дерзнет усомниться в его правильности. Философы всех других народов беспрекословно согласились, и с тех памятных времен земному шару предоставили двигаться собственным путем и вращаться вокруг Солнца по той орбите, какую он считает для себя приемлемой.

ГЛАВА II

Космогония, или сотворение мира. С многочисленными превосходными теориями, из которых следует, что сотворение мира было не таким трудным делом, как воображает простой народ.

После того, как я вкратце познакомил читателя с нашей Землей и дал ему некоторое представление о ее форме и положении, он, естественно, полюбопытствует, откуда она взялась и каким образом была сотворена. Действительно, выяснить это совершенно необходимо, так как, если бы наш мир не был создан, то более, чем вероятно, – я осмелюсь даже назвать это непреложной истиной или, по крайней мере, постулатом, – что и прославленный остров, на котором расположен город Нью-Йорк, никогда бы не существовал. Последовательность в изложении моего исторического труда требует поэтому, чтобы я приступил к вопросам космогонии или образования нашей Земли.

Теперь я честно предупреждаю моих читателей, что на одну, две главы заберусь в такой запутанный лабиринт, который поставил бы в тупик любого историка. Поэтому я советую им крепко держаться за мои фалды и следовать за мной по пятам, не отклоняясь ни вправо, ни влево, не то они увязнут в болоте невразумительных теорий или попадут под град

трудных греческих имен, которые обрушатся на них со всех сторон и вышибут ум. Если, однако, кто-нибудь из читателей окажется слишком ленивым или малодушным, чтобы сопровождать меня в этом опасном предприятии, то пусть он лучше выберет кратчайший путь и ждет меня в начале какой-нибудь более спокойной главы.

О сотворении мира существует тысяча противоречивых мнений; и хотя божественное откровение объясняет нам все весьма удовлетворительно, однако каждый философ считает делом своей чести снабдить нас лучшим объяснением. Как беспристрастный историк, я чувствую себя обязанным упомянуть о нескольких теориях, необычайно способствовавших назиданию и просвещению человечества.

Итак, некоторые из древних мудрецов придерживались мнения, что Земля и вся Вселенная сами были божеством[38] – теория, самым усердным образом поддерживаемая Зенофаном[39] и всей элейской школой, а также Стратоном[40] и сектой перипатетиков или бродячих философов. Пифагор,[41] в свою

---

[38] Aristot. ap. Cic., lib. I, cap. 3.*Аристотель у Цицерона, кн. I, гл. 3

[39] Зенофан – очевидно, имеется в виду основатель элейской школы древнегреческих философов Ксенофан (434–355 до н. э.). К этой школе принадлежал также философ Зенон. У Никербокера произошла контаминация этих имен.

[40] Стратон (ум. ок. 270 до н. э.) – древнегреческий философ, представитель перипатетической школы.

[41] Пифагор (ок. 580–500 до н. э.) – древнегреческий философ и математик, которому приписывается изучение свойств целых чисел и пропорций. Музыку и математику он рассматривал как основные средства воспитания человека.

очередь, внедрял знаменитую числовую систему монад, диад и триад и с помощью придуманных им связанных кватернионов объяснял образование мира, тайны природы и принципы как музыки, так и нравственности.[42] Другие мудрецы были приверженцами математической системы квадратов и треугольников, кубов, пирамид и шаров, тетраэдров, октаэдров, икосаэдров и додекаэдров.[43] Третьи были сторонниками великой теории стихий, которая объясняет строение нашей Земли и всего, что на ней находится, комбинациями четырех материальных стихий: воздуха, земли, огня и воды, действующих с помощью пятого, духовного и живительного начала. Под ним, как я полагаю, авторы ученых теорий имеют в виду живительный дух, содержащийся в джине, бренди и других крепких напитках и оказывающий такое чудодейственное влияние не только на обычные явления природы, но и на творческий ум некоторых философов.

Не могу также не упомянуть о великой атомистической теории, которую проповедовал старый Мосх[44] еще до осады

---

[42] Arislot. Metaph., lib. I, c. 5. Idem de Coelo, I. 3, c. I. Rousseau. Mem sur musique ancien., p. 39. Plutarch, de plac. Philos., lib. I, cap. 3 et alii.*Аристотель. Метафизика, кн. I, гл. 5.*Он же. О небе, кн. 3, гл. I.*Руссо. О древней музыке, стр. 39.*Плутарх. О мнениях философов, кн. I, гл. 3 и другие.**Руссо – Ирвинг имеет в виду французского музыковеда Пьера-Жозефа Руссье (1716–1790), автора книги «О древней музыке» (1770).

[43] Tim. Locr. ap. Plato, t. 3, p. 90.*Тимей Локрский у Платона, т. 3, стр. 90.**Тимей Локрский – в диалоге Платона «Тимей» повествуется о сотворении мира.

[44] Мосх (конец VI–V вв. до н. э.) – древнегреческий философ, принадлежавший к элейской школе. Ирвинг называет его «старый Мосх» в отличие от поэта

Трои, возродил смехотворной памяти Демокрит, улучшил Эпикур, предводитель славных ребят, и обновил мечтательный Декарт. Однако я отказываюсь заниматься выяснением того, являются ли атомы, из которых, как говорят, состоит Земля, вечными или они недавнего происхождения, одушевленные они или неодушевленные, случайно ли они соединились, соответственно мнению атеистов, или же, как утверждают теисты, были приведены в должный порядок высшим разумом.[45] Я не хочу вдаваться и в то, представляет ли в действительности Земля бесчувственную глыбу или она обладает душой;[46] какового мнения упорно придерживается множество философов, во главе с великим Платоном – аскетическим мудрецом, обдавшим холодной водой философии об-

---

Мосха (III–II вв. до н. э.).

[45] Aristot. Nat. Auscult., I. 2, cap. 6. Aristoph. Metaph. lib. I, cap. 3. Cic. de Nat. deor., lib. I. cap. 10. Justin Mart. orat. ad gent., p. 20.*Аристотель. Чтения по естественной истории, кн. 2, гл. 6.*Аристофан. Метафизика, кн. I, гл. 3.*Цицерон. О природе богов, кн. I, гл. 10.*Юстин Мученик. Слово к язычникам, стр. 20.**Аристофан. Метафизика – очевидно, шутка Ирвинга. Имеется в виду «Метафизика» Аристотеля, где в 3 главе I книги идет речь об основных началах всех вещей.**Юстин Мученик (II в.) – христианский проповедник.

[46] * Mosheim in Cudw., lib. I, cap. 4. Tim. de anim. round, ap Plat. lib. 3. Mem. de l'acad. des Belles Lettr. t. 32, p. 19. et alii.*Мосхейм у Кадуорта, кн. I, гл. 4.*Тимей. О мировой душе у Платона, кн. 3.*«Записки Академии Изящных Искусств», т. 32, стр. 19, и другие.**Мосхейм у Кадуорта. – Мосхейм, Иоганн Лоренц (1694–1755) – немецкий теолог. Кадуорт, Ральф (1617–1688) – английский философ; автор книги «Разумная система вселенной» (1678), к которой И. Л. Мосхейм написал позднее примечания.**Тимей Локрский – в диалоге Платона «Тимей» повествуется о сотворении мира.

ряд половых сношений и проповедовавшим учение о платонической любви или искусстве ухаживать за женщиной, не делая ей детей. Чрезвычайно утонченное общение, но значительно более подходящее для идеальных жителей его воображаемого острова Атлантиды, нежели для крепкого народа, созданного из бунтующей плоти и крови и населяющего тот, отнюдь не фантастический островок, где мы живем.

Кроме перечисленных выше систем, существуют также поэтическая теогония старого Гесиода,[47] объяснявшего происхождение всей Вселенной как постоянный процесс рождения, и довольно правдоподобное мнение некоторых других, что Земля вылупилась из огромного яйца ночи, плававшего в хаосе и разбитого рогами небесного быка. Для пояснения этого последнего учения епископ Бернет[48] в своей «Теории Земли»[49] осчастливил нас точным изображением и описанием как формы, так и строения этого всемирного яйца, которое, оказывается, имело чудесное сходство с *гусиным* яйцом! Те читатели, которые действительно интересуются происхождением нашей планеты, будут рады узнать, что самые глубокомысленные мудрецы древности – египтяне, халдеи, персы, греки и римляне – поочередно помогали высиживать

---

[47] Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.) – древнегреческий поэт, в поэме которого «Теогония» («Происхождение богов») изложены мифы о возникновении вселенной.

[48] Бернет, Томас (1635–1715) – английский историк. Его «Священная теория земли» (1681) получила высокую оценку Дж. Аддисона в журнале «Зритель».

[49] Книга I, гл. 5.

эту необыкновенную птицу и что их кудахтанье было подхвачено и продолжено, в различных тональностях с различными модуляциями, то одним, то другим философом вплоть до наших дней.

Описав вкратце издавна прославленные теории древних мудрецов, я не могу обойти молчанием и теории других философов, хотя и носящие менее всеобъемлющий характер и не столь известные, но все же достойные такого же внимания и имеющие такие же основания претендовать на истинность. Так, брахманы на страницах их вдохновенной «Шастры»[50] сообщают, что бог Вишну, превратившись в огромного кабана, нырнул в водяную пучину и вытащил на своих клыках Землю. Затем из кабана вышли громадная черепаха и громадная змея; Вишну поставил змею торчком на спину черепахи, и Землю поместил на голове змеи.[51]

Негритянские философы из Конго утверждают, что мир сделан руками ангелов, за исключением их собственной страны, которую Верховное Существо создало само, чтобы она была верхом совершенства. Оно много потрудилось над жителями и сделало их очень черными и красивыми; закончив первого человека, оно осталось им очень довольно и по-

---

[50] «Шастра» – собрание древнеиндийских религиозно-философских книг.

[51] Holwell. Gent. Philosophy.*Холуэлл. Языческая философия.**Холуэлл, Джон Зефания (1711–1798) – английский губернатор Бенгалии, изучавший древности Индии. Ирвинг цитирует его книгу «Интересные исторические события, относящиеся к провинции Бенгалия и империя Индостан», изданную в Лондоне в 1767 г. в 3 томах.

гладило его по лицу, отчего нос у того и у всех его потомков стал приплюснутым.

Мохокские философы говорят нам, что беременная женщина упала с неба, и черепаха взяла ее себе на спину, так как все было покрыто водой, и что эта женщина, сидя на черепахе, гребла в воде руками и собирала землю в кучи, отчего в конце концов Земля стала выше воды.[52]

Кроме этих и многих других столь же мудрых мнений, нам известны также глубокомысленные догадки Абул-Хасан-Али,[53] сына Аль-Хана, сына Али, сына Абдурахмана, сына Абдаллы, сына Масуд-эль-Хадхели, обычно называемого Масуди,[54] по прозвищу Котбеддин, но именующего себя скромным титулом Лахеб-ар-расул, что означает «спутник посланца бога». Он написал всеобщую историю, носящую название «Мурудже-эд-дхахраб, или золотые луга и копи драгоценных камней». В этом интересном труде он излагает историю мира от его сотворения до времен халифа

---

[52] Johannes Megapolensis, jun. Account of Maquas or Mohawk Indians. 1644.*Иоганнес Мегаполенсис младший. Рассказ об индейцах макуа или мохоках. 1644 г.**Мегаполенсис, Иоганнес мл. (Джон Мекленбург) (1603–1670) – голландский священник, приехавший в Америку в 1642 г.; его рассказы о жизни американских индейцев и их мифологии напечатаны в книге Эбенезера Хазарда «Собрание исторических документов», изданной в Филадельфии в 1792 г., откуда Ирвинг почерпнул многие свои сведения об Америке XVII в. Книга Мегаполенсиса о племени индейцев-могауков была напечатана в 1651 г.

[53] MSS Bibliot. Roi. Fr.*«Рукописи Французской Королевской библиотеки»

[54] Масуди, Абу-ль-Хасан Али ибн-Хусейн (ум. 956 или 957) – арабский путешественник и историк.

Мотхи-Биллаха,[55] когда в месяце джиумади-эль-ауал 336 года хиджры,[56] или бегства пророка, и была написана упомянутая книга. Автор сообщает нам, что Земля – это большая птица, голову которой составляют Мекка и Медина, правое крыло – Персия и Индия, левое крыло – страна Гога, а хвост – Африка. Он сообщает нам также, что существовала другая Земля до нынешней (являющейся, по его мнению, лишь птенцом в возрасте всего семи тысяч лет), что она претерпела несколько потопов и что, в соответствии с мнением неких знакомых ему хорошо осведомленных брахманов, она будет обновляться через каждые семьдесят тысяч хазаруамов, а один хазаруам равняется 12 000 лет.[57]

Но я прекращаю дальнейшее цитирование древних и иноземных философов, чье прискорбное невежество, несмотря на всю ученость, вынуждало их писать на языках, которые могут понять лишь очень немногие из моих читателей. Лучше перейду теперь к краткому изложению нескольких более вразумительных и модных теорий их современных преемни-

---

[55] Мотхи-Биллах (или Матхи-Лилбах), Абул Касем Фидхи (911–974) – калиф Багдада.

[56] Хиджра – бегство Магомета и первых мусульман из Мекки в Медину в 622 г., с которого ведется начало мусульманского летосчисления.

[57] …один хазаруам равняется 12 000 лет. – Ирвинг излагает описание арабской рукописи Масуди, сделанное французским ориенталистом М. Гинье в первом томе изданной в 1787 г. в Париже книги: «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque du Roi» («Заметки и отрывки из рукописей Королевской библиотеки»).

ков.

Первым я должен упомянуть великого Бюффона,[58] который высказывает предположение, что наш земной шар был первоначально шаром жидкого огня, воспламенившимся от столкновения кометы с Солнцем, как возникает искра от удара стали о кремень. Он считает, что вначале Земля была окружена плотными парами, которые с течением времени, охлаждаясь и сгущаясь, образовали, в зависимости от их плотности, землю, воду и воздух, постепенно занявшие свои места, в соответствии с их удельным весом, вокруг раскаленного или стекловидного ядра, образующего их центр, и т. д.

Геттон,[59] напротив, предполагает, что вначале повсюду преобладала вода; он ужасается при мысли, что дождь, реки и горные потоки будут постепенно смывать землю, пока она не смешается с океаном или, другими словами, совершенно растворится в самой себе. Величественная идея! Гораздо более возвышенная, чем легенда о мягкосердечной девице древности, излившейся фонтаном слез, или о той славной женщине из Нарбонна во Франции, которую в наказание за болтливость, не свойственную ее полу, заставили очистить пятьсот тысяч тридцать девять вязок лука и которая

---

[58] Бюффон, Жорж Луи Леклерк (1707–1788) – французский естествоиспытатель.

[59] Геттон Джеймс (1726–1797) – шотландский натуралист-геолог. В своем труде «Теория Земли» (1795) рассматривает историю Земли как бесконечное повторение циклов, в течение которых происходило разрушение одних континентов и возникновение других.

буквально выплакала все глаза, не закончив и половины этой отвратительной работы.

Уистон,[60] тот самый изобретательный философ, что соперничал с Диттоном в изысканиях способов определения долготы (за что озорник Свифт обрушил на их головы строфу,[61] столь же благоуханную, как эдинбургский букет), прославился весьма замечательной теорией происхождения Земли. Он высказывает предположение, что вначале это была *хаотическая комета*; избранная местом обитания человека, она была снята со своей эксцентрической орбиты, пушена вокруг Солнца и завертелась в сохранившемся до настоящего времени непрерывном движении. Вследствие этой перемены направления неразбериха в устройстве составных частей кометы уступила место порядку. Философ добавляет, что потоп был вызван невежливым приветствием водяного хвоста другой кометы, обусловленным, несомненно, чистой завистью к улучшившемуся положению нашей Земли. Это служит печальным доказательством того, что зависть может восторжествовать даже среди небесных тел, а раздоры могут нарушить божественную гармонию сфер, столь сладостно воспеваемую поэтами.

Я обхожу молчанием множество превосходных теорий, в

---

[60] Уистон, Вильям (1667–1752) – английский математик и теолог, автор «Новой теории Земли» (1696).

[61] …Свифт обрушил на их головы строфу… – имеется в виду юмористическая «Ода о долготе» Джонатана Свифта.

том числе теории Бернета, Вудворда[62] и Уайтхерста,[63] хотя и крайне сожалею, что недостаток времени не дает мне возможности уделить им то внимание, какого они заслуживают. В заключение я упомяну лишь об учении знаменитого доктора Дарвина,[64] которое я оставил напоследок, чтобы удалиться со сцены под гром рукоплесканий. Этот ученый фиванец, весьма известный как своим поэтическим талантом, так и умом, как простодушной доверчивостью, так и серьезными исследованиями, снискавший себе исключительное благоволение дам тем, что посвятил их во все ухаживания, любовные интриги, развратные похождения и другие скандальные происшествия при дворе Флоры, – этот ученый придумал теорию, достойную его пылкой фантазии. По его мнению, огромная хаотическая масса внезапно взорвалась, как бочка пороха, и в результате этого взрыва было извергнуто Солнце, которое во время своего полета путем такого же взрыва выбросило Землю, которая подобным же манером извергла Луну. Так, с помощью цепи взрывов была создана и самым систематическим образом приведена в движение вся солнечная система![65]

---

[62] Вудворд, Джон (1665–1728) – английский геолог.

[63] Уайтхерст, Джон (1713–1788) – английский физик, автор книги «Первоначальное состояние и образование Земли» (1778).

[64] Дарвин, Эразм (1731–1802) – английский натуралист, врач и поэт, дед Чарлза Дарвина, автор описательных поэм «Ботанический сад» (1789–1791) и «Храм природы» (1803), в которых излагается учение о развитии природы.

[65] Darw. Bot. Garden. Part I, Cant. I. 1. 105.*Дарвин. Ботанический сад, ч. I,

Из большого разнообразия упомянутых здесь теорий, каждая из коих при тщательном изучении оказалась бы на удивление последовательной во всех своих частях, мои неученые читатели могут, пожалуй, сделать вывод, что сотворение мира вовсе не такое трудное дело, как они первоначально воображали. Я рассказал по меньшей мере о двух десятках остроумных способов, какими мог бы быть создан мир, и я не сомневаюсь, что, будь в распоряжении любого из цитированных выше философов хорошая послушная комета и умозрительный запас хаоса, он взялся бы с помощью философии сделать планету не хуже, а если послушать его, то и лучше, нежели та, на которой мы живем.

И здесь я не могу не упомянуть о благости провидения, создавшего кометы к величайшему облегчению сбитых с толку философов. С помощью этих комет в мироздании совершают более неожиданные перемены и превращения, чем в пантомимах посредством чудодейственного меча арлекина. Если кто-нибудь из наших современных мудрецов, пустившихся в теоретический полет среди звезд, заблудится в облаках и подвергнется опасности свалиться в бездну чепухи и нелепости, ему останется лишь схватить комету за бороду, усесться верхом на ее хвосте, и вот он уже победоносно скачет, как волшебник на своем гиппогрифе или коннектикутская ведьма на своем помеле, собираясь «смести паутину с неба».

песня I, с. 105

Существует старая простонародная поговорка о «нищем верхом на коне»,[66] которую я ни за что на свете не отнес бы к нашим почтеннейшим философам; однако я должен признаться, что кое-кто из них, взобравшись на одного из этих горячих скакунов, начинает выделывать такие же дикие курбеты, какие совершал во время оно Фаэтон,[67] когда дерзнул править колесницей Феба. Один философ на полном ходу врезается своей кометой в Солнце и могучим толчком откалывает от него Землю; другой, более скромный, делает свою комету чем-то вроде вьючного животного, исправно подвозящего Солнцу запас пищи и хвороста; третий, более пылкого нрава, угрожает швырнуть свою комету как бомбу в Землю и взорвать ее, как пороховой склад; четвертый же, не проявляя особой деликатности к нашей почтенной планете и ее обитателям, злостно намекает, что в один прекрасный день его комета – мое скромное перо краснеет, когда я пишу это – задерет хвост над нашим миром и затопит его! Конечно же, как я сказал ранее, кометы были в изобилии созданы провидением для блага философов, чтобы помочь им выдумывать теории.

---

[66] …поговорка о «нищем верхом на коне»… – «посади нищего на коня, и он отправится к дьяволу» (ср. русскую пословицу: «посади свинью за стол, она и ноги на стол»).

[67] Фаэтон – в греческой мифологии сын бога Солнца Феба. Фаэтон упросил отца позволить ему один день править его колесницей, но не справился с конями; солнечная колесница приблизилась к Земле, отчего та загорелась. Чтобы потушить мировой пожар, Зевс убил Фаэтона молнией.

Стоит человеку снять смирительную рубашку здравого смысла и довериться одному лишь воображению, как он на удивление быстро устремляется вперед. Медлительным людям, вроде меня, неторопливо бредущим на своих двоих, нелегко карабкаться по скалам и холмам, пробираться через топи и болота и устранять бесконечные препятствия, возникающие на пути познания. Но наш отважный философ пускает свою теорию как воздушный шар, наполненный чадом и парами своего разгоряченного воображения, победоносно садится на нее верхом и возносится в близкие его духу лунные сферы. Каждая эпоха вносила свою лепту, порождая смельчаков-фантазеров, которые путешествовали некоторое время среди облаков, приковывая к себе восхищенные взоры, пока какой-нибудь завистливый соперник не обрушивался на их раздувшийся блестящий шар, продырявливал его непрочную оболочку, выпускал чад и низвергал смельчака и его теорию в грязь. Так каждое поколение философов уничтожает труды своих предшественников и взамен создает еще более великолепные фантазии, которые, в свою очередь, уничтожаются и заменяются воздушными замками последующего поколения. Таковы нелепые странности гения, огромные мыльные пузыри, которыми забавляются взрослые ученые дети, между тем как честные простаки, вытаращив в глупом удивлении глаза, именуют эти фантастические причуды мудростью. Конечно, прав был старик Сократ,[68] утверждая,

[68] Сократ (469–399 до н. э.) – древнегреческий философ. Сведения о нем из-

что философы это более рассудительные сумасшедшие, занимающиеся совершенно непонятными вещами или же, если и понятными, то такими, для постижения которых не стоит затрачивать ни капли труда.

Теперь, после того, как я привел некоторые из самых важных теорий, пришедших мне на память, я оставляю читателям полную свободу выбора среди них. Все они – результат серьезных размышлений ученых мужей. Все существенно отличаются одна от другой, и все одинаково достойны того, чтобы в них уверовали. Что касается меня (так как я всегда испытываю неловкость, когда должен сделать выбор), то до тех пор, пока ученые не придут к согласию между собой, я готов удовлетвориться рассказом, возвещенным потомству славным стариком Моисеем; в этом я лишь следую примеру наших изобретательных соседей из Коннектикута, которые, основывая свое первое поселение, объявили, что их колония будет управляться по божьим законам – пока у них не найдется время создать лучшие.

Одно, впрочем, представляется бесспорным, если судить по единодушному мнению упомянутых выше философов, подтверждаемому показаниями наших собственных органов чувств (хотя эти показания весьма склонны вводить нас в заблуждение, все же их можно с осторожностью принимать в качестве дополнительного свидетельства), представляется бесспорным, говорю я – и делаю это обдуманно, не боясь

вестны главным образом из сочинений его учеников Платона и Ксенофонта.

впасть в противоречие, – что наша Земля действительно *была сотворена* и состоит из *суши* и *воды*. Представляется далее несомненным, что она причудливым образом делится и дробится на материки и острова; и я смело утверждаю: всякий, кто будет искать в надлежащем месте, найдет среди них прославленный ОСТРОВ НЬЮ-ЙОРК.

Таким образом читатель видит, что как опытный историк я ограничиваюсь лишь тем, что совершенно необходимо для разработки моей темы; мой труд создан по способу, каким пользовался умелый архитектор, построивший наш театр; он начат с фундамента, затем воздвигнуто основное здание, затем крыша и, наконец, на самой верхушке, подобно венчающему куполку, помещен наш уютный островок. Случайно напав на это сравнение, я сразу же воспользуюсь им еще раз, чтобы показать правильность моего замысла. Если бы фундамент, главное здание и крыша театра не были бы построены, купол не мог бы существовать как купол, он мог бы быть караульней или будкой ночного сторожа, или же его могли бы поставить позади дома директора театра и сделать из него храм, но куполом его никто бы не считал. Следовательно, как необходима была постройка театра для существования купола как купола, так и создание Земли и ее внутреннего устройства было необходимым предварительным условием для существования нашего острова как острова. Стало быть, необходимость и важность этой части моей истории, которая в известной мере вовсе не является частью моей истории,

логически доказана.

ГЛАВА III

О том, как знаменитый мореплаватель, адмирал Ной, получал постыдные прозвища, и о том, что он допустил непростительную оплошность, ограничившись всего тремя сыновьями. А также о великом затруднении, причиненном этим обстоятельством философам, и об открытии Америки.

Ной, первый мореплаватель, о котором мы можем прочесть, породил трех сыновей: Сима, Хама и Яфета. Надо сказать, что есть достаточно авторов, утверждающих, будто бы у патриарха было много и других детей. Так, Берос[69] называет его отцом исполинских титанов, Мефодий[70] приписывает ему сына по имени Джонитус или Джоникус (первого изобретателя пирожного Джонни), а другие упоминают о сыне Туисконе, от которого произошли тевтоны, иначе говоря, германцы.

Я чрезвычайно сожалею, что характер моего замысла не позволит мне удовлетворить похвальное любопытство читателей и тщательно проследить историю великого Ноя. Тако-

---

[69] Берос (IV – начало III в. до н. э.) – вавилонский жрец, историк и астроном, автор «Вавилонской, или халдейской истории».

[70] Мефодий (ум. 885) – славянский просветитель, проповедовавший с Кириллом христианство.

го рода предприятие встретилось бы с большими трудностями, чем многие могут себе вообразить: ведь добрый старый патриарх, по-видимому, был в свое время великим путешественником, и в каждой стране, где он побывал, его знали под другим именем. Халдеи, например, рассказывают нам о нем, попросту называя его Ксизутром,[71] – пустячное изменение, которое сведущему в этимологии историку покажется совершенно несущественным. Оказывается также, что у халдеев он сменил свою матросскую куртку и квадрант на пышные царские регалии и в их анналах выступает как монарх. Египтяне прославляют его под именем Озириса,[72] индийцы – под именем Ману,[73] греческие и римские авторы путают его с Огигом,[74] а фиванцы – с Девкалионом[75] и Сатурном. Однако китайцы, которых справедливо относят к числу самых обстоятельных и достоверных историков, поскольку они знали наш мир еще за несколько миллионов лет до его сотворения, – китайцы заявляют, что Ной был не кто иной,

---

[71] Ксизутр – герой ассирийско-вавилонского героического эпоса. Его история схожа с библейской историей Ноя, спасшегося во время всемирного потопа.

[72] Озирис – в древнеегипетской религии бог воды и растительности, который умирал осенью и воскресал весной. Образ Озириса, умирающего и воскресающего бога, оказал влияние на христианскую мифологию.

[73] Ману – в древнеиндийской мифологии легендарный родоначальник людей.

[74] Огиг – в древнегреческой мифологии царь, в правление которого произошел всемирный потоп.

[75] Девкалион. – В греческой мифологии Девкалион и Пирра – единственные люди, по воле Зевса спасшиеся в ковчеге от потопа.

как Фо-хи,[76] достойный джентльмен, потомок древнего и почтенного семейства хонгских купцов, процветавших в средние века Небесной империи. Некоторую видимость правдоподобия этому утверждению придает то обстоятельство, что самые просвещенные ученые признают, что Ной совершил путешествие в Китай (вероятно, для усовершенствования в иностранных языках), в то время, когда строилась Вавилонская башня, а высокообразованный доктор Текфорд[77] дополнительно сообщает нам, что ковчег остановился на горе у границы Китая.

Из этой массы разумных догадок и мудрых гипотез можно сделать множество ценных выводов, но я удовольствуюсь приведенным в Библии бесспорным свидетельством, что Ной породил трех сыновей: Сима, Хама и Яфета.

Иной любознательный читатель, не слишком осведомленный о том, как пишется история, может спросить, какое отношение имеют Ной и его сыновья к теме этого труда? Хотя я, строго говоря, не обязан удовлетворять претензии этих ворчунов, все же, так как я решил сделать мою книгу понятной для людей любых умственных способностей, чтобы она не только радовала ученого, но и поучала бы необразованного и служила назиданием для простонародья, я, не колеб-

[76] Фо-хи – первый китайский император и законодатель, основавший, согласно легенде, китайское государство в 2207 до н. э. По преданию, он отождествляется с библейским Ноем.

[77] Шекфорд, Сэмюел (XVIII в.) – английский историк, автор книги «Священная и светская история мира» (1728).

лясь ни мгновения, буду объяснять все, что может показаться неясным.

Различные, вполне достойные доверия, историки говорят нам, что Ной, став после потопа единственным оставшимся в живых наследником и неограниченным собственником Земли, как хороший отец разделил свои владения между детьми. Симу он дал Азию, Хаму-Африку, а Яфету – Европу. Тысячу раз приходится теперь пожалеть, что у него было только три сына, ибо, будь у него четвертый, тот несомненно наследовал бы Америку, которая по такому случаю была бы извлечена из тьмы; тогда многие, немало потрудившиеся историки и философы, были бы избавлены от несметного количества утомительных догадок в отношении открытия и заселения нашей страны. Впрочем, Ной, обеспечив своих трех сыновей, рассматривал ее, по всей вероятности, как страну дикую и необитаемую и ничего о ней не сказал. Этому непростительному молчанию патриарха мы можем приписать то злополучное обстоятельство, что Америка не появилась на карте земного шара столь же рано, как остальные части света.

Правда, некоторые авторы отрицают, что Ной совершил этот неблаговидный поступок по отношению к потомкам, и утверждают, что на самом деле он открыл Америку. Так, Марк Лекарбо,[78] французский писатель, отличавшийся тяжеловесностью мысли и глубиной суждений, столь характерными для его народа, придерживался того мнения, что бли-

[78] Лекарбо, Марк (1590–1630) – французский писатель.

жайшие потомки Ноя заселили эту часть света и что старый патриарх, сохранивший страсть к морским путешествиям, сам руководил переселением. Благочестивый и просвещенный отец Шарлевуа,[79] французский иезуит, известный своей правдивостью и отвращением к чудесам, о которых любят распространяться все великие путешественники, решительно держится того же мнения; он даже идет дальше и со всей определенностью указывает, каким образом произошло это открытие: в результате морского плавания и под непосредственным руководством великого Ноя. «Я уже отметил, – восклицает славный отец с подобающим возмущением, – полную произвольность утверждения, будто бы внуки Ноя не смогли проникнуть в Новый Свет или никогда не думали об этом. На самом деле я не вижу никаких доводов, которые могли бы оправдать такое мнение. Кто может всерьез поверить, будто Ной и его ближайшие потомки знали меньше, нежели мы, и что строитель и кормчий величайшего корабля в мире, построенного для того, чтобы пересечь безграничный океан и благополучно миновать многочисленные мели и зыбучие пески, был бы несведущ в искусстве плавания по океанам или не передал бы это искусство своим по-

[79] Шарлевуа, Пьер Франсуа Ксавье (1682–1761) – французский иезуит, путешественник по Америке. В 1744 г. опубликовал в Париже трехтомную «Историю и общее описание Новой Франции»; третьему тому, посвященному путешествию по Северной Америке, предпослано вступление о происхождении американцев, в котором Шарлевуа рассматривает различные теории о первоначальном заселении Америки, выдвигавшиеся до него.

томкам?» Следовательно, они плавали по океанам, следовательно, они приплыли в Америку, следовательно, Америка была открыта Ноем.

Надо сказать, что всю эту изящную цепь рассуждений, исключительно характерную для славного отца-иезуита и адресованную скорей к вере, чем к разуму, решительно отвергает Ян Лаэт,[80] который считает предположение о том, что Ною когда-либо могла прийти в голову мысль открыть Америку, смехотворнейшим парадоксом; и так как Ян – голландский ученый, то я склонен думать, что он, наверно, был гораздо лучше знаком с почтенным экипажем ковчега, чем его соперники, и располагал, конечно, более достоверными сведениями. Достойно удивления, насколько тесное знакомство повседневно заводят историки с патриархами и другими великими людьми древности. Так как знакомство со временем становится все теснее и так как ученые мужи особенно любопытны и бесцеремонны в своем общении с древними, то я не удивлюсь, если будущие сочинители дадут нам описание допотопных людей и нравов значительно более обстоятельное и точное, чем в Библии; я не буду удивлен и тем, что через сотню лет судовой журнал старика Ноя будет среди историков в таком же ходу, как отчеты о путешествиях капитана

[80] Лаэт, Ян (ум. 1649) – голландский географ, директор Вест-Индской компании, автор книг «Новый мир, или Описание Вест-Индии», изданной в Лейдене в 1625 г. (по-голландски) и «История деятельности Вест-Индской компании от ее основания до 1636 г.» (1644).

Кука[81] или знаменитая история Робинзона Крузо.

Я не стану тратить время на обсуждение огромного количества других высказываний, предположений и догадок относительно открытия нашей страны, которыми злосчастные историки перегружают себя в попытке рассеять сомнения недоверчивой публики. Больно смотреть на этих тружеников; едва приступив к работе, они уже пыхтят, стараются изо всех сил и обливаются потом под огромной тяжестью, оказывающейся при ближайшем рассмотрении всего лишь громадным пуком соломы. Поскольку, однако, с помощью неустанного усердия им как будто удалось ко всеобщему удовлетворению установить тот факт, что наша страна была некогда открыта, я сошлюсь на их полезные труды и буду в этом вопросе чрезвычайно краток.

Итак, я не стану останавливаться на том, была ли Америка впервые открыта заблудившимся кораблем того прославленного финикийского флота, который, согласно Геродоту, совершил плавание вокруг Африки, или карфагенской экспедицией, открывшей, как сообщает естествоиспытатель Плиний,[82] Канарские острова; или же Тир в ней основал недолговечную колонию, как намекают Аристотель и Сенека.[83] Не

---

[81] Кук, Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания и открывший многие острова Тихого океана.

[82] Плиний Старший (23–79) – римский писатель и ученый, автор «Естественной истории в 37 книгах», в которой содержатся обширные сведения по космографии, географии, этнографии и истории. Погиб при извержении Везувия.

[83] Сенека, Луций Анней (ок. 5 до н. э.-65 н. э.) – римский философ-стоик,

стану останавливаться и на том, была ли она впервые открыта китайцами, как с большой проницательностью утверждает Фоссий,[84] или норвежцами в 1002 году под водительством Бьорна,[85] или же Бехаймом,[86] немецким мореплавателем, как мистер Отто[87] старался доказать ученым просвещенной Филадельфии.

Не буду я также рассматривать более поздние претензии уэльсцев, основанные на путешествии принца Медока[88] в XI веке; так как он не возвратился, то отсюда был сделан мудрый вывод, что он отправился в Америку, и причина тому очень простая: если он не отправился туда, то куда еще мог он деться? – вопрос, которым, по способу Сократа, исключается всякий дальнейший спор.

Итак, оставив в стороне все упомянутые выше догадки,

политический деятель и писатель.

[84] Фоссий, Герхардт Иоганн (1577–1649) – немецкий историк.

[85] Бьорн – летом 985 г. норвежец Бьярн Херюльфсон с дружиной совершил плавание к берегам Гренландии и Северной Америки. Подробнее см. в книге: И. П. Магидович. История открытия и исследования Северной Америки. М., Географгиз, 1962.

[86] Бехайм, Мартин (1459–1507) – немецкий географ. Существует предание, что Колумб и Магеллан руководствовались в своих открытиях сообщениями Бехайма о Новом Свете.

[87] Отто, Джон Конрад (1774–1844) – американский врач, лекции которого были популярны в Филадельфии начала XIX в.

[88] Медок – сын короля Уэлса. Согласно преданию, отправился через Атлантический океан на запад, разгромил ацтеков и основал поселение в Америке (1170 г.). Поэма Р. Саути «Медок» была опубликована в 1805 г.

равно как и множество других, столь же правдоподобных, я буду считать доказанным общераспространенное мнение, что Америка была открыта 12 октября 1492 года Кристобалем Колоном, генуэзцем, по неизвестной мне причине весьма неудачно прозванным Колумбом. О путешествиях и приключениях этого Колона я ничего не скажу, так как они уже достаточно известны. Я не стану также доказывать, что эту страну следовало бы назвать по его имени Колонией, ибо это само собой разумеется.

Благополучно доставив моих читателей по сю сторону Атлантического океана, я теперь представляю себе, с каким нетерпением они жаждут вкусить все радости обетованной земли, ни минуты не сомневаясь, что я немедленно передам ее в их владение. Но я навсегда потерял бы право называться настоящим историком, если бы поступил так. Нет, нет, мои любознательнейшие и трижды ученые читатели (ибо вы трижды ученые, если прочли все предшествующие страницы, и будете еще втрое ученее, если прочтете все последующие), нас ждет еще масса работы. Неужели вы думаете, что от первооткрывателей этой прекрасной части света только и требовалось сойти на берег и увидеть страну, готовно распростершуюся перед ними и возделанную как сад, в котором они могли спокойно наслаждаться жизнью? Ничего подобного: они должны были вырубать леса, выкорчевывать кустарники, осушать болота и истреблять дикарей.

Точно так же и я должен рассеять немало сомнений, ре-

шить ряд вопросов и объяснить парадоксы, прежде чем позволю вам разбрестись, куда глаза глядят; но после того, как эти трудности будут преодолены, мы сможем без всяких помех весело двигаться сквозь остальную часть нашей истории. Таким образом мой труд будет в известной мере отражать действительность, подобно тому, как звуки стихов, по утверждению некоторых тонких критиков, отражают чувства. Таково усовершенствование в исторической науке, заслугу введения которого я приписываю себе.

ГЛАВА IV

Показывающая те великие трудности и разногласия, которые философам пришлось преодолеть, чтобы заселить Америку. – А также показывающая, каким образом случайность способствовала появлению аборигенов – к великому удовольствию и облегчению автора.

Бог ты мой! Какая тяжелая жизнь у нас, историков, старающихся рассеять сомнения читателей! Вот я, пыхтя и мучаясь, писал эти три нудные главы, а читатель, пыхтя и мучаясь, следовал за мной по пятам; я вставал рано и ложился поздно, трудился над изъеденными червями, устаревшими, ни на что не годными книгами, заводил знакомства с тысячью ученых авторов, как древних, так и современных, которые, сказать по правде, являются самыми глупыми собеседниками в мире – и чего же мы в конце концов достигли? Конечно, чрезвычайно ценного вывода, что наша страна действительно существует и была некогда открыта. Очевидная истина, не стоющая и понюшки табаку. И что еще хуже, теперь мы, по-видимому, находимся от города Нью-Йорка так же далеко, как были в самом начале. Что касается меня, то мне на это наплевать, ибо я привык к скучной ученой компании; но я сочувствую моим несчастным читателям, которые, вероятно, окончательно пали духом и устали.

Мы встретимся, однако, еще с огромными трудностями, так как нам предстоит по возможности показать, каким образом была первоначально заселена эта страна – вопрос, который чреват для нас, добросовестных историков, большими неприятностями, но обойти который совершенно невозможно. Ибо, если мы не докажем с полной определенностью, что аборигены пришли из такого-то места, то в наш недоверчивый век тотчас начнут утверждать, что они вовсе не приходили; а если они вовсе не приходили, тогда эта страна никогда не была заселена – вывод, превосходно согласующийся с законами логики, но в корне противоречащий всякому чувству человеколюбия, поскольку в результате неоспоримых умозаключений он должен оказаться роковым для бесчисленных аборигенов этой густо населенной страны.

Сколько перьев было выщипано из гусиных крыльев, чтобы опровергнуть этот страшный софизм и спасти от логического уничтожения многие миллионы наших собратьев! Какие океаны чернил были осушены во имя этой высокой цели! И сколько великих умов зашли в тупик и навеки свихнулись! Я замираю в благочестивом трепете, когда созерцаю написанные на разных языках увесистые тома, в которых они пытались разрешить этот вопрос, столь важный для счастья общества, но окутанный столь густой завесой непроницаемой тьмы. Один историк за другим смело вступали в лабиринт гипотетических доказательств и, вынудив нас до изнеможения гоняться за ними сквозь множество in octavo, in quarto

и in-folio, оставляя нас в конце концов ничуть не более умными, чем мы были вначале. Именно из-за подобного рода философской погони за химерами древний поэт Макробий[89] столь рьяно ругал любопытство, предавая его анафеме, как «скучнейшую, мучительную заботу, суеверное усердие в совершенно бесполезной области, зудящее стремление увидеть то, что видеть невозможно, и делать то, что, будучи сделано, не имеет никакого значения».

Но вперед, мои бодрые читатели, вернемся к прерванному делу и навалимся изо всех сил на оставшийся мусор, лежащий на нашем пути; однако я ручаюсь, что, если бы господину Геркулесу в добавление к его семи подвигам предложили совершить еще восьмой, а именно написать правдивую историю Америки, он бы, наверно, отказался от этого предприятия, даже не приступив к нему.

Я ничего не скажу о притязаниях детей Ноя на то, что они первоначально заселили нашу страну, так как об этом уже упоминал в предыдущей главе. Следующие по знатности претенденты – это потомки Авраама. Так, Кристобаль Колон (обычно называемый Колумбом), когда он впервые открыл золотые копи Испаньолы,[90] сразу же с проницательностью, которая оказала бы честь любому философу, решил, что им найден древний Офир,[91] откуда Соломон добывал золото для

---

[89] Макробий (V в.) – римский писатель-историк.

[90] Испаньола – так назвал Христофор Колумб открытый им остров Гаити.

[91] Офир – согласно Библии, сказочная страна, откуда корабли царя Соломона

украшения иерусалимского храма; больше того, Колон вообразил даже, что видел остатки плавильных печей несомненно еврейской постройки, применявшихся для очистки драгоценного металла.

Такая блестящая догадка, столь очаровательная по своей нелепости, была слишком соблазнительной, чтобы ее немедленно не подхватили ученые простофили; и, конечно, нашлась куча глубокомысленных писателей, готовых поклясться в правильности этого предположения и подкрепить его своим обычным грузом мудрых толкований и ссылок на авторитеты. Ветаблус и Робертус Стефенс[92] заявляли, что это яснее ясного; Ариус Монтанус[93] без малейших колебаний утверждает, что Мексика – это подлинный Офир и древними насельниками этой страны были евреи. Поссевин,[94] Бекан[95] и куча других проницательных авторов ни к селу ни к городу приплетают *предполагаемое* пророчество из четвертой книги Ездры,[96] которое, будучи включено во всеобъемлющую гипотезу, подобно ключевому камню в своде, обеспечивает ей, по их мнению, непреходящую прочность.

Едва успели они, однако, закончить свое прекрасное со-

привозили золото и драгоценности.

[92] Стефенс, Робертус (1665–1732) – английский историк.

[93] Монтанус, Ариус (1527–1598) – испанский философ и теолог.

[94] Поссевин, Антонио (1534–1611) – итальянский писатель и путешественник.

[95] Бекан, Жан (1518–1572) – фламандский врач и ученый, доказывавший, что Адам говорил по-фламандски.

[96] Ездра – легендарный автор нескольких апокрифических книг в Библии.

оружение, как вваливается фаланга авторов противоположного направления, во главе с Яном Лаэтом, великим голландцем, и одним ударом опрокидывает их постройку. Ян в самом деле решительно возражает против всяких притязаний израильтян на то, что они первыми заселили нашу страну, приписывая все эти двусмысленные свидетельства, а также следы христианства и иудаизма, якобы обнаруженные в различных провинциях Нового Света, *дьяволу*, который всегда прикидывался почитателем истинного бога. «Ссылка, – говорит старый хитроумный отец де Акоста,[97] – которую делают все благочестивые авторы, писавшие о религии недавно открытых народов, и которая основана к тому же на авторитете *отцов церкви*».

Некоторые авторы – среди них я с великим прискорбием вынужден упомянуть Лопеса де Гомара[98] и Хуана де Лери[99] – намекают, что хананеи, изгнанные евреями из обетованной земли, были охвачены таким ужасом, что бежали без оглядки до тех пор, пока, остановившись перевести дух, не оказались в безопасности в Америке. Так как они не принесли с собой ни своего национального языка, ни нравов, ни характерных внешних черт, то предполагают, что они в своем по-

---

[97] Акоста, Хосе де (1539–1600) – испанский миссионер, автор хроник.

[98] Гомара, Франсиско Лопес де (1510–1560) – испанский историк, автор одной из первых историй Америки (1552–1553).

[99] Лери, Хуан де (1534–1611) – французский историк и путешественник, автор «Истории путешествия в Бразилию» (1578).

спешном бегстве их растеряли. Впрочем, лично я этого мнения не разделяю.

Я оставляю без внимания предположение ученого Гроция,[100] который, будучи посланником и в придачу голландцем, достоин величайшего уважения, предположение о том, что Северная Америка была заселена бродячей ватагой норвежцев, а государство Перу основали колонисты из Китая, причем Манко, или Мунго, Капак, первый инка, сам был китаец. Я ограничусь также лишь упоминанием о том, что отец Кирхер приписывает заселение Америки египтянам, Бадбек – скандинавам, Шаррон[101] – галлам, Джуфредус Петри[102] – конькобежцам из Фрисландии, Милиус[103] – кельтам. Маринокус из Сицилии – римлянам, Ле Конт – финикийцам, Постель[104] – маврам, Мартин д'Англерия[105] – абиссинцам. Ограничусь и одним только упоминанием о глубокомысленной догадке Лаэта, утверждавшего, что Англия, Ирландия и Оркадские острова тоже могут претендовать на эту честь.

Я не собираюсь уделять внимание и придавать значение ни фантастической идее, будто Америка – это сказочная

---

[100] Гроций, Гуго (1583–1645) – голландский юрист, историк и философ, оказавший влияние на теологов Новой Англии.

[101] Шаррон, Пьер (1541–1603) – французский религиозный писатель.

[102] Петри – очевидно, имеется в виду голландский историк, филолог и юрист Сджурд Петере (1527–1597).

[103] Милиус, Арнольд (XVI в.) – голландский географ.

[104] Постель, Гийом (1510–1581) – французский востоковед.

[105] Англериус (д'Англерия), Пьер Мартир (1457–1526) – итальянский историк.

страна Зипангри,[106] описанная венецианским путешественником Марко Поло, известным фантазером, ни тому, что к ней относится и легендарный остров Атландида, описанный Платоном. Не стану также останавливаться для того, чтобы обсудить языческое утверждение Парацельса,[107] будто каждое полушарие первоначально было наделено своими Адамом и Евой; или более приятное для нашего самолюбия мнение доктора Ромэйна,[108] поддержанное многими безымянными авторитетами, что Адам принадлежал к индийской расе; или же поразительное предположение Бюффона, Гельвеция[109] и Дарвина, столь почетное для человечества и особенно лестное для французов, что весь человеческий род произошел случайно от выдающегося семейства обезьян!

Это последнее предположение, должен признаться, было весьма неожиданным и поразило меня весьма неприятным образом. Мне часто приходилось видеть в пантомиме, как клоун, в тупом удивлении наблюдавший за нелепыми прыжками арлекина, вдруг вздрагивает от внезапного удара дере-

---

[106] Зипангри – название, данное Марко Поло (1254–1323) Японии. Колумб считал, что открыл путь к Зипангри через Атлантический океан.

[107] Парацелъс, Филипп Теофраст (1493–1541) – немецкий врач и естествоиспытатель.

[108] Ромэйн, Николас (1756–1817) – американский ученый, защитивший в Эдинбурге в 1780 г. диссертацию доктора медицины; президент нью-йоркского медицинского колледжа.

[109] Гельвеции, Клод Адриан (1715–1771) – французский философ-просветитель, автор книг «Об уме», «О человеке».

вянным мечом по спине. Тогда мне и в голову не приходило, что наступит время и со мной обойдутся столь же невежливо: пока я буду спокойно смотреть на этих степенных философов, старающихся превзойти в причудливых превращениях пестрого героя пантомимы, они неожиданно набросятся на меня и на моих читателей и одним взмахом своего воображаемого жезла превратят нас в животных! С этого мгновения я решил, чтобы не обжечься еще на каких-нибудь теориях, удовольствоваться обстоятельным описанием различных способов, с помощью которых потомков древних и почтенных обезьян переносят на интересующее нас обширное поле теоретических битв.

Это могло произойти в результате переселений либо по суше, либо по воде. Так, отец Хосе де Акоста перечисляет три сухопутных пути; первый с севера Европы, второй с севера Азии и третий из стран, расположенных к югу от Магелланова пролива. Ученый Греции ведет своих норвежцев приятной дорогой по замерзшим рекам и морским рукавам, через Исландию, Гренландию, Эстотиленд и Нарембергу.[110] Различные авторы, в том числе Англерия, де Хорн[111] и Бюф-

---

[110] Эстотиленд, Наремберга – мифические страны, обозначаемые средневековыми географами на месте Ньюфаундленда и Лабрадора. По преданию, их открыли два фрисландских рыбака, заброшенные туда бурей за двести лет до Колумба. В 1497 г. Джованни и Себастьян Каботы отправились из Англии на поиски Эстотиленда, но открыли Ньюфаундленд.

[111] Хорн (XVII в.) – голландский путешественник, о котором рассказывается в книге «Путешествия и приключения капитана Б. Шарпа» (1684).

фон, беспокоясь об удобствах путешественников, соединили два материка крепкой цепью дедукций – таким способом они могли перебраться, не замочив ног. Но если бы даже этого оказалось недостаточно, Пинкертон,[112] трудолюбивый старый джентльмен, компилятор книг и составитель учебников географии, некогда пустившийся во все тяжкие, резвившийся, как шаловливый мальчик и совершивший тысячу etourderies[113] среди парижских petites filles,[114] – Пинкертон, говорю я, построил между материками природный ледяной мост в четырех, пяти милях от Берингова пролива, за что заслужил искреннюю благодарность всех бродячих аборигенов, которые когда-либо перешли или перейдут по этому мосту.

Достойно великого сожаления то прискорбное обстоятельство, что все упомянутые выше почтенные авторы, приступив к своей работе, немедленно объявляли войну каждому автору, занимавшемуся раньше тем же предметом. В этом отношении писатели могут быть сравнены с некоей предусмотрительной птицей, которая, строя свое гнездо, обязательно разрушает до основания гнезда всех птиц по соседству. Эта злосчастная склонность самым плачевным образом препятствует развитию истинных знаний. Даже наилучшие

---

[112] Пинкертон, Джон (1758–1826) – английский писатель, автор «Современной географии» (1802).

[113] Легкомысленных поступков (франц.).

[114] Девчонок (франц.). См. «Эдинбургское обозрение». Прим. В. Ирвинга

теории всего лишь хрупкие творения и, однажды вверив себя речной волне, они должны остерегаться того, чтобы, подобно путешествовавшим вместе знаменитым горшкам, не побиться, сталкиваясь друг с другом. Однако примирить эту литературную вражду почти невозможно. Даже во мне, самом беспристрастном и свободомыслящем из всех людей, едва я принялся писать эту достоверную историю, сразу же зародилось полнейшее, злобное и невыразимое презрение, странное и непонятное недоверие, чудесными, неисповедимыми путями возникшее ироническое отношение к теориям многочисленных сочинителей, писавших до меня об этой стране. Я обзывал их олухами, болванами, остолопами, dom kops, botterick, domme jordans[115] и тысячью других столь же оскорбительных ругательств. Но когда я стал рассматривать вопрос спокойно и бесстрастно, мое мнение в корне изменилось. Когда я думал об этих мудрецах, с важным видом объясняющих необъяснимое и так глубокомысленно рассуждающих о вещах, навсегда скрытых от их взоров, подобно слепцам, описывающим великолепие света, красоту и гармонию красок, меня охватывало удивление пред беспредельностью людской изобретательности.

Коль скоро, говорил я сам себе, эти ученые мужи могут соткать целые системы из ничего, то чего бы только они не создали, если бы их снабдили чем-либо существенным; коль скоро они могут так остроумно рассуждать и спорить о во-

[115] Дураками, простофилями, глупцами (голл.).

просах, недоступных их пониманию, то какими глубокими были бы их наблюдения, если бы они только знали, о чем они говорят? Если бы старый Радаманф,[116] когда ему приходится судить об их поведении на земле, имел малейшее представление о пользе их трудов, он несомненно причислил бы их к тем набитым дуракам, которые доили быка, вили веревку из песка и ткали бархатный кошелек из свиного уха.

Больше всего я удивляюсь тому, что среди многих упомянутых мною авторов не нашлось ни одного, пытавшегося доказать, что наша страна была заселена пришельцами с Луны, или что первые поселенцы приплыли сюда на ледяных островах, как плавают белые медведи по северным океанам, или что их доставили сюда на воздушных шарах, как современные воздухоплаватели путешествуют из Дувра в Кале, либо же с помощью волшебства, как мчался среди звезд Симон Волхв,[117] либо же по способу знаменитого скифа Абариса,[118] который, подобно ведьмам из Новой Англии, летающим на чистокровном помеле, совершил самое неслыханное путешествие, оседлав золотую стрелу, врученную ему гиперборейским Аполлоном.

Существует, однако, еще один способ, с помощью которого могла быть заселена эта страна и который я оставил напо-

---

[116] Радаманф – в греческой мифологии судья в подземном царстве.

[117] Силон Волхв – библейский волшебник.

[118] Абарис – в греческой мифологии священнослужитель Аполлона, который дал ему волшебную стрелу, носившую Абариса по воздуху.

следок, так как считаю, что он стоит всех остальных; ее заселению *способствовала случайность*! Говоря о Соломоновых островах, Новой Гвинее и Новой Голландии, мудрый отец Шарлевуа замечает: «В конце концов все эти страны заселены, и *некоторые*, быть может, благодаря случайности. А если это произошло таким образом, то почему в *то же время и тем же путем* не могли быть заселены *другие* части земного шара?». Этот остроумный способ делать точные выводы из возможной предпосылки представляет собой усовершенствование в искусстве построения силлогизмов и показывает, что наш славный монах превзошел даже Архимеда, ибо он может перевернуть мир, не имея для своего рычага никакой точки опоры. Это достижение уступает лишь мастерству, с каким в другом месте решительный старый иезуит разрубает Гордиев узел. «Ничего, – говорит он, – не может быть проще. Жители обоих полушарий – разумеется, потомки одного и того же отца. Общий отец человечества получил специальное распоряжение Провидения заселить Землю, и она *соответственно была заселена*. Чтобы выполнить это, необходимо было преодолеть все препятствия, стоявшие на пути, и *они также были преодолены*!» Благочестивый логик! Как должны были покраснеть все наши умозрительные философы, когда он объяснил понятными словами все то, в неведении чего они вынуждены были признаться, исписав множество томов!

Они долго ковырялись в замке и мучались с засовом, а

честно й отец сразу же открывает дверь, выломав ее; а распахнув ее настежь, он может уже по желанию впустить через нее столько народов, сколько ему заблагорассудится. Это наглядно доказывает, что немного благочестия лучше, чем полная телега философии, и служит практической иллюстрацией евангельского изречения: «Вера горами двигает».

Из высказываний ученых, упомянутых мною, а также множества других, с трудами которых я ознакомился, но чьи имена опустил, боясь утомить непросвещенного читателя, я могу сделать лишь следующие выводы, по счастью, впрочем, достаточные для моих целей. Во-первых, что эта часть света действительно *была заселена* (Q. E. D[119]), в подтверждение чего мы имеем живые доказательства в лице населяющих ее многочисленных индейских племен. Во-вторых, что она была заселена пятьюстами различных способов, как это доказано кучей ученых, которые, если судить по решительности их утверждений, были, вероятно, очевидцами этого события. В-третьих, что у народа нашей страны было *множество разных отцов*, но так как обычные читатели могут посчитать это не к своей чести, то чем меньше мы будем распространяться на эту тему, тем лучше. Итак, я надеюсь, что интересующий нас вопрос можно считать раз и навсегда решенным.

[119] Quod erat demonstrandum – что и требовалось доказать (лат.).

ГЛАВА V

В которой автор с помощью Лунного Человека разделывается с очень важным вопросом – что не только выводит тысячи людей из большого затруднения, но также служит заключением этой вступительной книги.

Автор исторического сочинения в некоторых отношениях может быть уподоблен отважному рыцарю, который, взявшись ради упрочения своей славы за опасное предприятие, чувствует себя обязанным во имя рыцарской чести не останавливаться ни перед какими трудностями и лишениями, никогда не отступать и не падать духом, с каким бы врагом ему ни довелось встретиться. Преисполненный таким сознанием, я смело берусь за перо и со всей решимостью приступаю к тем страшным вопросам и коварным парадоксам, которые, подобно огнедышащим драконам и кровожадным великанам, удерживают меня на подступах к моей истории и желали бы повернуть меня вспять с самого порога. И в это самое мгновение передо мной возник огромный вопрос, с которым мне необходимо окончательно расправиться, прежде чем я сделаю еще хоть один шаг в моем историческом предприятии. Я надеюсь, однако, что это будет последний противник; сразившись с ним, я получу возможность в следующей книге с триумфом ввести читателей в суть моего

труда.

Вопрос, так неожиданно возникший, состоит вот в чем: какое право имели первооткрыватели Америки высадиться и завладеть страной, не испросив предварительно согласия ее жителей или не уплатив им соответствующего возмещения за их землю?

Читатели сейчас с удивлением увидят, как легко я разрешу это огромное недоумение, которое столь долго вселяло ужас в сердца предприимчивых авторов, устояло против стольких жестоких атак и причинило столько душевных мук множеству добросердечных людей. Ибо, пока этот существенный вопрос не будет похоронен, достопочтенные жители Америки ни в коем случае не могут с полным правом и достаточным основанием, со спокойной, чистой совестью наслаждаться страной, которую они населяют.

Первым источником приобретения права собственности на ту или иную страну является ОТКРЫТИЕ. Ведь весь человеческий род имеет равные права на все, что раньше никому не принадлежало, а потому любой народ, открывший необитаемую страну и вступивший во владение ею, считается наделенным безусловным правом собственности и неограниченной, бесспорной властью в ее пределах.[120]

---

[120] Grotius. Puffendorf, b. 4, c. 4, Vattel, b. I. c. 18, et alii.*Пуффендорф, т. 4, гл. 4. Ваттель, т. I, гл. 18 и др.**Пуффендорф, Самуил (1632–1694) – немецкий юрист и историк, продолжатель теорий Греция; автор книги «Естественное и человеческое право» (1688, глава 4 в книге IV называется «О происхождении владений»), на которую ссылается Ирвинг.**Ваттель, Эммерих (1714–1767) – швейцарский

Если принять это положение, то из него со всей очевидностью вытекает, что европейцы, впервые посетившие Америку, действительно открыли ее; для установления означенного факта достаточно лишь доказать, что она была тогда совершенно необитаема. На первый взгляд задача могла бы показаться несколько затруднительной, так как хорошо известно, что эта часть света изобиловала некими животными, которые ходили прямо, на двух ногах, внешностью слегка напоминали человека, издавали какие-то непонятные звуки, очень похожие на слова, – короче говоря, обладали удивительным сходством с человеческими существами. Однако множество ревностных и просвещенных духовных отцов, сопровождавших первооткрывателей для того, чтобы путем учреждения на земле богатых монастырей и епископств содействовать укреплению царствия небесного, не замедлили внести ясность в этот вопрос, к вящему удовлетворению его святейшества папы и всех христианских путешественников и первооткрывателей.

Духовные отцы с несомненностью доказали – и так как индейские авторы не выступили с опровержением, то это обстоятельство признавалось полностью установленным и принятым, – что упомянутые выше животные двуногой породы были простыми каннибалами, гнусными уродами, а многие из них великанами (бродяги подобного сорта со времен Го-

---

юрист. Ирвинг ссылается на его книгу «Закон наций, или принципы естественного права» (1750).

га, Магога[121] и Голиафа[122] считались отщепенцами, и их не щадили ни история, ни рыцарские предания, ни песни). В самом деле, даже философ Бэкон[123] заявил, что американцы – это народ, в силу естественного права лишенный покровительства законов, поскольку у них существует варварский обычай приносить в жертву людей и питаться человеческим мясом.

Но это еще не все доказательства их полнейшего варварства; в числе многих других проницательных авторов знаменитый Ульоа[124] говорит: «Их слабоумие настолько явно, что их едва ли возможно счесть кем-либо иным, кроме животных. Ничто не нарушает спокойствия их души, одинаково нечувствительной и к несчастью, и к преуспеянию. Хотя и полуголые, они испытывают такое же удовлетворение, как монарх в своем самом роскошном одеянии. Страх неведом им, равно как и почтительность». Все это подкрепляется к тому же авторитетом господина Бугера.[125] «Нелегко, –

---

[121] Гог, Магог – библейское название царей и народов, совращенных сатаной. Этими именами обозначались также в Библии и коране языческие племена.

[122] Голиаф – библейский великан, убитый в единоборстве юным Давидом, ставшим царем Иудеи.

[123] Бэкон, Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и государственный деятель, автор книг «Новый Органон» (1620), «Новая Атлантида» (1626) и др.

[124] Ульоа, Антонио (1716–1795) – испанский географ и астроном, автор нескольких книг об Америке. С 1766 г. губернатор испанской Луизианы.

[125] Бугер, Пьер (1698–1758) – французский физик, руководитель экспедиции в Перу в 1735–1742 гг., снаряженной Парижской академией наук.

говорит он, – описать степень их безразличия к богатству и всем его преимуществам. Никогда хорошенько не знаешь, чем соблазнить их, убеждая выполнить какую-нибудь работу. Предлагать им деньги бесполезно; они отвечают, что не голодны». А Ванегас[126] подтверждает все это, уверяя нас, что «у них нет никакого честолюбия, и они хотели бы, чтобы их считали скорей сильными, нежели храбрыми. Цели наших честолюбивых стремлений – почет, слава, доброе имя, богатство, высокое положение и отличия, им неизвестны. Таким образом эта могущественная пружина действий, причина стольких по видимости хороших, а *на самом деле* дурных поступков, не имеет над ними никакой власти. Одним словом, этих несчастных смертных можно сравнить с детьми, у которых ум еще не полностью развился».

Итак, все упомянутые свойства (хотя в непросвещенных государствах Греции их обладатели приобрели бы право на бессмертную славу за то, что осуществили на деле суровые аскетические правила, одни разговоры о которых доставили кое-кому из древних греков репутацию мудрецов и философов) были сочтены в данном случае явным признаком гнусной, скотской природы, неизмеримо более низкой, чем человеческая. Впрочем, милосердные отцы, постаравшиеся путем рассуждений превратить этих несчастных дикарей в бессловесных животных, выдвигают еще более веские доводы; ибо, как утверждают некоторые богословы шестнадцато-

[126] Ванегас, Гарсиа (XVI в.) – испанский конквистатор.

го века и среди них Луллий,[127] американцы ходят голые и у них не растет борода!.. «В них нет ничего, – говорит Луллий, – от разумного животного, если не считать внешнего обличия». Но даже это обличие мало могло помочь им, так как вскоре обнаружили, что кожа у них отвратительного медного цвета; а обладать кожей медного цвета – это все равно, что быть негром; а негры – черные, «а черный цвет, – говорили благочестивые отцы, набожно осеняя себя крестным знамением, – это цвет дьявола!». Следовательно, они не только неспособны были владеть собственностью, но не имели даже права на личную свободу – ибо вольность слишком лучезарное божество, чтобы поселиться в столь мрачных храмах. Все изложенные обстоятельства полностью убеждали добродетельных спутников Кортеса[128] и Писарро,[129] что эти нехристи не имели права на страну, которую они заполонили; что они порочные, невежественные, бессловесные, безбородые, голозадые, настоящее *черное семя*, просто дикие лесные звери и, подобно им, должны быть либо покорены, либо истреблены.

Итак, из приведенных выше доводов и из множества других, столь же убедительных, которые я не стану перечислять, было совершенно очевидно, что наша прекрасная страна, ко-

---

[127] Луллий, Антоний (XVI в.) – французский богослов.

[128] Кортес, Эрнан (1485–1547) – испанский завоеватель Мексики (1519–1521), грабивший и истреблявший коренное индейское население.

[129] Писарро, Франсиско (1471–1541) – испанский завоеватель Перу.

гда ее впервые посетили европейцы, представляла унылую пустыню, населенную только дикими зверями, и что пришельцы из-за океана приобрели ее в бесспорную собственность по *праву открытия*.

Полностью обосновав это право, мы переходим теперь к следующему, то есть к праву собственности, приобретаемому *возделыванием*. «Возделывание земли,[130] – говорят нам, – это обязанность, возложенная природой на человечество. Весь мир предназначен для пропитания его жителей; но это было бы невозможно, если бы он оставался невозделанным. Каждый народ, стало быть, обязан по закону природы возделывать землю, доставшуюся на его долю. Такие народы, которые, подобно древним германцам и современным татарам, владеют плодородными землями, но гнушаются их возделыванием и предпочитают жить грабежами, не выполняют своего долга и *заслуживают*, чтобы их истребили, как диких и вредных зверей[131]».

Известно, однако, что дикари, когда европейцы впервые увидели их, не имели никакого представления о земледелии, а вели самую беспорядочную, бродячую, нечестивую жизнь, вечно скитаясь и обильно пиршествуя за счет доброхотных даяний природы, не требуя от ее щедрости чего-нибудь боль-

---

[130] «Возделывание земли… – Ирвинг цитирует с небольшими сокращениями «Закон наций, или принципы естественного права» Ваттеля (I, 7, 81).

[131] Vattel – B. I, ch. 17. See likewise Grotius, Puffendorf, et alii..*Ваттель, т. гл. 17. См. также Греции, Пуффендорф и др.

шего; между тем уже давно было бесспорно доказано, что земле предопределено небесами быть вспаханной и засеянной, и удобренной, и отведенной под города и поселки, фермы, поместья, парки, общественные сады, о чем индейцы не имели ни малейшего понятия – следовательно, они оставили втуне дары, которыми их наделило провидение; следовательно, они были нерадивыми управителями; следовательно, они не имели права на землю; следовательно, они заслуживали, чтобы их истребили.

Правда, дикари могли бы возразить, что они получают от своей страны все блага, необходимые для удовлетворения их скромных потребностей – у них хватало дичи, съедобных корней и дикорастущих плодов земли, которые все вместе вносили достаточно разнообразия в их умеренные трапезы; и что, поскольку земле предназначено небесами просто служить местом обитания для человека и удовлетворять его потребности, то до тех пор, пока эти цели достигались, воля небес выполнялась. Но это только доказывает, насколько недостойны были индейцы окружавшей их благодати; из-за того, что у них было так мало потребностей, их с тем большим основанием следовало считать дикарями; ибо развитие знаний в какой-то мере означает рост желаний, а именно обилием и силой желаний человек отличается от животного. Поэтому индейцы, имевшие так мало потребностей, были очень неразумными животными; и было только справедливо, что им пришлось уступить место европейцам, у которых

тысяча желаний на каждое их одно и которые могли бы извлечь из земли больше пользы и, возделывая ее, более правильно выполнили бы волю небес. Кроме того, Греции, Лаутербах,[132] Пуффендорф и Тициус[133] и еще многие мудрые люди, как следует изучившие вопрос, пришли к заключению, что право собственности на страну не может быть приобретено охотой, рубкой леса или рытьем колодцев и что только точное установление границ и намерение возделывать землю могут создать право владения. А так как дикари (вероятно, потому, что они никогда не читали цитированных выше авторов) никогда не соблюдали ни одной из этих необходимых формальностей, то само собой разумеется, что они не имели прав на землю, каковая оказалась в полном распоряжении первых пришельцев, у которых больше знаний и больше потребностей, в распоряжении тех, кто разделит землю на участки, установив простейшие межевые знаки, и будет терзать природу, чтобы удовлетворить тысячу фантастических прихотей и причудливых желаний, и кто, конечно, будет куда более разумным животным, нежели они. Следовательно, по прибытии во вновь открытую невозделанную страну пришельцам оставалось лишь вступить во владение тем, что, согласно упомянутой выше доктрине, являлось их собственностью; следовательно, сопротивляясь им, дикари

---

[132] Лаутербах, Вольфганг Адам (1618–1678) – немецкий юрист.

[133] Тициус, Готтлиб Герхард (ум. 1714) – немецкий юрист, продолжавший труды Лаутербаха.

посягали на их бесспорные права, нарушали непреложные законы природы и противодействовали воле небес: следовательно, они были повинны в нечестии, воровстве и злоупотреблении обстоятельствами; следовательно, они были закоренелыми преступниками, нарушителями божеских и человеческих законов; следовательно, их надлежало истребить.

Но еще более бесспорное право, чем все, прежде мною упомянутые, право, которое охотней всего призна ет мой читатель, если только он преисполнен духа милосердия и человеколюбия; это право, приобретаемое распространением цивилизации. Всему миру известно, в каком плачевном состоянии застали этих бедных дикарей: они не только испытывали недостаток в жизненных благах, но, что еще хуже, были самым жалким и злополучным образом слепы к своей несчастной участи. Стоило, однако, милосердным жителям Европы узреть их печальное положение, как они немедленно взялись за работу, чтобы изменить и улучшить его. Они распространили среди индейцев такие радости жизни, как ром, джин и бренди, – и мы с изумлением узнае м, сколь быстро бедные дикари научились ценить эти блага; они также познакомили их с тысячью средств, при помощи которых облегчаются и исцеляются самые застарелые болезни; а для того, чтобы дикари могли постичь благодетельные свойства этих лекарств и насладиться ими, они предварительно распространили среди них болезни, которые предполагали лечить. Благодаря этим мерам и множеству других, положение злополучных дикарей

отменно улучшилось; они приобрели тысячу потребностей, о которых прежде не знали; и так как больше всего возможностей испытать счастье бывает у того, у кого больше всего неудовлетворенных потребностей, то они, без сомнения, стали гораздо счастливее.

Но самая важная ветвь цивилизации, особенно горячо превозносимая ревностными и благочестивыми пастырями католической церкви, это распространение христианской веры. Поистине, ужас могло внушить зрелище этих дикарей, блуждающих в потемках язычества и виновных в самом гнусном неведении религии. Правда, они никогда не крали и не обманывали; они отличались здравомыслием, скромностью, воздержанностью, никогда не изменяли своему слову; и хотя обычно поступали правильно, все равно это было втуне, ибо они действовали не по велению свыше. Поэтому вновь прибывшие, чтобы склонить их к принятию и исповедованию истинной веры, пользовались всеми способами, хотя сами примера им, конечно, не подавали.

Но, несмотря на все многообразные труды, направленные к их благу, упорство этих упрямых, жалких тварей было столь необычайным, что они, неблагодарные, отказывались признать чужеземцев своими благодетелями и решительно отвергали учение, которое им старались вдолбить в голову; при этом они самым наглым образом утверждали, что проповедники христианства, судя по их поведению, сами в него не верят. Разве это не переполняло чашу человеческого тер-

пения? Разве не следовало предположить, что прибывшие из Европы чужеземцы, рассерженные недоверием индейцев и обескураженные их непреклонным упорством, навсегда покинут их страну и предоставят им прозябать в первобытном невежестве и нищете? Но нет, они с таким рвением стремились обеспечить этих нечестивых язычников преходящими мирскими радостями и вечным спасением, что даже перешли от более мягких средств убеждения к более утомительным и хлопотливым средствам принуждения, спустив на них целые своры пылких монахов и свирепых собак-ищеек, спасая их души с помощью огня и меча, мученического столба и вязанки хвороста; в результате этих неослабных мер дело христианской любви и милосердия подвинулось весьма быстро, и через каких-нибудь несколько лет в Южной Америке не уцелело и одной пятой того числа неверных, что было в ней ко времени ее открытия.

Не были забыты и другие способы распространения цивилизации. Благодаря общению с белыми индейцы что ни день обнаруживали удивительные успехи. Они стали пить ром и заниматься торговлей. Они научились обманывать, лгать, сквернословить, играть в азартные игры, ссориться, перерезать друг другу горло, – короче говоря, преуспели во всем, чему первоначально были обязаны своим превосходством их христианские гости. Индейцы обнаружили такие изумительные способности к приобретению этих достоинств, что по прошествии столетия, если бы им удалось так долго выдер-

жать непреодолимые последствия цивилизации, они, несомненно, сравнялись бы в знаниях, утонченности, мошенничестве и распутстве с самыми просвещенными, цивилизованными и правоверными народами Европы.

Какое еще более веское основание на право владения страной могли выдвинуть европейские поселенцы? Разве все племена невежественных дикарей не получили представления о тысяче настоятельных потребностей и необходимых жизненных благ, о которых они прежде ровно ничего не знали? Разве на них поистине не охотились и не выкуривали их из логовищ и тайных убежищ невежества и неверия и буквально не гнали плетьми на праведный путь? Разве у них милостиво не отняли преходящие ценности, бесполезные побрякушки и грязные земные барыши, которыми были слишком заняты их суетные и себялюбивые мысли; и разве их не научили взамен обращать свою любовь к небесам? И наконец, пользуясь словами из письма одного почтенного испанского монаха настоятелю его монастыря в Испании: «Ни у кого нет оснований утверждать, что эти свирепые язычники хоть сколько-нибудь существенным образом вознаградили своих благодетелей, уступив им незначительный клочок жалкой подлунной планеты в обмен на славное наследие в царствии небесном!».

Итак, вот они, три полноценных и бесспорных источника возникновения права, каждого из которых было бы более, чем достаточно, для установления права собственности во

вновь открытых областях Америки. И в некоторых уголках этой чудесной части света случилось следующее: права первооткрывателей утверждались столь рьяно, новшества, связанные с возделыванием земли, вводились столь старательно, спасению душ и распространению цивилизации предавались с таким рвением, что в результате сопутствующих войн, карательных экспедиций, притеснений, болезней и других мелких зол, часто идущих по пятам за великими благами, дикие аборигены были так или иначе совершенно уничтожены. И это сразу же приводит меня к четвертому источнику права, которое стоит всех остальных, вместе взятых. Коль скоро первоначальные претенденты на землю все умерли и похоронены и не осталось никого, кто мог бы унаследовать ее или притязать на нее, то испанцы, как следующие насельники, непосредственно сменившие прежних, вступили во владение на столь же бесспорном основании, на каком палач наследует одежду преступника (и так как на их стороне Блэкстон[134] и прочие ученые толкователи законов, то они могут не обращать внимания на все иски о выселении), и это последнее право может быть названо ПРАВОМ ИСТРЕБЛЕНИЯ или, иначе говоря, ПРАВОМ ПОРОХА.

Но чтобы не оставалось ни малейших сомнений по этому поводу и чтобы вопрос о праве собственности был решен на

---

[134] Black. Com. B. II, c. I..*Блэкстон. Комментарии, т. II, гл. I.**Блэкстон, Вильям (1723–1780) – английский юрист, автор «Комментариев законов Англии» (1765–1769), на которые ссылается Ирвинг.

вечные времена, его святейшество папа Александр VI издал одну из тех знаменитых булл,[135] пред которыми отступают здравый смысл и любые доводы; в ней он великодушно пожаловал вновь открытую часть света испанцам и португальцам; они же, имея таким образом на своей стороне и закон, и слово божие, объятые великим духовным рвением, не проявляли в отношении диких язычников ни милости, ни любви, а с удесятеренным неистовством продолжали дело открытия, колонизации, цивилизации и истребления.

Стало быть, почтенные европейцы, первыми открывшие Америку, приобрели бесспорное право собственности на страну; право не только на страну, но также и на вечную благодарность язычников-дикарей за то, что они забрались в такую даль, подвергались стольким опасностям на море и на суше и так неустанно трудились – и все это лишь ради того, чтобы улучшить условия жалкого, нецивилизованного, языческого существования аборигенов, познакомив их с жизненными благами, вроде джина, рома, бренди и оспы, и, распространив среди них свет религии, поскорей отправить их в мир иной наслаждаться воздаянием за земные страдания!

Но так как мы, себялюбивые смертные, особенно хорошо воспринимаем доводы только тогда, когда они находят отклик в наших сердцах, и так как я крайне озабочен тем, что-

[135] …одну из тех знаменитых булл… – 28 мая 1493 г. папа римский Александр VI (1431–1503) даровал Новый Свет, открытый Колумбом, Фердинанду и Изабелле, королю и королеве Кастилии и Арагона, что послужило началом образования обширной испанской колониальной империи.

бы навсегда покончить с этим вопросом, то я приведу сходный пример, который должен глубочайшим образом заинтересовать моих читателей.

Итак, предположим, что жители Луны, благодаря изумительному развитию науки и глубокому проникновению в ту неисповедимую лунную философию, одно только мерцание которой в недавние годы ослепило слабые глаза[136] и взбаламутило поверхностные умы добрых граждан нашей Земли, предположим, говорю я, что жители Луны с помощью этих средств достигли такой власти над *силами природы* и таких завидных успехов в способности *совершенствоваться*, что овладели стихиями и плавают по безграничным просторам вселенной. Предположим, что во время воздушного путешествия для открытий среди звезд странствующая ватага этих парящих в высях философов случайно опустилась на нашу отсталую планету.

Здесь я попрошу моих читателей воздержаться от неуместной улыбки, в чем так часто бывают повинны легкомысленные люди, когда им приходится сталкиваться с серьезными философскими размышлениями. Я сейчас вовсе не склонен шутить; и предположение, которое я делаю, не так нелепо, как многие могут подумать. Для меня это уже давно важный и тревожный вопрос, и много, много раз среди

[136] …в недавние годы ослепило слабые глаза… – очевидно, имеется в виду популярный в те годы в Америке роман Чарлза Брокдена Брауна «Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулиста» (1799), в котором изображены лунатики, а также всеобщее увлечение книгами о сомнамбулизме.

тягостных забот и раздумий о благе и сохранности моей родной планеты лежал я целыми ночами без сна, обсуждая сам с собой, что представляется более вероятным: мы ли первыми откроем и цивилизуем Луну или же Луна откроет и цивилизует нашу Землю. Должен заметить, что такое чудо, как плавание в воздухе и путешествие среди звезд, было бы для нас ничуть не более удивительным и непостижимым, чем для простых дикарей таинственное могущество европейцев, прибывающих по водной стихии на плавучих крепостях. Мы уже открыли способ каботажного плавания вдоль атмосферных берегов нашей планеты с помощью воздушных шаров, подобно тому, как дикари некогда нашли способ передвигаться в своих челноках вдоль морских берегов; и различие между изобретенным нами шаром и воздушным кораблем философов с Луны, вероятно, не больше, чем различие между челноком дикарей, сделанным из древесной коры, и могучим кораблем тех, кто их открыл. Я мог бы здесь продолжить до бесконечности цепь весьма интересных, серьезных и бесполезных размышлений; но так как они не имеют существенного значения для рассматриваемого мною вопроса, я предоставляю их моему читателю – в особенности, буде он философ – как материал, достойный тщательного обсуждения.

Итак, вернемся к моему предположению, что воздушные посетители, упомянутые мною, обладают неизмеримо большими знаниями, нежели мы; я хочу сказать, обладают боль-

шими знаниями по части способов истребления – ведь они летают на гиппогрифах,[137] защищенных непроницаемой броней, вооружены концентрированными солнечными лучами и обладают громадными машинами для метания огромных лунных камней; короче говоря, предположим, что они – если наше тщеславие допустит подобное предположение – превосходят нас в знании, а следовательно, и в могуществе, в такой же степени, в какой европейцы превосходили индейцев, когда впервые открыли их страну. Все это вполне вероятно; только наше самомнение заставляет нас думать иначе, и я ручаюсь, что до того, как жители Америки узнали что-либо о белых, которые несли с собой все ужасы сверкающей стали и сокрушительного пороха, эти бедные дикари были решительно убеждены, будто они самые мудрые, добродетельные, могущественные и совершенные из человеческих созданий, как убеждены в этом в настоящее время надменные жители старой Англии, ветреный народ Франции и даже самодовольные граждане нашей просвещеннейшей республики.

Предположим далее, воздушные путешественники, обнаружив, что эта планета всего лишь мрачная пустыня, населенная нами, бедными дикарями, и дикими животными, формально вступят во владение ею от имени его всемилостивейшего и мудрейшего величества Лунного Человека. Обнаружив, однако, что их численность недостаточна для того, чтобы держать планету в полном повиновении из-за вар-

[137] Гиппогриф – мифическая крылатая лошадь.

варской свирепости ее жителей, они захватят нашего достопочтенного президента, короля Англии, императора Гаити, могущественного маленького Бонапарта и великого султана Бантама и, вернувшись на свою родную планету, доставят их ко двору, подобно тому, как индейских вождей возили напоказ к европейским дворам.

Затем, сделав поклон, какого требует придворный этикет, они обратятся к лунному владыке со следующими, насколько я могу себе представить, словами:

> «Светлейший и могущественнейший Государь, чьи владения простираются так далеко, как только может достичь глаз, ты, катающийся на Большой Медведице, пользующийся Солнцем вместо зеркала и самодержавно повелевающий приливами, лунатиками и морскими крабами. Мы, твои верноподданные, только что возвратились из путешествия для открытия новых стран, во время которого высадились вон на той темной, маленькой, захудалой планете, вращающейся на некотором расстоянии от нас, и вступили во владение ею. Пять странных чудовищ, доставленных нами пред твои августейшие очи, были некогда весьма могущественными вождями среди своих диких собратьев; ведь жители только что открытой нами планеты совершенно лишены обычных человеческих свойств, поскольку голова у них находится на плечах, а не под мышкой,[138] поскольку у них два глаза, а не

[138] Голова у них находится на плечах, а не подмышкой… – в описании

один, вовсе нет хвоста, а цвет их кожи непристойно-разнообразный, у некоторых даже отвратительно белый, тогда как у всех, жителей Луны он желто-зеленый!

Мы обнаружили также, что эти жалкие дикари погрязли в крайнем невежестве и разврате, ибо каждый мужчина бесстыдно живет со своей собственной женой и воспитывает своих собственных детей, вместо того, чтобы соблюдать общность жен, предписанную законами природы, как это разъяснено лунными философами. Одним словом, они едва ли в состоянии узреть сияние истинной философии и являются в сущности отъявленными еретиками, невеждами и варварами. Итак, сжалившись над печальной участью этих жалких подлунных тварей, мы старались, пока находились на их планете, распространить среди них свет разума и лунные блага. Мы угощали их глотками лунного сияния и веселящим газом, который они пожирали с невероятной жадностью, в особенности женщины; мы старались также внушить им правила лунной философии. Мы настаивали на том, чтобы они отказались от презренных пут религии и здравого смысла и стали поклоняться мудрой, всемогущей и совершеннейшей силе и высочайшему, неизменному, непоколебимому совершенству. Но таково было ни с чем не сравнимое упрямство этих жалких дикарей, что они продолжали настойчиво держаться своих жен и своей религии и решительно пренебрегли

жителей Луны Ирвинг использует некоторые мотивы из «Приключений барона Мюнхаузена» Э. Распэ, изданных в Лондоне в 1785 г.

возвышенным лунным учением – да что там, среди других чудовищных ересей они дошли даже до кощунственного утверждения, будто наша неизреченно славная планета сделана ни больше и ни меньше, как из зеленого сыра!».

При этих словах великий повелитель Луны (будучи очень глубокомысленным философом) непременно придет в ужасное волнение и, обладая таким же правом распоряжаться тем, что ему не принадлежит, каким некогда обладал его святейшество папа, немедленно издаст грозную буллу, гласящую: «Так как некая команда лунатиков недавно открыла маленькую, никчемную планету, именуемую *Землей*, и вступила во владение ею, и так как сия планета населена только двуногими животными, у которых голова находится на плечах, а не под мышкой, которые не умеют говорить на языке лунатиков, у которых два глаза, вместо одного, нет хвоста и кожа ужасающе белого цвета, вместо желто-зеленого, то поэтому, а также по множеству других превосходных причин, их следует считать неспособными владеть какой-либо собственностью на заполоненной ими планете, и право на нее утверждается за ее первооткрывателями. Кроме того, колонистам, которые собираются ныне отправиться на означенную планету, дозволяется и предписывается пользоваться всеми средствами, чтобы вывести этих неверных дикарей из тьмы христианства и превратить их в полных и законченных лунатиков».

В результате этой милостивой буллы наши философы-благодетели принимаются за работу с истинным рвением. Они захватывают наши плодородные земли, выгоняют нас из наших законных владений, избавляют нас от наших жен, а когда мы оказываемся настолько неблагоразумными, что начинаем жаловаться, они обращают против нас наше же оружие и говорят: «Несчастные варвары! Неблагодарные твари! Разве не проехали мы тысячи миль, чтобы улучшить жизнь на вашей ни на что не годной планете? Разве не кормили мы вас лунным сиянием, разве мы не одурманивали вас веселящим газом, разве наша Луна не дает вам свет каждую ночь? А у вас хватает низости роптать, когда мы требуем жалкого вознаграждения за все эти благодеяния!» Обнаружив, однако, что мы не только упорствуем в полнейшем пренебрежении к их доводам и неверии в их философию, а даже заходим так далеко, что дерзко защищаем нашу собственность, они, разумеется, теряют терпение и прибегают к своим самым могущественным аргументам: охотятся на нас с гиппогрифами, пронзают нас концентрированными солнечными лучами, уничтожают с помощью лунных камней наши города. И после того, как они силой заставят нас принять истинную веру, они, конечно, милостиво разрешат нам поселиться в знойных пустынях Аравии или в ледяных просторах Лапландии, наслаждаться там благами цивилизации и прелестями лунной философии – подобно тому, как обращенным в христианство и вкусившим просвещения дикарям нашей

страны любезно разрешают жить в негостеприимных северных лесах или в непроходимых дебрях Южной Америки.

Итак, я надеюсь, что мне удалось со всей очевидностью доказать, приведя разительные примеры, право первых колонистов на владение Америкой, и таким образом я могу считать, что полностью разделался с поставленным мною гигантским вопросом. Теперь, после того как я мужественно преодолел все препятствия и подавил всякое сопротивление, что остается мне делать, как не ввести тотчас же моих нетерпеливых и усталых от дальней дороги читателей в прославленный город, который мы столь долго, так сказать, осаждали?.. Но погодите; прежде, чем я сделаю следующий шаг, я должен остановиться, чтобы перевести дух и прийти в себя после изнурительных трудов, выпавших на мою долю, когда я готовился приступить к этому самому точному историческому исследованию. И в данном случае я только подражаю примеру знаменитого Ганса Вон-Дюндерботтома, который взял разбег в три мили, намереваясь перепрыгнуть через холм, но, запыхавшись к тому времени, когда достиг подножия, спокойно посидел несколько мгновений, чтобы отдышаться, а затем не спеша одолел его шагом.

КОНЕЦ КНИГИ ПЕРВОЙ

КНИГА ВТОРАЯ
Рассказывающая о первом поселении в провинции новые Нидерланды

ГЛАВА I

О том, как капитан Хендрик Гудзон, путешествуя в поисках Северо-Западного прохода, открыл знаменитую Нью-Йоркскую бухту, а также большую реку Мохеган, и о том, как он был великолепно награжден щедрыми Высокомощными Господами в навеки памятный год от рождения Христова 1609, марта 25-го дня ст. ст.), в прекрасное субботнее утро, когда веселый Феб, только что умывший свое лицо нежной росой и весенними ливнями, выглядывал из светлых окон востока с еще более, чем обычно, сияющим видом, «этот достойный и безвозвратно исчезнувший исследователь, капитан Генри Гудзон[139] *пустился в путь из*

[139] Гудзон, Генри (1550–1611) – английский мореплаватель на службе у Голландии, совершил четыре плавания в поисках северного прохода в Индию, открыл в Северной Америке реку, пролив и залив, названные его именем. Легенды о нем и команде его корабля «Полумесяц» нашли отражение в рассказах Ирвинга «Рип Ван Винкль» и «Дольф Хейлигер».

Голландии на прочном корабле Огильви[140] *называет его фрегатом, называвшемся «Полумесяц», имея от голландской «Ост-индской компании» предписание отыскать Северо-Западный проход в Китай.*

Об этом знаменитом путешествии сохранился до нашего времени рассказ, написанный с краткостью настоящего судового журнала Робертом Джуэтом[141] из Лайм-Хауза, судовым штурманом, который был избран историком этого путешествия, отчасти ввиду его незаурядных литературных талантов, но главным образом, как мне сообщили из верных источников, потому, что он был земляком и школьным товарищем великого Гудзона, вместе с которым часто убегал с занятий и пускал кораблики из щепы, когда был мальчишкой. Я имею, впрочем, возможность восполнить пробелы в записях господина Джуэта с помощью некоторых документов, переданных мне весьма почтенными голландскими семействами, а также с помощью различных семейных преданий, дошедших от моего прапрадедушки, который принимал участие в экспедиции в качестве юнги.

Судя по тому, что мне удалось узнать, во время этого путешествия произошло очень мало событий, достойных быть

---

[140] Огильви (правильно Огилби), Джон (1600–1676) – шотландский писатель, автор «Истории Америки» (1671).

[141] …судовой, журнал Роберта Джуэта – речь идет об отчете Джуэта «Третье путешествие капитана Генри Гудзона», напечатанном в книге «Странствования Сэмюеля Парчеса», изданной в Лондоне в 1625 г.

отмеченными; и я чрезвычайно огорчен, что мне приходится в своем труде ограничиться простым упоминанием о столь знаменитой экспедиции… О! Если бы я обладал преимуществами самого достоверного писателя древности, Аполлония Родосского,[142] который в своем рассказе о прославленном плавании аргонавтов имеет к своим услугам всю мифологию и возводит Язона и его товарищей в ранг героев и полубогов, хотя весь мир знает, что они были просто шайкой овцекрадов, пустившейся в грабительскую экспедицию… Или же если бы я мог, подобно господину Гомеру и господину Вергилию, оживлять мой рассказ, вводя в него великанов и листригонов,[143] изредка развлекать наших честных моряков концертом сирен и наяд, а время от времени – редкостным зрелищем почтенного старого Нептуна и его флотилии резвых корсаров. Но, увы! давно миновали те добрые старые времена, когда проказливые божества самолично спускались на наш земной шар и подшучивали над его изумленными жителями. Нептун объявил эмбарго в своих владениях, и смелые тритоны, подобно списанным с кораблей матросам, остались без работы, если только старый Харон не пожалел их и не взял к себе на службу, чтобы они дули в свои раковины и трудились у него паромщиками. Во всяком слу-

---

[142] Аполлоний Родосский (295–215 до н. э.) – древнегреческий поэт и грамматик, автор) поэмы «Аргонавтика» о мифическом путешествии за золотым руном.

[143] Листригоны – легендарное племя гигантов. Гомер говорит, что они были людоеды и съели многих спутников Одиссея.

чае, о них не упоминал ни один из наших современных мореплавателей, которые не реже своих древних предшественников встречаются с чудесами; ничего не сообщалось о них и в самой обстоятельной и достоверной морской летописи, «Нью-Йоркской газете», издаваемой Соломоном Лэнгом. В наше вырождающееся время не часто случается видеть Кастора и Поллукса, эти пылающие метеоры, что сверкают в бурю на мачтах кораблей; зловещий морской призрак – Летучий Голландец,[144] этот мрачный символ смерти, внушающий ужас всем опытным морякам, лишь изредка встречается теперь почтенным капитанам!

Итак, достаточно сказать, что плавание было успешным и спокойным, так как команда состояла из терпеливых людей, очень склонных к дремоте и безделью и почти не страдавших недугом мышления – душевным заболеванием, неизменно порождающим недовольство. Гудзон погрузил обильный запас джина и кислой капусты, и каждому матросу разрешалось мирно спать на своем посту, если только не дул ветер. Правда, в двух, трех случаях проявилось легкое недовольство неразумным поведением командора Гудзона. Так, например, он не желал убавлять парусов при легком ветре и ясной погоде, что самые опытные голландские моряки считали определенным *вызовом погоде* или предвестником ее ухуд-

[144] Летучий Голландец – призрачный корабль, встречаемый, согласно легенде, в бурную погоду вблизи Мыса Доброй Надежды и предвещающий беды и несчастья.

шения. Больше того, он поступал как раз наперекор древнему и мудрому правилу голландских мореплавателей, которые вечером всегда убирали паруса, клали лево руля и завалились спать; благодаря этим предосторожностям они хорошо отдыхали за ночь, были уверены, что будут знать на следующее утро, где они находятся, и почти не подвергались опасности наткнуться в темноте на материк. Гудзон запретил также морякам надевать больше пяти курток и шести пар штанов под предлогом, что им следует, быть более подвижными; ни одному человеку не разрешалось взбираться на мачту и возиться с парусами, держа трубку в зубах, как это неизменно принято у голландцев до настоящего времени. Все эти обиды, хотя и могли на мгновение нарушить прирожденное спокойствие голландских матросов, оказывали лишь преходящее влияние; моряки ели до отвала, пили, сколько влезет, и без всякой меры спали. Находясь под особым покровительством провидения, корабль благополучно достиг берегов Америки: там, после того, как судно несколько раз приближалось к берегу, удалялось от него и снова шло прежним курсом, оно 4-го сентября вошло, наконец, в величественную бухту, которая и сегодня расстилает свою широкую гладь перед городом Нью-Йорком и которую до тех пор не посещал ни один европеец.

Правда – и это обстоятельство мне небезызвестно – в одной апокрифической книге путешествий, составленной

неким Хеклутом,[145] приведено письмо, написанное Франциску I неким Джованни или Джоном Вераццани,[146] из которого некоторые ученые склонны сделать вывод, что европейцы посетили чудесную бухту почти на столетие раньше путешествия предприимчивого Гудзона. Этому сообщению (хотя оно и было встречено с одобрением некоторыми здравомыслящими и учеными людьми) я совершенно не верю, притом по нескольким веским и существенным причинам. *Во-первых*, потому, что при тщательном изучении можно обнаружить, что приведенное Вераццани описание так же подходит к Нью-Йоркской бухте, как к моему ночному колпаку. *Во-вторых*, потому, что этот Джон Вераццани, к которому я начинаю питать самую лютую злобу, уроженец Флоренции; а всем известно низкое коварство этих флорентийских лежебок, с помощью которого они похитили лавры из рук бессмертного Колона (обычно называемого Колумбом) и наделили ими своего пронырливого земляка Америго Веспуччи. Я не сомневаюсь, что они способны ограбить и знаменитого Гудзона, отняв у него честь открытия этого прекрасного острова, украшенного городом Нью-Йорком, и приписав ее себе, вместе с незаконно присвоенной заслугой открытия Юж-

---

[145] Хеклут, Ричард (1552–1616) – английский историк и географ, автор книги «Различные путешествия касательно открытий Америки» (1582).

[146] Вераицани, Джованни (1480–1527) – флорентийский мореплаватель, первым из европейцев побывавший в нью-йоркской бухте на корабле «Дофин» в 1524 г., о чем он сообщает в письме к французскому королю Франциску I (1494–1547), опубликованном в 1556 г.

ной Америки. *В-третьих*, я высказываюсь в пользу притязаний Хендрика Гудзона, поскольку его экспедиция, будучи воистину и полностью голландским предприятием, отплыла из Голландии; и пусть другая сторона приводит любые доказательства, я отвергну их, как незаслуживающие моего внимания. Если этих трех причин недостаточно, чтобы удовлетворить всех жителей нашего старинного города, то я могу лишь сказать, что они недостойные потомки своих почтенных голландских предков и совершенно не стоят того, чтобы люди тратили силы для их убеждения. Итак, права Хендрика Гудзона на его знаменитое открытие полностью доказаны.

В нашей семье сохранилось предание, что когда великому мореплавателю посчастливилось увидеть этот очаровательный остров, он в первый и единственный раз в своей жизни высказал явные признаки удивления и восхищения. Говорят, он обернулся к штурману Джуэту и, указывая на этот рай Нового Света, произнес следующие замечательные слова: «Смотри! Там!» После чего он выпустил такие густые облака табачного дыма (как он всегда имел обыкновение делать, когда был особенно доволен), что с корабля тотчас перестали видеть землю, и штурману Джуэту пришлось ждать, пока ветер рассеет непроницаемый туман.

«Это было действительно, – говаривал мой прапрадедушка, хотя, по правде, я никогда не слышал его, ибо он умер, как легко догадаться, до того, как я родился, – это было действительно местечко, которым взор мог вечно упивать-

ся, открывая для себя все новые нескончаемые красоты». Остров Манна-хата[147] широко расстилался перед ними, как сладостное фантастическое видение или прекрасное создание искусного чародея. Его нежно-зеленые холмы мягко возвышались один над другим, увенчанные могучими, пышно разросшимися деревьями. У некоторых из них сужающаяся кверху крона была обращена к восхитительно прозрачным облакам; другие, отягощенные зеленым бременем вьющихся растений, пригибали свои ветви к земле, покрытой цветами. Пологие склоны холмов в буйном изобилии поросли дереном, сумахом и диким шиповником, алые ягоды и белые цветы которого ярко сверкали среди темной зелени окружающей листвы; тут и там клубы дыма, поднимаясь над маленькими долинами, открывавшимися в сторону моря, казалось, обещали усталым путешественникам ласковый прием со стороны их ближних. Когда они стояли, с восторженным вниманием вглядываясь в представшее их взору зрелище, из одной долины появился краснокожий мужчина; над его головой развевались перья. В молчаливом изумлении он некоторое время созерцал прекрасный корабль, державшийся на воде, как стройный лебедь, плывущий по серебряному озеру, затем испустил военный клич и, подобно дикому оленю, стремительно бросился в лес, к крайнему удивлению флег-

[147] Остров Манна-хата (ныне Манхаттан) – остров, на котором расположена в настоящее время центральная часть Нью-Йорка. В 1626 г. был «куплен» у индейцев за побрякушки стоимостью в 24 доллара первым губернатором Нового Амстердама Петером Минюйтом.

матичных голландцев, которые за всю свою жизнь ни разу не слышали такого крика и не видели таких прыжков.

Я не буду говорить о том, как происходило общение между нашими искателями приключений и дикарями, о том, что последние курили медные трубки и ели коринку, о том, что они принесли большой запас табаку и устриц, о том, как они застрелили одного из членов судовой команды и как его похоронили, ибо все это я считаю для моей истории несущественным. Проведя в бухте несколько дней, чтобы покурить на досуге трубки и отдохнуть после морского плавания, наши путешественники снялись с якоря и отважно поднялись вверх по течению могучей реки, впадавшей в бухту. Эта река, по слухам, была известна дикарям под названием *Шатемук*, хотя в небольшом прекрасном историческом труде, опубликованном в 1674 году Джоном Джосселином, [148] джентльменом, нас уверяют, что она называлась Мохеган, [149] и господин Ричард Блум, писавший несколько позже, утверждает то же самое, так что я сильно склоняюсь в пользу мнения этих двух почтенных джентльменов. Как бы там ни было, эта река называется теперь Гудзон, и в верхнем ее течении

---

[148] Джосселин, Джон (XVII в.), – английский писатель, прожил много лет в английских колониях Северной Америки, автор двух книг о Северной Америке, изданных в Лондоне: «Редкости Новой Англии» (1672), «Отчет о двух путешествиях в Новую Англию» (1674), которые Ирвинг использовал в своей «Истории».

[149] На карте Огилва эта река изображена также под названием Манхаттан, Ноордт, Монтень и Мауриниус.

проницательный Хендрик почти наверняка надеялся найти столь упорно разыскиваемый проход в Китай!

Далее в судовом журнале рассказывается о нескольких встречах команды с туземцами во время плавания вверх по реке, но так как эти встречи не имеют отношения к моей истории, я обойду их молчанием и остановлюсь только на следующей грубой шутке, сыгранной старым капитаном и его школьным товарищем Робертом Джуэтом. Она делает такую честь их практической философии, что я не могу не упомянуть о ней. «Наш капитан и его штурман решили подвергнуть испытанию некоторых местных вождей, чтобы узнать, склонны ли они к предательству. Они привели туземцев к себе в каюту и угостили таким количеством вина и водки, что те развеселились; один из них был с женой, которая вела себя так скромно, как ведут себя наши соотечественники в незнакомом месте. Под конец туземец, остававшийся у нас на корабле все время, пока мы стояли там, опьянел, что показалось им странным, ибо они не знали, как к этому отнестись».[150]

Убедившись благодаря этому глубокомысленному опыту, что туземцы были честным, общительным народом, беспечными забулдыгами, всегда готовыми кутнуть, и становились очень веселыми во время попоек, старый командор громко хихикнул, заложил за щеку двойную порцию табаку, прика-

[150] Juet's Journ. Purch. Pil..*Судовой журнал Джуэта, в «Странствованиях» Парчеса

зал штурману Джуэту тщательно все записать к удовлетворению всех натурфилософов Лейденского университета, после чего продолжил свое путешествие, вполне довольный собой. Пройдя, однако, свыше сотни миль вверх по реке, он обнаружил, что водное пространство вокруг становится более мелким и тесным, течение – более быстрым и вода совершенно пресной – явления, обычно наблюдаемые в верховьях реки, но сильно озадачившие честных голландцев. Было поэтому устроено совещание наших новых аргонавтов; проспорив шесть часов, они приняли решение, подсказанное тем, что корабль сел на мель, из чего они единодушно заключили, что, двигаясь в этом направлении, они вряд ли попадут в Китай. Все же для исследования реки выше по течению снарядили шлюпку, по возвращении которой они укрепились в своем мнении, после чего корабль снялся с якоря и повернул в обратный путь, что было выполнено с большим трудом, так как он плохо поддавался управлению. Отважный Гудзон, по выражению моего прапрадедушки, вернулся в низовья реки, не солоно хлебавши!

Убедившись в том, что у него мало надежды попасть в Китай, если только он, подобно слепцу, не вернется туда, откуда пустился в путь, и не начнет все сначала, он тотчас же пересек океан в обратном направлении и прибыл в Голландию, где его весьма радушно приветствовала почтенная «Ост-индская компания», очень обрадованная тем, что он благополучно вернулся – вместе с принадлежавшим ей ко-

раблем. На многолюдном собрании именитых купцов и бургомистров Амстердама было единодушно решено, что в качестве щедрого вознаграждения за оказанные выдающиеся услуги и за совершенное им важное открытие большая река Мохеган должна быть названа его именем! И она до наших дней продолжает называться Гудзоном.

ГЛАВА II

Содержащая рассказ о громадном ковчеге, который под покровительством святого Николая переплыл из Голландии к острову Виселицы, о высадке с него странных Животных, о великой победе, а также описание старинной деревни Коммунипоу.

Обольстительные рассказы великого Гудзона и штурмана Джуэта об открытой ими стране возбудили немало разговоров и размышлений среди славного голландского народа. Правительство пожаловало товариществу купцов, названному «Вест-индской компанией», письменный патент на исключительное право торговли на берегах Гудзона, где она построила факторию, названную Форт-Аурания, или Орендж, ныне богатый и гостеприимный город Олбани. Но я не стану задерживаться на возникавших там различных торговых и колонизаторских предприятиях; в их числе было и предприятие мингера Адриана Блока,[151] открывшего и назвавшего своим именем остров Блок, который славится с тех пор сыром. Я ограничусь только событиями, положившими начало нашему знаменитому городу.

Через три-четыре года после возвращения бессмертного

[151] Блок, Адриан – голландский мореплаватель и купец, совершивший в 1613 г. путешествие вверх по Гудзону.

Хендрика группа честных, добронамеренных, медноголовых нижнеголландских колонистов пустились в путь из города Амстердама к берегам Америки. Какой непоправимой потерей для истории и каким убедительным доказательством темноты той эпохи и прискорбного пренебрежения к благородному искусству стряпанья книг, с тех пор столь усердно развиваемому многоопытными капитанами и щеголеватыми стивидорами,[152] является то обстоятельство, что такая интересная и важная по своим результатам экспедиция была обойдена полным молчанием. Опять же моему прапрадедушке я обязан теми немногими сведениями о ней, которые могу сообщить, ибо он еще раз отправился в эту страну, твердо решив, по его словам, окончить здесь свои дни и дать начало роду Никербокеров, призванных стать на новой отчизне великими людьми.

Корабль, на котором пустились в путь эти знаменитые искатели приключений, назывался «Гуде вроу», то есть «Добрая женщина», в честь жены директора «Вест-индской компании», всеми (за исключением ее супруга) считавшейся чрезвычайно кроткой особой, когда она не была пьяна. Это поистине прекрасное судно самого лучшего голландского образца построили искуснейшие корабельные плотники Амстердама, которые, как хорошо известно, всегда придают кораблям чудесные формы женщин своей страны. Оно имело поэтому сто футов в киле, сто футов в бимсах и сто футов

[152] Стивидор – лицо, ведающее погрузкой и разгрузкой судов в портах.

от основания ахтерштевня до гакаборта. Подобно общепризнанной первой красавице Амстердама, по чьему образцу его создали, оно было тупоносое, с двумя огромными крамболами, медной обшивкой подводной части, а также небывало громадной кормой!

Строитель корабля, человек религиозный, отнюдь не пожелал украсить корабль языческими идолами, например, Юпитером, Нептуном или Геркулесом (я не сомневаюсь, что эти языческие мерзости являются причиной несчастий и крушений многих благородных судов), а напротив, с похвальным благочестием воздвиг на носу прекрасную фигуру святого Николая в низкой широкополой шляпе, в широченных фламандских штанах до колен и с трубкой, доходившей до конца бушприта. Столь великолепно оснащенный и прочный корабль, подобно величественному гусю, выплыл боком из гавани славного города Амстердама, и все колокола, не занятые ничем другим, подняли перезвон по такому радостному случаю.

Мой прапрадедушка отмечает, что плавание было необычайно благополучным, так как, находясь под особым покровительством всеми почитаемого святого Николая, «Гуде вроу» обладала, по-видимому, достоинствами, неведомыми обыкновенным судам. Так, она столько же дрейфовала, сколько шла вперед, могла двигаться с противным ветром почти так же быстро, как и с попутным, и великолепно вела себя во время штиля; в результате этих замечательных пре-

имуществ ей удалось совершить плавание всего за несколько месяцев и стать на якорь в устье Гудзона немного восточней острова Виселицы.[153]

Там, подняв кверху глаза, они увидели на берегу, называемом теперь Джерсийским, индейскую деревушку, живописно спрятавшуюся в роще раскидистых вязов, и туземцев, которые все собрались на берегу и глазели в тупом восхищении на «Гуде вроу». Немедленно была отправлена шлюпка, чтобы вступить с ними в переговоры; когда она приближалась к берегу, с нее стали окликать индейцев в рупор, обращаясь к ним в самых дружелюбных выражениях. Но несчастные дикари пришли в такое страшное смятение от ужасных и странных звуков нижнеголландского языка, что все, как один, убежали без оглядки, перемахнули через Бергенские холмы и остановились лишь тогда, когда залезли по уши в болото, по ту сторону холмов, где все до единого в мучениях погибли. Их костя, собранные и благопристойно захороненные обществом Таммани[154] тех дней, образовали странный вал, называемый Холм Гремучей змеи и выступающий посреди соленых болот, немного к востоку от Ньюаркской дороги.

Воодушевленные этой неожиданной победой, наши доб-

---

[153] Названного так, потому что некий Джозеф Эндрус, пират и убийца, был повешен, закованный, на этом острове 23 мая 1769 года. – Издатель.

[154] Общество Таммани – благотворительное общество, основанное в 1789 г. и названное по имени индейца, у которого основатель Пенсильвании Вильям Пенн купил землю. (1670). В XIX в. Общество Таммани в Нью-Йорке стало центром демократической партии, главари которого заправляли делами города.

лестные герои торжествуя, выпрыгнули на берег, от имени Высокомощных Господ Генеральных Штатов[155] вступили, как завоеватели, во владение окрестной страной и, бесстрашно двигаясь вперед, захватили приступом деревню Коммунипоу, где некому было оказать им сопротивление, кроме десятка старых сквау и ребятишек, которых победители замучили до смерти своим нижнеголландским наречием. Оглянувшись вокруг, они пришли в восторг от великолепия местности и почти не сомневались, что блаженный святой Николай привел их сюда, как в самое подходящее место для основания колонии. Мягкая земля изумительно подходила для забивания свай; топи и болота, лежавшие вокруг, предоставляли богатые возможности для постройки запруд и плотин; мелководье у берегов исключительно благоприятствовало строительству доков, – одним словом, эти места изобиловали всеми неудобствами и препятствиями, какие может создать вода и какие необходимы для основания большого голландского города. Поэтому, когда экипажу «Гуде вроу» обо всем в точности рассказали, все единодушно решили, что это был конец их путешествия, предопределенный судьбой. Итак, они, мужчины, женщины и дети, радостно сошли с «Гуде вроу», как вышли когда-то животные из ковчега, и создали преуспевающее поселение, которому дали индей-

[155] Господа Генеральные Штаты – наименование Голландии, фигурировавшее в договорах и других официальных документах того времени. В XVII в. Генеральные Штаты были верховным органом Соединенных провинций (Голландии).

ское название Коммунипоу.

Так как Коммунипоу всем прекрасно известно, то может показаться излишним, что я говорю о нем в этом труде. Но я прошу моих читателей помнить, что, хотя мое главное желание – улучшить теперешний наш век, я пишу также и для потомства и должен сообразовываться с понятиями и интересами десятка веков, которым еще предстоит настать. Возможно, к тому времени великий Коммунипоу, подобно Вавилону, Карфагену, Ниневии и другим великим городам, совершенно исчез бы из памяти людей, погрязнув в собственных отбросах, он был бы забыт, а его обитатели превратились бы в устриц «Люди в результате бездеятельности превращаются в устриц» (Каймес[156]). и даже его местонахождение стало бы предметом бесконечных ученых споров и хитроумных разысканий неутомимых историков, и только моя бесценная история избавит его от этой участи. Разрешите же мне благоговейно спасти от забвения скромные воспоминания о месте, представлявшем собой то яйцо, из которого вылупился могущественный город Нью-Йорк!

Теперь Коммунипоу – всего лишь деревушка, прелестно расположенная среди сельского ландшафта в той живописной части Джерсийского берега, которая в старинных преданиях была известна под названием Павония и господству-

---

[156] Кеймс, Генри Хоум (1696–1782) – шотландский писатель. Ирвинг цитирует из его книги «Шесть очерков истории человека», изданной в Филадельфии в 1776 г.

ет над обширным пространством великолепной Нью-Йоркской бухты. От Нью-Йорка Коммунипоу отстоит всего в получасе плавания, если ветер достаточно свежий, и ясно различим из города. Больше того, хорошо известно (я могу это подтвердить на основании собственного опыта), что в ясный тихий летний вечер с Нью-йоркской батареи можно расслышать, как в Коммунипоу оглушительно хохочут во все горло голландские негры, которые, подобно большинству других негров, славятся своим умением посмеяться. Особенно хорошо их бывает слышно воскресными вечерами, когда они смеются громче всего, как установил один вдумчивый и наблюдательный философ, совершивший крупные открытия в окрестностях Нью-Йорка; он приписал это тому обстоятельству, что они наряжаются в праздничную одежду.

Эти негры, подобно монахам в средние века, представляют сущий кладезь познаний обо всей округе и, будучи бесконечно более предприимчивыми и сведущими, чем их хозяева, ведут всю иностранную торговлю, совершая частые путешествия в город в челноках, груженных устрицами, пахтаньем и капустой. Они – великие астрологи и предсказывают изменения погоды почти так же точно, как календарь; кроме того, они прекрасно играют на трехструнной скрипке; свист их почти столь же могуществен, как прославленная лира Орфея, ибо ни одна лошадь, ни один бык в округе, запряженные в плуг или в телегу, не тронутся с места, пока не услышат хорошо знакомый им свист их черного погонщика и товари-

ща, А благодаря удивительной сноровке, с которой они считают на пальцах, к ним относятся с неменьшим почтением, чем относились когда-то к ученикам Пифагора, знакомым с тайнами священных четверок чисел.

Что же касается честных голландских бюргеров из Коммунипоу, то как мудрые люди и здравомыслящие философы они никогда не заглядывают дальше своих трубок и не тревожатся о делах, непосредственно их не касающихся; поэтому они живут в глубоком и завидном неведении всех тревог, беспокойств и потрясений нашей сумасшедшей планеты. Мне даже говорили, будто многие из них воистину верят, что Голландия, о которой они столько наслышались из преданий, расположена где-то на Лонг-Айленде, что Спайкинг-Девил и Нарроус представляют собой два конца света, что их страна все еще находится под властью Высокомощных Господ; и что город Нью-Йорк все еще носит название Новый Амстердам. Каждую субботу после обеда они встречаются в единственной таверне Коммунипоу, над которой в качестве вывески висит квадратноголовое подобие принца Оранского,[157] и молча выкуривают там трубку ради споспешествовавши общему веселью и неизменно выпивают кружку сидра за успехи адмирала Вон-Тромпа,[158] по их представлениям, все

[157] Принц Оранский, Вильям (1533–1584) – основатель Голландской республики, один из деятелей нидерландской буржуазной революции.

[158] Вон-Тромп, Мартин (1597–1653) – голландский мореплаватель, разбивший у Дувра флот английского адмирала Роберта Блейка (1652), после чего проплыл по Ламаншу с привязанной к мачте метлой в знак того, что он вымел англичан с

еще мчащегося по Английскому каналу, неся щетку на верхушке своей мачты.

Короче говоря, Коммунипоу представляет собой одну из многочисленных деревушек по соседству с этим самым прекрасным городом, одну из тех крепостей и твердынь, где укрылись первобытные обычаи наших голландских предков и где их продолжают благоговейно и со скрупулезной тщательностью хранить. Одежда первоначальных поселенцев нерушимо передается по наследству от отца к сыну; те же широкополые шляпы, кафтаны с широкими полами и штаны с широкой мотней переходят из поколения в поколение; там все еще носят на коленях громадные пряжки масивного серебра, которыми хвастались щеголи во времена патриархов Коммунипоу. Язык также остается неизменным и не подвергается варварским нововведениям; и деревенский учитель говорит столь педантично правильно, что чтение им нижнеголландского псалма оказывает на нервы почти такое же действие, как визг ручной пилы.

моря. Однако в следующем году сам был разбит англичанами.

ГЛАВА III

В которой рассказывается о подлинном искусстве торговли, а также о таинственном исчезновении великой столицы в тумане и о том, как несколько смельчаков отправились из Коммунипоу в опасную экспедицию для основания колонии.

В краткости отступлении, завершившем мою последнюю главу, я отдал сыновний долг, которым город Нью-Йорк обязан Коммунипоу, как материнскому поселению; нарисовав достоверную картину, какую эта деревня являет в наши дни, я со спокойным чувством самоудовлетворения возвращаюсь к повествованию о ее ранней истории. Экипаж «Гуде вроу» был вскоре усилен свежим пополнением из Голландии, и поселение бодро продолжало расти и преуспевать. Соседние индейцы быстро привыкли к странным звукам голландского языка, и между ними и пришельцами постепенно установились мирные отношения. Индейцы были очень склонны к длительным беседам, а голландцы – к длительному молчанию; следовательно, с этой точки зрения они вполне подходили друг к другу. Вожди произносили длинные речи о большом быке, вабеше и великом духе, а голландцы очень внимательно слушали их, курили трубки и бормотали «jah,

mynher»,[159] отчего бедные дикари приходили в чрезвычайный восторг. Они обучили новых поселенцев наилучшему способу сушки и курения табака, а те в свою очередь поили их настоящей голландской можжевеловой водкой, а затем учили искусству ведения торга.

Вскоре началась оживленная торговля мехами; голландские торговцы были безукоризненно честны в своих сделках и покупали на вес, установив в качестве неизменных мер веса, что рука голландца весит один фунт, а его нога два фунта. Правда, простодушные индейцы удивлялись огромному несоответствию между объемом и весом, ибо, как бы ни были велика связка мехов, положенная ими на одну чашу весов, стоило голландцу положить свою руку или ногу на другую чашу, как связка обязательно взлетала вверх. Не было случая, чтобы на коммунипоуском рынке партия мехов весила больше двух фунтов!

Это, конечно, странное обстоятельство, но я знаю о нем непосредственно от моего прапрадедушки, который стал в колонии влиятельным человеком, так как вследствие необычайной тяжести его ноги был назначен на должность весовщика.

Голландские владения в этой части света процветали и были теперь известны под общим названием Новые Нидерланды, несомненно по причине их крайнего сходства с голландскими Нидерландами – если не считать того, что в пер-

[159] Да, сударь (голл.).

вых местность была пересеченная и гористая, а в последних – ровная и болотистая. Примерно в те же годы спокойствию голландских колонистов суждено было оказаться временно нарушенным. В 1614 году капитан сэр Сэмюел Аргол,[160] совершавший плавание по приказу Дейла,[161] губернатора Виргинии, посетил голландские поселения на реке Гудзон и потребовал, чтобы они подчинились английской короне, признав над собой власть ее заморской виргинской колонии. Этому надменному требованию голландцы как осторожные и рассудительные люди временно подчинились, ибо не имели возможности сопротивляться.

По-видимому, доблестный Аргол не потревожил поселок Коммунипоу; напротив, как мне говорили, едва его корабль показался на горизонте, достойных бюргеров охватил такой панический страх, что они принялись с небывалым рвением курить трубки, в результате чего вскоре поднялось облако, которое, нависнув над прекрасной Павонией, окутало их любимую деревню и совершенно скрыло ее от взоров вместе с окрестными лесами и болотами. Таким образом, страшный капитан Аргол проплыл мимо, вовсе и не подозревая, что под покровом зловонного дыма, уютно растянувшись в грязи, расположилось отважное голландское поселеньице. В па-

---

[160] Аргол, Сэмюел (1580–1626) – английской мореплаватель; история его плавания рассказана в книге Бошама Плантагенета «Описание провинции Новый Альбион», изданной в Лондоне в 1648 г.

[161] Дейл, Томас (ум. 1619) – губернатор Виргинии.

мять об этом счастливом избавлении его достойные жители продолжали почти беспрерывно курить вплоть до настоящего дня; и это, как утверждают, является причиной достопримечательного тумана, который часто висит над Коммунипоу во вторую половину дня даже при ясной погоде.

После ухода врага нашим доблестным предкам понадобилось целых шесть месяцев, чтобы отдышаться, так как ужас и стремительность событий их чрезвычайно расстроили. Затем они созвали совет по поддержанию безопасности, чтобы попыхтеть трубками о состоянии страны. Еще через шесть месяцев зрелого размышления, в течение которых было произнесено около пятисот слов и выкурено почти столько же табаку, сколько хватило бы иному современному генералу на целую зимнюю кампанию беспробудного пьянства, было решено снарядить вооруженную флотилию и отправить ее в разведывательную экспедицию, чтобы отыскать, если окажется возможным, какое-нибудь более надежное место, где колония была бы менее подвержена докучливым посещениям.

Это опасное предприятие было доверено попечению мингеров Олофа Ван-Кортландта, Абрахама Харденбрука, Якобуса Ван-Зандта и Вейнанта Тен Брука – четырех несомненно великих людей, о жизни которых до того, как они покинули Голландию, мне удалось мало что узнать, хотя я и произвел тщательные изыскания. Это обстоятельство не должно особо удивлять; ведь искатели приключений, как и про-

роки, создают много шума в чужих краях, но редко бывают особо знамениты у себя на родине; однако хорошо известно, что из страны неизменно вымываются и уносятся самые богатые частицы почвы. Здесь я не могу воздержаться, чтобы не отметить, как удобно было бы для многих наших великих людей и знатных семейств сомнительного происхождения, если бы они обладали преимуществом древних героев, которые в том случае, если их происхождение было окутано мраком, скромно заявляли, что они происходят от бога, и которые, посещая чужую страну, всякий раз рассказывали там кучу небылиц о том, что у себя дома они были королями и принцами. В нынешний скептический деловой век это невинное отступление от истины встречает решительное осуждение, хотя в нашей стране добродушной доверчивости к нему и прибегали мнимые маркизы, баронеты или другие знатные иностранцы. И я даже сомневаюсь, удастся ли теперь какой-нибудь нежной девственнице, которая случайно и непонятным образом обзавелась младенцем, спасти свою репутацию, обсуждаемую у камина в гостиной или за вечерним чаем, если она припишет это чудесное явление лебедю, или золотому ливню, или речному богу.[162]

Таким образом, будучи совершенно лишен благодеяний мифологии и классических легенд, я был бы в полном неве-

[162] …лебедю, или золотому ливню, или речному богу – в древнегреческой мифологии Зевс явился Леде, жене царя Спарты, приняв вид лебедя, Данае, дочери аргосского царя – в виде золотого дождя, Европе, дочери финикийского царя, – в образе быка, переплывшего с нею на Крит.

дении относительно ранних лет жизни моих героев, если бы сами имена не проливали свет на их происхождение.

Этим простым способом мне удалось собрать некоторые сведения, касающиеся упомянутых искателей приключений. Ван-Кортландт, например, был одним из тех философов-перипатетиков, которые возлагали на провидение обязанность посылать им средства к существованию и, подобно Диогену, довольствовались даровым помещением на свежем воздухе. Он всегда был облачен в одежды, соответствующие его состоянию, живописно обтрепанные и перекроенные на новый лад рукою времени. На макушке у него торчал кусок старой шляпы, принявший форму сахарной головы. Рассказывают, будто он столь далеко простирал свое презрение к внешним приличиям в одежде, что клок рубахи, прикрывавший его спину и торчавший, как носовой платок, из дыры в его штанах, никогда не стирался и мыли его разве только щедрые небесные ливни. В таком одеянии его видели обычно, когда он в полдень грелся на солнце на берегу большого канала в Амстердаме, окруженный толпой философов той же школы. Подобно европейской знати, он принял имя Кортландт (то есть *нехватка земли*) по названию своего поместья, которое находилось где-то в Terra incognita.[163]

Если бы я имел возможность (на ее отсутствие я только что жаловался) прибегать к помощи мифов, то про следующего из наших знаменитых граждан я с гордостью сказал бы,

[163] Неизвестная земля (лат.).

что он мог похвалиться столь же славной родословной, как и самый доблестный герой древности. Его звали Ван-Зандт, что в вольном переводе означает из праха, причем, конечно, имеется в виду, что, подобно Триптолему,[164] Фемиде,[165] циклопам[166] и титанам,[167] он произошел от госпожи Земли! Это предположение подтверждается его ростом, ибо хорошо известно, что все потомство матери Земли отличалось гигантской величиной, а Ван-Зандт, как говорят, был высокий, костлявый детина ростом в шесть с лишним футов и с изумительно крепкой головой. Такое происхождение прославленного Ван-Зандта ничуть не более невероятно и не более недостойно доверия, чем то, что рассказывают, ни в ком не вызывая сомнения, о наших самых великих или, скорее, самых богатых людях, которые, как говорят нам с полной серьезностью, первоначально произошли из грязи!

О третьем герое до нашего времени дошло лишь туманное сообщение, в котором упоминается, что он был упрямый, дородный, суетливый крепыш небольшого роста; так как он обычно носил старые лосины, то его фамильярно называли Харден Брук, то есть *Крепкоштанник*.

---

[164] Триптолем – в древнегреческой мифологии основатель Элевзинских мистерий, обучивший людей земледелию.

[165] Фемида – в древнегреческой мифологии дочь богини земли Геи, богиня правосудия.

[166] Циклопы – в древнегреческой мифологии сыновья бога неба Урана и Геи, великаны с одним глазом во лбу.

[167] Титаны – в древнегреческой мифологии дети Урана и Геи.

Компанию искателей приключений завершал Тен Брук. Если бы я не поставил себе целью быть совершенно правдивым в своем рассказе, то, пожалуй, поддался бы искушению обойти молчанием, как несовместимое с важностью и достоинством моей истории, то странное, но забавное обстоятельство, что этот почтенный джентльмен также получил свое прозвище от самой прихотливой части его туалета. И в самом деле, штаны в глазах наших уважаемых предков были, по-видимому, очень существенным одеянием, по всей вероятности, потому, что они действительно были самым объемистым предметом их одежды. Имя Тен Брук, или Тин Брук, может быть переведено как Десятиштанный и как Тонкоштанник; верхнеголландские комментаторы склоняются к первому мнению и приписывают такое прозвище тому, что он первый ввел в поселке древний голландский обычай носить по десять пар штанов. Но самые элегантные и остроумные авторы, писавшие по этому вопросу, высказываются в пользу Тонкоштан-ника, из чего делают вывод, что наш герой был бедным, но веселым бездельником, широкие штаны которого отнюдь не отличались добротностью. Он-то и был, бесспорно, автором следующего поистине философского стихотворения:

Нет, тяжелой мошной не прельстить молодцов,
Из-за денег мы ссор не начнем.
С легким сердцем и с *парою тонких штанов*
Мы, ребята, весь мир обойдем!

Такова была доблестная компания, бесстрашно пустившаяся в путь во главе могущественной флотилии лодок, чтобы исследовать еще неизвестную страну близ устья Гудзона. И небо, казалось, содействовало их предприятию.

Было чудесное время года, когда природа, как расцветающая девушка, освободившаяся от тирании старого скряги отца, избавляется от ледяного рабства старой зимы и, разрумянившись тысячами прелестей, бросается в объятия юного бога весны. Каждая купа кустов и цветущая роща оглашаются звуками брачной любви; даже насекомые, пьющие утреннюю росу, которая сверкает драгоценными камнями на нежной луговой траве, возносят свои слабые голоса, чтобы присоединиться к радостной эпиталаме; девственный бутон робко являет взору свой румянец, и сердце мужчины исходит нежностью. О сладостный Феокрит![168] Будь у меня твоя камышовая свирель, звуками которой ты некогда очаровывал веселые сицилийские долины, или же, о кроткий Бион,[169] твоя пастушья дудка, приводившая в такое восхищение счастливых молодых поселян острова Лесбоса, тогда я попытался бы воспеть в нежных буколических стихах или в небрежной идиллии сельские красоты окрестных мест. Но

---

[168] Феокрит (III в. до н. э.) – древнегреческий поэт, один из создателей буколической поэзии.

[169] Бион (II в. до н. э.) – древнегреческий поэт, продолжатель буколической поэзии Феокрита.

ничего не имея для полета, кроме этого затупившегося гусиного пера, я должен смиренно удовольствоваться тем, что, отложив в сторону поэтическую игру фантазии, продолжу мой правдивый рассказ низкой прозой, утешая себя мыслью, что, хотя он, возможно, не столь манит воображение читателя, тем не менее даже в целомудренном и простом одеянии из истины он с девичьей скромностью найдет доступ к его рассудку.

Итак, веселой весенней порой наши отважные искатели приключении отправились в богатое событиями путешествие, для описания которого не хватало только Вергилия, чтобы оно сравнялось с прославленной «Энеидой». Много приключений встретилось на их пути; тяжелые испытания перенесли они, пока странствовали от Коммунипоу до Устричного острова, от Устричного острова до острова Виселицы, от острова Виселицы до острова Губернаторов, и от острова Губернаторов через пролив Пахтанья (второй пролив Привратника) бог знает докуда, пока они чуть не потерпели крушение и не погибли навсегда в страшных водоворотах Хелл-Гейта,[170] которые по внушаемому ими ужасу и

[170] Это ужасающее сочетание скал и водоворотов в проливе выше Нью-Йорка, опасное для судов, если только они не находятся в руках опытного лоцмана. Некоторые мудрые люди, наставники современности, смягчили это характерное название, превратив его в Hurl gate* – на каком основании, пусть они сами объяснят. Название, приведенное нашим автором, находит подтверждение в «Истории Америки» Огилви, вышедшей в 1671 году, а также в сохранившемся до нашего времени путевом дневнике, который относится к XVI веку и хранится в «Хаэардовском собрании исторических документов» «. Первоначальное назва-

грозным опасностям могут заткнуть за пояс древние Сциллу и Харибду. Во время этого плавания они встретили столько же листригонов, циклопов, сирен и несчастных Дидон,[171] сколько и благочестивый Эней, когда он совершал свое путешествие для основания колонии.

Наконец, после того, как они побывали тут и там, их внимание привлек своим бесподобным очарованием обширный остров; наподобие великолепной броши он разделял прекрасную грудь бухты, и многочисленные большие острова, среди которых они скитались, служили для него дополнительным украшением. Туда они направили свой путь, и старый Нептун, словно стремясь принять участие в выборе места для города, которому предстояло стать его твердыней в западном мире, послал полдюжины могущественных валов, выбросивших лодки наших путешественников на берег острова, в том самом месте, где теперь стоит прелестный город Нью-Йорк.

ние, как подтверждают все голландские рукописи и карты, было Helle gat, а в одном старинном манускрипте, написанном по-французски, при перечислении различных изменении, которые претерпели названия окрестностей этого города, указывается: «De Helle gat, trou d'Enfer. ils ont fait Helle gate, Porte d'Enfer**» они сделали Helle gate***.– Типографский ученик.*Шумные ворота.**Из Helle gat (Адская дыра).***Адские ворота.

[171] Дидона – дочь царя Тира, бежавшая в Африку. Влюбилась в легендарного царя Энея, когда он, возвращаясь после троянской войны, потерпел кораблекрушение у африканского берега. Когда Эней, по повелению богов, покинул Дидону, она покончила с собой. «Хазардовское собрание исторических документов» – см. примечание 14, гл. II, кн. первая.

Первоначальное название этого прекрасного острова вызывает некоторые споры и уже подверглось искажению, что служит доказательством печального непостоянства в подлунном мире и усердной склонности современных грамотеев к извращениям. Названием, наиболее распространенным среди черни (например, членов Законодательного собрания и управляющих банками), является Манхаттан, происшедшее, как говорят, от обычая, принятого среди сквау в древнем поселении, носить мужские войлочные шляпы, что и теперь еще наблюдается у многих племен. «Отсюда, – говорит нам старинный губернатор, небезызвестный шутник, припеваючи живший почти столетием позже и навестивший филадельфийских остряков, – отсюда произошло название Манхет-он,[172] первоначально данное индейцам, а затем – острову». Глупая шутка, но для губернатора и такая хороша!

К числу более давних свидетельств, заслуживающих самого серьезного внимания, относится то, которое содержится в весьма ценной истории американских владений, написанной господином Ричардом Бломом[173] в 1687 году, где остров назван Манхадес или Манаханент; не следует забывать и о прекрасной маленькой книжке такого правдивого историка, как Джон Джосселин, джентльмена, называющего наш остров без всяких колебаний Манадес.

---

[172] Ман-хет-он – по-английски – «надетая мужская шляпа».

[173] Блом, Ричард (ум. 1705) – автор книги «Современное состояние американских колоний его величества», изданной в Лондоне в 1687 г.

Но свидетельством еще более древним и особенно достоверным, ибо оно подкреплено одобрением наших уважаемых голландских предков, следует признать некоторые сохранившиеся до нашего времени письма первых губернаторов к властям соседних провинций; в этих письмах наш остров называют по-разному: Монхатез, Мунхатоз и Манхатез – несущественные видоизменения, объясняющиеся тем, что ученые того времени относились с великим презрением к орфографическим справочникам и филологическим изысканиям, в наши дни представляющим единственное занятие и цель жизни стольких ученых мужчин и женщин. Говорят, что это название произошло от великого индейского духа Маниту, избравшего, как предполагают, этот остров своим любимым местопребыванием вследствие его необычайных прелестей. Но самое бесспорное и достойное уважения из всех существующих свидетельств, на которое я вполне полагаюсь, ибо оно дает название одновременно мелодичное, поэтическое и выразительное, это свидетельство штурмана Джуэта, приведенное в упомянутом выше судовом журнале плавания великого Гудзона; Джуэт ясно и точно называет остров Манна-хата, то есть остров Манна, или другими словами, «страна, изобилующая млеком и медом!».

ГЛАВА IV

В которой приведены различные очень здравые доводы, почему не следует писать второпях; а также рассказ об основании Нового Амстердама и о достопамятном споре по этому поводу между мингерами Десятиштанным и Крепкоштанником.

Мой прадедушка с материнской стороны, Германус Ван-Клаттеркоп, когда он нанялся построить большую каменную церковь в Роттердаме, которая стоит примерно в трехстах ярдах влево от вас, если вы отвернетесь от Бомкейса, и которая устроена так удобно, что все ревностные христиане Роттердама предпочитают спать во время проповеди именно там, а не в какой-либо другой церкви этого города, мой прадедушка, говорю я, когда он нанялся построить эту знаменитую церковь, первым делом послал в Делфт за ящиком длинных трубок; затем, купив новую плевательницу и сотню фунтов лучшего виргинского табаку, уселся и в течение трех месяцев ничего не делал, только очень прилежно курил. Затем он еще три месяца провел в странствованиях то пешком, то на трешкоуте, из Роттердама в Амстердам, в Делфт, в Гарлем, в Лейден, в Гаагу, стукаясь головой и выбивая свою трубку о каждую церковь, попадавшуюся ему на пути. Затем он стал постепенно приближаться к Роттердаму, пока его

взору не предстало то место, где следовало построить церковь. Следующие три месяца он занимался тем, что ходил вокруг да около этого места, разглядывая его сперва с одной стороны, потом с другой; то он проезжал мимо него по каналу на лодке, то рассматривал его в подзорную трубу с другого берега Мааса, то бросал на него взгляд с птичьего полета, взобравшись на верхушку одной из тех гигантских ветряных мельниц, что охраняют ворота города. Добрые граждане Роттердама сгорали от нетерпения, но, несмотря на все труды моего прадедушки, никаких признаков церкви все еще не было видно; они даже начали опасаться, что церковь вовсе не появится на свет божий, а ее великий созидатель сляжет и умрет, так и не разрешившись грандиозным планом, который он замыслил. Наконец, потратив добрых двенадцать месяцев на пускание клубов дыма и на греблю, на разговоры и на ходьбу, пространствовав по всей Голландии и даже заглянув во Францию и Германию, выкурив пятьсот девяносто девять трубок и триста фунтов лучшего виргинского табаку, мой прадедушка собрал всех знающих и трудолюбивых граждан, которые предпочитают заниматься чужими делами вместо своих собственных, и, сняв с себя куртку и пять пар штанов, решительно выступил вперед и в присутствии многочисленной толпы заложил краеугольный камень церкви – как раз к началу тринадцатого месяца.

Таким же образом, имея перед глазами пример моего почтенного предка, приступил и я к писанию этой правдивей-

шей истории. Честные роттердамцы несомненно думали, что мой прадедушка, затеяв такую суматоху, прежде чем начать постройку церкви, ничуть не способствовал выполнению поставленной им перед собой задачи; и многие остроумные жители нашего прекрасного города (чей ум стал соображать неизмеримо лучше и быстрее под действием первосортного веселящего газа, как ум Хризиппа[174] под действием чемерицы) наверняка решат, что все вступительные главы, в которых рассказывается об открытии Америки, о ее обитателях и, наконец, о создании первого поселения, совершенно не относятся к делу и излишни, и что основная цель, история Нью-Йорка, не приблизилась ни на йоту, словно я и не брал пера в руки. Никогда умным людям не случалось заблуждаться столь сильно; и так как к работе приступили не спеша и осторожно, церковь, построенная моим дедушкой, оказалась одним из самых замечательных, красивых и пышных сооружений на свете, если не считать того, что, подобно нашему великолепному Капитолию в Вашингтоне, она была начата в слишком крупном масштабе, и у добрых граждан хватило денег лишь на одно крыло.

Точно так же я предсказываю, что эта история, если только мне удастся ее закончить (в чем, по правде сказать, я часто сомневаюсь), перейдет к потомству, как самый полный, достоверный и добросовестно созданный труд, какой приходилось когда-либо читать – услада для ученых, украшение

[174] Хризипп (280–205 до н. э.) – древнегреческий философ-стоик.

библиотек и образец для всех будущих историков. Ничто не способствует такому полету мысли, как сознание того, что ты пишешь для потомства. И если бы Овидий, Геродот, Полибий или Тацит могли бы, как Моисей с вершины горы Фасга,[175] увидеть безграничные просторы, по которым предстояло странствовать их творениям, они по примеру доброго старого израильтянина легли бы и умерли удовлетворенные.

Я слышу, как некоторые из моих придирчивых читателей высказывают сомнение в правильности моей системы изложения, но мне уже надоели эти постоянные вмешательства; никогда историку не досаждала своими недоуменными вопросами такая куча назойливых болтунов! Если они будут надоедать мне по-прежнему, я никогда не закончу моей работы. Призываю в свидетели Аполлона и весь его сераль муз, что я следую самому общепризнанному и модному плану современных историков; и если читатели недовольны сутью моего труда и манерой ее изложения, то пусть они, бога ради, оставят в покое мое сочинение, возьмут перо и напишут историю по собственному вкусу. Что касается меня, я устал от их непрерывных вмешательств и раз навсегда прошу, чтобы больше их не было.

После того, как остров Манна-хата, Манхатез или, как его обычно называют, Манхаттан был открыт, о чем нами рассказано в предыдущей главе, и после того, как те, кто его

---

[175] Гора Фасга – с вершины этой горы Моисей увидел перед смертью обетованную землю.

открыл, единодушно признали его прекраснейшим в мире местом для постройки города, который должен превзойти все торговые города Европы, они немедленно возвратились в Коммунипоу с этими приятными известиями. Тотчас же была снаряжена экспедиция; после получасового благополучного плавания она прибыла на Манна-хату. Так как эта земля была еще раньше куплена у индейцев (случай, почти не имеющий себе равного в анналах открытий и колонизации), посланцы обосновались на юго-западной оконечности острова и сильно укрепились, воздвигнув земляную батарею, названную ими Форт-Амстердам. Вскоре по соседству появилось множество хижин, для защиты которых был устроен палисад из крепких кольев. Первоначальными границами поселения был ручей, бравший начало в Ист-ривер и протекавший там, где теперь находится улица, называемая Уайтхолл, и небольшой проток, идущий от реки Гудзон до лужайки для игры в шары. Сама природа, казалось, заботливо приготовила колыбель, где должен был приютиться зародыш этого славного города. Леса по обоим берегам ручья были тщательно вырублены, так же, как и на том пространстве, ^которое теперь отведено под лужайку для игры в шары. Эти предосторожности были приняты для защиты форта и от прямых атак, и от коварных нападений диких соседей, бродивших ордами в лесах и болотах, которые простирались в тех местах, что ныне называются Бродвей, Уолл-стрит, Уильям-стрит и Перл-стрит.

Едва лишь колония была основана, она, как полная жизненных сил лоза, пустила корни и стала изумительно быстро расти; можно было подумать, что этот благословеннейший остров подобен щедрой навозной куче, где все находит нужное для себя пропитание, быстро тянется вверх и достигает величия. Цветущее состояние поселка и удивительно быстрый его рост постепенно пробудили главарей от глубокой спячки, в которую они впали, после того как построили земляной форт. Они подумали, что давно пора составить план, по которому должен быть построен растущий город; итак, сунув трубку в рот и собравшись посовещаться в узком кругу, они немедленно впали в глубокое размышление по этому поводу.

Едва они приступили к делу, как возникло неожиданное расхождение во мнениях; я упоминаю об этом с прискорбием, как о первой известной нам внутренней распре среди новоселов. Мингер Тен Брук предложил остроумный план прорезать и пересечь всю местность каналами по образцу знаменитейших городов Голландии. Но против этого решительно восстал мингер Харденбрук; взамен он предложил расширить доки и пристани с помощью вбитых в дно реки свай, на которых и будет построен город. Таким способом, торжествующе сказал он, мы отвоюем от этих огромных рек значительную площадь и построим город, который будет соперничать с Амстердамом, Венецией и любым другим земноводным городом Европы. На это предложение Тен Брук (или

Десятиштанный) ответил, изобразив на лице такое презрение, на какое только был способен. Он в крайне резких выражениях осудил план своего противника, как нелепый и противоречащий самой природе вещей, что может подтвердить всякий истинный голландец. «Ибо, – сказал он, – что такое город без каналов? Он все равно что тело без вен и артерий и должен погибнуть из-за отсутствия свободной циркуляции животворной жидкости». Крепкоштанник в свою очередь саркастически возразил своему противнику, отличавшемуся довольно сухощавым и костлявым телосложением. Он заметил, что мингер Десятиштанный был живым противоречием своему собственному утверждению о необходимости циркуляции крови для поддержания жизни, ибо все знают, что в течение добрых десяти лет ни одна капля крови не совершила круговорота в его иссушенном ветрами теле, и все же во всей колонии не было более ревностного хлопотуна. Колкости редко помогают убедить кого-либо в споре, и мне никогда не доводилось видеть человека, который признался бы в своей ошибке, потому что его уличили в уродливости. По крайней мере, в данном случае так дело не обстояло. Десятиштанный был в своем ответе очень язвителен, а Крепкоштанник, отважный маленький человечек, всегда оставлявший за собой последнее слово, возражал со все усиливавшейся горячностью. Десятиштанный обладал преимуществом большой говорливости, но у Крепкоштанника была та бесценная для спора кольчуга, которая называется упрям-

ством. Итак, Десятиштанный отличался крайней пылкостью, а Крепкоштанник был чрезвычайно устойчив, так что, хотя Десятиштанный глушил его своей болтовней, громил и засыпал бранью и здравыми доводами, Крепкоштанник все же твердо сопротивлялся до конца. Они разошлись, как это обычно бывает при всех спорах, когда обе стороны правы, не придя ни к какому решению. Но с тех пор они навсегда от всей души возненавидели друг друга, и между семьями Десятиштанного и Крепкоштанника образовалась почти такая же пропасть, как между домами Капулетти и Монтекки.

Я не стал бы утомлять читателя этими скучными событиями, но долг правдивого историка требует от меня вдаваться во все подробности, и поистине никто не может упрекнуть меня в излишней мелочности при описании их первопричин, так как я рассказываю сейчас о той переломной эпохе, когда наш город, подобно молодой ветке, впервые приобретал свои извилистые очертания, в дальнейшем придавшие ему современный живописный беспорядок, которым он славится.

После только что упомянутого злосчастного спора, насколько мне известно, ничего достойного быть отмеченным по этому поводу не было сказано. Совет, состоявший из самых большеголовых и престарелых членов общины, исправно собирался раз в неделю, чтобы поразмыслить о столь важном деле. Но либо словесная война, свидетелями которой они были, отбила у них всякую охоту думать, либо они от природы питали отвращение к работе языком и, следова-

тельно, к работе мозгами, – бесспорно то, что на этих совещаниях хранилось самое глубокое молчание; вопрос оставался все время на повестке дня, члены совета, мирно куря трубки, издали всего несколько законов, но ни одного из них не заставили выполнять, а тем временем жизнь поселка шла – по воле божьей.

Так как большая часть членов совета была не слишком искушена в тайнах сочетания каракуль, они весьма справедливо решили не затруднять ни себя, ни потомство обширными отчетами. Впрочем, о каждом собрании секретарь вел довольно точные записи в большом фолианте из веленевой бумаги, скрепленном массивными бронзовыми застежками. Мои высокочтимые друзья Гулеты, во владении которых находится эта бесценная реликвия, любезно показали ее мне. Однако, прочтя этот фолиант, я обнаружил в нем весьма мало сведений. Запись о каждом заседании состояла всего из двух строчек, гласивших по-голландски, что «совет заседал сегодня и выкурил двенадцать трубок по делам колонии». Отсюда явствует, что первые поселенцы определяли ход времени не часами, а трубками, как и в настоящее время измеряют расстояние в Голландии; поразительно точный способ измерения, ибо трубка во рту истинного голландца никогда не подвергается тем случайностям и непредвиденным воздействиям, от которых постоянно портятся наши часы.

Так, глубокомысленный совет *Нового Амстердама* неделю за неделей, месяц за месяцем и год за годом курил и дре-

мал, и размышлял о том, как должно быть построено их новорожденное поселение, а тем временем город сам заботился о себе и, как крепкий мальчонка, растущий без присмотра, не стесненный подгузниками, свивальниками и прочей мерзостью, которыми наши многоопытные няньки и бабки калечат и уродуют детей, так быстро набирался сил и увеличивался в размерах, что прежде чем наши честные бургомистры приняли какое-то решение о плане постройки города, приводить его в исполнение было уже слишком поздно, а потому они мудро отказались от дальнейшего обсуждения этого вопроса.

ГЛАВА V

В которой автор весьма безрассудно сокрушается из-за пустяков. – С добавлением различных рассказов о процветании Нового Амстердама и о мудрости его кителей, – И о внезапном появлении Великого Человека Печальна и весьма достойна сожаления обязанность историка, наделенного глубокими чувствами и пишущего историю своей родной страны. Если на его долю выпадет роль унылого летописца бедствий или, преступлений, скорбная страница бывает полита его слезами; но даже вспоминая об эпохах наибольшего процветания и блаженства, он не может удержаться от меланхолического вздоха при мысли о том, что они навеки миновали! Не знаю, обусловлено ли это чрезмерной любовью к простоте прежних времен или некоторым мягкосердечием, естественным для чувствительного историка, но я откровенно признаюсь, что не могу без глубокого сокрушения оглядываться назад на безмятежные дни города, которые я сейчас описываю. Дрожащей рукой я отодвигаю завесу забвения, скрывающую скромные заслуги наших почтенных голландских предков, и, обращаясь мысленным взором к их достойным всяческого уважения образам, склоняюсь ниц перед величественными тенями.

Такие же чувства охватывают меня, когда я вновь посе-

щаю родовое поместье Никербокеров и в одиночестве провожу несколько часов в мезонине, где висят портреты моих предков, покрытые пылью, в которую превратились и те, кого они изображают. С благоговением всматриваюсь я в лица этих знаменитых бюргеров, моих предшественников в непрерывном ходе жизни, чья спокойная холодная кровь струится теперь в моих жилах, двигаясь все медленней и медленней в хрупких каналах, пока вскоре ее замирающий ток не остановится навеки!

Эти портреты, говорю я сам себе, лишь слабое напоминание о могучих людях, процветавших в дни патриархов, но, увы, уже давно превратившихся в прах в той могиле, к которой я сам незаметно и неотвратимо спешу! Когда я расхаживаю по темной комнате и предаюсь меланхолическим раздумьям, окружающие меня бестелесные образы как будто вновь возвращаются украдкой к жизни, их лица на мгновение оживают; мне начинает казаться, что их глаза следят за каждым моим движением. В порыве фантазии я как бы вижу себя, окруженным тенями усопших, и веду тихий разговор с героями древности! Несчастный Дитрих! Ты родился в век упадка, брошен на произвол безжалостной судьбы, чужеземец и усталый странник в родной стране; ты не был благословен ни плачущей по тебе женой, ни семьей беспомощных детей, а обречен скитаться, никому не нужный, по этим многолюдным улицам, где тебя толкают пришлые выскочки, поселившиеся в тех прекрасных жилищах, в которых неко-

гда твои предки были полноправными властителями. Увы! увы! Неужели голландский дух навеки исчез? Неужели навеки ушли времена патриархов? Вернитесь, вернитесь, прекрасные дни простоты и непринужденности, снова взойдите над милым островом Манна-хатой! Будьте снисходительны ко мне, мои уважаемые читатели, будьте снисходительны к слабости моей природы; или лучше сядемте рядом, предадимся излияниям сыновнего благоговения и поплачем, вспоминая наших прапрадедов.

Итак, отдав дань этим чувствам, непроизвольно пробудившимся под влиянием счастливых картин, описываемых мною, я с более спокойным сердцем возвращаюсь к своей истории.

Город Новый Амстердам, будучи, как я уже говорил, предоставлен самому себе и отеческому попечению божьего промысла, приобретал все большее значение с такой быстротой, словно он был нагружен дюжиной корзин, полных теми мудрыми законами, которые обычно взгромождают на спины юных городов, чтобы они лучше росли. Единственным достижением, упомянутым в отчетах о деятельности почтенного совета, была постройка внутри форта часовни, посвященной великому и доброму святому Николаю, который немедленно взял младенческий город Новый Амстердам под свое особое покровительство и был с тех пор и, я от всего сердца надеюсь, всегда будет святым хранителем этого превосходного города. Больше того, мне говорили, будто где-то суще-

ствует небольшой сборник преданий, написанный на нижнеголландском языке, где рассказывается, что статуя этого прославленного святого, некогда украшавшая бушприт «Гуде вроу», была установлена перед часовней; в предании далее сообщается о различных чудесах, совершенных огромной трубкой, которую святой держал в зубах и клубы дыма из которой был наилучшим лекарством от несварения желудка, а следовательно, имел большое значение для нашей колонии славных едоков. Но так как, несмотря на самые усердные поиски, мне не удалось обнаружить этой книжки, я отношусь к упомянутым сведениям с большим сомнением.

Бесспорно лишь то, что со времени постройки часовни благоденствие города возрастало в десять раз быстрее, и вскоре он превратился в столицу многочисленных поселений и обширной колонии. Провинция простиралась к северу до форта Аурания, или Орендж, известного теперь под названием Олбани и расположенного примерно в ста шестидесяти милях вверх по течению Мохегана или Гудзона. В сущности, граница провинции доходила до самой реки Святого Лаврентия: но в то время на этом не очень настаивали, так как страна за фортом Аурания была совершенно дикой, населенной, по слухам, каннибалами и называлась Terra Incognita. О жителях этих неизвестных районов сообщались самые различные сведения; по описаниям некоторых они принадлежали к племени ацефалов, каким его описывает Геродот: у них не было головы, а глаза находились на живо-

те. Другие утверждают, будто жители Terra Incognita принадлежат к племени, о котором отец Шарлевуа упоминает, как об одноногом, вполне серьезно добавляя, что они бегали чрезвычайно быстро. Но самое обстоятельное описание дает преподобный Иоганнес Мегаполенсис, миссионер, живший в этих местах; в сохранившемся до наших дней письме он утверждает, что это были мохаги или мохоки, народ, по его описанию, очень распущенный в своих нравах и вдобавок весьма склонный к проказам. «Ибо, – говорит он, – если им удается поспать с женой другого, они считают это остроумной шуткой».[176] Превосходный старый джентльмен сообщает далее другие весьма важные сведения об этой стране уродов, отмечая: «Здесь, на побережье, и внутри страны у них много черепах длиной от двух-трех до четырех футов; некоторые, с двумя головами, очень злы и любят кусаться.[177]

К югу провинция достигала форта Нассау на реке Саут-ривер, впоследствии названной Делавэр, а к востоку она простиралась до реки Варсхе (или фреш), позднее назван-

---

[176] Let. of I. Megapel. Hag. S. P.*Письмо Иоганнеса Мегаполенсиса. «Гаагское собрание исторических документов»

[177] Огилви в своем превосходном труде об Америке, говоря об этих краях, упоминает о львах, в изобилии водившихся на высокой горе, а также пишет: «На границах Канады иногда встречается животное, которое имеет некоторое сходство с лошадью; у него раздвоенное копыто, косматая грива, один рог посреди лба, хвост как у дикого кабана к шея оленя». Далее он дает рисунок этого странного животного, весьма похожего на единорога. Натуралистам приходится сильно пожалеть, что этот удивительный вид животных, подобно рогатым лягушкам, полностью вымер.

ной Коннектикут. На этой границе тоже были построены могущественный форт и фактория, примерно в том месте, где теперь расположен славный город Хартфорд; этому укреплению дали название форт Гуд-Хоп, то есть форт Доброй Надежды, и оно было предназначено и для торговли, и для обороны. Впрочем, об этой крепости, о ее доблестном гарнизоне и стойком коменданте я еще вскоре буду говорить, так как им предстоит сыграть немалую роль в этом богатом событиями и правдивом повествовании.

Так счастливо росла провинция Новые Нидерланды, и ранняя история ее главного города являет нашим взорам прекрасную страницу, незапятнанную ни преступлением, ни невзгодами. Орды размалеванных дикарей все еще скрывались в густых лесах и в плодородных долинах прекрасного острова Манна-хаты; охотник все еще ставил свою грубую хижину из звериных шкур и веток на берегу лесных ручьев, тихо извивавшихся по прохладным и тенистым долинам. Тут и там на солнечной вершине холма виднелась кучка индейских вигвамов, дым из которых поднимался над соседними деревьями и плавал в ясном просторе неба. Первобытные жители лесов оставались мирными соседями Нового Амстердама, и наши почтенные предки старались по возможности улучшить их положение, милостиво снабжая их джином, ромом и стеклянными бусами в обмен на приносимые ими меха. Ибо добросердечные голландцы, по-видимому, воспылали дружескими чувствами к своим диким сосе-

дям – по причине той легкости, с какой те давали себя обмануть. Нельзя сказать, что у индейцев не хватало сообразительности, так как некоторые их обычаи свидетельствуют об изрядном лукавстве, особенно яркий пример которого приводит Огилви, говорящий: «За малейшую провинность молодой муж колотит жену и выгоняет ее вон, и женится на другой, так что у некоторых из них каждый год бывает новая жена».

Правда, доброе взаимопонимание между нашими почтенными предками и их дикими соседями время от времени нарушалось; я помню, как моя бабушка, преумная старуха, хорошо знавшая историю этих мест, рассказывала зимними вечерами длинную историю о сражении между ново-амстердамцами и индейцами, которое было известно (почему, я не могу вспомнить) под названием Персиковой войны и произошло вблизи персикового сада в темной мрачной долине, затененной кедрами, дубами и унылыми тсугами. Долгое время няньки, старухи и другие древние летописцы повторяли рассказы об этой кровавой стычке, и угрюмое поле битвы было известно нескольким поколениям под названием Долина Убийц. Но время и развитие города изгладили из памяти предание и уничтожили то место, где происходило сражение, ибо некогда залитая кровью долина теперь стала центром нашего густонаселенного города и известна под названием Дей-стрит.[178]

---

[178] Некоторые утверждают, что эта битва произошла гораздо позже того време-

Долгое время новое поселение зависело от метрополии, которая снабжала его большинством товаров. Корабли, отправлявшиеся на поиски Северо-Западного прохода,[179] всегда приставали в Новом Амстердаме, где выгружали свежие партии искателей приключений и неслыханное количество джина, кирпичей, черепицы, стеклянных бус, пряников и других предметов первой необходимости. В обмен заезжие моряки получали свинину и овощи и с большой выгодой для себя скупали меха и медвежьи шкуры. Простодушные жители островов Южных морей не высматривали с таким нетерпением корабли искателей приключений, привозившие им ценные грузы старых обручей, гвоздей и зеркал, с каким наши честные колонисты поджидали корабли, привозившие им жизненные блага метрополии. В этом они напоминали своих почтенных, но простодушных потомков, которые предпочитают зависеть от Европы в отношении даже тех предметов первой необходимости, которые могут выращивать или производить дешевле и с меньшими хлопотами у себя в стране. Так, я знавал одно очень разборчивое семейство, переехавшее на некоторое расстояние от неудобного колодца с бадьей, около которого они прежде долго жили, и

ни, какое указывает наш историк. Кое-кто из старожилов нашего города относит ее к началу прошлого столетия. Однако следует считать более чем вероятным, что мистер Никербокер прав, так как он несомненно изучил этот вопрос. – Типографский ученик.

[179] Северо-Западный проход – имеются в виду ведшиеся с XV в. поиски морского пути в Китай и Индию вдоль северных берегов Северной Америки.

всегда предпочитавшее посылать к нему за водой, хотя полноводный ручей протекал у самой двери их нового жилища.

Доколе растущая колония, как толстощекий переросток-мальчуган, цепляющийся за материнскую грудь даже после того, как начал носить штаны, могла бы надеяться, что родина-Голландия будет снабжать ее, я не берусь гадать, ибо историку не пристало заниматься предположениями. Могу утверждать лишь, что в результате то и дело повторявшегося неблагоприятного стечения обстоятельств и частой нехватки чужеземных товаров жители колонии были вынуждены заботиться о себе сами, проявляя изобретательность, и приобрели необходимую сноровку, как обычно бывает с людьми, которых печальный опыт учит уму-разуму. Итак, они научились обходиться тем, что было под рукой, пользоваться щедростью природы, если на лучшее не приходилось рассчитывать, и таким образом, подчиняясь безжалостной необходимости, стали гораздо более просвещенными и постепенно научились смотреть в оба, как обманщик-араб, после того, как его отлупили палками по пяткам.

Впрочем, они приобретали знания медленно и осмотрительно, принимая лишь немногие усовершенствования и изобретения, да и те с подозрительностью и неохотой, всегда отличавшими наших почтенных голландских фермеров, которые с благочестивым и достохвальным упорством держатся обычаев, мод, изделий и даже утвари – хотя бы и неудобной – своих уважаемых праотцов. Лишь через много време-

ни после той эпохи, о которой я пишу, они с изумлением обнаружили, что было выгодней и удобнее крыть дома дранкой, добываемой в соседних лесах, нежели ввозить для этой цели черепицу из Голландии. И с таким недоверием относились они к мысли о том, что из глины молодой страны можно делать достаточно прочные кирпичи, что даже в конце прошлого столетия наиболее правоверным потомкам выходцев из Голландии доставляли из нее кирпич на специально зафрахтованных судах.

Все возраставшее богатство и влияние Нового Амстердама и подчиненных ему поселений пробудили наконец серьезный интерес в метрополии; обнаружив, что это благоденствующая и богатая колония, сулящая приносить большую прибыль без всяких хлопот со стороны правительства, все стали вдруг очень тревожиться о ее безопасности и принялись осыпать ее знаками внимания, точно так же, как люди неизменно докучают своей любовью и нежностью богатым родственникам, которые вполне обошлись бы без них.

Тотчас же были выказаны обычные знаки покровительства, проявляемые метрополиями по отношению к зажиточным заморским владениям и прежде всего выражающиеся в том, что в новую колонию посылают правителей с приказами выжать из нее столько дохода, сколько она в состоянии дать. Соответственно, в год от рождества Христова 1629 мингер Воутер Ван-Твиллер был назначен губернатором провинции Новые Нидерланды, подчиненной Высокомощным Господам

Генеральным Штатам Объединенных Провинций Нидерланды и привилегированной «Вест-Индской компании».

Именитый старый джентльмен прибыл в Новый Амстердам в веселом месяце июне, прелестнейшем месяце в году, когда господин Аполлон словно пляшет в прозрачной небесной тверди, когда малиновка, дрозд и тысяча других веселых певцов оглашают леса своими любовными песнями, а маленькая стрепатка с ярким оперением предается шумному веселью среди цветущего клевера лугов. Это счастливое совпадение убедило старух Нового Амстердама, опытных в искусстве предсказывать будущее, в том, что правление будет счастливым и благоденственным.

Но было бы унизительно для достоинства первого голландского губернатора[180] славной провинции Новые Нидерланды быть представленным столь жалким образом в конце главы, а потому я закончу вторую книгу моей истории, чтобы иметь возможность с большей торжественностью ввести его в мое повествование в начале следующей книги.

КОНЕЦ КНИГИ ВТОРОЙ

[180] …первого голландского губернатора… – первым губернатором (директором) Новых Нидерландов был Петер Минюйт (1626–1632), затем Бастиен Янсен Крол (1632–1633), которого сменил Ван-Твиллер.

КНИГА ТРЕТЬЯ
В которой описывается блестящее правление Воутера Ван-Твиллера

ГЛАВА I

Рассказывающая о несравненных добродетелях прославленного Воутера Ван-Твиллера, а также о несказанной мудрости, проявленной им в тяжбе Вандла Схонховена с Барентом Блекером, и о великом восхищении, которое он снискал этим у народа.

Прославленный Воутер (или Вальтер) Ван-Твиллер был потомком длинного ряда голландских бургомистров, которые один за другим продремывали свою жизнь и жирели, сидя в зале заседаний роттердамского магистрата, и которые вели себя с такой исключительной мудростью и тактом, что сами никогда не говорили, и о них никто не говорил, а это, наряду со всеобщими похвалами, должно быть предметом стремлений всех мудрых правителей и государей.

Его прозвище – Твиллер произошло, как утверждают, от искажения слова twijfler, которое означает *сомневающийся*; это имя дает прекрасное представление о его мыслительных

привычках. Ибо, хоть он и был замкнут, как устрица, и обладал таким глубокомысленным складом ума, что говорил почти всегда лишь односложными словами, все же он никогда не мог принять решение ни по одному сомнительному вопросу. Его приверженцы объясняли это тем, что всякий предмет представлялся ему неизменно в самом широком масштабе, а потому у него в голове не хватало места, чтобы повернуть его и рассмотреть с обеих сторон, в результате чего он всегда пребывал в сомнении просто из-за необыкновенного величия своих идей!

Существуют два противоположных способа, с помощью которых люди иногда достигают известности: первый состоит в том, чтобы много говорить и мало думать, а второй – в том, чтобы держать язык за зубами и совсем не думать. Первым способом многие хвастливые, легкомысленные притворщики приобретают репутацию способных людей; другим способом ленивые олухи, вроде совы, глупейшей из птиц, достигают того, что прозорливцы любезно наделяют их всеми атрибутами мудрости. Кстати, я говорю это между прочим и ни за что на свете не хотел бы, чтобы подумали, будто мои слова относятся к губернатору Ван-Твиллеру. Напротив, он был очень разумным голландцем, ибо никогда не говорил глупостей, а серьезность его была столь непреодолима, что на протяжении всей его долгой и благополучной жизни ему ни разу не случилось засмеяться или хотя бы улыбнуться. Бесспорно, впрочем, одно: какой бы вопрос

ни возник, пусть самый простой, который обыкновенные тупоумные смертные опрометчиво решили бы смаху, прославленный Воутер принимал чрезвычайно таинственный, отсутствующий вид, качал своей объемистой головой и, покурив пять минут с еще большей, чем всегда, серьезностью, мудро говорил, что «у него есть сомнения по этому вопросу», с течением времени создав себе этим репутацию человека недоверчивого, которого нелегко обвести вокруг пальца.

Именитый старый джентльмен был так правильно сложен и обладал такими великолепными пропорциями, словно был создан каким-то искусным голландским скульптором как образец величия и благородства. Ростом он был ровно в пять футов и шесть дюймов, а в окружности имел шесть футов и пять дюймов. Голова его представляла собой правильный шар и по величине далеко превосходила голову великого Перикла[181] (которого шутливо называли Schenocephalus, то есть луковая голова); она поистине была столь огромных размеров, что сама госпожа природа, при всей свойственной ее полу изобретательности, стала бы в тупик перед задачей создания шеи, способной ее поддерживать, и поэтому, мудро отказавшись от подобной попытки, крепко посадила ее на спинной хребет как раз между плечами, где она и осталась, уютно примостившись, как военный корабль в иле Потомака. Тело знаменитого джентльмена было продолговатое

[181] Перикл (ок. 490–429 до н. э.) – вождь афинской рабовладельческой демократии, при котором Афины достигли наибольшей силы и величия.

с особенно мощно развитой задней частью, что свидетельствовало о мудрости провидения, так как он был человеком сидячего образа жизни, питавшим крайнее отвращение к бесполезной трате сил на ходьбу. Его ноги, хотя и очень короткие, соответствовали по силе тому весу, который им приходилось выдерживать, так что стоя он сильно напоминал дюжую пивную бочку на двух колодах. Его физиономия, этот безошибочный показатель ума, представляла обширное пространство, совершенно не изборожденное и не обезображенное той сетью морщин, которая уродует человеческое лицо, придавая ему так называемое выражение. Два маленьких серых глаза мерцали слабым светом посредине, как две звезды далеко не первой величины на туманном небосводе; а его откормленные щеки, словно взимавшие дань от всего, что попадало ему в рот, были испещрены какими-то причудливыми темно-красными пятнами и полосками, напоминая яблоко шпиценберг.

Привычки его отличались тем же постоянством, что и он сам. Он четыре раза в день в одно и то же время принимал пищу, тратя на каждую трапезу ровно по часу; он курил и сомневался восемь часов, а остальные двенадцать часов в сутки спал. Таков был прославленный Воутер Ван-Твиллер, истинный философ, ибо его душа или воспаряла выше или спокойно опускалась ниже забот и треволнений здешнего мира. Он много лет прожил на Земле, не любопытствуя узнать, вертится ли Солнце вокруг нее, или она вокруг Солнца. По

меньшей мере полвека он наблюдал, как дым из его трубки, извиваясь, поднимается к потолку и ни разу даже не пожелал утрудить свои мозги какой-нибудь из тех многочисленных теорий, над которыми философ ломал бы себе голову, ища причину, почему дым поднимается над окружающей атмосферой.

Председательствуя в совете, он соблюдал большое достоинство и торжественность. Он восседал в огромном кресле из массивного дуба, срубленного в знаменитом лесу близ Гааги; оно было сделано опытным амстердамским плотником, который искусно вырезал на его подлокотниках и ножках точное подобие гигантских орлиных когтей. Вместо скипетра он держал длинную турецкую трубку, изготовленную из жасминового ствола и янтаря и некогда подаренную штатгальтеру[182] Голландии при заключении договора с одним из мелких варварских вождей. Он сидел в этом великолепном кресле и курил эту чудесную трубку, все время покачивая правым коленом и часами не отводя взора от небольшой гравюры с видом Амстердама, висевшей в черной раме на противоположной стене залы совета. Более того, говорили даже, что при длительном обсуждении особо сложных вопросов прославленный Воутер целых два часа подряд сидел, совершенно закрыв глаза, чтобы его не отвлекали внешние впечатления; и тогда внутреннее смятение его души проявлялось в определенных, регулярно повторявшихся гортанных

[182] Штатгальтер – глава исполнительной власти в Голландии.

звуках, которые, как утверждали его почитатели, были просто отголоском борьбы, шедшей между его мнениями и противостоявшими им сомнениями.

С невероятными трудностями удалось мне собрать все эти подробности о жизни изучаемого нами великого человека. Сведения, касающиеся его, были так отрывочны и неопределенны, а зачастую и недостоверны, что от дальнейших изысканий в отношении многих из них мне пришлось отказаться, а еще большее количество отвергнуть, хотя они и придали бы его портрету большую красочность.

Я особенно стремился полно обрисовать личность и привычки прославленного Ван-Твиллера из тех соображений, что он был не только первым, но и самым лучшим из всех губернаторов, руководивших делами этой старинной и почтенной провинции. Его правление было таким мирным и милостивым, что я за все время его пребывания у власти не могу найти ни одного случая, когда какой-либо нарушитель порядка был подвергнут наказанию – самое бесспорное доказательство губернаторского мягкосердечия и случай беспримерный, если не считать царствования знаменитого царя Чурбана,[183] прямым потомком которого, по слухам, был прославленный Ван-Твиллер.

С первых же шагов этот превосходный государственный

---

[183] Царь Чурбан. – Эзоп рассказывает, что лягушки просили Юпитера дать им царя. Когда Юпитер послал им вместо царя чурбан, они сначала испугались, а затем, убедившись в его безвредности, стали скакать по нему.

деятель, как и Соломон, или, приводя более подходящее сравнение, как и знаменитый губернатор Баратарии,[184] обнаружил тонкое понимание законов, служившее счастливым предзнаменованием мудрого и справедливого правления. На следующее утро после того, как он был торжественно введен в должность, в то самое мгновение, когда он поглощал свой обильный завтрак, состоявший из маисового пудинга с молоком, поданного в огромной фаянсовой миске, ему внезапно помешало появление некоего Вандла Схонховена, почтеннейшего старого новоамстердамского бюргера, горько пожаловавшегося на некоего Барента Блекера, так как тот злостно отказывался от сведения счетов, поскольку имелось большое сальдо в пользу упомянутого Вандла. Губернатор Ван-Твиллер, как я уже говорил, был человеком немногословным; он смертельно ненавидел также бумагомарание и не любил, если его тревожили во время завтрака. Итак, внимательно выслушав заявление Вандла Схонховена и то и дело ворча, когда он отправлял полную до краев ложку маисового пуддинга себе в рот – в знак того, что одобряет блюдо или понимает то, что ему рассказывают, – он вытащил из кармана штанов большой складной нож и дал его констеблю для вручения ответчику в качестве повестки с вызовом в суд, а для подтверждения полномочий добавил свою табакерку.

Такая упрощенная процедура была в те простодушные

---

[184] …губернатор Баратарии – то есть Санчо Панса, который был губернатором на «острове» Баратария. (Сервантес. «Дон-Кихот», II, 45 и сл.).

времена столь же действительной, как и перстень с печатью Гарун-аль-Рашида[185] среди правоверных; когда обе стороны предстали перед губернатором, каждая предъявила счетную книгу, написанную на таком языке и такими буквами, которые поставили бы втупик всякого, кроме комментатора памятников верхнеголландской письменности или ученого расшифровщика надписей на египетских обелисках. Мудрый Воутер взял одну за другой обе книги, взвесил их в руках, внимательно пересчитал количество листов, впал тотчас же в огромное сомнение и полчаса курил, не произнося ни слова; наконец, приложив палец к крылу носа и закрыв на мгновение глаза с видом человека, только что поймавшего за хвост тонкую мысль, он медленно вынул трубку изо рта, выпустил столб табачного дыма и с удивительной серьезностью и торжественностью объявил свое решение: в результате тщательного подсчета листов и взвешивания книг было установлено, что одна столь же толста и тяжела, как и другая, вследствие чего суд пришел к окончательному решению, что счета взаимно уравновешиваются, вследствие чего Вандл должен дать акцепт[186] Баренту, а Барент должен дать акцепт Вандлу, а констебль должен уплатить судебные издержки.

Это решение стало немедленно известно и вызвало всеоб-

---

[185] Гарун-аль-Раишд (763–809) – калиф Багдада, фигурирующий во многих арабских сказках «1001 ночи».

[186] Акцепт – согласие произвести платеж.

щую радость среди жителей Нового Амстердама, так как они сразу же поняли, что у них очень мудрый и беспристрастный правитель. Но самым благотворным результатом вынесенного Ван-Твиллером решения было то, что за все время его правления больше не возникло ни одной тяжбы и должность констебля стала настолько ненужной, что в течение многих лет в провинции не было ни одного даже самого завалящего полицейского. Я так подробно останавливаюсь на этом деле не только потому, что считаю приговор по нему самым мудрым и справедливым из всех известных нам и вполне заслуживающим внимания современных правителей, но и потому, что это было чудесное событие в биографии прославленного Воутера, ибо это был единственный за всю его жизнь случай, когда он пришел к какому-то решению.

ГЛАВА II

Содержащая некоторые сведения о большом совете Новою Амстердама, а также различные весьма убедительные философские соображения по поводу того, почему олдермены должны быть тучными, и другие подробности о состоянии провинции.

Рассказывая о первых губернаторах нашей провинции, я должен предостеречь моих читателей, чтобы они не смешивали их, в отношении сана и власти, с почтенными джентльменами, по недоразумению называемыми губернаторами в нашей просвещенной республике – несчастными жертвами народовластия, которые в действительности являются наиболее зависимыми людьми в стране, всегда идущими на поводу, обреченными терпеть тайные подхлестывания и наставления своей партии и насмешки и поношения всех остальных. Они поставлены для того, чтобы в них, как в гусей на рождество,[187] любой местный шалопай и бродяга мог бросать камнями и стрелять. Напротив, голландские губернаторы пользовались той неограниченной властью, которой облечены все правители отдаленных колоний или заморских стран. Они были в некотором роде абсолютными монарха-

[187] …как в гусей на рождество… – имеется в виду традиционное рождественское развлечение, упоминаемое также в рассказе В. Ирвинга «Дольф Хейлигер».

ми в своих небольших владениях, управляли, если им того хотелось, не считаясь ни с людскими, ни с божескими законами, и отвечали только перед метрополией; а та, как хорошо известно, бывает на удивление глуха ко всем жалобам на ее губернаторов, лишь бы они выполняли основную обязанность, связанную с их должностью – выжимали хороший доход. Это краткое разъяснение весьма существенно, так как предотвратит сомнения и недоверие моих читателей во всех случаях, когда на протяжении нашей правдивой истории они столкнутся с необычной для них фигурой – губернатором, действующим совершенно независимо и вопреки мнению народа.

Для помощи сомневающемуся Воутеру в трудном деле законодательства был назначен магистрат, непосредственно управлявший полицией. Этот могущественный орган состоял из схаута или бейлифа, по своим полномочиям представлявшего нечто среднее между современным мэром и шерифом, из пяти бургомистров, обладавших такою же властью, как олдермены, и пяти схепенов, бывших на побегушках у бургомистров, как состоят на побегушках в наши дни помощники олдерменов у своих начальников; обязанности схепенов заключались в том, чтобы набивать трубки благородных бургомистров, обеспечивать их плевательницами, рыскать по базарам в поисках деликатесов для торжественных обедов и оказывать иные мелкие услуги, какие при случае потребуются. Кроме того, было молчаливо признано, хотя

специально и не предписано, что они должны считать себя мишенью для тупого остроумия бургомистров и должны от всей души смеяться при каждой их шутке; впрочем, выполнения этой последней обязанности тогда требовали столь же редко, как и теперь, и она вскоре была отменена вследствие трагической смерти толстого маленького схепена, который умер, буквально задохнувшись, при неудачной попытке заставить себя рассмеяться над одной из лучших шуток бургомистра Ван-Зандта.

В вознаграждение за эти скромные услуги им разрешалось говорить «да» и «нет» на заседаниях магистрата, и они обладали завидной привилегией пользоваться общественной кухней, так как им милостиво разрешалось есть, пить и курить на всех тайных пирушках и публичных обжорствах, которыми старинные магистраты славились не меньше, чем их современные преемники. Поэтому должности схепена, как и должности помощника олдермена, рьяно домогались все наши бюргеры определенного сорта, любившие вкусно поесть и одержимые честолюбивым стремлением стать в малом масштабе великими людьми, жаждавшие хоть мимолетной власти, которая сделала бы их грозой богаделен и смирительных домов, позволила бы поизмываться над раболепной бедностью, бездомным пороком, низкопробным распутством и порожденным голодом бесчестием, вложила бы им в руки крошечный, но хлесткий бич закона и отдала бы в их распоряжение свору сыщиков и лодырей-приставов – него-

дяев, вдесятеро худших, чем преследуемые ими преступники! Да простят мне читатели эту неожиданную горячность; я сознаю, что она не подобает серьезному историку, но я испытываю глубокое отвращение к сыщикам, помощникам бейлифа и маленьким великим людям.

Старинные должностные лица нашего города имели сходство с теперешними не только по наружности, важной осанке и умственным способностям, но и по прерогативам и привилегиям. Бургомистры, подобно нашим олдерменам, обычно выбирались по весу – и не только по весу тела, но также и по весу головы. Это правило на деле соблюдается во всех честных, здравомыслящих степенных городах: олдермен должен быть тучным. Мудрость этого положения можно, безусловно, доказать. Многие ученые мужи, специально изучавшие человеческую природу, настаивают на том, что тело в какой-то мере является отражением души, или, вернее, что душа формируется по телу, как расплавленный свинец принимает форму глиняного сосуда, в который его наливают. Ибо, как говорит один ученый джентльмен из нашего города, «существует постоянная связь между моральными качествами всех разумных существ и их физическим строением – между их нравами и телосложением». Так, мы видим, что тощему, худощавому, тщедушному телу обычно сопутствует нетерпеливый, беспокойный, пронырливый ум: либо ум своей беспрерывной работой истощает тело, либо же тело, не давая уму достаточного простора, держит его все время в

раздраженном состоянии, обрекая на волнение и беспокойство по поводу его затруднительного положения. Между тем округлой, гладкой, тучной, неповоротливой фигуре всегда соответствует ум такой же спокойный, как она сама, тупой и невозмутимый; и мы постоянно наблюдаем, что наши хорошо откормленные, дюжие бюргеры обычно очень заботятся о своем удобстве и покое. Они заклятые враги всякого шума, раздоров и неурядиц, и, конечно, никто не будет сильнее стремиться к поддержанию общественного спокойствия, нежели те, кто так радеет о своем собственном. Кому приходилось слышать, чтобы тучные люди возглавили мятеж или собирались в буйные толпы? Нет, нет, это тощие, голодные люди постоянно досаждают обществу и будоражат всю округу.

Божественный Платон, к учению которого недостаточно прислушиваются философы нынешнего времени, наделяет каждого человека тремя душами: одна, бессмертная и разумная, находится в мозгу, чтобы следить за телом и управлять им; вторая состоит из злобных и безудержных страстей, которые, как воюющие между собой державы, располагаются лагерем вокруг сердца; третья, смертная и чувственная, лишенная разума, с грубыми и зверскими наклонностями, заключена в животе, чтобы не беспокоить божественную душу своим алчным рычанием. Согласно этой превосходной теории само собой ясно, что наш тучный олдермен вероятней всего должен обладать самым уравновешенным и исправно

действующим умом. Его голова подобна огромному полому шару, содержащему изрядную толику мягких мозгов, на которых, как на перине, мягко и уютно покоится разумная душа; и глаза, служащие окнами этой спальни, обычно бывают полузакрыты, чтобы дремлющую душу не тревожили предметы внешнего мира. Столь удобно расположившийся ум, укрытый от всяких волнений, может, само собой разумеется, исправно и без особых усилий выполнять свои обязанности. Более того, скрытая в животе, смертная и злобная душа, которая своим яростным ревом приводит раздражительную душу, обитающую по соседству с сердцем, в неистовый гнев и таким образом делает людей строптивыми и бранчливыми, когда они голодны, благодаря хорошей пище полностью умиротворяется, утихомиривается и успокаивается. Вследствие этого множество благодушных побуждений и добросердечных привязанностей, прежде притаившихся и исподтишка выглядывавших из щелочек в сердце, обнаружив, что этот цербер спит, приободряется, все как один надевают праздничную одежду и скачут вприпрыжку по грудобрюшной преграде, склоняя своих владельцев к смеху, хорошему настроению и оказанию тысячи дружеских услуг ближним. Созданный таким образом магистрат не слишком утруждает себя размышлениями, вследствие чего в нем почти никогда не бывает разногласий и споров; и так как члены магистрата обычно заседают после плотного обеда, то они, естественно, склонны к мягкости и снисходительности при исполне-

нии своих обязанностей. Карл Великий[188] понимал это, а потому (я никогда не прощу ему столь подлой меры) постановил в своих хартиях, чтобы все судьи отправляли правосудие только по утрам, на голодный желудок. Этот порядок, утверждаю я, тяжело отозвался на несчастных преступниках в его королевстве. Наш более просвещенный и человеколюбивый век придерживается противоположных взглядов и принял за правило, чтобы олдерменами были самые откормленные люди в общине. Основательно налегая на местную жирную пищу и усердно поглощая устриц и черепах, они с течением времени приобретают подвижность одних и очертания, ковыляющую походку и зеленый жир других. В результате, как я выше говорил, эти роскошные пиршества неуклонно приводят к такому сладостному безразличию и спокойствию души (разумной и неразумной), что заседания магистрата вошли в поговорку по своему неизменному однообразию, а глубокомысленные законы, изданные во время дремоты среди трудов пищеварения, мирно остаются мертвой буквой, и после пробуждения на них никто не настаивает. Одним словом, славный толстопузый бургомистр, как хорошо откормленный мастиф, спокойно дремлет у своих дверей, всегда дома и всегда на месте, чтобы следить за сохранностью принадлежащего ему имущества. Что же касается избрания на

[188] Карл Великий (742–814) – франкский король, с 800 г. – император новой Римской империи. Его законы (капитулярии) – содержат многочисленные предписания судебного, финансового и административного характера.

эту должность тощего, сующего всюду свой нос кандидата, как это иногда случалось, то я считаю, что с таким же успехом можно было бы поручить борзой стеречь дом или впрячь скаковую лошадь в воловью упряжку.

Итак, бургомистры, как я уже упомянул, мудро избирались по весу, а схепены, или помощники олдерменов, назначались служить им и *помогать им есть*; однако с течением времени, когда последние, откормившись и нагуляв жиру, приобретали достаточно объемистую фигуру, и их ум погружался в дремоту, они становились весьма подходящими кандидатами на должность бургомистров, честно проев себе путь к ней, как мышь прогрызает себе дорогу в уютную квартиру в превосходном синеватом сыре из снятого молока, столь любимом в Новой Англии.

Ничто не могло сравниться с преисполненными глубокомыслия совещаниями прославленного Воутера и его достойных сотоварищей, разве только заседания некоторых наших современных ученых обществ. Сидя часами, они курили и дремали над общественными делами, не произнося ни слова, чтобы не нарушать полной тишины, столь необходимой для глубоких размышлений, неуклонно соблюдая отличное правило, которое добрый старый губернатор распорядился написать золотыми буквами на стенах залы совещаний:

Stille Seugen eten al den draf op,

что переведенное для блага современных законодателей на наш язык означает:

У той свиньи, которая смирна,
Бадья всегда помоями полна.

Итак, под трезвым руководством прославленного Ван-Твиллера и под мудрым надзором его бургомистров новорожденное поселение быстро росло, постепенно выступая из болот и лесов и являя взору ту смесь деревни и города, которая обычна для новых городов и в наши дни наблюдается в Вашингтоне[189] – огромной столице, имеющей столь величественный вид… на бумаге.

Ряды домов начали уже выстраиваться наподобие улиц и переулков; а повсюду, где оставались пустыри, они покрывались густыми зарослями сладко пахнущего дурмана, в просторечии называемого дурнишником. В этих душистых уголках честные бюргеры, как и многие патриархи древности, посиживали в знойные дни, покуривая трубку, вдыхая бальзамические запахи, приносимые каждым порывом ветра, и прислушиваясь с молчаливым удовлетворением к кудахта-

[189] Вашингтон. – Во времена Ирвинга, в начале XIX в., столица США Вашингтон только начинал застраиваться (город был основан в 1791 г.).

нью кур, гоготу гусей или к звучному хрюканью свиней. Звуки этой симфонии фермерского двора поистине можно было назвать серебряными, поскольку они внушали твердую надежду на хороший доход от базарного торга.

Наш современник, бродящий по оживленным улицам этого многолюдного города, едва ли может составить себе представление о тем, как непохоже было все в те первобытные дни. Деловитого гула торговли, шума буйного веселья, стука роскошных экипажей не знали в мирном поселке Новый Амстердам. Блеющие овцы и шаловливые телята резвились на поросшем зеленью гребне холма, где теперь их законные наследники, бродвейские ротозеи, совершают утреннюю прогулку; хитрая лисица или хищный волк скрывались в лесах, где теперь мы видим притоны Гомеса[190] и его честного братства менял; стаи крикливых гусей гоготали на поле, где теперь патриотическая таверна Мартлинга оглашается ссорами буйных сборищ.[191] Весь остров, во всяком случае в той части, что была заселена, цвел, как второй рай; при каждом

---

[190] Гомес – богатый банкир в комедии Дж. Драйдена «Испанский монах» (1680).

[191] «Де Фриз упоминает о месте, где вытаскивали суда на берег для осмотра повреждений, и называет его Smits Vleye; в Нью-Йорке и до сегодняшнего дня существует площадь под этим названием, где построен рынок, называемый Флай-маркет». – Old MS.* Я думаю, что мало есть уроженцев этого большого города, которые мальчиками не были бы втянуты в знаменитую вражду между Бродвеем и Смит-Флай, послужившую темой столь многих базарных песенок и школьных стихов. – Издатель.*Старинная рукопись

доме был огород с капустой,[192] и эти съедобные овощи не только обещали щедрый запас кислой капусты, но и были эмблемой быстрого роста и степенных нравов молодой колонии.

Таковы мирные картины, наблюдаемые при тучных правителях. Провинция Новые Нидерланды, не обладая богатством, наслаждалась сладостным покоем, которого не купишь ни за какие деньги. Поистине казалось, что снова началось царствование старого Сатурна и опять наступили золотые дни первобытной простоты. Ибо, как говорит Овидий, золотой век совершенно не знал золота и именно по этой причине назывался золотым[193] веком, то есть счастливым, благоденственным веком, потому что тогда не существовало таких зол, порождаемых драгоценными металлами, как скупость, корыстолюбие, воровство, грабеж, ростовщичество, банкирские конторы, ссудные кассы, лотереи и еще целый список преступлений и бедствий. В железный век золото было в изобилии, вследствие чего он и назывался железным веком – из-за лишений, тягот, раздоров и войн, порождаемых

---

[192] …огород с капустой… – выращивание голландскими колонистами капусты было постоянным объектом насмешек в рассказах В. Ирвинга («Вольферт Веббер, или Золотые сны») и Э. По («Черт на колокольне»).

[193] …золотой век не знал золота и поэтому назывался золотым… – слова французского публициста Адриана де Лезе-Марнезиа (1770–1814) из его книги «Мысли» (1797). Понятие «золотой век» восходит еще к Гесиоду и Овидию. Близкая мысль о золотом веке, когда не знали слов «твое» и «мое», содержится в XI главе первой части «Дон Кихота» Сервантеса.

жаждой золота.

Таким образом, веселые времена Воутера Ван-Твиллера могут быть справедливо названы золотым веком нашего города. Не было ни общественных волнений, ни частных ссор; ни партий, ни сект, ни расколов; ни судебных преследований, ни тяжб, ни наказаний; не было тогда ни адвокатов, ни стряпчих, ни сыщиков, ни палачей. Каждый занимался тем небольшим делом, которым ему посчастливилось владеть, или, не спрашивая мнения соседей, относился к нему спустя рукава, если ему того хотелось. В те дни никто не ломал себе голову над вопросами, которые были выше его понимания, и не совал своего носа в то, что его не касалось: никто в своем рвении очернить репутацию других не забывал исправлять собственное поведение и заботиться о собственной репутации. Одним словом, каждый уважаемый гражданин ел, когда не был голоден, пил, когда не испытывал жажды, и ложился в постель, когда заходило солнце и куры взбирались на насест, независимо от того, хотелось ему спать или нет. Все это, подтверждая теории Мальтуса, столь замечательно способствовало росту населения нашего города, что, как мне говорили, каждая примерная жена во всех семьях Нового Амстердама считала делом чести ежегодно дарить своему мужу по меньшей мере одного ребенка, а очень часто и двойню. В соответствии с любимой голландской поговоркой, что «больше, чем достаточно, уже пиршество», такое изобилие малышей явно говорило об истинно счастливой жизни. И вот, все шло

так, как должно было идти, и, пользуясь обычным выражением, употребляемым историками для описания благоденствия страны, «глубочайшая тишина и спокойствие царили во всей провинции».

ГЛАВА III

О тем, как город Новый Амстердам поднялся из грязи и стал на удивление изысканным и учтивым, вместе с картиной нравов наших прапрадедов.

Разнообразны вкусы и склонности просвещенных людей, которые перелистывают страницы истории. Есть среди них такие, чье сердце полно до краев дрожжами отваги и чья грудь волнуется, пыжится и пенится безрассудной смелостью, как бочонок молодого сидра или как капитан гражданской гвардии, только что вышедший от своего портного. Такого рода доблестные читатели ничем не могут удовольствоваться, кроме кровавых битв и грозных стычек; они все время должны брать штурмом крепости, разорять города, взрывать мины, идти на врага под дулами пушек, на каждой странице бросаться в штыковую атаку и наслаждаться запахом пороха и резней. Другие читатели, обладающие менее воинственным, но столь же пылким воображением и вместе с тем склонные ко всему таинственному, останавливаются с огромным удовлетворением на описаниях невероятных событий, небывалых случаев, чудесных спасений, дерзких приключений, на всяких изумительных повествованиях, едва не переступающих границ правдоподобия. Читатели третьего рода, которые – мы не хотим сказать о них ничего предосуди-

тельного – отличаются более легкомысленным складом ума и скользят по рассказам о прошлом так же, как по назидательным страницам романов, просто для отдыха и невинного развлечения, питают особый интерес к изменам, казням, похищениям сабинянок,[194] Тарквиниевым насилиям,[195] пожарам, убийствам и ко всем другим отвратительным преступлениям, придающим, подобно перцу при стряпне, остроту и вкус скучным подробностям истории. Читатели же четвертого рода, с более философскими наклонностями, прилежно изучают заплесневелые летописи прошлого, чтобы познать деяния человеческого ума и проследить постепенные перемены в людях и обычаях, обусловленные развитием знаний, превратностями судеб и влиянием обстоятельств.

Читатели первых трех родов мало что найдут для своего развлечения в спокойном правлении Воутера Ван-Твиллера, но я прошу их на время набраться терпения и примириться со скучной картиной счастья, благоденствия и мира, которую меня обязывает нарисовать мой долг правдивого историка; и я обещаю им, что как только мне представится возможность остановиться на чем-нибудь ужасном, необычном или невероятном, я постараюсь, чего бы мне это ни стоило, доставить им удовольствие. Условившись об этом, я с великой радо-

[194] Сабинянки – женщины соседнего с Римом племени, которых римляне, согласно легенде, похитили во время празднества.

[195] Тарквиний (VI в. до н. э.) – по преданию, последний царь древнего Рима; его тираническое правление вызвало восстание в Риме. Тарквиний был изгнан и была установлена республика.

стью обращаюсь к моим читателям четвертого рода – мужчинам, а, возможно, и женщинам, которые мне по душе: серьезным, философически настроенным и любознательным, любящим подробно разбирать характеры, начинать с первопричин и прослеживать историю народа сквозь лабиринт нововведений и усовершенствований. Такие читатели, разумеется, возжаждут узнать о начальной стадии развития только что родившейся колонии и о первобытных нравах и обычаях, преобладавших среди ее жителей в эпоху безоблачного правления Ван-Твиллера, то есть Сомневающегося.

Если бы я стал описывать во всех мелочах постепенный переход от грубой бревенчатой хижины к величественному голландскому дому с кирпичным фасадом, застекленными окнами и драночной крышей, от густых зарослей к огородам, приносившим обильные урожаи капусты, и от таящегося в засаде индейца к важному бургомистру, это было бы, вероятно, утомительно для моих читателей и, конечно, очень неудобно для меня; достаточно сказать, что деревья были вырублены, пни выкорчеваны, кусты уничтожены, и новый город постепенно возник среди болот и зарослей дурнишника, как громадный гриб, выросший на куче гнилой древесины. Так как мудрый магистрат, о чем мы упомянули в предыдущей главе, оказался не в состоянии принять какой-нибудь план постройки города, то коровы в похвальном порыве патриотизма взяли эту заботу на себя; идя на пастбище и возвращаясь с него, они проложили тропинки среди чащи, по

обеим сторонам которых добрые люди построили свои дома. Это – одна из причин кривизны, причудливых поворотов и запутанных разветвлений, отличающих часть улиц Нью-Йорка еще и в наши дни.

Следует отметить, что граждане, бывшие ревностными сторонниками мингера Десятиштанного (или Тен Брука), раздосадованные отказом от его плана прорытия каналов, отдали дань своим склонностям и обосновались на берегах ручьев и протоков, извивавшихся в разных концах предназначенной к расчистке местности. Этим людям может быть, в частности, приписано создание первого поселения на Брод-стрит, которая первоначально была проложена вдоль ручья, в верхнем течении доходившего до вала, что теперь называется Уолл-стрит. Нижняя часть города вскоре стала очень оживленной и многолюдной, и со временем в центре ее был построен дом при перевозе,[196] в те дни именовавшийся «центром речной навигации».

Напротив, последователи мингера Крепкоштанника, не менее предприимчивые и более трудолюбивые, чем их соперники, поселились на берегу реки и с беспримерным упорством занялись постройкой маленьких доков и плотин, вследствие чего вокруг нашего города и возникло такое мно-

[196] * Это здание несколько раз ремонтировалось и в настоящее время представляет собой маленький желтый кирпичный дом, значащийся под № 23 на Брод-стрит; он обращен фронтоном к улице и увенчан железным шпилем, на котором еще три-четыре года тому назад маленький железный паром исполнял обязанности флюгера.

жество илистых западней. К этим докам отправлялись некогда старые бюргеры в те часы, когда с отливом берег обнажался и можно было вдыхать ароматные испарения ила и тины, которые, по их мнению, обладали подлинно целебным запахом и напоминали им о голландских каналах. Неутомимым трудам и похвальному примеру сторонников проектов последнего рода мы обязаны теми акрами искусственно образовавшейся суши, на которой построена часть наших улиц поблизости от рек и которая, если верить утверждениям коекого из ученых медиков нашего города, сильно способствовала возникновению желтой лихорадки.

Дома людей высшего класса обычно были построены из дерева, за исключением фронтона, сложенного из маленьких черных и желтых голландских кирпичей и обращенного всегда к улице, так как наши предки, подобно их потомкам, придавали большое значение внешнему виду и были известны тем, что показывали товар лицом. В доме всегда бывало изобилие больших дверей и маленьких окошек во всех этажах; о годе его постройки возвещали причудливые железные цифры на фасаде, а на коньке крыши торчал надменный маленький флюгер, посвящавший семью в важную тайну – куда дует ветер. Как и флюгера на шпилях наших колоколен, те флюгера показывали столько различных направлений, что ветер мог угодить на любой вкус; казалось, старый Эол наугад, как попало, развязал все свои мешки с ветрами,[197] что-

[197] …Эол… развязал свои мешки с ветрами… – В «Одиссее» (X, 1-75) расска-

бы они порезвились вокруг этой ветреной столицы. Однако самые стойкие и благонадежные граждане всегда руководствовались флюгером на крыше губернаторского дома – разумеется, самым правильным, так как каждое утро доверенный слуга лазил наверх и направлял его в ту сторону, в какую дул ветер.

В эти славные дни простоты и веселья чистота была тем, к чему больше всего стремились в домашнем обиходе, и страсть к ней являлась общепризнанным отличительным свойством хорошей хозяйки – звания, бывшего предметом честолюбивейших мечтаний наших необразованных прабабушек. Парадная дверь отпиралась только в дни свадеб, похорон, в новогодний праздник, в день святого Николая или еще по какому-либо столь же важному случаю. Она была украшена блестящим медным молотком, причудливо выкованным иногда в форме собаки, а иногда львиной головы, и ежедневно начищалась с таким благочестивым пылом, что нередко изнашивалась из-за предосторожностей, принятых для ее сохранения. Весь дом постоянно был залит водой и в нем командовали швабры, веники и жесткие щетки; хорошие хозяйки в те дни были кем-то вроде земноводных животных, и плескаться в воде доставляло им такое огромное удовольствие, что один историк тех времен всерьез утвер-

---

зывается о том, как властитель острова Эолии и повелитель ветров Эол подарил Одиссею кожаный мех, в котором были зашиты ветры, и как матросы Одиссея, полагая, что в мешке сокрыты сокровища, развязали его; вырвавшись на волю, ветры сбили корабль Одиссея с пути.

ждает, будто у многих женщин его города появились перепонки между пальцами, как у уток; а у некоторых из них – он не сомневался, что смог бы подтвердить свои слова, если бы удалось произвести соответствующее исследование – можно было бы обнаружить русалочий хвост, но, по-моему, это просто игра воображения или, еще хуже, умышленное искажение действительности.

Парадная гостиная была sanctum sanctorum,[198] где страсти к наведению чистоты предавались без всякого удержу. В эту священную комнату никому не разрешалось входить, кроме госпожи и ее верной служанки, которые появлялись там раз в неделю, чтобы сделать тщательную уборку и привести все в порядок; при этом они всякий раз оставляли свои башмаки у дверей и благоговейно переступали порог в одних чулках. Они скребли дочиста пол, посыпав его тонким белым песком, который под взмахами щетки ложился причудливым узором из углов, кривых и ромбов, мыли окна, стирали пыль с мебели и наводили на нее глянец, клали новую охапку вечнозеленых веток в камин, затем снова закрывали ставни, чтобы не залетели мухи, и тщательно запирали комнату до той поры, когда круговращение времени вновь принесет еженедельный день уборки.

Что касается членов семьи, то они всегда входили через калитку и жили преимущественно в кухне. При виде многочисленных домочадцев, собравшихся вокруг очага, вы могли

[198] Святая святых (лат.).

бы вообразить, что перенеслись в те счастливые дни первобытной простоты, которые золотыми видениями мелькают в наших мечтах. Очаг приобретал поистине патриархальную величавость, когда вся семья, стар и млад, хозяин и слуга, черный и белый и даже кошка с собакой пользовались одинаковыми привилегиями и имели освященное обычаем право на свой уголок. Там старый бюргер сиживал в полном молчании, попыхивая трубкой, глядя на огонь полузакрытыми глазами и часами ни о чем не думая; напротив него goede vrouw прилежно пряла свою пряжу или вязала чулки. Молодежь теснилась к печи и, затаив дыхание, слушала какую-нибудь старуху-негритянку, которая считалась семейным оракулом и, как ворон взгромоздившись в сторонке, длинными зимними вечерами рассказывала одну за другой невероятные истории о ведьмах Новой Англии, страшных привидениях, лошадях без головы, чудесных спасениях и о кровавых стычках между индейцами.

В те счастливые дни добропорядочная семья вставала с зарей, обедала в одиннадцать часов и ложилась спать на заходе солнца. Обед неизменно был семейной трапезой, и тучные старые бюргеры встречали явными признаками неодобрения и неудовольствия неожиданный приход соседа в это время. Но хотя наши достойные предки были вовсе не склонны устраивать званые обеды, все же для поддержания более тесных общественных связей они время от времени собирали гостей, приглашая их на чай.

Так как эти восхитительные оргии были тогда нововведением, впоследствии ставшим столь модным в нашем городе, то я уверен, что моим любезным читателям будет весьма интересно получить о них более подробные сведения. К сожалению, лишь немногое в моем описании сможет вызвать восторг читателей. Я не могу порадовать их рассказами о несметных толпах, блестящих гостиных, высоких плюмажах, сверкающих бриллиантах, громадных шлейфах. Я не могу привести занимательнейшие примеры злословия, так как в те первобытные времена простосердечные люди были либо слишком глупы, либо слишком добродушны, чтобы перемывать друг другу косточки. Я не могу рассказать также про забавные случаи хвастовства, про то, как одна леди плутовала, а другая приходила в ярость, ибо тогда еще не существовало компаний единомышленниц, состоявших из милейших старых вдов, которые встречаются за карточным столом, чтобы выигрывать чужие деньги и терять хорошее расположение духа.

В этих модных сборищах принимали участие преимущественно представители высших классов, то есть знати, иначе говоря, тех, у кого были свои коровы и кто правил собственными повозками. Гости обычно собирались в три часа и покидали радушных хозяев около шести, если только дело не происходило зимой, когда принято было собираться немного раньше, чтобы дамы могли вернуться домой засветло. Мне не удалось нигде обнаружить сведений о том, что хозяева ко-

гда-либо угощали своих гостей сливочным мороженым, желе и взбитыми сливками, либо потчевали их затхлым миндалем, заплесневелым изюмом и кислыми апельсинами, как это часто делается в нынешний утонченный век. Наши предки любили более плотную, существенную пищу. Посредине стола красовалось огромное фаянсовое блюдо, наполненное ломтями жирной свинины с румяной корочкой, нарезанными на куски и плававшими в мясной подливке. Гости усаживались вокруг гостеприимного стола и, вооружившись вилками, показывали свою ловкость, вылавливая самые жирные куски из этого громадного блюда – почти так, как моряки ловят острогой черепах в море или наши индейцы багрят лососей в озерах. Иногда стол ломился под гигантскими пирогами с яблоками или под мисками с заготовленными впрок персиками и грушами; и неизменно он мог похвалиться громадным блюдом с шариками из сдобного теста, жаренными в кипящем свином сале и называвшимися тестяными орехами или oly koeks[199] – чудесное лакомство, в настоящее время в нашем городе почти никому неизвестное, кроме истинно голландских семей, но по-прежнему занимающее почетное место на праздничных столах в Олбани.

Чай наливали из внушительного чайника делфтского фаянса с изображенными на нем толстенькими маленькими голландскими пастухами и пастушками, пасущими свиней, или лодками, плывущими в воздухе, домами, стоящими в об-

[199] Масляное печенье (голл.).

лаках, и другими замысловатыми произведениями голландской фантазии. Кавалеры щеголяли друг перед другом ловкостью, с какой они наполняли этот чайник кипятком из большого медного котла, одного вида которого достаточно, чтобы бросить в пот карликовых франтов нашего выродившегося времени. Для подслащиванья чая возле каждой чашки клали кусок сахара, и все общество попеременно то отгрызало крошку сахара, то прихлебывало чай, пока одна изобретательная и экономная старая леди не внесла усовершенствование: прямо над столом на веревочке, спускавшейся с потолка, висел большой кусок сахара, до которого, когда его раскачивали, каждый мог дотянуться ртом – остроумный способ, все еще применяемый некоторыми семьями в Олбани и безраздельно царящий в Коммунипоу, Бергене, Флат-Буше и во всех других наших голландских деревнях, не зараженных новшествами.

Во время этих старинных праздничных чаепитий царили крайняя благопристойность и строгость поведения. Никакого флирта или кокетничания, ни карточных игр для пожилых дам, ни болтовни и шумных шалостей для молодых девиц. Здесь вы не услышали бы самодовольной похвальбы богатых джентльменов, которым толстая мошна заменяет ум, ни вымученных острот и обезьяньих шуточек франтоватых молодых джентльменов, у которых ум вовсе отсутствует. Напротив, молодые леди скромно усаживались на стулья с камышевым сидением и вязали принесенный с собой шерстя-

ной чулок; они раскрывали рот лишь для того, чтобы сказать: «yah, Mynher»[200] или «yah, ya Vrouw»[201] в ответ на любой заданный им вопрос, и во всем вели себя как благопристойные, хорошо воспитанные барышни. Что касается джентльменов, то все они спокойно покуривали свои трубки и казались погруженными в созерцание синих и белых изразцов, которыми был облицован камин, с благочестиво изображенными на них сценами из священного писания. Чаще всего то были Товит с его собакой[202] или Аман,[203] в назидание всем болтающийся на виселице, и Иона, преотважно выскакивающий из кита, как арлекин, который прыгает сквозь пылающую бочку.

Гости расходились без шума и без всякой сутолоки, ибо, сколь странным это ни могло бы показаться, леди и джентльмены довольствовались тем, что надевали свои собственные плащи, шали и шляпы, не помышляя даже (какое простодушие!) об остроумной системе обмена нарядами, установившейся в наши дни; при ней уходящие первыми имеют возможность выбрать лучшую шаль или шляпу, какая им только попадется, – обычай, возникший, несомненно, из наших

---

[200] Да, сударь (голл.).

[201] Да, да сударыня (голл.).

[202] …Товит с его собакой… – по-видимому, у Ирвинга ошибка: собака была у Товия, сына Товита (Библия. Книга Товита, V, 17).

[203] Аман… – правитель библейского царя Артаксеркса, повешенный на виселице, которую он готовил своему врагу Мардохею (Библия. Книга Есфирь, V–VII).

коммерческих повадок. Гостей доставляли домой собственные кареты, иначе говоря, перевозочные средства, дарованные им природой; исключение составляли лишь те богачи, которые могли позволить себе завести повозку. Джентльмены галантно сопровождали своих прекрасных дам до дверей их жилищ и громко целовали на прощание. Так как это было установлено этикетом и делалось с полнейшим простодушием и чистосердечием, то не вызывало тогда никаких пересудов и не должно было бы вызывать и в наши дни: если наши прадеды одобряли такой обычай, со стороны потомков было бы крайним неуважением возражать против него.

ГЛАВА IV

Содержащая дальнейшие подробности о золотом веке и рассказывающая о том, какими свойствами должны были обладать истинные леди и джентльмены во времена Вальтера Сомневающегося.

В этот благословенный период моей истории, когда прекрасный остров Манна-хата являл взору точную копию тех ярких картин, какие нарисовал старый Гесиод, описывая золотое царство Сатурна, жители острова, среди которых господствовала чистосердечная простота, жили в состоянии счастливого неведения; если бы я даже сумел его изобразить, все равно оно вряд ли могло бы быть понятно в наш вырождающийся век, для которого мне суждено писать. Даже представительницы женского пола, эти главные противницы спокойствия, честности и седобородых общественных обычаев, временно проявляли небывалую рассудительность и благопристойность и вели себя поистине почти так, словно не были посланы в этот мир для того, чтобы причинять хлопоты человечеству, сбивать с толку философов и приводить в замешательство вселенную.

Их волосы, не истерзанные отвратительными ухищрениями искусства, были тщательно смазаны сальной свечой, зачесаны назад и прикрыты небольшим подбитым ватой ко-

ленковым чепцом, плотно сидевшим на голове. Их юбки из грубой полушерстяной ткани были обшиты пестрыми яркими полосами и могли соперничать с многоцветными одеяниями Ириды.[204] Впрочем, должен сознаться, эти прелестные юбочки были довольно короткие и едва прикрывали колени, что возмещалось их числом, которое обычно не уступало числу штанов у джентльменов. И что еще похвальнее, все юбки были собственной работы, и этим обстоятельством, как легко можно себе представить, женщины немало тщеславились.

То были прекрасные дни, когда все женщины сидели дома, читали Библию и имели карманы – да еще какие большие, отделанные пестрыми лоскутами, составлявшими многочисленные причудливые узоры и хвастливо носимые снаружи. Они действительно были удобными вместилищами, где все хорошие хозяйки заботливо прятали то, что им хотелось иметь под рукой, из-за чего карманы часто становились невероятно раздутыми. Я помню, как в дни моего детства ходил рассказ о том, что жене Воутера Ван-Твиллера довелось в поисках деревянной суповой ложки опорожнить правый карман, содержимое которого наполнило три корзины для зерна, а поварешка в конце концов была обнаружена среди всякого хлама в самом углу кармана. Впрочем, всем этим рассказам не следует придавать слишком большой веры, так как, когда дело идет о давно прошедших временах,

[204] Ирида – в древнегреческой мифологии вестница богов.

люди всегда склонны к преувеличениям.

Кроме замечательных карманов, у женщин постоянно были при себе ножницы и подушечки для булавок, висевшие у пояса на красной ленте, а у более зажиточных и чванных на медной или даже серебряной цепочке – бесспорные признаки домовитой хозяйки или трудолюбивой девицы. Я мало что могу сказать в оправдание коротких юбок; без сомнения, они были введены с той целью, чтобы дать возможность увидеть чулки, которые обычно бывали из синей шерсти с роскошными красными стрелками, а может быть, чтобы открыть взорам красивой формы лодыжку и изящную, хотя и вполне пригодную для ходьбы ступню, обутую в кожаный башмак на высоком каблуке и с большой великолепной серебряной пряжкой. Таким образом, мы видим, что прекрасный пол во все времена одинаково стремился слегка нарушать законы приличия, чтобы выставить напоказ скрытую красоту или удовлетворить невинную любовь к щегольству.

Из приведенного здесь беглого очерка можно видеть, что наши славные бабушки по своим представлениям о красоте фигуры значительно отличались от своих скудно одетых внучек, живущих в наши дни. В те времена прелестная леди переваливалась с ноги на ногу под тяжестью одежды, которой даже в чудесный летний день на ней было больше, чем на целом обществе дам в современной бальной зале. Однако это не мешало джентльменам восхищаться ими. Напротив, страсть возлюбленного, по-видимому, усиливалась пропор-

ционально объему ее предмета, и о дюжей девице, облаченной в дюжину юбок, местные стихоплеты, писавшие на нижнеголландском наречии, утверждали, что она сияет, как подсолнечник, и пышна, как полновесный кочан капусты. Как бы там ни было, в те дни сердце влюбленного не вмещало больше одной женщины зараз, между тем как сердце современного волокиты достаточно просторно, чтобы приютить полдюжины. Причина этого, по моему убеждению, состоит в том, что либо сердца мужчин стали больше, либо женщины стали мельче; впрочем, об этом пусть судят физиологи.

Но в этих юбках было какое-то таинственное очарование, которое, несомненно, влияло на благоразумного кавалера. В те дни гардероб леди был единственным ее достоянием; и та, у кого был хороший запас юбок и чулок, могла, безусловно, считаться богатой наследницей, подобно девице с Камчатки, обладательнице множества медвежьих шкур, или лапландской красавице с большим стадом северных оленей. Поэтому женщины всячески старались выставить напоказ эти могущественные приманки самым выгодным образом; да и лучшие комнаты в доме украшались не карикатурами на госпожу природу, в виде акварелей или вышивок, а были всегда в изобилии увешаны домотканой одеждой, изготовленной самими женщинами и им принадлежавшей, – образец похвального тщеславия, до сих пор наблюдаемого среди наследниц в наших голландских деревнях. Такими были прелестные красавицы старинного города Нового Амстердама, по первобыт-

ной простоте своих нравов соперничавшие со знаменитыми и благородными дамами, столь возвышенно воспетыми господином Гомером, который рассказывает нам, что царевна Навсикая[205] стирала белье всей семьи, а прекрасная Пенелопа[206] сама ткала свои юбки.

Истинные джентльмены, вращавшиеся в кругах блестящего общества в те старинные времена, почти во всем были похожи на девиц, чьи улыбки они жаждали заслужить. Правда, их достоинства не произвели бы большого впечатления на сердце современной красавицы: они не катались в парных фаэтонах и не щеголяли в запряженных цугом колясках, ибо тогда об этих пышных экипажах еще и не помышляли; не отличались они ни особым блеском за пиршественным столом, ни последующими стычками со сторожами, так как наши предки были слишком мирного нрава, чтобы нуждаться в этих ночных блюстителях порядка, тем более, что к девяти часам в городе не оставалось ни одной живой души, которая не храпела бы во всю мочь. Не притязали они также на изящество, достигаемое с помощью портных, так как тогда эти посягатели на карманы людей изысканного общества

---

[205] Навсикая – дочь феакийского царя Алкиноя, с которой Одиссей после кораблекрушения встретился на берегу, куда Навсикая пришла стирать белье и играть в мяч с прислужницами («Одиссея», VI).

[206] Пенелопа – жена Одиссея, которая в течение двадцати лет ждала возвращения мужа и отклонила предложения многочисленных женихов, объявив, что выйдет замуж не раньше, чем закончит ткать свадебный наряд. Однако за ночь она распускала то, что успевала соткать днем.

и на спокойствие всех честолюбивых молодых джентльменов были в Новом Амстердаме неизвестны. Каждая хорошая хозяйка обшивала своего мужа и семью и даже сама goede vrouw Ван-Твиллер не считала для себя унизительным кроить мужу штаны из грубой шерсти.

Однако дело не обходилось без нескольких юнцов, которые обнаруживали первые проблески так называемого пылкого духа. Они презирали всякий труд, слонялись у доков и по рыночным площадям, грелись на солнце, проигрывали те небольшие деньги, которыми им удавалось разжиться, сражаясь в «орлянку» и в «ямочку», ругались, дрались на кулаках, устраивали петушиные бои и скачки на соседских лошадях, – короче говоря, подавали надежды стать предметом удивления, разговоров и отвращения для всего города, если бы их блестящая карьера, к несчастью, не обрывалась близким знакомством с позорным столбом.

Впрочем, действительно приличный джентльмен тех дней был далеко не таким. Как по утрам, так и по вечерам, на улице и в гостиной он появлялся в грубошерстном кафтане, изготовленном, возможно, прелестными ручками царицы его сердца и щедро украшенном множеством больших бронзовых пуговиц. Десяток штанов увеличивал объем его фигуры, на башмаках были огромные медные пряжки, широкополая шляпа с низкой тульей затеняла полное лицо и волосы болтались за спиной громадной косой в футляре из кожи угря.[207]

---

[207] …в футляре из кожи угря. – По старинному поверью, кожа угря способ-

В таком виде он отважно пускался в путь, чтобы подвергнуть осаде неумолимое сердце какой-нибудь девицы. Во рту у него, мой добрый читатель, была не флейта, вроде той, из которой Ацис извлекал сладкие звуки, восхваляя свою Галатею,[208] а настоящая делфтская трубка, набитая пахучим табаком самого низкого сорта. Вооружившись ею, он решительно становился перед крепостью и с течением времени ему почти всегда удавалось густыми клубами дыма принудить прекрасного врага к сдаче на почетных условиях.

Таково было счастливое правление Воутера Ван-Твиллера, воспетое во многих давно забытых стихах как подлинный золотой век, по сравнению с которым все остальные эпохи были лишь медной подделкой. В это чудесное время сладостный священный покой царил во всей провинции. Бургомистр мирно курил свою трубку; полновесное утешение его домашней жизни, его супруга, в многочисленных юбках, покончив с дневными делами, степенно сидела у дверей, скрестив руки на белоснежном переднике, и ее не оскорбляли ни прохожие грубияны, ни праздношатающиеся мальчишки – эти вредные сорванцы, которые наводняют наши улицы, скрывая под розами юности шипы и тернии беззакония. Тогда возлюбленный в десяти штанах и девица в десятке

ствовала укреплению волос.

[208] Ацис… восхваляя свою Галатею… – Согласно легенде, сицилийский пастух Ацис любил Галатею и был убит циклопом Полифемом. Эта тема часто использовалась в античной пасторальной литературе. Ирвинг имеет в виду пастораль Джона Гея «Ацис и Галатея» (1731).

юбок, ничего не страшась и не вызывая осуждений, предавались всем невинным ласкам целомудренной любви, ибо чего могла опасаться та добродетель, что была защищена щитом из доброго грубошерстного сукна, равного по прочности по меньшей мере семи бычьим шкурам непобедимого Аякса.

Трижды счастливый век, который никогда не будет забыт! Когда все было лучше, чем стало потом и будет когда-либо впоследствии; когда пролив Баттермилк был совершенно сух при отливе; когда кроме лососей в Гудзоне не было другой рыбы и когда луна сияла чистой, лучезарной белизной, а не меланхолическим желтым светом, порождаемым тем, что ее тошнит от гнусностей, свидетельницей которых она каждую ночь бывает в этом погрязшем в разврате городе.

ГЛАВА V

В которой читателя заставляют совершить приятную прогулку, кончающуюся не так, как она началась.

В лето господне тысяча восемьсот четвертое во второй половине чудесного дня, выдавшегося в мягком месяце октябре, я совершил свою обычную прогулку на батарею, представляющую одновременно гордость и оплот старинного и неприступного города Нью-Йорка. Я хорошо помню, какое тогда было время года, так как оно непосредственно предшествовало исключительно холодной зиме, во время которой наши мудрые управители в порыве бережливой филантропии затратили несколько сот долларов, чтобы разобрать на части деревянные валы, стоившие несколько тысяч, и распределили гнилые куски бревен, не представлявшие ровно никакой ценности, среди дрожавших от холода городских бедняков. Никогда со времен падения стен Иерихона[209] или построенных небожителями башен Трои мир не знал такого разрушения – и оно не осталось безнаказанным. Пятеро мужчин, одиннадцать старух и девятнадцать детей, не говоря уже о кошках, собаках и неграх, ослепли при тщетных

[209] Иерихон – древний город в Палестине. По библейскому мифу, неприступные стены Иерихона рухнули от звука труб израильтян, завоевавших Палестину в конце 2-го тысячелетия до н. э. (Библия. Книга Иисуса Навина, VI, 19).

попытках согреться дымом этой благотворительной замены топлива; кроме того возникла эпидемия глазных заболеваний, которая в дальнейшем возобновлялась каждую зиму, в особенности среди тех, кто пытался топить гнилыми бревнами, кто согревался благотворительностью своих ближних и кто пользовался патентованными каминами.

В названный выше год и месяц я по обыкновению прогуливался, погруженный в задумчивость, вдоль батареи, которая, хотя она теперь и не батарея, служит самым восхитительным местом прогулок и с которой открывается великолепнейший в мире вид. Земля под моими ногами была освящена воспоминаниями прошлого, и когда я медленно брел по длинным аллеям из тополей, которые подобно множеству стоящих торчком березовых метел отбрасывали печальную и мрачную тень, я размышлял о контрасте между окружавшим меня пейзажем и тем, что здесь было в классическую эпоху наших предков. Там, где ныне губернаторский дом по названию и таможня по назначению гордо вздымает свои кирпичные стены и деревянные колонны, некогда стоял приземистый, но прочный, крытый красной черепицей особняк прославленного Воутера Ван-Твиллера. Вокруг могучие бастионы крепости Амстердам вызывающе грозили любому отсутствующему врагу; однако, подобно многим усачам-воинам и отважным капитанам гражданской гвардии, ограничивающимся в своих ратных подвигах одними только угрозами, эти наводившие страх бастионы были уже давно раз-

рушены временем и, как стены Карфагена, ничего уже не говорили испытующему взору археолога. Земляные брустверы давно были сравнены с землей; на их месте появились зеленые лужайки и тенистые аллеи, где веселый подмастерье щеголял своим воскресным костюмом, а трудолюбивый мастеровой, освободившийся от грязной, тяжелой работы, которой он был занят всю неделю, нашептывал извечную сказку любви слушавшей его краем уха чувствительной горничной. Обширная бухта по-прежнему расстилалась широкой водной гладью, усеянной островами, испещренной рыбачьими лодками и окаймленной прелестными, живописными берегами. Но темный лес, когда-то одевавший эти берега, был беспощадно уничтожен жестокой рукой землепашца; спутанные заросли и непроходимые чащи превратились в плодородные сады и волнующиеся хлебные поля. Даже Говернорс-Айленд, некогда веселый сад, принадлежавший властелинам провинции, был покрыт укреплениями, в том числе громадным блокгаузом, так что этот некогда мирный остров напоминал свирепого маленького воина в большой треуголке, пахнущего порохом и бросавшего вызов всему миру!

Некоторое время я пребывал в этом задумчивом настроении, со спокойной грустью сравнивая сегодняшний день с незапамятными благословенными годами, оплакивая печальные достижения цивилизации и восхваляя то рвение, с каким наши почтенные бюргеры пытаются сохранить остатки достойных уважения обычаев, предрассудков и заблуж-

дений от всепоглощающих волн современных нововведений. Но вот постепенно мои мысли приняли другой оборот, и я незаметно пробудился к наслаждению окружавшей меня красотой. То был один из тех восхитительных осенних дней, какими небеса особенно часто дарят прекрасный остров Манна-хату и его окрестности. Ни одно даже самое легкое облачко не затемняло лазурный небосвод; солнце в сияющем великолепии совершало свой путь в эфире, и его честная голландская физиономия, казалось, приняла выражение необыкновенной доброжелательности, когда оно приветствовало вечерней улыбкой город, освещать который своими живительными лучами было для него наслаждением. Даже ветры как бы сдерживали дыхание в немом почтении, чтобы не потревожить покоя этого часа, и ничем не взволнованная гладь бухты представлялась сверкающим зеркалом, в которое природа смотрелась и улыбалась! Знамя нашего города, подобно лучшему носовому платку сохраняющееся для торжественных дней, неподвижно свисало с флагштока, напоминавшего ручку гигантской маслобойки. И даже трепещущие листья тополя и осины, как языки представительниц прекрасного пола редко пребывающие в неподвижности, теперь не дрожали под дуновением небес. Все словно разделяло глубокий покой природы. Громадные восемнадцатифунтовые пушки спали в амбразурах деревянных батарей, как бы собираясь со свежими силами, чтобы вести битвы за

свою родину в следующее Четвертое июля.[210] Одинокий барабан на Говернорс-Айленд забыл призвать гарнизон к *лопатам*, вечерняя пушка еще не подавала сигнала всем почтенным, благонамеренным курицам по всей округе усаживаться на насест; и флотилия лодок, стоявших на якоре между островом Виселицы и Коммунипоу, дремала над наметами и позволяла безобидным устрицам мирно лежать до поры до времени в мягком иле их родной отмели! Мои собственные чувства были в согласии с этим заразительным покоем, и я непременно задремал бы на одной из тех скамеек-коротышек, которые наш милостивый магистрат установил для блага гуляющих и выздоравливающих, если бы изумительное неудобство этого сидения не исключало подобной возможности.

Погруженный в успокоительную душевную дремоту, я вдруг обратил внимание на темное пятнышко, появившееся на западе, как раз позади Бергенской колокольни; постепенно оно увеличивается и нависает над будущими городами Джерси, Харсимус и Хобокен, которые, как три жокея, выстроившись рядом, готовятся к соревнованию за место под солнцем и в начале скачки натыкаются друг на друга. Вот темное пятно охватывает длинную полосу берега древней Павонии, простирая широкую тень от высоких зданий Уихоука до самого лазарета и карантина, воздвигнутого нашей

[210] Четвертое июля – национальный американский праздник в честь провозглашения в 1776 г. «Декларации независимости» Соединенных Штатов Америки.

мудрой полицией для затруднения торговли; вот оно карабкается по ясному небосводу, облако громоздится на облако, как волны, набегающие одна на другую, скрывая от глаз дневное светило, затемняя обширную часть горизонта и неся в своем лоне гром, град и бурю. Земля кажется взволнованной от этого смятения на небесах: прежде спокойное зеркало исхлестано бешеными волнами, которые с глухим ворчанием устремляют свои изломанные валы к берегу. Устричная флотилия, только что мирно покачивавшаяся близ Острова Виселицы, спешит теперь, испуганная, к берегу. Прежде гордый, непреклонный тополь гнется и раскачивается под безжалостным ветром. Низвергающиеся потоки проливного дождя и гулкий град затопляют и засыпают аллеи на батарее, под арками ворот спасается от бури толпа подмастерьев, служанок и французиков, прикрывающих шляпы носовыми платками. Недавно столь прекрасный ландшафт, теперь являет взорам картину беспорядка и дикого смятения, как будто снова воцарился древний Хаос и опять закружили в необъятном вихре враждующие стихии природы. Вообрази себе, о, читатель, страшную битву между Юпитером и титанами, воспетую старым Гесиодом,[211] вообрази себе беспрестанный рев небесной артиллерии, бьющей по головам гигантских сыновей Земли. Короче говоря, вообрази себе все, что когда-либо говорили или пели о буре, шторме и урагане,

[211] …воспетую старым Гесиодом… – В поэме «Теогония» Гесиода описывается победа Зевса (Юпитера) над титанами.

и ты избавишь меня от труда описывать то, что происходило.

Убежал ли я от неистовства бури или храбро остался на своем посту, как наши доблестные капитаны гражданской гвардии, которые бесстрашно ведут своих солдат сквозь дождь, пусть решает читатель. Возможно, он тоже будет несколько смущен, недоумевая, почему я нарушил безмятежный дух моего труда, включив в него описание этой страшнейшей, неслыханной бури. По этому последнему пункту я готов охотно просветить его. Панорама, открывающаяся с батареи, была нарисована просто для того, чтобы порадовать читателя правильным описанием этого знаменитого места и его окрестностей; во-вторых, шторм разыгрался отчасти для того, чтобы внести некоторое разнообразие и живость в эту спокойную часть моего труда и не дать окончательно заснуть дремлющим читателям, а отчасти для того, чтобы послужить приуготовлением или скорей увертюрой к бурным временам, надвигавшимся на мирную провинцию Новые Нидерланды и угрожавшим сонному правлению прославленного Воутера Ван-Твиллера. Так опытный сочинитель пьес, используя все скрипки, французские рожки, литавры и трубы своего оркестра, создает тот страшный адский грохот, который называется мелодрамой; так он, пуская в ход, гром, молнию, смолу и селитру, подготавливает появление духа или убийство героя. Теперь продолжим наш рассказ.

Сколько бы ни возражали Платон, Аристотель, Гро-

ций, Пуффендорф, Сидни,[212] Томас Джефферсон[213] и Том Пейн,[214] я настаиваю, что в отношении народов старое правило «честность – лучшая политика» является чистейшим и гибельным недоразумением. Возможно, оно было достаточно верным в те честные времена, когда его изобрели; однако в наши развращенные дни, если народ вздумает положиться в своих действиях на одну только справедливость, он окажется до известной степени в положении честного человека среди воров, который имеет мало шансов извлечь пользу от своей компании, если он может уповать только на честность. Так во всяком случае обстояло дело с простодушным правительством Новых Нидерландов, которое, подобно почтенному доверчивому старому бюргеру, спокойно обосновалось в Новом Амстердаме, как в уютном кресле, и погрузилось в сладостную дремоту, а тем временем коварные соседи приходили и обчищали его карманы. Таким образом, начало всех бед нашей великой провинции и ее великолепной столицы мы можем приписать спокойной самонадеянности или, точнее говоря, злосчастной честности ее правительства. Так

---

[212] Сидни, Олджернон (1622–1682) – английский политический деятель эпохи революции XVII в.

[213] Джефферсон, Томас (1743–1826) – американский политический деятель, президент США (1801–1809), идеолог демократического направления в освободительной борьбе американских колоний за независимость.

[214] Пейн Томас (1737–1809) – американский публицист, политический деятель и просветитель, участник американской и французской революций. Он также принимал участие в демократическом движении в Англии.

как, однако, я не люблю приступать к важному разделу моей истории в конце главы и так как мои читатели, подобно мне самому, должны были, несомненно, здорово устать от нашей длинной прогулки и от бури, нас застигшей, то я считаю, что нам пора закрыть книгу и выкурить трубку, а затем, освежив свои мозги, сразу приступить к делу в следующей главе.

ГЛАВА VI

Правдиво описывающая остроумных жителей Коннектикута и близлежащих мест. Показывающая, кроме того, истинное значение свободы совести и рассказывающая о забавной затее этих грубых варваров – поддерживать доброе согласие в общении и способствовать росту населения.

Для того, чтобы мои читатели могли полностью уразуметь размеры бедствия, нависшего в это самое мгновение над честной, ничего не подозревающей провинцией Новые Нидерланды и над ее сомневающимся губернатором, необходимо привести некоторые сведения об орде чужеземных варваров, живших за восточной границей.

Надо сказать, что за много лет до того времени, о котором мы говорим, мудрое правительство Англии установило единую веру для народа, нечто вроде большой дороги к спасению души или, скорее, религиозной заставы, где каждого верноподданного направляли на путь к Сиону, не забывая при этом брать с них мзду в пользу *сборщиков пошлин*.

Тем не менее существовала некая группа умников, склонных всегда и во всем оставаться при своем мнении (стремление чрезвычайно предосудительное в глазах правителей ваших свободных европейских государств); они весьма самонадеянно осмелились иметь собственное суждение в вопро-

сах религии, осуществляя свое, как они считали, естественное и неотъемлемое право на свободу совести.

Однако, так как они обладали своеобразным складом ума и всегда думали вслух, отчего их языки находились в постоянном движении, а в ушах окружающих стоял вечный гул, то из этого естественно следовало, что их свобода совести предполагала также *свободу слова*, бесконтрольное осуществление которой вскоре ввергло страну в сумятицу и вызвало благочестивое возмущение бдительных отцов церкви.

Чтобы их образумить, были приняты обычные меры, считавшиеся в те дни столь действенными для возвращения заблудших овец в стадо; иначе говоря, их умасливали, их увещевали, им угрожали, их избивали. Слова, наставления,[215] кнут были полностью использованы без всякой пощады, но и без всякого успеха. Наконец, достопочтенные духовные пастыри, устав от их беспримерного упрямства, были вынуждены в избытке чувствительности и милосердия последовать тексту священного писания и буквально «посыпать их главы горячим пеплом».[216]

Ничто, однако, не могло подавить непобедимый дух независимости, которым всегда отличалась эта порода людей; и вот, вместо того, чтобы подчиниться столь ужасной тирании,

---

[215] Слова, наставления… – пародия на библейский текст (Библия. Книга Исайи, 28, 10).

[216] «посыпать их главы горячим пеплом» – Библия. Послание к римлянам (12, 20).

они все, как один, сели на судно и отправились к диким просторам Америки, где могли спокойно наслаждаться неоценимым сокровищем – болтовней. Едва высадившись[217] на эту говорливую землю, они все, словно заболев от непривычного климата, сразу же стали кричать и в течение целого года у них стоял такой радостный гам, что, судя по дошедшим до нас рассказам, они напугали всех птиц и зверей по соседству и заставили онеметь от ужаса рыб, которые в изобилии водились у тех берегов и с той поры стали называться *немыми рыбами*.[218]

Этому простому обстоятельству, сколь бы оно ни казалось несущественным, обязана своим возникновением знаменитая привилегия, которой так громогласно хвастаются по всей нашей стране, которую с таким красноречием используют в газетах, памфлетах, на политических собраниях, трактирных сходках и во время дебатов в конгрессе, которая дает право говорить, не имея ни собственных мыслей, ни познаний, представлять в ложном свете государственные дела, критиковать государственные меры, пятнать репутацию великих людей и губить мелких сошек; одним словом, речь идет о великой гарантии существования нашей страны, о *свободе слова* или, грубо выражаясь, о правиле «мели Еме-

[217] Едва высадившись… – Ирвинг высмеивает историю прибытия в 1620 г. на корабле «Мейфлауэр» в залив Массачусетс первых английских переселенцев-пуритан, бежавших от преследований короля Якова I.

[218] …немые рыбы – каламбур Ирвинга: dumbfish – «немая рыба» и в то же время местное название трески, приготовляемой в Новой Англии особым способом.

ля, твоя неделя».

Простодушные аборигены некоторое время в крайнем изумлении смотрели на этих странных людей; обнаружив, однако, что оружие пришельцев безвредно, хотя и шумно, и что те были веселыми, остроумными, добродушными людьми, они стали очень дружелюбными и общительными и назвали своих новых друзей *яноки*, что на языке жителей Маис-Чусаег (или Массачусетса) означает *молчаливые люди* – шутливое имя, впоследствии сокращенное в фамильярное прозвище ЯНКИ, которое сохранилось до сегодняшнего дня.

Истины ради следует упомянуть – и как честный историк я не могу позволить себе обойти это обстоятельство молчанием, – что ревностное стремление этих добрых людей сохранить в неприкосновенности свои права и привилегии ввело их на некоторое время в заблуждение, которое легче извинить, чем оправдать. Испытав на собственной шкуре жестокие преследования, они считали своим долгом показать, что и сами стали мастерами в этом искусстве. Поэтому в свободные часы они изгоняли, наказывали кнутом и вешали всяких еретиков-папистов, квакеров и анабаптистов[219] за то, что те

---

[219] Паписты, квакеры, анабаптисты – религиозные секты, распространенные в Америке тех времен. Паписты – приверженцы римской католической церкви. Квакеры – протестантская секта, основанная в Англии в 1647 г. и отрицавшая внешнюю обрядность церкви; во второй половине XVII в. значительная часть квакеров, спасаясь от преследований, переселилась в Северную Америку. Анабаптисты – религиозная секта, возникшая в Германии и Нидерландах в период

осмелились злоупотреблять *свободой совести*, которая, как теперь они ясно доказали, означает лишь то, что каждый человек в вопросах религии может придерживаться собственного мнения – *при условии*, если это мнение *правильно*; в противном случае будет дана свобода проклятым ересям. И вот, так как они (большинство) были совершенно убеждены, что *только они* думают правильно, то из этого следовало, что те, кто думал иначе, чем они, думали неправильно; а кто думал неправильно и упорно противился тому, чтобы его убедили и обратили в истинную веру, был гнусным нарушителем неоценимой свободы совести, гниющим и распространяющим заразу членом общества, заслуживающим, чтобы его отсекли и бросили в огонь.

Я могу поручиться, что многие мои читатели готовы сразу же воздеть руки к небу и возвести очи горе в благородном негодовании, с которым мы всегда созерцаем промахи и ошибки наших ближних, и завопить на этих добронамеренных, но заблуждающихся людей, что они обрекают других на те же страдания, какие им пришлось самим претерпеть, что они допускают нелепую мысль, будто можно убедить ум, поджаривая тело, и укрепить доктрину милосердия и кротости путем беспощадных гонений. Но успокойтесь, мои слишком придирчивые господа! Ведь мы и сегодня в нашей весьма просвещенной стране действуем в политических спорах

Реформации, отрицавшая церковную иерархию и требовавшая общности имущества. В XVII–XVIII вв. анабаптисты появились в Северной Америке.

по тому же самому правилу. Разве мы всего лишь несколько лет назад не освободились от оков, надетых на нас правительством, которое жестоко отказало нам в праве самим вершить государственные дела и в полной мере пользоваться столь незаменимой частью тела, как язык? И разве в эти самые дни мы не стараемся изо всех сил преследовать инакомыслящих, затыкать им рот и разорять друг друга? Что представляют собой наши крупные политические организации, как не доподлинную политическую инквизицию? А наши трактирные сходки разве не являются маленькими трибуналами, судящими на основании доносов, и наши газеты не служат позорным столбом, где несчастных людей, осужденных на наказание кнутом, забрасывают тухлыми яйцами? А разве наш чрезвычайный суд – это не огромное аутодафе, на котором ежегодно приносят в жертву преступников, виновных в политической ереси?

В чем же различие между нашими методами и методами тех из описываемых мною людей, кого вы с такой легкостью готовы осудить? Различия нет, вернее, оно чисто условное. Так, мы *обличаем*, вместо того, чтобы изгонять. Мы *клевещем*, вместо того, чтобы наказывать кнутом. Мы *выгоняем* из должности, вместо того, чтобы вешать. И в то же время, как в старину сжигали нарушителя закона in propria persona,[220] теперь мы либо мажем его смолой и вываливаем в перьях, либо *сжигаем его изображение*. Так или иначе, эти политические

[220] Собственной персоной (лат.).

преследования являются великой гарантией нашей вольности и неопровержимым доказательством того, что мы живем *в свободной стране*! Но несмотря на лихорадочное рвение, с которым велась священная война против всех неверующих, мы не видим, чтобы население новой колонии от этого хоть сколько-нибудь уменьшилось; напротив, оно увеличивалось с такой быстротой, которая может показаться невероятной всякому, кто не знает о чудесной плодовитости жителей этой развивающейся страны.

Такой удивительный рост населения может быть отчасти приписан распространенному среди коннектикутцев странному обычаю, заимствованному, возможно, из древней Спарты, где, по преданиям, молодые женщины то ли потому, что они обладали мальчишескими грубыми ухватками, то ли потому, что, подобно многим современным героиням, очень любили вмешиваться в дела, не касающиеся их пола, часто вступали в борьбу с мужчинами и занимались другими атлетическими упражнениями, принятыми в гимнастических залах. Обычай, который я имею в виду, в просторечии назывался *спаньем*, не раздеваясь, в одной постели – *совершаемый молодыми людьми обоего пола суеверный обряд* , которым они сплошь и рядом заканчивали свои праздники и который более фанатичные рядовые члены общины соблюдали с религиозной строгостью. В те первобытные времена этот ритуал считался также необходимой предварительной ступенью к браку; ухаживание у них начиналось с того, чем у

нас оно обычно заканчивается, и таким образом они досконально знакомились с хорошими качествами друг друга до вступления в супружество, что философами было признано прочной основой счастливого союза. Вот как давно начали эти изобретательные хитрецы проявлять ту проницательность при заключении сделок, которая с тех пор всегда отличала их, не говоря уж о строгой приверженности к доброй старинной простонародной поговорке относительно «покупки кота в мешке».

Итак, этому мудрому обычаю я главным образом приписываю невиданный рост племени яноки или янки; ведь следует считать бесспорным, полностью подтверждаемым судебными отчетами и метрическими книгами, то обстоятельство, что повсюду, где господствовал обычай спанья, не раздеваясь, в одной постели, ежегодно без разрешения закона и благословения церкви рождалось на свет божий множество крепких ребятишек. Поистине удивительно, что ученый Мальтус в своем трактате о населении совершенно обошел вниманием это примечательное явление. То, что дети были незаконнорожденными, ни в коей мере не вызывало презрения к ним. Напротив, из них вырастала крупная, широкая в кости, отважная порода китобоев, лесорубов, рыбаков и разносчиков и статных, откормленных маисом девушек. Объединив свои усилия, они чудесно позаботились о том, чтобы заселить такие памятные уголки нашей страны, как Нантакет, Пискатоуэй и Кейп-Код.

ГЛАВА VII

О том, как эти странные варвары оказались заядлыми скваттерами.[221] *О том, как они строили воздушные замки и пыталась посвятить нидерландцев в обычаи спать, не раздеваясь, в одной постели.*

В последней главе, мой верный читатель, я дал тебе правдивую и непредвзятую историю происхождения странной породы людей, населяющих страну к востоку от Новых Нидерландов; но мне остается еще упомянуть о некоторых своеобразных свойствах, делавших их особенно ненавистными для наших глубокоуважаемых голландских предков.

Важнейшим из этих свойств была тяга к бродяжничеству, которой они, подобно детям Исмаила,[222] наделены провидением и которая постоянно побуждает их передвигаться с места на место, так что фермер-янки находится в состоянии вечного переселения; время от времени он останавливается тут или там, расчищает землю, чтобы ею пользовались другие, строит дома, чтобы в них жили другие, и в известной

---

[221] Скваттер – колонист, занимавший свободный необработанный участок земли.

[222] Дети Исмаила. – Согласно библейской легенде, Исмаил и его дети были отверженными изгнанниками. Рабыня Агарь родила от Авраама сына Исмаила, но была отвергнута Авраамом и бежала в пустыню. Исмаил женился на египтянке и у него было 12 сыновей, сделавшихся родоначальниками мелких племен.

мере его можно считать кем-то вроде американского кочевого араба.

Первая его мысль при достижении возмужалости – это, где бы ему обосноваться в мире, что означает не больше и не меньше, как не пора ли ему начать свои странствования. С этой целью он берет себе в жены какую-нибудь местную заманчивую наследницу, иначе говоря, пригожую, румяную девицу, чрезвычайно привлекательную в своих красных лентах, со стеклянными бусами и поддельными черепаховыми гребнями, в белом платье и сафьяновых сапожках по воскресеньям, весьма искусную в приготовлении яблочной пастилы, тушеных овощей и пирога из тыквы.

Итак, запасшись, как настоящий разносчик, тяжелой сумкой, чтобы было чем натрудить свои плечи во время жизненного пути, он буквально пускался в дорогу. Вся его семья, домашняя утварь и сельскохозяйственные орудия погружены в крытую повозку. Его одежда и платья жены упакованы в боченок. Покончив с этим, он взваливает на плечо свой топор, берет в руки посох, насвистывает «Янки-дудл»[223] и идет в лес, столь же уверенный в покровительстве провидения и в собственных силах, как и древние патриархи, когда они отправлялись в какую-нибудь неведомую страну язычников. Похоронив себя в дикой чаще, он строит бревенчатую хижину, расчищает поле под маис и клочок земли под кар-

[223] «Янки-дудл» – популярная американская песенка эпохи войны за независимость.

тофель; и с помощью провидения, благоприятствующего его трудам, вскоре обзаводится хорошей фермой и полдюжиной белокурых мальчишек, которые, если судить по их росту, казалось, выскочили из земли все сразу, как семья мухоморов. Но не в характере этих совершенно неутомимых разведчиков удовлетворяться спокойными земными радостями; *благоустройство* – вот любезное его сердцу увлечение. Итак, благоустроив свои земли, он затем принимается за постройку дома, достойного быть жилищем земледельца. Среди чащи немедленно вырастает громадный дворец из сосновых досок, достаточно большой, чтобы служить приходской церковью, с многочисленными окнами всех размеров, но вместе с тем такой кривой и непрочный, что всякий порыв ветра заставляет его дрожать, как в лихорадке.

К тому времени, когда снаружи этот могучий замок бывает завершен, или запасы материалов или рвение нашего искателя приключений оказываются исчерпанными, так что ему едва удается наполовину закончить внутреннюю отделку одной комнаты, где и теснится вся семья, между тем как остальная часть дома отводится для вяления тыкв или для хранения моркови и картофеля и украшается причудливыми гирляндами сморщенных персиков и сушеных яблок. Так как снаружи дом остается некрашенным, то со временем он приобретает почтенную черноту. На семейный гардероб накладывается контрибуция, ибо старыми шляпами, юбками и штанами затыкают разбитые окна, между тем как ветры со

всех четырех сторон продолжают свистеть и задувать в воздушном дворце, совершая в нем не меньше диких прыжков, чем они это делали когда-то в пещере старого Эола.

Скромная бревенчатая хижина, в тесных, но уютных стенах которой некогда удобно ютилась эта *преуспевающая семья*, прочно стоит рядом, как жалкий контраст, разжалованная в коровник или свиной хлев. Вся картина навязчиво напоминает о басне, к моему великому удивлению совершенно позабытой, басне о честолюбивой улитке, покинувшей свое скромное жилище, которое она занимала с великим достоинством, и забравшейся в пустую скорлупу омара, где она могла бы, несомненно, расположиться с большим вкусом и великолепием, став предметом зависти и ненависти всех трудолюбивых улиток по соседству, если бы невзначай не погибла от холода в одном из углов своего огромного дворца.

Можно было бы подумать, что, полностью обосновавшись и притом, пользуясь его собственными словами, «всерьез», наш янки начнет наслаждаться благами достигнутого им положения: читать газеты, говорить о политике, относиться спустя рукава к своим делам и заниматься делами всего народа, как полагается полезному патриотически настроенному гражданину. Однако теперь в нем опять просыпается дух своенравия. Вскоре ему надоедает место, где больше нечего благоустраивать, и он продает свою ферму, воздушный замок, заткнутые юбками окна и все остальное, снова нагружает свою повозку, взваливает на плечо топор, становится во

главе семьи и уходит на поиски новых земель – опять валить деревья, опять расчищать землю под маисовые поля, опять строить крытый дранкой дворец и опять все продавать и двигаться дальше.

Таковы были жители Коннектикута, расположенного у восточного рубежа Новых Нидерландов, и мои читатели могут легко себе представить, какими неприятными соседями были эти веселые, но беспокойные люди для наших флегматических прародителей. Если читателям трудно это сделать, то я спрошу их, не случалось ли им водить знакомство с какой-нибудь степенной, почтенной, допотопной голландской семьей, которой небесам было угодно послать в наказание соседство французского пансионата. Честный старый бюргер не может выкурить послеобеденную трубку на скамейке перед своей дверью без того, чтобы его не терзали пиликанье скрипок, болтовня женщин и вопли детей. Ночью он не может спать из-за ужасных мелодий какого-нибудь любителя, которому взбредет на ум устроить серенаду в честь луны и который проявит свое страшное искусство на деле, исполняя трели в верхней октаве на кларнете, гобое или другом столь же нежно звучащем инструменте. Он не может также оставить входную дверь открытой без того, чтобы в его дом не ворвались отвратительные гости – стаи мосек, которые иногда простирают свою наглость до того, что вторгаются в святая святых – гостиную! Если моим читателям пришлось наблюдать мучения такой семьи, очутившейся в подобном поло-

жении, тогда они могут составить себе некоторое представление о том, какое огорчение доставляли нашим почтенным предкам их деятельные соседи из Коннектикута.

Шайки этих мародеров проникали, по рассказам, в новонидерландские поселения и приводили в изумление целые деревни своей беспримерной говорливостью и несносным любопытством – двумя дурными привычками, до тех пор либо вовсе неизвестными в этих краях, либо известными лишь как то, чем следует гнушаться. Ведь наши предки славились поистине спартанской молчаливостью и интересовались только своими делами, ничего не зная и не желая знать о чужих. Много гнусностей было совершено на больших дорогах, где, случалось, не раз останавливали мирных бюргеров и мучили их назойливыми расспросами, подобными современному обычаю дознания в открытом море.[224]

Янки возбудили также сильную ревность своим небезуспешным заигрыванием с прекрасным полом: эти бойкие, смазливые, сладкоречивые пострелы быстро пленяли ветреные сердца простодушных барышень, отбивая их у честных, но медлительных голландских кавалеров. В числе прочих отвратительных обычаев они попытались ввести среди голландских молодых девушек провинции Новые Нидерланды обычай *спать*, не раздеваясь, в одной постели, которому те с

---

[224] …подобно современному обычаю дознания в открытом море… – имеется в виду морская война между Англией и Францией, проходившая в то время, когда Ирвинг писал свою «Историю Нью-Йорка».

естественной для их пола пылкой любовью ко всему новому и к иностранным модам были весьма склонны последовать, если бы их матери, более опытные в жизни и лучше разбирающиеся в людях и вещах, не постарались отбить у них охоту ко всем подобным чужеземным новшествам.

Но сильней всего восстановили против себя наших предков эти странные люди той недопустимой беззастенчивостью, какую они иногда проявляли, вторгаясь толпами в пределы Новых Нидерландов и, не имея на то ни разрешения, ни права, селясь там, чтобы *благоустроить* землю описанным выше способом. Люди, таким бесцеремонным образом завладевавшие *новыми землями*, получили прозвище скваттеров, название, ненавистное для слуха всех крупных землевладельцев и даваемое тем предприимчивым молодчикам, которые сначала захватывают землю, а затем уже пытаются доказать свое право на нее.

Все эти обиды вместе со многими другими, постоянно накоплявшимися, мало-помалу образовали ту темную и зловещую тучу, которая, как было указано мною в предыдущей главе, медленно собиралась над тихой провинцией Новые Нидерланды. Однако мирное правительство Ван-Твиллера, как мы увидим в дальнейшем, сносило все обиды с великодушием, способствовавшим его бессмертной славе, и кротким терпением приучило себя ко все возраставшему злу, как это сделала мудрая старуха из Эфеса: начав таскать теленка со дня его рождения, она продолжала без труда носить его,

когда он вырос в быка.

ГЛАВА VIII

О том, как форт Гуд-Хоп подвергся страшной осаде, как знаменитый Воутер впал в глубокое сомнение и как он в конце концов испустил дух.

За это время мои читатели должны были полностью осознать, какую трудную задачу я поставил перед собой: со скрупулезной тщательностью собрать и сопоставить летописи давно минувших времен, события которых почти не поддаются изучению, вести раскопки в своего рода маленьком Геркулануме[225] истории, веками пролежавшем погребенным под грудой лет и почти полностью забытом, выкапывать отдельные части и куски разрозненных явлений и старательно пытаться соединить их, чтобы восстановить в первоначальной форме и в первоначальной связи, то извлекать на свет божий личность какого-нибудь почти забытого героя, словно искалеченную статую, то расшифровывать полустертую надпись, то случайно натыкаться на заплесневелую рукопись, которая после утомительного изучения оказывается едва ли стоящей затраченного на ее прочтение труда.

Как сильно зависит в таких случаях читатель от честности и добросовестности своего автора; ведь не обладая этими

[225] Геркуланум – город, разрушенный и засыпанный пеплом в результате извержения Везувия 24 августа 79 г.

качествами, тот, подобно плутоватому антиквару, может либо выдать смастеренное им самим изделие за драгоценный памятник старины, либо же одеть изуродованный обломок в такие фальшивые одежды, что почти нельзя будет отличить правду от окутывающего ее вымысла. Именно на этот недостаток приходилось мне много раз сетовать во время утомительного изучения работ моих собратьев-историков, которые на редкость превратно и в ложном свете представляют события, касающиеся нашей страны, в особенности, великой провинции Новые Нидерланды. В этом убедится всякий, кто возьмет на себя труд сравнить их романтические излияния, разукрашенные лживой мишурой вымысла, с нашим превосходным кратким историческим сочинением, которое должно получить всеобщее признание за свою строгую простоту и неуклонную правдивость.

Больше всего подобных огорчений я испытал, когда трудился над теми главами моей истории, где рассказывается о событиях на восточной границе; виной тому армия историков, облюбовавших эту эпоху и не дававших в своих трудах никакой пощады честным жителям Новых Нидерландов. В числе других мистер Бенджамин Трамбалл[226] высокомерно заявляет, что «голландцы всегда были просто захватчиками». На это я ничего не отвечу, а лишь невозмутимо продолжу свой рассказ, в котором будут приведены доказательства не только того, что голландцы обладали бесспорным правом

[226] Трамбалл, Бенджамин (1735–1820) – американский священник и историк.

собственности на прелестные долины Коннектикута и действительно владели ими и что они были несправедливо лишены этих владений, но также и того, что с тех пор коварные историки Новой Англии постоянно писали о голландцах оскорбительную ложь. В этом деле мною будет руководить дух истины и беспристрастия и забота о моей бессмертной славе, ибо я не стану умышленно бесчестить мой труд ни ложными утверждениями, ни искажением событий, ни предвзятым толкованием, если бы даже таким путем наши праотцы могли бы приобрести всю Новую Англию.

В раннюю эпоху истории нашей провинции, еще до прибытия знаменитого Воутера, правительство Новых Нидерландов купило земли на реке Коннектикут и построило для наблюдения за ними и их защиты укрепленный пост на ее берегу, названный форт Гуд-Хоп и находившийся вблизи от теперешнего славного города Хартфорда. Командование этим важным постом вместе с рангом, званием и жалованием комиссара было доверено доблестному Якобусу Ван-Кюрлету, или, как пишут некоторые историки, Ван-Кюрлису – храбрейшему вояке того спесивого сорта, какой в изобилии бывает представлен на парадах; такие вояки знамениты тем, что съедают все, что убивают. Ван-Кюрлет имел очень воинственную внешность и был бы чрезвычайно высок ростом, если бы ноги у него были пропорциональны туловищу; но так как последнее было длинным, а первые необыкновенно короткими, то это придавало ему причудливый вид, словно

туловище исполина водрузили на ноги коротышки. Подобное строение тела, напоминавшее таксу, он возмещал тем, что при ходьбе выбрасывал свои ноги так, словно – вы могли бы в этом поклясться – на них были надеты семимильные сапоги повсеместно известного Джека-Убийцы великанов;[227] и он так изумительно высоко задирал ноги и с такой силой попирал ими землю во время церемониального марша, что его солдаты часто опасались, как бы маленький человечек не затоптал самого себя.

Но несмотря на возведение форта и на назначение его комендантом этого уродливого маленького воина, бесстрашные янки продолжали свои смелые вторжения, о которых я упоминал в предыдущей главе. Воспользовавшись склонностью к глубокому и флегматическому покою, вскоре появившейся у правительства Воутера Ван-Твиллера, они совершили отважный набег на провинцию Новые Нидерланды и поселились на новых землях (то есть стали скваттерами), находившихся в ведении форта Гуд-Хоп.

Узнав об этом наглом поступке, длиннотелый Ван-Кюрлет действовал так, как полагается расторопному и доблестному офицеру. Он немедленно заявил протест по поводу ничем не оправданного захвата и для большего устрашения написал его на нижнеголландском наречии, а копию протеста

[227] Джек-Убийца великанов. – В английской народной сказке рассказывается о том, как сын крестьянина Джек, живший во времена короля Артура, раздобыл семимильные сапоги, плащ-невидимку и волшебный меч и с их помощью уничтожил великанов в Англии.

вместе с длинным и печальным сообщением о вражеских нападениях тотчас же отправил губернатору в Новый Амстердам. Сделав это, он приказал своим людям всем без исключения не унывать, запер ворота форта, выкурил три трубки, лег в постель и с решительным и бесстрашным спокойствием ждал результата, что сильно воодушевило его приверженцев и несомненно вселило большое смущение и страх в сердца врагов.

Случилось так, что к этому времени прославленный Воутер Ван-Твиллер, обремененный годами, почестями и торжественными обедами, достиг того возраста и такой силы ума, которые, по утверждению великого Гулливера, дают человеку право быть принятым в число членов древнего ордена Струльдбругов.[228] Он проводил время в том, что курил свою турецкую трубку, сидя в окружении мудрецов, столь же просвещенных и почтя столь же почтенных, как и он сам; по молчаливости, серьезности, прозорливости и благоразумному отвращению к принятию какого-либо решения в делах их можно сравнить лишь с некиими глубокомысленными членами ученых обществ, которых я знавал в наши дни. Поэтому, прочтя протест доблестного Якобуса Ван-Кюрлета, его превосходительство немедленно впал в одно из глубочайших сомнений, какие ему когда-либо приходилось испыты-

[228] Струльдбруги – в «Путешествиях Гулливера» Свифта так называются люди, которые никогда не умирают.

вать; его огромная голова постепенно опускалась на грудь,[229] он закрыл глаза и приклонил свой слух в одну сторону, как бы прислушиваясь с большим вниманием к спору, происходившему в его животе. Все, кто знал Воутера, утверждали, что живот у него – это огромная зала суда или зала совещании его мыслей и служит для его головы тем же, чем палата представителей для сената. Время от времени он издавал нечленораздельные звуки, очень похожие на храп. Впрочем, сущность этих сокровенных размышлений осталась никому неведомой, так как он ни разу не обмолвился о них ни единым словом ни мужчине, ни женщине, ни ребенку. Тем временем протест Ван-Кюрлета спокойно лежал на столе и служил для разжигания трубок почтенным мудрецам, собравшимся на совет. В облаках дыма, поднятых ими, доблестный Якобус, его протест и его могучий форт Гуд-Хоп вскоре совершенно скрылись и были забыты, как это случается с неотложными вопросами, которые оказываются погребенными под грудой речей и резолюций на теперешних заседаниях конгресса.

Бывают не терпящие проволочек обстоятельства, когда наши глубокомысленные законодатели и мудрые совещательные органы становятся помехой для народа и когда одна унция легковесного решения стоит фунта мудрых сомнений

---

[229] Под бременем заботы об отчизнеСклонилась многодумная глава.Телекид о Перикле.*Телеклид (V в. до н. э.) – древнегреческий поэт, яростный противник Перикла.

и благоразумных споров. Так, по крайней мере, обстояло дело в данном случае: в то время, как прославленный Воутер Ван-Твиллер изо дня в день сражался со своими сомнениями и в этой борьбе его решимость все ослабевала и ослабевала, враг проникал все дальше и дальше в его владения и самым угрожающим образом появился по соседству с фортом Гуд-Хоп. Янки основали там большой город Пайкуэг, впоследствии названный Уэтерсфилд, который, если можно верить утверждениям почтенного историка Джона Джосселина, джентльмена, «пользовался позорной славой из-за тамошних ведьм». И жители этого Пайкуэга столь обнаглели, что развели свои луковые плантации, которыми славился их город, под самым носом гарнизона форта Гуд-Хоп, так что честные голландцы не могли смотреть в ту сторону без слез.

К этой вопиющей несправедливости доблестный Якобус Ван-Кюрлет отнесся с должным негодованием. Он буквально дрожал от чудовищного гнева и от разлития доблести; по причине длины туловища, в котором кипели гнев и доблесть, они проявляли себя самым бурным образом. Он немедленно принялся укреплять свои редуты, наращивать в высоту брустверы, углублять ров и усиливать свою позицию двойным рядом засек. Приняв эти героические меры предосторожности, он с беспримерной смелостью отправил нового гонца с отчаянным сообщением об опасном положении форта. Ни один современный герой, обессмертивший свое имя

во второй сабинской войне,[230] не обнаружил больше доблести в искусстве сочинения посланий и не проявил себя с большей славой на бумаге, чем героический Ван-Кюрлет.

Гонцом, избранным для доставки этих тревожных донесений, был толстый, жирный маленький человечек, так как он лучше всех должен был перенести путешествие и меньше других подвергался риску расстаться со своей шкурой. Чтобы обеспечить быстроту передвижения, его посадили на упряжную лошадь, самую легкую на бегу во всем гарнизоне, отличавшуюся длиной ног, шириной костей и тяжестью шага, к тому же такую высокую, что маленькому гонцу, чтобы забраться ей на спину, приходилось лезть через круп, держась за хвост. Она развила столь необычайную скорость, что гонец меньше чем за месяц добрался до форта Амстердам, хотя расстояние до него было верных двести трубок, или около 120 миль.

Необыкновенный вид этого зловещего незнакомца поверг бы весь город Новый Амстердам в недоумение, если бы его славные жители заботились о чем-нибудь еще, кроме своих домашних дел. Храня на лице выражение страшной спешки и деловитости и попыхивая короткой дорожной трубкой, посланец Ван-Кюрлета проследовал длинной размеренной рысью по топким переулкам столицы, уничтожая целые ря-

---

[230] Вторая сабинская война (или самнитская война) – происходила в 328–304 гг. до н. э. и была решающим этапом в борьбе за гегемонию римлян в Италии. У Ирвинга намек на войну за независимость США.

ды пирожков из грязи, которые были сделаны посреди дороги голландскими ребятишками и которыми всегда славились дети этого города. Подъехав к губернаторскому дому, он с величайшей поспешностью слез с коня, разбудил седоголового привратника, старого Скатса, который, подобно своему прямому потомку и достойному наследнику, почтенному глашатаю наших судов, клевал носом на своем посту, и, забарабанив изо всех сил в дверь залы совещаний, испугал всех членов совета, дремавших над планом создания городского рынка.

В это самое мгновение в стороне кресла губернатора послышалось тихое хрюканье или, вернее, глубокий храп; одновременно увидели, как из его рта вырвался клуб дыма, и небольшое облако вознеслось над его трубкой. Совет, разумеется, предположил, что он погрузился в глубокий сон на благо общества, и в соответствии с обычаем, соблюдаемым в подобных случаях, все стали громко призывать к молчанию, чтобы не нарушить тишины. Вдруг дверь распахнулась настежь, и маленький гонец, до половины засунутый в пару гессенских сапог,[231] в которые он влез по случаю своей поездки, вошел раскорякой в залу. В простертой правой руке он держал зловещее донесение, а в левой крепко зажал пояс своих широких штанов, лопнувший на беду от тех усилий, которые ему пришлось сделать, чтобы спешиться. Он решительно доковылял до губернатора и не столь вразумительно,

[231] Гессенские сапоги – высокие сапоги для верховой езды.

сколь торопливо выполнил свое поручение. Но, к счастью, его дурные известия пришли слишком поздно, чтобы нарушить покой самого спокойного из правителей. Его почтенное превосходительство только что затянулся и вздохнул в последний раз, так как его легкие и его трубка одновременно исчерпали себя и его мирная душа, как сказал бы господин Гомер, отлетела с последним клубом дыма, поднявшимся из его трубки. Короче говоря, прославленный Воутер Ван-Твиллер, он же Вальтер Сомневающийся, который так часто дремал в обществе своих современников, теперь опочил с праотцами, а вместо него стал править Вильгельмус Кифт.

КОНЕЦ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
Содержащая летопись правления Вильяма Упрямого

ГЛАВА I

В которой излагаются хитрости и искусные уловки лукавых грабителей – книготворцев и их верных оруженосцев, книготорговцев. Содержащая, кроме того, описание разносторонних познаний Вильяма Упрямого и рассказ о том, как человек может настолько заучиться, чтобы стать ни к чему непригодным.

Теперь-то мне представился случай хорошенько испытать терпение моих читателей. Вот грозная крепость, доведенная до последней крайности, доблестный комендант, которому угрожает неминуемая опасность, и легион неумолимых врагов, стекающихся со всех сторон. Сентиментальный читатель готовится проявить свои симпатии и оплакать страдания храбрецов. Философический читатель – применить свои основные положения и хладнокровно определить масштабы и установить соотносительность великих деяний, подобно любителю древностей, измеряющему пирамиду двухфу-

товой линейкой. А простой читатель, ищущий развлечения, льстит себя надеждой, преодолев однообразные страницы, над которыми он дремал, насладиться убийствами, насилиями, разрушениями, пожарами и всеми другими замечательными событиями, придающими блеск победе и украшающими триумф завоевателя.

Итак, каждый читатель должен стремиться вперед; если в нем есть хоть малейшая искра любопытства, он не может удержаться от того, чтобы не перевернуть следующую страницу. И так как он теперь полностью в моих руках, то почему бы мне не позволить себе небольшой отдых и не внести разнообразие в скучный труд повествования, начав задуривать голову моему читателю кучей здравых рассуждений о том, о сем и о всякой всячине, высказав некоторые из моих заветных убеждений или поговорив немного о самом себе. Все это читателю надлежит прочесть или навсегда отложить книгу в сторону и остаться в полном неведении относительно доблестных деяний и великих событий, описанных в дальнейшем.

Раскрою читателям одну великую литературную тайну. Опытный писатель, желая внушить какие-нибудь особые догмы, религиозные, политические или нравственные, часто прибегает к следующему способу: он поясняет свои излюбленные доктрины занимательными выдумками по поводу общеизвестных событий и так ловко сочетает историческую правду с хитроумным вымыслом, что миллионы наив-

ных людей этого не замечают. В то время, как они с открытым ртом следят за интересным рассказом, их часто можно заставить проглотить самые нелепые мнения, смехотворные теории и чудовищные ереси. Так, в частности, обстоит дело с ревностными проповедниками современной философии, и ни один честный, доверчивый читатель, который поглощает их сочинения, думая, будто приобретает твердые знания, не должен удивляться, если обнаружит, что, пользуясь благочестивой цитатой, «чрево его наполнилось ветром палящим».[232]

К числу таких же способов относится и литературная уловка, с помощью которой трезвую истину, как терпеливую и работящую вьючную лошадь, заставляют тащить на своей спине две корзины подлых предположеньиц. Таким путем увеличивается число книг, перо работает без устали и торговля процветает. Ведь если бы каждый писатель должен был рассказывать только о том, что он знает, тогда толстым книгам скоро наступил бы конец и фолиант Мальчика-с-пальчик считался бы гигантским томом. Тогда человек мог бы носить свою библиотеку в кармане, и вся армия писак, типографщиков, переплетчиков и книгопродавцев могла бы умереть с голоду. Но так как писателю не возбраняется говорить все, что он думает, и все, чего он не думает, рассказывать обо всем, что он знает и чего не знает, высказывать догадки, сомневаться, убеждать самого себя, смеяться вместе с читателем

---

[232] …«чрево его наполнилось ветром палящим» – Библия. Книга Иова (15, 2).

и над ним (последнее мы, писатели, делаем исподтишка – в девяти случаях из десяти), заниматься гипотезами, ставить тире – и звездочки **** и прибегать к тысяче других невинных ухищрений, то все это, говорю я, прекраснейшим образом содействует заполнению страниц книг, карманов книгопродавцев и голодных желудков авторов, способствует развлечению и просвещению читателя и споспешествует славе, преуспеянию и пользе нашего ремесла!

После того, как я рассказал моим читателям о всех приемах и тайнах создания книг, им остается только взять перо в руку, сесть за стол и написать для себя книгу, а я тем временем продолжу мою историю, не прибегая ни к одному из перечисленных выше ухищрений.

ВИЛЬГЕЛЬМУС КИФТ, который в 1634 году взошел на губернаторское кресло (пользуясь излюбленным, хотя и неуклюжим выражением современных стилистов), был по фигуре, чертам лица и характеру полной противоположностью Воутеру Ван-Твиллеру, своему прославленному предшественнику. Он происходил из очень почтенной семьи; его отец был инспектором ветряных мельниц в древнем городе Саардаме; про нашего героя рассказывают, что еще мальчиком он производил очень занимательные исследования свойств и работы названных механизмов; и это является одной из причин, почему впоследствии он стал таким способным губернатором. Его фамилия, согласно утверждениям самых остроумных филологов, – это испорченное Кивер,

то есть *спорщик* или *крикун*; она выражала наследственную склонность его семьи, которая почти два столетия давала жару жителям открытого всем ветрам городка Саардама и произвела на свет божий больше мегер и забияк, чем десять любых других местных семейств. И Вильгельмус Кифт настолько полно унаследовал семейные таланты, что не пробыл и года в должности губернатора, как стал повсюду известен под именем ВИЛЬЯМА УПРЯМОГО.

Это был проворный, раздражительный, маленький старый джентльмен, высохший и увянувший отчасти в результате естественного течения лет, а отчасти из-за того, что его поджаривала и иссушала огненная душа, которая подобно лучине пылала ярким пламенем в его груди, постоянно побуждая к самым доблестным ссорам, спорам и злосчастным приключениям. Мне пришлось слышать, как один глубокомысленный и философический знаток человеческой природы заметил, что если женщина к старости толстеет, то дальнейшее ее существование становится ненадежным, но если на свое счастье, она увядает, то живет вечно. Так же обстояло дело с Вильямом Упрямым, становившимся все более крепким, по мере того, как он высыхал. То был один из тех маленьких голландцев, каких мы иногда видим проворно шагающими по улицам нашего города, в кафтане с широкими полами и огромными пуговицами, почти не уступающими по величине щиту Аякса, играющему столь видную роль у господина Гомера, в старомодной треуголке, торчащей на за-

тылке, и с тростью, доходящей ему до подбородка. Лицо у него было широкое, но с резкими чертами, нос задран кверху самым дерзким образом; его щеки, как почва Огненной Земли, были опалены до темно-красного цвета – без сомнения, вследствие соседства двух свирепых маленьких серых глаз, сквозь которые его пламенная душа сверкала таким же огнем, как тропическое солнце, сияющее сквозь два зажигательных стекла. Вокруг его рта залегали забавные складки, делавшие его лицо очень похожим на сморщенную морду раздражительной моськи. Короче говоря, он был одним из самых упрямых, беспокойных, уродливых человечков, которые постоянно злятся из-за пустяков.

Таковы были душевные качества Вильяма Упрямого, но к высокому званию и власти его привел бесспорно выдающийся ум. В юности он весьма успешно прошел курс наук в знаменитой Гаагской академии, известной тем, что она выпускала законченных буквоедов с небывалой быстротой; в этом отношении с ней могут сравниться только некоторые наши американские колледжи, производящие бакалавров искусств как бы с помощью патентованной машины. Там он очень ловко сражался на границах нескольких наук и совершил столь отважный набег в область мертвых языков, что захватил в плен кучу греческих существительных и латинских глаголов вместе с различными выразительными поговорками и апофегмами,[233] которыми постоянно щеголял в

[233] Апофегма – краткое остроумное и поучительное изречение.

разговоре и в письмах, проявляя при этом такое же тщеславие, с каким победоносный генерал в древности выставлял напоказ трофеи из разграбленных им стран. Кроме того, он сам себя здорово запутал логикой, в которой зашел так далеко, что свел самое тесное знакомство, по крайней мере по имени, со всем семейством силлогизмов и дилемм. Но что больше всего ценил он в себе, это познания в метафизике; осмелившись однажды погрузиться в нее слишком глубоко, он чуть было в ней не задохнулся, окунувшись в трясину невразумительных учений и тем подвергнув себя страшной опасности; от последствий этих испытаний он никогда не мог полностью оправиться. Откровенно говоря, подобно многим другим глубокомысленным любителям совать нос в эту темную, сбивающую с толку науку, он, занимаясь отвлеченными рассуждениями, которых не мог постичь, и искусственной классификацией, в которой сам не мог разобраться, привел свои мозги в такое расстройство, что никогда уже на протяжении всей своей дальнейшей жизни не был в состоянии ясно мыслить ни о чем, даже о самых простых вещах. Должен признаться, что это было до некоторой степени несчастьем, ибо он, вступая в споры, которые очень любил, всегда прибегал к логическим дедукциям и метафизическому жаргону и быстро начинал блуждать в тумане противоречий, а затем распалялся сильнейшим гневом на противника за то, что тот не дал себя сразу убедить.

В науке, как и в плавании, тот, кто хвастливо резвится и

барахтается на поверхности, подымает больше шума и брызг и привлекает больше внимания, чем трудолюбивый ловец жемчуга, погружающийся в поисках сокровищ на самое дно. «Всеобъемлющие таланты» Вильяма Кифта были предметом изумления и восторга его земляков; он держал себя в Гааге с таким же тщеславием, как глубокомысленный бонза в Пекине, овладевший половиной букв китайского алфавита, и был единодушно провозглашен *всеобъемлющим гением*! Я знавал на своем веку многих всеобъемлющих гениев, хотя, говоря откровенно, не знал ни одного, который в обычных житейских делах разбирался бы лучше, чем соломенное чучело; но для государственных дел человек хоть сколько-нибудь трезвых суждений и с простым здравым смыслом стоит любого блистательного гения, когда-либо писавшего стихи или создававшего новые теории.

Итак, сколь бы странным это ни могло показаться, *всеобъемлющие таланты* прославленного Вильгельмуса были ему помехой, и если бы он был менее ученым маленьким человечком, то, возможно, оказался бы гораздо более великим губернатором. Он чрезвычайно любил производить философские и политические опыты; набив себе голову отрывочными сведениями о древних республиках, олигархиях, аристократиях и монархиях, о законах Солона, [234] Ликурга[235]

---

[234] Солон (638–559 до н. э.) – политический деятель древних Афин. В 594 г. до н. э. провел важные реформы, запрещавшие долговое рабство.

[235] Ликург – легендарный законодатель в Спарте, живший около IX в. до н. э.

и Харондаса,[236] об идеальной республике Платона, о «Пандектах» Юстиниана[237] и о тысяче других обломков почтенной древности, он всегда был готов ввести в употребление тот или иной из них. Поэтому, кидаясь от одной противоречивой меры к другой, он за то время, что находился у власти, втянул правительство маленькой провинции Новые Нидерланды в множество затруднительных положений, из которых не смогли выпутаться полдюжины его преемников.

Как только этот суматошный человечек дуновением судьбы был занесен в губернаторское кресло, он сразу же созвал совет и произнес с большим воодушевлением речь о делах провинции. Всем известно, какую блестящую возможность имеют губернатор, президент и даже император разгромить своих врагов в речах, посланиях и бюллетенях, которые никто не в состоянии опровергнуть, а потому не приходится сомневаться, что ретивый Вильям Кифт не упустил столь благоприятного случая проявить доблесть на словах, как это свойственно всем рьяным законодателям. Сохранились сведения, что перед началом речи он вытащил из кармана красный носовой платок из бумажной ткани и по принятому среди великих ораторов обыкновению очень звучно

Ему приписывали составление законов, определявших экономический и политический строй спартанцев.

[236] Харондас – древнегреческий законодатель, живший в Сицилии около 650 г. до н. э. и сочинявший законы в стихах.

[237] Юстиниан I (486–565) – византийский император (527–565), издавший свод римского права, одна из частей которого называется «Пандекты».

прочистил нос. По моему мнению, это делается преимущественно для того, чтобы, как сигнальной трубой, привлечь внимание слушателей; однако Вильям Упрямый утверждал, будто этот обычай мог похвалиться более классическим происхождением, ибо ему довелось прочесть о замечательном приеме известного демагога Гая Гракха,[238] который, обращаясь с речью к римскому народу, модулировал звук своего голоса с помощью ораторской флейты, или камертона; «это, – говорил проницательный Вильгельмус, – я считаю не чем иным, как изящным и иносказательным способом выразить, что он предварительно прочищал свой нос».

После того, как вступительная симфония была исполнена, Вильям Кифт начал со смиренных сетований на отсутствие у него талантов, на то, что он совершенно недостоин оказанной ему чести и самым жалким образом неспособен выполнять важные обязанности, связанные с его новым положением. Одним словом, он высказал о себе чрезвычайно низкое мнение, и многие из простодушных деревенских членов совета, не ведая, что это были, разумеется, только слова, всегда произносимые в таких случаях, почувствовали большое беспокойство и даже обозлились из-за того, что он согласился занять пост, для которого сам считал себя явно не подходящим.

---

[238] Гракх, Гай (153–121 до н. э.) – римский политический деятель, боровшийся против крупных землевладельцев за проведение аграрных законов в интересах италийского крестьянства.

Затем в безукоризненно классической манере, проявляя глубокую ученость, он ни к селу, ни к городу перешел к напыщенному описанию всех форм правления в древней Греции и войн между Римом и Карфагеном, а также к истории возвышения и падения различных чужеземных империй, о которых собравшиеся знали не больше, чем их еще неродившиеся правнуки. Итак, убедив, по примеру наших ученых ораторов, слушателей в том, что за словом в карман не полезет и обладает большими познаниями, он, наконец, приступил к менее важному разделу своей речи – положению провинции; тут он вскоре довел себя до полного неистовства, ругая янки, которых сравнил с галлами, разрушившими Рим, с готами и вандалами, опустошившими плодороднейшие равнины Европы. Он не забыл упомянуть, притом в надлежащих оскорбительных выражениях, о той дерзости, с какой янки захватили земли Новых Нидерландов, и о беспримерном нахальстве, с которым они начали строительства города Нью-Плимут и развели уэтерсфилдские луковые плантации под самыми стенами, или вернее земляными батареями форта Гуд-Хоп.

Искусно доведя слушателей своим страшным рассказом до наивысшего напряжения, Вильям Кифт напустил на себя самодовольный вид и заявил, многозначительно кивнув, что он принял меры к тому, чтобы положить конец этим захватам, что он был вынужден прибегнуть к недавно изобретенной ужасной военной машине, применение которой приво-

дит к страшным последствиям, но оправдано злой необходимостью. Короче говоря, он решил победить янки – посредством послания!

С этой целью он изготовил соответствующий грозный документ, в котором упомянутым выше захватчикам приказывалось, повелевалось и предписывалось немедленно уйти, удалиться и ретироваться из упомянутых выше округов, районов и областей под страхом подвергнуться всем установленным для подобных случаев карам, штрафам и наказаниям, и т. д. Это послание, уверял он собрание, сразу же сотрет врага с лица их земли, и он поручился честью губернатора, что через два месяца после обнародования послания ни в одном из построенных янки городов не останется камня на камне.

Когда он кончил, члены совета некоторое время хранили молчание; то ли они онемели от восхищения, пораженные его блестящим проектом, или же были усыплены длинной речью, об этом история тех времен умалчивает. Достаточно будет сказать, что в конце концов они единодушно проворчали свое согласие, и послание было немедленно отправлено с соблюдением всех необходимых формальностей, то есть с привязанной к нему широкой красной лентой большой правительственной печатью, по величине не уступавшей гречишному блину. Губернатор Кифт, дав таким образом выход своему негодованию, почувствовал огромное удовлетворение, распустил совет sine die,[239] надел треуголку и

[239] Не назначив дня следующего заседания (лат.).

штаны из полосатого бумажного бархата и, взобравшись на высокого, тощего строевого коня,[240] пустился рысью к своему загородному дому, который был расположен на прелестном уединенном болоте, ныне называемом Датч-стрит,[241] но более известном как Догс-мизери.[242]

Теперь, подобно доброму Нуме Помпилию[243] и, он предался отдыху от законодательных трудов, беря уроки управления не у нимфы Эгерии, а у своей почтенной супруги, принадлежавшей к числу тех особых женщин, что были посланы на землю вскоре после потопа в наказание за грехи человечества и обычно назывались осведомленными женщинами. Мой долг историка обязывает меня довести до сведения читателей обстоятельство, которое оставалось в свое время большой тайной и, следовательно, было предметом застольных сплетен не более, как в половине домов Нового Амстердама, но подобно многим другим великим тайнам с течением лет выплыло наружу. Я имею в виду то, что великий Вильгельмус Упрямый, хотя он и был самым могущественным из всех маленьких человечков, появлявшихся на свет божий, у себя дома подчинялся тому виду власти, о котором

---

[240] …треуголку и штаны из… бархата… тощего строевого коня… Современники Ирвинга усматривали в этом описании черты сходства с президентом Т. Джефферсоном.

[241] Датч-стрит – по-английски «Голландская улица».

[242] Догс-мизери – по-английски «Собачья напасть».

[243] Нума Помпилий (715–672 до н. э.) – второй римский царь, которого, согласно легенде, нимфа Эгерия учила искусству управления.

не упоминают ни Аристотель, ни Платон. Коротко говоря, эта власть носила характер чистейшей тирании и в просторечии называлась *бабьим царством*. Подобного рода абсолютная власть, хотя в наши дни и встречается чрезвычайно часто, в древности была очень редка, насколько можно судить по шуму, поднятому из-за семейных порядков у честного Сократа,[244] представляющих единственный дошедший до нас древний случай.

Впрочем, великий Кифт парировал все насмешки и сарказмы своих близких друзей, всегда готовых посмеяться над человеком по такому щекотливому поводу, парировал ссылкой на то, что он сам выбрал эту власть и подчинялся ей по собственной воле; одновременно он добавлял, что у одного древнего автора нашел глубокомысленное изречение: «Кто стремится *властвовать*, должен сперва научиться *повиноваться*».

[244] Сократ – см. примечание 28, гл. II, кн. первая. Жена Сократа Ксантиппа отличалась сварливым и неуживчивым нравом.

ГЛАВА II

В которой рассказывается о мудрых проектах всеобъемлюще гениального правителя. – Об искусстве вести войну с помощью посланий и о том, как доблестный Якобус Ван-Кюрлет в конце концов был гнусно обесчещен в форте Гуд-Хоп.

Придуманный новым губернатором способ нанести поражение янки с помощью послания был самым действенным, самым быстрым и, что еще лучше, самым дешевым и в то же время таким человеколюбивым, мягким и мирным. Десять шансов против одного было за то, что он будет иметь успех; но был все же один шанс из десяти за то, что он окажется безуспешным. И злокозненные Парки[245] пожелали, чтобы именно этот единственный шанс взял верх! Послание было во всех отношениях превосходным: хорошо составлено, хорошо написано, хорошо скреплено печатью и хорошо обнародовано; для обеспечения его действия не хватало одного, а именно, чтобы янки испугались. Однако, как это ни досадно, они отнеслись к нему с полным презрением, использовали его для непристойной цели, которой я не стану называть, и таким образом первое послание, призванное заменить военные действия, постиг бесславный конец – судьба, выпавшая,

[245] Парки – см. примечание 5, гл. I, кн. пятая.

как мне достоверно известно, на долю слишком многих последующих попыток такого же рода.

Прошло много времени, прежде чем соединенными усилиями всех советников удалось убедить Вильгельмуса Кифта в том, что его военная мера не дала никаких результатов. Он впадал в ярость, когда кто-нибудь осмеливался усомниться в действенности его послания; он клялся, что оно, хотя его влияние сказывается не сразу, все же сделает свое дело, и страна вскоре будет очищена от хищных захватчиков. Однако время, этот пробный камень для всех опытов как в области философии, так и политики, в конце концов убедило великого Кифта в том, что его послание не имело успеха; хотя он, пребывая в состоянии непрерывного раздражения, прождал почти четыре года, все же от цели своих стремлений он находился ныне еще дальше, чем когда бы то ни было. Его непримиримые враги на востоке все сильней и сильней докучали своими вторжениями и основали преуспевающую колонию Хартфорд у самого форта Гуд-Хоп. Больше того, они приступили к постройке славного поселка Нью-Хейвен (иначе Ред-Хиллс) во владениях Высокомощных Господ, а луковые плантации Пайкуэга были по-прежнему бельмом на глазу для гарнизона Ван-Кюрлета. Итак, поняв бесполезность предпринятого им шага, мудрый Кифт, подобно многим почтенным врачам, обвинил не лекарство, а введенную больному дозу, и смело решил ее удвоить.

Итак, в 1638 году, на четвертом году своего правления, он

обнародовал против янки второе послание, более крупного калибра, чем первое, написанное громоносными длинными фразами, каждое слово в которых имело не меньше пяти слогов. В сущности, это было нечто вроде закона о прекращении сношений: он, запрещая и возбраняя всякую торговлю и всякие связи между всеми упомянутыми захватчиками-янки и упомянутым укрепленным постом – фортом Гуд-Хоп, предписывал, приказывал и советовал всем верным, честным и возлюбленным подданным не снабжать янки джином, коврижками и кислой капустой, не покупать у них иноходцев, трихинозной свинины, яблочной водки, рома, сидра, яблочной пастилы, уэтерсфилдского лука и деревянной посуды, а морить их голодом и стереть с лица земли.

Прошло еще двенадцать месяцев, в течение которых второе послание[246] привлекло такое же внимание и испытало такую же участь, как и первое. К концу этого срока доблестный Якобус Ван-Кюрлет отправил своего ежегодного гонца с обычной сумкой жалоб и просьб. Объяснялся ли регулярный годичный промежуток, протекавший между прибытиями посланца Ван-Кюрлета, той методической правильностью, с какой он передвигался, или огромностью расстояния между фортом и резиденцией правительства, – сказать трудно. Некоторые приписывали это явление медлительно-

[246] …второе послание… – Ирвинг сатирически изображает закон об эмбарго, введенный президентом Т. Джефферсоном (22 декабря 1807 г.), по которому запрещался экспорт любых товаров из США как по морю, так и через сухопутную границу.

сти гонцов, которых, как я упоминал выше, выбирали из числа самых низкорослых и самых жирных воинов гарнизона, полагая, что у них меньше всего шансов умереть в пути от истощения; страдая одышкой, они обычно проезжали за день пятнадцать миль, а затем делали остановку на целую неделю, чтобы отдохнуть. Впрочем, все это одни предположения, и я думаю, что указанное обстоятельство может быть приписано бессмертному правилу нашей достойной страны, всегда оказывавшему влияние на ход государственных дел, – ничего не делать в спешке.

Доблестный Якобус Ван-Кюрлет в своем донесении почтительно указывал, что прошло уже несколько лет с тех пор, как он впервые обратился к покойному его превосходительству, прославленному Воутеру Ван-Твиллеру; за это время его гарнизон уменьшился почти на одну восьмую вследствие смерти двух из самых храбрых и дородных солдат, которые случайно объелись жирным лососем, выловленным в реке Варсхе. Далее он сообщал, что враги продолжают свои набеги, не обращая внимания на форт и на его жителей; они селятся на захваченных землях и повсюду вокруг него создают поселения, так что в скором времени он, Ван-Кюрлет, окажется окруженным и осажденным врагами и всецело в их власти.

К числу самых горьких жалоб на нанесенные ему обиды можно отнести следующее, обнаруженное мною в архиве послание, которое показывает кровожадную гнусность этих

свирепых захватчиков: «Тем временем люди из Хартфорда не только заняли и присвоили земли Коннектикота, противно закону и международному праву, но и воспрепятствовали нашему народу засеять его собственную, купленную и вспаханную землю и сами ночью засеяли маисом те земли, которые жители Новых Нидерландов вспахали и намеревались засеять; они палками и рукоятками плугов избили слуг высокочтимой почтенной компании, трудившихся на хозяйской земле, искалечили их зверским образом и прогнали с полей; среди всего прочего они палкой пробили Эверу Докингсу[247] дыру в голове, так что кровь очень сильно текла и стекала по его телу!».

А вот еще более горестная жалоба:

> «Люди из Хартфорда продали принадлежавшую почтенной компании свинью под тем предлогом, что она паслась на их земле, тогда как у них нет ни фута наследственных владений. Они предлагали вернуть свинью за 5 шилл. – чтобы представители компании уплатили 5 шилл. за потраву; но представители компании это отклонили, ибо ни одна свинья (как принято говорить) не может совершить потравы на участке собственного хозяина[248]».

Получение этого печального известия вызвало гнев всей

---

[247] Это имя, несомненно, искажено. В некоторых старинных голландских рукописях того времени мы находим имя Эверта Дойкинга, бесспорно являющегося тем злосчастным героем, о котором упоминается выше.

[248] Has. Col. State Pass.*«Хазардовское собрание исторических документов»

общины; в нем было что-то, что взывало ко всем умам и затрагивало даже притупившиеся чувства могущественной черни, которой обычно требуется пинок в зад, чтобы в ней пробудилось дремлющее сознание собственного достоинства. Я был свидетелем того, как мои глубокомысленные сограждане безропотно переносили тысячу существенных нарушений их прав только потому, что эти нарушения не были для них сразу же очевидными; но как только несчастный Пирс был убит на наших берегах, все государство пришло в движение. Так просвещенные нидерландцы, почти не обращавшие внимания на вторжения восточных соседей и предоставившие своему отважному писаке-губернатору одному нести все тяготы войны, пуская в ход только свое перо, теперь все без исключения почувствовали, что и их голова разбита, коль скоро разбита голова Докингса, а злосчастная судьба их согражданки-свиньи, которая была схвачена силой, уведена и продана в рабство, исторгала сочувственное хрюканье из каждой груди.

Губернатор и совет, подстрекаемые криками толпы, принялись всерьез обсуждать, что следует предпринять. Послания были, наконец, временно забракованы. Некоторые стояли за то, чтобы отправить янки подарки, как это мы делаем, предлагая мир мелким варварским государствам, или, подобно тому, как индейцы приносят жертву дьяволу. Другие стояли за то, чтобы откупиться от них, но это встретило возражения, так как означало бы признание за ними прав на

захваченную землю. Как всегда в таких случаях, было предложено, обсуждено и отвергнуто множество мер. И совету в конце концов пришлось принять решения, которыми, хотя они «были самые обычные и очевидные, прежде сознательно пренебрегли, ибо наши изумительно проницательные политики всегда смотрят в телескопы, что дает им возможность видеть только далекие и недостижимые предметы, но препятствует видеть то, что находится в пределах досягаемости «является очевидным для всех простых людей, довольствующихся тем, что смотрят невооруженным глазом, данным им небесами. Глубокомысленный синклит, как я уже сказал, в своей погоне за блуждающими огоньками случайно наткнулся на то самое решение, которое было необходимо: собрать воинский отряд и отправить его на выручку и усиление гарнизона. Эту меру осуществили так быстро, что меньше чем через год экспедиционный корпус, состоявший из сержанта и двенадцати солдат, был готов выступить в поход, и ему устроили смотр на городской площади, ныне известной под названием Боулинг-Грин. Как раз в эту последнюю минуту вся община была повергнута в изумление неожиданным прибытием доблестного Якобуса Ван-Кюрлета, вступившего в город во главе беспорядочной толпы оборванцев и принесшего печальное известие о своем поражении и захвате свирепыми янки грозного форта Гуд-Хоп.

Судьба этой важной крепости может служить поучительным предупреждением для всех военачальников. Она была

взята не штурмом и не измором; пушки и мины не сделали бреши в стенах, через которую могли бы ворваться осаждающие; пороховые склады не были взорваны каленными ядрами, казармы не были разрушены и гарнизон не был уничтожен разрывами бомб. На самом деле крепость пала в результате столь же странной, сколь и действенной военной хитрости, всегда приносящей успех, если только представляется случай ее применить. Я счастлив, имея возможность добавить, к чести наших знаменитых предков, что это была такая военная хитрость, которая, хотя и ставит под сомнение бдительность бесстрашного Ван-Кюрлета и его гарнизона, все же ни в коей мере не дает оснований заподозрить их в недостатке храбрости.

По-видимому, коварные янки, изучив неизменные привычки гарнизона, дождались благоприятного случая и в середине знойного дня потихоньку вошли в форт; его бдительные защитники, по горло насытившись плотным обедом и выкурив трубку, все до единого громко храпели на своих постах, и никому из них даже во сне не привиделась столь страшная возможность. Враги самым бесчеловечным образом схватили Якобуса Ван-Кюрлета и его отважных мирмидонян за шиворот, любезно проводил их до ворот форта и отпустили, угостив каждого пинком в мягкую часть, как отпустил Карл XII после битвы при Нарве[249] толстозадых рус-

[249] Битва при Нарве – в 1700 г. русские войска Петра I потерпели поражение под Нарвой от шведского войска Карла XII.

ских. Только Ван-Кюрлет, в знак особого отличия, получил два пинка.

Форт немедленно был занят сильным гарнизоном, состоявшим из двадцати долговязых янки с крепкими кулаками; на их шляпах, вместо кокард и перьев, торчал уэтерсфилдский лук, длинные ржавые охотничьи ружья заменяли им мушкеты, их запасы продовольствия состояли из кукурузного пуддинга, рыбы, свинины и патоки. Огромная тыква была водружена на длинный шест в качестве флага, так как колпак свободы тогда еще не вошел в моду.

ГЛАВА III

Содержащая описание страшного гнева Вильяма Упрямого и великой скорби новоамстердамцев по поводу событий в форте Гуд-Хоп. – А также о том, как Вильям Упрямый укрепил город трубачом, флагштоком и ветряной мельницей, и о подвигах Стоффеля Бринкерхофа.

Человеческая речь не в силах передать неистовую ярость, в которую впал упрямый Вильгельмус Кифт, узнав эту оскорбительную новость. Добрых три часа бешенство маленького человечка было слишком велико, чтобы он мог вымолвить хоть слово, или, вернее, слова были слишком велики для него, и он чуть не задохнулся от дюжины ужасных, безобразных, девятиэтажных голландских ругательств, которые все сразу столпились в его глотке. К счастью, несколько крепких ударов кулаком по спине спасли его от удушья и выпихнули из него два-три бушеля чудовищных проклятий, самым мягким из которых было «Разрази их всех господь!» Все присутствовавшие удивлялись, как такое маленькое тело могло вместить такую огромную массу слов, не лопнув. Сверкнув первым залпом, он продолжал без перерыва палить целых три дня, предавая анафеме янки – мужчин, женщин и детей со всеми их потрохами, обозвав их шайкой dieven, schobbejaken deugenieten, twist-zoekeren, loozen-

schalken blaes-kaeken, kakken-bedden[250] и еще тысячью других бранных слов, о которых, к несчастью для потомства, в истории не сохранилось особых упоминаний.

Наконец он поклялся, что больше не будет иметь дела с этой бандой проходимцев: пусть себе захватывают чужую землю, спят, не раздеваясь, в одной постели, обо всем назойливо расспрашивают, дерутся, питаются тыквами, пачкаются патокой, колют дранку, разбавляют водой сидр, барышничают, торгуют вразнос всякой мелочью, пусть остаются в форте Гуд-Хоп и гниют там, а он не станет марать руки и пытаться выгнать их оттуда. В подтверждение этого он приказал новобранцам немедленно двинуться на зимние квартиры, хотя было еще только начало лета. Губернатор Кифт честно сдержал свое слово, а его противники столь же честно удержали захваченный ими пост. Таким образом, славная река Коннектикут и все веселые долины, по которым она протекает, вместе с лососями, сельдями и прочими рыбами, водящимися в ее водах, очутилась в руках победоносных янки, владеющих ими и по сей день – да пойдет это им на пользу.

В результате столь печальных событий великое уныние охватило Новый Амстердам. Слово «янки» стало для наших славных предков таким же страшным, как слово «галл» для древних римлян; и все мудрые старухи провинции Новые

---

[250] Воров, мошенников, бездельников, задир, хитрых толстощеких плутов и зас…в (голл.).

Нидерланды, не читавшие книги мисс Гамильтон[251] о воспитании, пользовались им как пугалом, чтобы стращать и принуждать к повиновению своих непослушных сорванцов.

Взоры всей провинции были теперь обращены на губернатора; все хотели знать, что он собирается предпринять для защиты государства в эти печальные и тревожные дни. Рассудительных людей в общине, в особенности старух, одолевали великие опасения, как бы эти ужасные молодчики из Коннектикута, не удовлетворившись завоеванием форта Гуд-Хоп, не двинулись сразу в поход на Новый Амстердам и не взяли его штурмом. И так как эти старые леди при посредстве супруги губернатора, которая, как мы уже намекали, была в доме «первой скрипкой», приобрели значительное влияние в общественных делах, превратив всю провинцию в своего рода бабье царство, то было решено, что следует принять действенные меры к укреплению города.

Случилось так, что в ту пору в Новом Амстердаме проживал некий Антони Ван-Корлеар,[252] бравый и широколицый, веселый, толстый трубач-голландец, знаменитый своими мо-

---

[251] Мисс Гамильтон, Элизабет (1758–1816) – шотландская писательница, автор популярного в свое время филантропического романа «Фермеры Гленберна» (1808).

[252] Давид Пьетрес де Фриз в своем «Reyze naer Nieuw Nederlandt onder het yaer 1640» упоминает о некоем Корлеаре, трубаче в крепости Амстердам, по имени которого назван Корлеарс-Хук и который являлся, без сомнения, тем самым героем, что описан мистером Никербокером.*«Путешествии в Новые Нидерланды примерно в 1640 году»

гучими легкими и густыми бакенбардами. Он, как утверждает история, извлекал из своего инструмента пронзительные звуки такой мощи, что всем, до чьего слуха они доходили, казалось, будто десять тысяч волынок зараз гнусавили изо всей силы. Его-то и избрал знаменитый Кифт, как самого подходящего во всем мире человека, для того, чтобы быть защитником Нового Амстердама и нести гарнизонную службу на его укреплениях; он нисколько не сомневался, что музыкальный инструмент Ван-Корлеара сыграет столь же действенную роль в войне, призывая к наступлению, как и труба паладина Астольфо[253] или более классический рог Алекто.[254] Любо было смотреть, как губернатор в восхищении щелкал пальцами и суетился, когда его смелый трубач расхаживал по крепостному валу, бесстрашно бросая звуки своей трубы в лицо всему свету, подобно тому, как доблестный издатель отважно поносит все власти предержащие, – находясь по другую сторону Атлантического океана.

Но Вильям Кифт не довольствовался таким усилением гарнизона своей крепости, он существенно укрепил ее также тем, что воздвиг грозную батарею деревянных пушек, установил в центре высоченный флагшток, возвышавшийся над всем городом, и, кроме того, построил огромную ветряную

[253] …труба паладина Астольфо… – волшебный рог английского рыцаря Астольфо, подаренный ему волшебницей Логистиллой, обращал в паническое бегство всех, кто его слышал (Ариосто. Неистовый Роланд, XV, 14–15).

[254] Алекто – одна из фурий, вызвавшая Троянскую войну (Вергилий. Энеида, VII).

мельницу[255] на одном из бастионов.[256] Конечно, последняя была до некоторой степени новинкой в фортификационном искусстве, но, как я уже упоминал, Кифт славился своими нововведениями и опытами; предания утверждают, что он очень любил заниматься изобретениями в области механики, создавал патентованные вертелы, приводимые в движение дымом, и телеги, шедшие впереди лошадей; больше всего нравилось ему строить ветряные мельницы, к которым он приобрел особое пристрастие в своем родном городе Саардаме.

Эти научные причуды маленького губернатора с восторгом превозносились его приспешниками как доказательство его всеобъемлющей гениальности. Однако не было недостатка и в злобных ворчунах, бранивших Кифта за то, что он тратит свои умственные способности на всякие пустяки и посвящает вертелам и ветряным мельницам то время, которое следовало бы использовать для более важных забот о делах провинции. Больше того, они зашли даже так далеко, что несколько раз намекали, будто у него вскружилась голова, и он на самом деле решил управлять страной как свои-

---

[255] …ветряную мельницу… – здесь и далее Ирвинг вспоминает о сражении Дон Кихота с ветряными мельницами.

[256] Де Фриз говорит, что эта ветряная мельница стояла на юго-восточном бастионе; она, так же, как и флагшток, изображена на «Виде Нового Амстердама» Юстуса Данкера, который я взял на себя смелость предпослать истории мистера Никербокера. – Издатель.

ми мельницами – просто с помощью ветра![257] Таковы неблагодарность и злословие, всегда выпадающие на долю наших просвещенных правителей.

Несмотря на все меры, принятые Вильямом Упрямым для приведения города в такое состояние, чтобы он мог защищаться, жители продолжали пребывать в большой тревоге и унынии. Но рок, который, по-видимому, всегда успевает в самый последний момент бросить кость надежде, чтобы поддержать в живых ее умирающий с голоду дух, в это время увенчал славой оружие Новых Нидерландов в другом конце страны и таким образом укрепил поколебавшееся мужество несчастных жителей. Если бы не это, трудно сказать, до чего дошли бы они в своей безмерной скорби, «ибо печаль, – говорит глубокомысленный автор жизнеописания семи защитников христианства, – подруга отчаяния, а отчаяние пособник позорной смерти!»

Среди многочисленных поселений, захваченных коннектикутскими разбойниками, причинившими за последнее время столько великих бед, следует, в частности, упомянуть то, которое было основано на восточном берегу Лонг-Айленда, в месте, названном из-за своих превосходных моллюсков Устричной бухтой. Это вторжение нанесло удар в самое чувствительное место провинции и вызвало сильное волнение в Новом Амстердаме.

---

[257] …с помощью ветра – английский каламбур: wind означает «ветер» и «болтовня».

Дорога к сердцу лежит через желудок – таков бесспорный закон, хорошо известный нашим опытным физиологам. Это обстоятельство может быть объяснено теми же причинами, о которых я уже упоминал в рассуждениях о тучных олдерменах. Впрочем, оно широко известно, и из него мы видим, что самый верный способ завоевать сердца миллионов людей – это кормить их как следует, и что человек всегда бывает расположен льстить, угождать и служить другому, если тот кормит его за свои счет. Такова одна из причин, почему у наших богачей, часто устраивающих званые обеды, такое обилие искренних и преданных друзей. Основываясь на том же положении, ловкие вожаки наших политических партий обеспечивают себе любовь своих сторонников, щедро вознаграждая их земными благами, и ловят на выборах голоса грубой черни, угощая ее боем быков и бифштексами. В этом самом городе я знавал много людей, которые приобрели значительный вес в обществе и пользовались большой благосклонностью сограждан, хотя единственное, что могли сказать им в похвалу, было: «Они давали хорошие обеды и держали прекрасные вина».

Если же сердце и желудок столь тесно связаны, то из этого с несомненностью следует, что все, что затрагивает одно, должно, в силу симпатической связи, затронуть и другое. В равной мере бесспорно и то обстоятельство, что из всех приношений желудку с наибольшей благодарностью принимается черепокожное морское животное, именуемое нату-

ралистами ostea, но в просторечии известное под названием устрицы. И мои прожорливые сограждане питали к ним такое большое почтение, что испокон веков посвящали им храмы на каждой улице и в каждом переулке по всему нашему сытому городу. Поэтому нельзя было ожидать, чтобы жители Нового Амстердама стерпели захват Устричной бухты, изобиловавшей их любимым лакомством. Они могли извинить оскорбление, нанесенное их чести, могли обойти молчанием даже убийство нескольких граждан, но посягательство на кладовые великого города Нового Амстердама и угроза желудкам его дородных бургомистров были слишком серьезны, чтобы остаться неотомщенными. Весь совет единодушно сошелся на том, что захватчики должны быть немедленно изгнаны силой оружия из Устричной бухты и соседних с ней мест; с этой целью был отправлен отряд под командованием некоего Стоффеля Бринкерхофа или Бринкерхоофда (то есть Стоффеля, разбивающего головы), названного так потому, что он был человеком великих подвигов, прославившимся по всей провинции Новые Нидерланды своим искусством в обращении с дубиной, а ростом мог бы потягаться с Колбрандом, знаменитым датским богатырем, убитым маленьким Гаем из Варвика.[258]

---

[258] Колбранд… убитый Гаем из Варвика – имеется в виду стихотворный роман XII в. норманно-французского происхождения «Гай из Варвика». Наиболее известный эпизод этого романа, посвященный описанию поединка Гая с великанами Колбрандом, рассказан также в поэме М. Драйтона «Полиолбион» (1613–1622), кн. XII, откуда, очевидно, Ирвинг и почерпнул свое сравнение.

Стоффель Бринкерхоф был человеком немногословным, но расторопным – одним из тех бесхитростных офицеров, которые идут прямо вперед и выполняют приказания, не кичась этим. Он не проявил особой быстроты в своем движении, но упорно шагал через Ниневию и Вавилон, Иерихон и Патчог и через большой город Куэг и различные другие некогда знаменитые города, которые с помощью какого-то непостижимого волшебства, примененного янки, были странным образом перенесены на Лонг-Айленд, пока, наконец, не прибыл к окрестностям Устричной бухты.

Там он был встречен шумной толпой доблестных воинов во главе с Вяленой Рыбой, Хэббакаком Сборщиком орехов, Дай Сдачи, Зираббебелем Казной, Джонатаном Бездельником и Решительным Петухом! Услышав их имена, храбрый Стоффель и в самом деле подумал, что весь Тощий парламент[259] был выпущен на свободу, чтобы разбить его отряд. Обнаружив, однако, что это грозное войско состояло просто из «лучших людей» поселения, вооруженных всего лишь своими языками, и что они выступили навстречу ему с единственным намерением вступить в словесную битву, он без особого труда сумел обратить их в бегство и совершенно разрушил их поселение. Не тратя времени на то, чтобы тут же на месте написать победную реляцию и таким образом дать

[259] Тощий парламент – Ирвинг высмеивает пуританский обычай давать детям имена «со значением». Членом кромвелевского парламента в 1653 г. был некий торговец кожами по имени Хвала Богу Тощий, отчего этот парламент получил ироническое прозвище «Тощего парламента».

врагу ускользнуть, пока он будет обеспечивать себе лавры, как поступил бы более опытный генерал, честный Стоффель думал только о том, чтобы поскорей завершить свое предприятие и полностью изгнать янки с острова. Это трудное предприятие он выполнил почти таким же образом, каким он привык гнать своих быков: когда янки пустились наутек от него, он подтянул свои штаны и упорно зашагал за ними; он непременно загнал бы их в море, если бы они не запросили пощады и не согласились платить дань.

Известие об этом подвиге вовремя подняло дух граждан Нового Амстердама. Чтобы угодить им еще больше, губернатор решил поразить их одним из тех величественных зрелищ, широко известных в эпоху классической древности, полное описание которых было вбито в его голову с помощью розог, когда он был школьником в Гааге. Итак, он издал указ об устройстве триумфальной встречи Стоффелю Бринкерхофу, торжественно вступившему в город верхом на наррагансетском иноходце; перед победителем несли пять тыкв, которые, подобно римским орлам,[260] служили врагам знаменами. Десять телег, груженных устрицами, пятьсот бушелей уэтерсфилдского лука, сотня центнеров трески, две бочки патоки и разные другие богатства были выставлены напоказ в качестве военных трофеев и полученной от янки дани; а трех известных фальшивомонетчиков, подделывавших ман-

[260] Римские орлы – серебряный орел, прикрепленный к древку знамени, был значком римского легиона.

хаттанские кредитные билеты,[261] бросили в тюрьму в честь триумфа нашего героя. Процессию увеселяла военная музыка, которой оглашала воздух труба Антони Ван-Корлеара, защитника Нового Амстердама, сопровождаемая отборным оркестром из мальчишек и негров, игравших на национальных инструментах, то есть стучавших чем-то вроде кастаньет из кости и ракушек. Граждане с чистосердечной радостью поедали военную добычу; каждый мужчина оказал честь победителю, от всей души напившись ромом из Новой Англии, а ученый Вильгельмус Кифт, в мгновенном порыве восторга и великодушия вспомнив, что у древних существовал обычай устанавливать в честь победоносных генералов статуи в общественных местах, издал всемилостивейший указ, по которому каждому владельцу таверны разрешалось нарисовать на своей вывеске голову бесстрашного Стоффеля!

[261] Здесь мы имеем один из тех весьма обыкновенных анахронизмов, которые тут и там попадаются на страницах этой, в остальном вполне достоверной истории. Как можно было подделать манхаттанские кредитные билеты, когда в то время банки в нашей стране были еще неизвестны и наши наивные прародители даже не мечтали об этих неисчерпаемых источниках бумажных сокровищ. – Типографский ученик.

ГЛАВА IV

Философские размышления о том, какое безумие наслаждаться счастьем во времена благоденствия. – Тревожные события на южных границах. – Как Вильям Упрямый по своей великой учености едва не разорил провинцию посредством кабалистического слова, – А также о тайной экспедиции Яна Янсена Алпендена и о полученном им изумительном вознаграждении.

Если бы только нам удалось заглянуть в бухгалтерские книги госпожи Фортуны, в которых она, как домовитая хозяйка гостиницы, аккуратно ведет приходно-расходные счета человечества, мы обнаружили бы, что в общем добро и зло в этом мире почти полностью уравновешиваются и что, хотя мы можем долго наслаждаться подлинным благоденствием, наступит в конце-концов время, когда нам придется с прискорбием расплатиться по счету. Действительно, Фортуна – злая, сварливая женщина и к тому же неумолимый кредитор; пусть своим любимчикам она оказывает долгосрочный кредит и осыпает их своими милостями, все же раньше или позже она со строгостью опытной хозяйки постоялого двора предъявляет к взысканию все недоимки и смывает свои записи слезами должников. «Так как, – говорит добрый ста-

рый Боэций[262] в своих философских утешениях, – ни один человек не может удержать ее по своему желанию и так как о ее бегстве столь глубоко скорбят, то ее благодеяния являются не чем иным, как верным предзнаменованием предстоящих горестей и невзгод». Ничто не пробуждает во мне большего презрения к глупости и недомыслию моих ближних, чем зрелище того, как они радостно наслаждаются чувством безопасности и уверенности во времена процветания. Для мудреца, благословенного светом ума, это как раз мгновения беспокойства и опасений, ибо он хорошо знает, что по существующему порядку вещей счастье в лучшем случае преходяще и чем выше вознесен человек капризным дуновением судьбы, тем ниже будет его падение. Между тем тот, кто удручен несчастьями, имеет меньше шансов столкнуться с новыми невзгодами, как человек у подножия холма не подвергается опасности сломать себе шею, упав с вершины.

Такова самая суть истинной мудрости, которая состоит в знании того, когда нам надлежит считать себя несчастными, и которая была обнаружена почти одновременно с бесценной тайной о том, что «все есть суета и треволнение духа»;[263] следуя этому изречению, наши мудрецы всегда были самыми несчастными представителями человеческого рода. Мы счи-

---

[262] Боэций, Аниций (480–524) – римский философ, математик и теоретик музыки, автор «Утешения философии».

[263] …«все есть суета и треволнение духа» – перефразировка библейского изречения «суета сует и всяческая суета» (Екклезиаст, I, 2).

таем, что впадать в уныние без всякой причины – это бесспорный признак гения, ибо всякий человек может чувствовать себя несчастным во время невзгод, но только философ способен обнаружить причину для печали в час благоденствия.

В соответствии с положением, только что мною высказанным, мы видим, что колония Новые Нидерланды, которая в правление прославленного Ван-Твиллера процветала в столь опасной и роковой безмятежности, расплачивается теперь за свое прежнее благополучие и погашает огромный долг за благосостояние, в который она влезла. Враги нападают на провинцию с различных сторон, город Новый Амстердам, еще не вышедший из младенчества, они держат в постоянной тревоге, а к ее доблестному правителю, маленькому Вильяму Упрямому вполне подходит простонародное, но выразительное определение «человек, у которого забот полон рот».

Пока он усердно отражал нападения своих злейших врагов, янки, с одной стороны, ему неожиданно стали досаждать в другой стороне другие противники. Колония бродячих шведов под руководством Петера Минневитса, именовавших себя подданными грозной бой-бабы Христины,[264] шведской королевы, поселилась и построила крепость на реке Южной (или Делавэр) – в пределах земель, которые правительство Новых Нидерландов считало своими. История

[264] Христина (1626–1689)-шведская королева (1632–1654).

умалчивает о том, где и когда они впервые высадились и на каком основании притязали на упомянутые земли; это тем более прискорбно, что, как мы увидим, та же колония шведов в будущем нанесет весьма существенный ущерб интересам не только Нидерландов, но и всего мира!

И вот, каким бы образом ни захватила впервые страну эта колония шведских бродяг, несомненно то, что в 1638 году они основали крепость, и Минневитс, в соответствии с бесцеремонным обыкновением своих современников, объявил себя губернатором всей прилегающей страны, присвоив ей название провинции НОВАЯ ШВЕЦИЯ.[265] Едва это известие дошло до слуха раздражительного Вильгельмуса, как он, будучи подлинно пылким вождем, немедленно впал в ярость и, созвав свой совет, задал шведам здоровенную трепку в речи, которая со времен памятного спора между Десятиштанным и Крепкоштанником была самой длинной из всех, когда-либо произнесенных в колонии. Дав таким образом выход первому взрыву негодования, он прибег затем к излюбленной им мере и в первый же год своего правления отправил свежеиспеченное послание; в нем Петеру Минневитсу сообщалось, что вся земля, примыкающая к Южной реке, находилась с незапамятных времен во владении голландских колонистов, так как «она была застроена их крепостями и право

[265] Новая Швеция – под видом шведской колонии на берегу Делавэра Ирвинг изображает южан. Сравни распространенное мнение американцев-северян о южанах («мэрилендцах») в конце этой же главы.

на нее было скреплено их кровью».

Упоминание о крови в последней фразе могло бы навести на мысль об ужасной войне и кровопролитии; какое облегчение должны мы испытать, узнав, что эта фраза относится просто к драке, во время которой индейцы убили полдюжины голландцев, когда те милостиво пытались основать колонию и распространить цивилизацию. Отсюда можно видеть, что Вильям Кифт, хотя и был очень низеньким человеком, находил удовольствие в высоких словах и был весьма склонен к гиперболе – достохвальной риторической фигуре, особенно охотно применяемой нашими маленькими великими людьми. Фигура эта сослужила неоценимую службу многим людям его сорта и способствовала раздуванию величия многих чрезвычайно самонадеянных, но пустоголовых городских мэров. Здесь я не могу удержаться, чтобы не заметить, сколь многим обязана моя возлюбленная страна этой самой фигуре гиперболы за услуги, оказанные некоторым из ее величайших людей – государственным деятелям, ораторам, гражданским чиновникам и духовным пастырям, которые с помощью высокопарных слов, распространенных периодов и многоречивых теорий держатся на поверхности общества, как неумелые пловцы держатся на воде с помощью надутых воздухом пузырей.

Послание, направленное против Минневитса, заканчивалось предписанием самозванному губернатору и его шайке шведских искателей приключений немедленно покинуть

страну под страхом навлечь на себя величайшее неудовольствие и неизбежное мщение могущественного правительства Новых Нидерландов. Однако эта «строгая мера» произвела ничуть не большее действие, чем предыдущие угрозы, обращенные к янки. Шведы решительно не желали покидать земли, которыми они завладели, и пока что дело оставалось in statu quo.[266]

Примириться с таким наглым упорством шведов было бы несовместимо с доблестным характером Вильгельмуса Кифта; однако у маленького человека дел было в это время по горло, и по причине то одной неприятности, то другой, он не имел ни минуты покоя.

Существует определенный сорт неутомимых законодателей, настолько искусных в своем ремесле, что у них на наковальне всегда бывает по сотне поковок, каждой из которых надлежит немедленно заняться; им, следовательно, приходится все время проявлять великую изобретательность и изворотливость, пока они ставят заплаты на общественное благосостояние и подбивают подметки на государственные дела, выполняя это так, что вместо одной зачиненной дыры появляются девять новых, и затыкают трещины и щели всем, что попадется под руку, подобно янки, засовывавшим, как я упоминал выше, старую одежду в разбитые окна. К этому роду государственных деятелей принадлежал Вильям Упрямый. И если бы только господь благословил его талантами, рав-

[266] В прежнем положении (лат.).

ными его рвению, или если бы его рвение хоть сколько-нибудь обуздывалось рассудительностью, то почти не приходится сомневаться в том, что он был бы самым великим из всех известных нам губернаторов его роста, за исключением одного только прославленного губернатора острова Баратарии.

Огромный недостаток политики Вильгельмуса Кифта заключался в том, что, хотя не было человека, готового с большим рвением взяться за дело в час крайней необходимости, он, однако, так заботился о сохранности народного достояния, что терпеливо выжидал, пока враг сам разобьет себе голову. Другими словами, какие бы предосторожности для обеспечения государственной безопасности он ни принимал, он так старался, чтобы они обошлись подешевле, что они неизменно оказывались бесполезными. Все это было отдаленным последствием глубокого образования, полученного им в Гааге; набравшись там обрывков учености, он потом; всю жизнь усердно зубрил оглавления, постоянно роясь в книгах, но ничего не изучал досконально; в результате в его черепной коробке происходило брожение выжимок из всякого рода авторов. При одном из таких исследований титульных страниц он, к несчастью, наткнулся на очень важное для политиков *каббалистическое слово*, которое с обычной для себя легкостью немедленно включил в свою великую систему управления – к непоправимому ущербу для провинции Новые Нидерланды, к обольщению ее честных жителей и к

вечному заблуждению всех правителей, склонных заниматься экспериментами.

Тщетно с усердием изучал я теургию халдеев, каббалу евреев, некромантию арабов, магию персов, фокус-покусы англичан, колдовство янки, шаманство индейцев, пытаясь установить, где маленький человек впервые узрел это страшное слово. Ни «Сефер Иоцира», знаменитая каббалистическая книга, приписываемая патриарху Аврааму, ни страницы «Зогара»,[267] содержащие тайны каббалы, описанные ученым равином Симоном бен-Иохаи, не пролили никакого света на занимавшие меня вопросы. Ни малейшей пользы не принесли мне и утомительные розыски в «Шем-га-Мефораше»[268] Вениамина, странствующего еврея, хотя этот труд помог Давиду Эльму совершить десятидневное путешествие за одни сутки. Не удалось мне также установить хоть какую-нибудь связь с тетраграммой, или священным именем из четырех букв, самым заветным словом еврейской каббалы, которое представляет собой высшую неисповедимую и непередаваемую тайну и буквы которого «йод-хе-ван-хе», украденные язычниками, составили их великое имя Иове,

---

[267] «Сефер Иоцира», «Зогар» – еврейские религиозно-мистические книги, содержащие доктрины каббалистики, средневекового учения о мистической интерпретации Библии. Автором «Зогара» считается Симон бен-Иохаи, живший во II в.

[268] Шем-га-Мефораш – талмудическое название бога. Это священное имя употреблялось для обозначения понятия, что есть одно настоящее слово из четырех букв (тетраграмматон) для имени бога, но запрещенное к произношению.

то есть Юпитер. Короче говоря, во всех моих каббалистических, теургических, некромантических, магических и астрологических изысканиях, начиная от «тетрактиса»[269] Пифагора и кончая неудобопонятными трудами Бреслау[270] и матушки Банч,[271] я не обнаружил никакого другого слова, достаточно могущественного, чтобы противодействовать ему.

Не буду держать читателей в недоумении: слово, которое столь удивительным образом остановило на себе внимание Вильяма Упрямого и которое, будучи написано готическими буквами, имело особенно мрачный и зловещий вид, в переводе означает не что иное, как экономия – волшебное слово, в результате постоянного употребления и частого упоминания переставшее казаться нам страшным, но обладающее столь же ужасной властью, как всякое колдовское заклинание.

Произнесенное в национальном собрании, слово «экономия» производит немедленное действие, запирая сердца, затемняя умы, затягивая шнурки кошельков и застегивая брючные карманы всех философов-законодателей. Не менее

---

[269] Татрактис – священный символ веры пифагорийцев, одно из математических понятий в теории чисел Пифагора.

[270] Бреслау – очевидно, имеется в виду немецкий писатель Фридрих фон Логау (1604–1655), епископ Бреслау, сочинения которого отличаются сложностью языка.

[271] Матушка Банч – содержательница лондонской пивной, популярной в XVI в. Ее имя значится на титульных листах многих сборников шуток и анекдотов XVII в.

изумительно его действие на зрение; оно вызывает сокращение сетчатки, затемнение хрусталика, вязкость стекловидного тела, разжижение водянистой влаги, затвердение tunica sclerotica[272] и выпуклость роговицы; в результате орган зрения теряет свою силу и ясность, и несчастный больной становится близоруким, или попросту говоря, подслеповатым. Он различает только сумму немедленных затрат и не способен заглянуть вперед и рассматривать их в связи с конечной целью, которая должна быть достигнута. «Так что (мы цитируем слова красноречивого Берка[273]) терновник у него под носом превосходит величиной дуб, находящийся на расстоянии пятисот ярдов». Таково мгновенное действие этого слова, а конечные результаты еще более изумительны. Его магическое влияние заставляет семидесятичетырехпушечные линейные корабли съежится во фрегаты, фрегаты в корветы, корветы в канонерки. Как беззащитный флот Энея под командованием Венеры-покровительницы превратился в морских нимф и спасся, нырнув в воду, так и могущественный военный флот Америки с помощью каббалистического слова «экономия» превращается в мелкие суда и укрывается в мельничном пруду!

Это всемогущее слово, служившее пробным камнем политики Вильгельмуса Упрямого, сразу разъясняет всю облю-

---

[272] Плотная оболочка глаза (лат.).

[273] Берк, Эдмунд (1729–1797) – английский публицист и политический деятель, выступавший против идей французской революции.

бованную им систему посланий, торжественных заявлений, пустых угроз, ветряных мельниц, трубачей и бумажной войны; действие этого слова мы можем обнаружить на эскадре, вооруженной им в 1642 году в момент великой ярости и состоявшей из двух корветов с тридцатью людьми под командой мингера Яна Янсена Алпендама – адмирала флота и главнокомандующего военно-морскими силами. Эта грозная экспедиция, с которой можно сравнить лишь некоторые отважные плавания нашего младенческого флота, двинулась по заливу и вверх по Саунду с целью выгнать мэрилендцев с берегов Скулкилла, недавно захваченных ими и считавшихся частью провинции Новые Нидерланды; ведь в ту пору наша младенческая колония находилась, видимо, в завидном положении, к которому стремятся честолюбивые народы, то есть ее правительство, владея обширными землями, пользовалось только частью их, а в отношении большей части вынуждено было постоянно вступать в споры.

Адмирал Ян Янсен Алпендам был человек очень пылкий и храбрый и ничуть не страшился врагов, хотя про них и говорили, что это воинственные люди из породы гигантов, питающиеся маисовыми лепешками и копченой свининой, пьющие мятный грог и пальмовую водку и чрезвычайно искусные в кулачном бою, кусании, выбивании глаз, вымазывании смолой и вываливании в перьях[274] и в разных других ат-

[274] …вымазывании смолой и вываливании в перьях… – американский национальный обычай расправы с противниками, приобретший особую популярность

летических упражнениях, заимствованных ими от своих сородичей-виргинцев, на которых они всегда были очень похожи. Несмотря на все эти столь пугающие описания, адмирал отважно вступил со своим флотом в Скулкилл и вполне благополучно, без всякого сопротивления достиг места назначения.

Там он обрушил на врага пламенную речь на нижнеголландском языке, которую предусмотрительный Кифт заранее сунул ему в карман; он вежливо начал ее с того, что обозвал мэрилендцев шайкой ленивых, неотесанных, вечно пьяных выскочек, любителей петушиных боев и конских скачек, надсмотрщиков над рабами, завсегдатаев питейных домов, нарушителей святости воскресного дня, мулатского отродья, а закончил приказанием немедленно покинуть страну. На это они весьма лаконично ответили без всяких обиняков (что для шведов было совершенно естественно): «Иди ты ко всем чертям».

На такой ответ Ян Янсен Алпендам, как и Вильгельмус Кифт, не рассчитывал. Видя себя совершенно неподготовленным к тому, чтобы на столь грубый отпор ответить соответствующими военными действиями, он, подобно весьма почтенному адмиралу, возглавлявшему одну современную английскую экспедицию, решил, что умней всего будет вернуться домой и представить донесение о ходе дела. Итак, он двинулся назад в Новый Амстердам, где его приняли с вели-

---

в годы войны за независимость США.

кими почестями и провозгласили образцовым командиром, так как он выполнил опаснейшее предприятие с ничтожными затратами для государственной казны, не потеряв ни одного человека! Его единодушно провозгласили спасителем отечества (звание, щедро жалуемое всем великим людям); два его корвета, выполнившие свой долг, были разоружены (или вытащены на берег) в бухточке, ныне называемой Олбани-Бейзн, где они мирно гнили, лежа в тине. Чтобы обессмертить имя отважного адмирала, новоамстердамцы воздвигли (по подписке) на вершине Флаттн-Баррак-Хилл[275] великолепный дощатый памятник, который простоял целых три года, а затем развалился на части и был разобран на дрова.

[275] Испорченное Варлетс-берг или Варлетс-Хилл, названное так по имени некоего Варлета, жившего на этом холме в раннюю эпоху существования поселка. – Издатель.

ГЛАВА V

Как Вильям Упрямый обогатил Провинцию множеством никуда не годных законов и стал покровителем стряпчих и помощников пристава. Как он взялся за спасение народа от ужасного зла и как его чуть было не удушили дымом за его старания. Как народ в результате его наставлений стал чрезвычайно просвещенным и несчастным, а также о всяких других вещах, которые выяснятся при чтении.

Среди многочисленных остатков и обломков возвышенной мудрости, уносимых потоком времени, начиная с почтенной древности, и тщательно вылавливаемых теми скромными, но трудолюбивыми людьми, которые скитаются вдоль берегов литературы, мы находим одно благоразумное предписание Харондаса, локрского законодателя. Заботясь о том, чтобы предохранить древние законы своего государства от добавлений и улучшений глубокомысленных «провинциальных представителей» или назойливых претендентов на популярность, он издал указ, по которому всякий, предлагающий новый закон, делал это с петлей на шее, чтобы в случае отклонения проекта его немедленно вздергивали. На том дело и кончалось.

Это спасительное правило оказало такое действие, что в течение двухсот с лишним лет произошло лишь одно неболь-

шое изменение в уголовном кодексе и все племя стряпчих умерло с голоду из-за отсутствия работы. В результате локрийцы, не защищенные тяжелым грузом превосходных законов и не охраняемые постоянной армией ходатаев по делам и судебных приставов, жили в любви и согласии и были так счастливы, что о них почти не упоминается во всей греческой истории, ибо хорошо известно, что только несчастные, задорливые буйные народы шумят на весь мир.

Неплохо было бы для Вильяма Упрямого, если бы он в поисках «всеобъемлющих познаний», на свое счастье, наткнулся на предосторожность доброго Харондаса. Но он, напротив, полагал, что истый законодатель обязан умножать число законов и охранять собственность, личность и нравственность подданных, окружая их своего рода волчьими ямами, кладя у них на пути ружья с привязанными к взведенным куркам проволоками и огораживая даже тихие уединенные тропинки частной жизни колючей изгородью, так что человек едва может пошевелиться, чтобы не наткнуться на какое-нибудь из этих пагубных ограждений. Итак, он все время придумывал мелкие законы для каждого то и дело возникающего мелкого нарушения, пока со временем законов не стало так много, что их уже нельзя было запомнить; подобно законам некоторых современных законодателей, они превратились в мертвую букву, иногда оживавшую для того, чтобы подавить чью-либо личность или поймать в ловушку неопытного преступника.

В результате появились суды для рассмотрения мелких дел, где закон применялся почти столь же мудро и беспристрастно, как и в нынешних высоких трибуналах – полицейских и мировых судах. Обычно становились на сторону истца, ибо он был постоянным клиентом и увеличивал оборот предприятия. На преступления богатых благоразумно смотрели сквозь пальцы, чтобы не задеть их друзей; но бдительных бургомистров никогда нельзя было упрекнуть в том, что они дали возможность остаться безнаказанным пороку в гнусных лохмотьях бедности.

Примерно к этому времени мы можем отнести введение смертной казни; великолепная виселица была сооружена на берегу, около того места, где теперь находится лестница Уайтхолла, чуть к востоку от батареи. Рядом соорудили еще одну виселицу, очень странного, безобразного и ни на что не похожего вида; однако изобретательный Вильям Кифт ее очень ценил, так как она служила для наказания, придуманного всецело им самим.[276]

По высоте она ничуть не уступала виселице Амана, столь известного персонажа библейской истории; но чудо выдумки заключалось в том, что преступника, вместо того, чтобы вешать за шею, в соответствии с почтенным обычаем, вздергивали за пояс штанов, и он целый час висел, болтаясь и барахтаясь между небом и землей – к безмерному удовольствию

[276] Обе виселицы, упомянутые выше нашим автором, можно увидеть на гравюре Юстуса Данкера, предпосланной нами настоящему труду. – Издатель.

и, несомненно, к вящему назиданию толпы досточтимых горожан, всегда присутствующих на такого рода зрелищах.

Трудно представить себе, как хихикал маленький губернатор при виде презренных бродяг и неисправимых нищих, подвешенных за штаны и выделывающих забавные прыжки в воздухе. Для таких случаев у него были заготовлены тысячи шуток и веселых острот. Он называл их своими баловнями, своей дичью, людьми высокого полета, орлами с распростертыми крыльями, соколами, пугалами и, наконец, висельниками; последнее остроумное название, которым первоначально пользовались только по отношению к почтенным гражданам, вздумавшим насладиться свежим воздухом таким странным образом, стало затем простонародным выражением, обозначавшим любого кандидата на законное возвышение. Кроме того это наказание, если можно верить некоторым ученым этимологам, впервые навело на мысль о создании своеобразной сбруи или подтяжек,[277] посредством которых наши праотцы предохраняли от сползания свои многочисленные штаны и которые недавно снова воскресли и продолжают употребляться в наши дни.

Таковы были замечательные реформы Вильяма Кифта в области уголовного законодательства; не меньшего восхищения достоин его гражданский кодекс, и я очень скорблю, что размеры моего труда не позволяют мне остановиться на обо-

---

[277] … подтяжек… – английский каламбур: gallows – виселица, gallowses – помочи, подтяжки.

их с той исчерпывающей полнотой, какой они заслуживают. Достаточно будет сказать, что через некоторое время благодетельное действие бесчисленных законов стало очевидным. Вскоре, чтобы их толковать и согласовывать, понадобилось иметь определенную группу людей. Так появились различные ходатаи по делам, чьими неусыпными заботами вся община немедленно перессорилась.

Ни за что на свете я не хотел бы, чтобы обо мне подумали, будто я пытаюсь внушить что-либо оскорбительное в отношении юридической профессии или ее достойных представителей. Я хорошо знаю, что в нашем старинном городе живет неисчислимое множество почтенных джентльменов, вступивших в этот заслуживающий всяческого уважения орден не из-за низкой любви к грязному стяжательству или из-за себялюбивой жажды славы, а исключительно из пылкого стремления способствовать правильному отправлению правосудия и из благородной бескорыстной заботы о пользе своих сограждан! Скорей я бросил бы мое верное перо в огонь и навсегда заткнул пробкой бутылку с чернилами (а это худшее наказание, какое заблаживший автор может наложить на себя), чем хотя бы намеком посягнул на достоинство этого поистине благодетельного разряда граждан. Напротив, я имею в виду лишь ту шайку проходимцев, которых в последние злосчастные годы стало так много, которые позорят свою корпорацию, как позорили трусливые корнуэль-

ские рыцари[278] благородное рыцарское звание, которые наживаются с помощью крючкотворства, низких уловок и интриг и, подобно червям, кишат сильней всего там, где сильней всего разложение.

Ничто столь быстро не пробуждает дурные страсти, как возможность легкого заработка. Суды никогда не были бы так завалены мелкими кляузными и гнусными делами, если бы их не наводняли толпы сутяг-стряпчих. Они исподтишка разжигают страсти низших и более невежественных слоев населения, которые, словно бедность сама по себе не является достаточным несчастьем, всегда готовы усугубить ее горечью тяжб. Эти ходатаи по делам играют в правосудии ту же роль, что шарлатаны в медицине, способствующие возникновению болезни для того, чтобы заработать на излечении, и замедляющие излечение, чтобы увеличить плату. В то время как одни разрушают здоровье, вторые опустошают кошелек. Замечено также, что больной, побывавши однажды в руках у шарлатана, после этого вечно пичкает себя микстурами и отравляет самыми верными снадобьями. Так и невежественный человек, спутавшийся однажды с законом при содействии одного из этих шарлатанов, затем всегда ссорится со своими соседями и разоряется на выигранных тяжбах. Мои читатели простят мне это отступление, которым я по неосторожности увлекся, но я не мог удержать-

[278] Корнуэльские рыцари – имеются в виду рыцари трусливого и вероломного короля Марка в «Смерти Артура» (1470) Томаса Мэлори.

ся, чтобы не дать хладнокровного, непредвзятого описания слишком распространенной в нашем превосходном городе мерзости, результаты которой я, по несчастью, испытал на собственной шкуре, чуть не разорившись из-за судебного дела, несправедливо решенного не в мою пользу; мое разорение было довершено другим делом, решенным в мою пользу. Невозместимой потерей для потомства следует считать то обстоятельство, что из бесчисленных законов, изданных Вильямом Упрямым, которые, несомненно, составляли кодекс, вряд ли уступающий кодексам Солона, Ликурга или Санчо Пансы, только немногие дошли до наших дней; самый важный из них – это закон, придуманный в недобрый день и запрещавший всеобщую привычку курить. Необходимость его была математически доказана тем, что курение не только тяжелый налог на народный карман, но и невероятный пожиратель времени, отвратительный покровитель лени и, разумеется, смертельный яд для народной нравственности. Злосчастный Кифт! Живи он в наш самый просвещенный и клеветнический век и попытайся ниспровергнуть неоценимую свободу печати, он не мог бы нанести более чувствительный удар миллионам людей.

Жители Нового Амстердама пришли в такое сильное волнение, какое только было возможно при их врожденной степенности; толпа мятежных граждан имела даже смелость окружить дом маленького губернатора, и, решительно расположившись перед ним, как осаждающая армия перед кре-

постью, они все как один принялись усердно и решительно курить, ясно показывая тем свое намерение обкуривать его дымом вонючего табака, пока он не согласится на их требование. Великолепный особняк губернатора был уже окутан темными облаками, и могущественный маленький человек чуть не задохнулся в своей норе, когда, вспомнив, что не было ни одного примера, чтобы какой-либо великий человек древности погиб столь подлым образом (случай с Плинием Старшим[279] был единственным, представлявшим некоторое сходство), он почел за благо пойти на уступки и согласился на требования толпы при условии, что она пощадит его жизнь, немедленно погасив трубки.

В результате перемирия он, хотя и разрешил впредь курение табака, но запретил отличные длинные трубки, преобладавшие в дни Воутера Ван-Твиллера и неразлучные с благодушием, спокойствием и степенностью манер; вместо них он ввел в употребление маленькие, каверзные короткие трубки длиной в два дюйма, которые, по его словам, можно держать в углу рта и засунуть за ленту шляпы, чтобы они не мешали заниматься делом. Представь себе, однако, о, читатель, какие это имело плачевные последствия. Дым отвратительных маленьких трубок, постоянно поднимавшийся облаком у носа, проникал в мозжечок и затуманивал его, высушивал всю живительную влагу в мозгу и делал людей такими же ипохондриками и упрямцами, каким был их прославленный ма-

[279] Плиний – см. примечание 14, гл. V, книга первая.

ленький губернатор. Даже больше, из бодрых толстяков они, подобно нашим честным голландским фермерам, курящим короткие трубки, превратились в костлявых, прокопченных дымом и выдубленных созданий.

В самом деле, наблюдательный автор стайвесантской рукописи отметил, что за время правления Вильгельмуса Кифта характер жителей Нового Амстердама претерпел существенные изменения и они стали очень сварливыми и склонными к мятежу. Постоянная раздражительность, в которую впал маленький губернатор из-за грабительских набегов на его рубежи, и несчастная склонность к экспериментам и новшествам были причиной того, что он держал свой совет в вечном беспокойстве; а так как совет является по отношению к населению в целом тем же, чем дрожжи или закваска для теста, то вся община пришла в брожение; а так как население в целом по отношению к городу это то же, что мозг по отношению к телу, то злосчастные передряги, выпавшие на его долю, повлияли самым гибельным образом на Новый Амстердам – настолько, что во время некоторых пароксизмов уныния и замешательства были созданы многие из самых кривых и безобразных улиц и переулков, уродующих нашу столицу.

Но хуже всего было то, что как раз в это время чернь, впоследствии называвшаяся державным народом, подобно Валаамовой ослице, постепенно становилась более просвещенной, чем ехавший на ней всадник, и проявила странное же-

лание самостоятельно управлять собой. Это было еще одно последствие «всеобъемлющих познаний» Вильяма Упрямого. Занимаясь своими пагубными изысканиями среди хлама древности, он пришел в восторг от распространенного среди лакедемонян обычая общественных трапез, за которыми они обсуждали интересующие всех вопросы, и от школ разных философов, где они занимались глубокомысленными спорами о политике и нравственности, где седобородые старики обучались основам мудрости, а юноши, не изведав детства, учились, как им стать маленькими мужчинами. «Нет ничего, – сказал многоумный Крифт, закрывая книгу, – нет ничего более важного для того, чтобы как следует управлять страной, нежели распространение образованности среди народа; основа хорошего правления должна быть заложена в общественном сознании». Все это достаточно верно, но такова была жестокая судьба Вильяма Упрямого, что всегда, когда он думал правильно, брался он за дело обязательно не так, как надо. На этот раз он почти не мог ни есть, ни спать, пока не основал обществ, в которых простые граждане Нового Амстердама занялись шумными спорами. Только этого недоставало для его окончательной гибели. Честные голландские бюргеры, хотя на самом деле не слишком были склонны к словопрениям, в результате частых встреч, во время которых они напивались допьяна, затуманивали свои мозги табачным дымом и выслушивали выспренние речи полудюжины оракулов, вскоре очень поумнели и – как всегда бывает, когда

чернь просвещается в вопросах политики, – преисполнились недовольства. С изумительной быстротой соображения они обнаружили, что жестоко ошиблись, считая себя счастливейшим народом на свете, и пришли, на свою радость, к убеждению, что, вопреки всем данным, говорящим о противном, они были самым несчастным, обманутым и, следовательно, погибшим народом!

В скором времени новоамстердамские охотники до новостей объединились в союзы глубокомысленных политических ворчунов, которые ежедневно собирались, чтобы повздыхать над общественными делами и нагнать на себя тоску; они стекались на эти злополучные собрания с тем же рвением, с каким фанатики во все века покидали более кроткие и мирные пути религии, чтобы тесниться и завывать на сборищах изуверов. Мы от природы склонны к недовольству и с жадностью ищем воображаемые причины для жалоб; как ленивые монахи, мы истязаем свои собственные плечи и находим, по-видимому, великое удовлетворение в музыке собственных стенаний. Это не парадокс; повседневный опыт показывает истинность этих мудрых наблюдений. Утешать или пытаться поднять дух человека, стонущего от воображаемых невзгод, кажется почти смешным, но нет ничего легче, чем сделать его несчастным, хотя бы он и находился на верху блаженства, ибо поднять человека на колокольню было бы геркулесовым трудом, тогда как сбросить его оттуда может любой ребенок.

В глубокомысленных собраниях, упомянутых мною, философический читатель сразу различил бы слабые зачатки мудрых сборищ, называемых народными собраниями и широко распространенных в наши дни. Туда приходят все бездельники и «золоторотцы», которые, как лохмотья, болтаются на спине общества и легко могут быть унесены ветром любой доктрины. Сапожники покидали свои мастерские и спешили туда, чтобы поучать политической экономии; кузнецы бросали работу и давали погаснуть пламени в своих горнах, а сами тем временем дули в меха, чтобы разжечь пламя мятежа; и даже портные (каждый из которых был, как известно, одной девятой частью человека[280]), хотя и сплошь в заплатах, пренебрегали собственными делами, чтобы заняться делами государства. Не хватало только полудюжины газет и патриотических издателей, чтобы завершить народное просвещение и ввергнуть всю провинцию в бунт.

Не забыть бы упомянуть о том, что эти народные собрания всегда происходили в какой-нибудь известной таверне, ибо такого рода заведения всегда оказывались самыми подходящими рассадниками политиков; они изобиловали теми живительными соками, которые питают мятеж и придают ему силу. Говорят, что у древних германцев существовал превосходный способ рассматривать важные вопросы: сначала их обсуждали во хмелю, а затем снова возвращались к ним, протрезвившись. Сборища более проницательных американцев,

[280] …одной девятой частью человека – шутливое прозвище портных в Англии.

не любящих двух мнений по одному и тому же предмету, и принимают решения, и приводят их в исполнение в пьяном виде; таким способом они обходятся без холодных и скучных размышлений. А так как всеми признано, что у пьяного *двоится* в глазах, то из этого с полной несомненностью следует, что он видит в два раза лучше, нежели его трезвые соседи.

ГЛАВА VI

Показывающая важное значение разделения на партии и рассказывающая о горестных затруднениях, выпавших на долю Вильяма Упрямого из-за того, что он просветил народ.

Некоторое время, однако, почтенные новоамстердамские политики, вынашивавшие величественный план спасения народа, были весьма смущены раздорами и непонятными разногласиями в собственных рядах; зачастую они приходили в самое хаотическое замешательство и смятение только потому, что у них не было классификации партий. А ведь нашим опытным политикам хорошо известно, что точная классификация и терминология столь же необходимы в политике; как и в естествознании. С их помощью можно как следует различить и изучить отдельные группы патриотов, их разветвления и скрещения, их связи и разновидности. Так, в разных концах света возникли родовые названия гвельфов и гибеллинов,[281] круглоголовых и кавалеров,[282] больших ин-

[281] Гвельфы и гибеллины – две партии в Италии XII–XV вв.; гвельфы – папская партия, боровшаяся против германских императоров и их сторонников в Италии, гибеллинов.

[282] Круглоголовые и кавалеры – прозвища пуритански настроенных сторонников парламента и приверженцев абсолютной королевской власти во время английской революции XVII в.

дейцев и малых индейцев,[283] вигов и тори, аристократов и демократов, республиканцев и якобинцев, федералистов и антифедералистов, а также некоей ублюдочной партии, называемой жвачка,[284] которая, по-видимому, родилась от скрещения двух последних партий, как мул произошел от скрещения лошади и осла, и подобно мулу, по-видимому, не способна к размножению, пригодна для неблагодарной черной работы, обречена нести бремя то отца, то матери и в награду за свои старания получать крепкие побои.

Существенная польза таких противопоставлений совершенно очевидна. Сколько есть на свете рьяных и работящих патриотов, чьи познания заимствованы из политического словаря; они никогда не знали бы своих собственных мнений, то есть, что они должны думать по тому или иному вопросу, если б не были распределены по партиям. Ведь, руководствуясь собственным здравым смыслом, члены общины могут прийти к такому единомыслию, которое, как это было бесспорно доказано многими превосходными писателями, оказывается роковым для благополучия государств. Часто случалось мне видеть благонамеренных героев 1776 года, находившихся в ужаснейшем затруднении, так как они не знали, какого мнения им держаться о некоторых лицах

[283] Большие индейцы и малые индейцы – имеются в виду племенные союзы американских индейцев.

[284] Жвачка – английский каламбур: Quid означает «жвачка» и в то же время это название фракции республиканской партии, бывшей в оппозиции правительству США в 1805–1811 гг.

и действиях правительства, и подвергались большому риску подумать правильно, пока они внезапно не разрешали своих сомнений, прибегнув к испытанному пробному камню – разделению на *вигов* и *тори*. Эти названия, хотя они имеют столь же близкое отношение к ныне существующим партиям, как могучие статуи Гога и Магога[285] к почтенным лондонским олдерменам, с жадностью поглощающим под их покровительством черепаховый суп в здании ратуши, тем не менее при всех обстоятельствах служат нашему державному народу очками, чудесным образом помогающими видеть дальше собственного носа и отличить сокола от цапли или сову от ястреба!

Хорошо сказано в священном писании: «Конь знает владетеля своего, а осел ясли господина своего»,[286] ибо, когда державный народ запряжен и на него надлежащим образом надето ярмо, приятно видеть, как размеренно и гармонично он движется вперед, шлепая по грязи и лужам, повинуясь приказаниям своих погонщиков и таща за собой жалкие телеги с дерьмом, принадлежавшие всяческим партиям. Сколько знавал я патриотических членов конгресса, которые честно намеревались, что бы ни случилось, держаться своей партии, и тем не менее могли то ли просто по неведению, то

---

[285] Статуи Гога и Магога – две деревянные статуи в лондонском Гилдхолле. Во время пожара 1666 г. сгорели и в 1709 г. заменены новыми.

[286] «Конь знает владетеля своего, и осел ясли господина своего». – Библия. Книга Исайи (1, V).

ли под влиянием совести и здравого смысла перейти в ряды своих противников и выступить в защиту противоположных мнений, если бы партии не носили общераспространенных названий, позволяющих легко отличить их друг от друга.

Поэтому благоразумные жители Нового Амстердама, после того как они некоторое время терпели невзгоды, связанные с отсутствием порядка, проявили, наконец, свойственную честным голландцам рассудительность и разделились на две партии, известные под названием *квадратноголовые* и *плоскозадые*. Название первой партии указывало на то, что ее члены были лишены той округлости черепа, которая считается признаком истинного гения; название второй – что ее члены не обладали природным мужеством или хорошим задом, как это впоследствии именовалось. И я приглашаю всех политиков нашего великого города попытаться доказать мне, что в нынешнее время раскол на две партии хоть где-нибудь произошел по более важному и основательному признаку.

Указанные выше названия, говоря чистую правду – а отступать от нее я счел бы для себя унизительным – возникли не в результате прихоти или случайности, как некогда существовавшие прозвища Десятиштанный и Крепкоштанник, а произошли от глубокомысленных и ученых умозаключений некоторых голландских философов. Не вдаваясь в подробности, укажу лишь, что то были догматы или основные начала остроумных теорий, впоследствии развитых в физиогно-

мических трактатах Лафатера,[287] который вполне серьезно измеряет умственные способности по длине носа и улавливает их признаки в изгибе губ или бровей, в краниологии доктора Галля[288] – обнаружившего местоположение и твердыни добродетелей и пороков, страстей и привычек в шишках черепа и доказывающего, что у иного олуха царя небесного череп истинного гения, – в Linea Fascialis[289] доктора Петруса Кампера,[290] профессора анатомии Амстердамского университета – объясняющего все на свете положением верхней и нижней челюсти относительно друг друга и доказывающего правильность старинного мнения о том, что сова самое мудрое из всех животных и что совершенно плоское лицо служит бесспорным признаком одаренности и образцом истинной красоты, – наконец, в задологии профессора Хиггенботома, который учит тому, что существует удивительная тесная связь между задницей и умом; эта теория подкрепляет-

---

[287] Лафатер, Иоганн Каспар (1741–1801) – швейцарский френолог, поэт и теолог, друг Гете; автор «Физиогномических очерков» (1775–1778), переведенных в 1789–1798 гг. на английский язык.

[288] Галль, Франц Иосиф (1758–1828)-немецкий краниолог, основатель френологии, учения о связи между наружной формой черепа и психическими особенностями его обладателя. Большой популярностью пользовались его лекции в Париже в 1807 г., в которых он доказывал, что характер и способности человека могут быть определены по строению его черепа.

[289] Лицевые линии (лат.).

[290] Кампер, Петрус (1722–1789) – голландский анатом и натуралист, в 1755–1761 гг. возглавлял кафедру анатомии и хирургии в Амстердамском университете.

ся опытами педагогов всех веков, обнаруживших, что припарки a parte poste[291] прекрасно действуют на быстроту соображения их учеников и что самый действительный способ внедрения знаний в голову – это вколачивание их в зад!

Итак, просвещенные жители Новых Нидерландов, благополучно разбившись на партии, изо всей мочи принялись за дело, чтобы упрочить общественное благосостояние; они собирались в разных пивных и с неукротимой злобой обкуривали друг друга к великой пользе для государства и прибыли для владельцев питейных заведений. Некоторые, более рьяные, чем остальные, пошли дальше и начали осыпать друг друга множеством очень крепких ругательств и оскорбительных словечек, какие только существуют в голландском языке. Приверженцы каждой партии свято верили, что служат своей родине, черня репутацию политического противника или нанося ущерб его карману. Но как бы ни различались партии между собой, обе они были согласны в одном: они относились с злостным предубеждением к любой мере правительства, будь она правильна или неправильна. Ведь губернатор по своей должности не подчинялся их власти, не выбирался ими и ни одной из них не отдавал предпочтения, а потому ни та, ни другая не были заинтересованы в его успехе и в процветании страны, пока она находилась под его управлением.

«Несчастный Вильям Кифт! – восклицает мудрый автор

[291] К задней части (лат.).

стайвесантской рукописи. – Быть обреченным на препирательства с врагами, слишком лукавыми, чтобы их можно было перехитрить, и править народом, слишком умным, чтобы им можно было управлять». Все его походы против внешнего врага кончались неудачей, и на них никто не обращал внимания; все его меры для поддержания общественной безопасности вызывали ропот народа. Если он предлагал набрать армию, достаточную для защиты границ, чернь (то есть те праздношатающиеся члены общины, которым нечего было терять) немедленно била тревогу и принималась орать, что ее интересам угрожает опасность, что постоянная армия – это легион червей, пожирающих содержимое общественных карманов, бич в руках правительства и что правительство, имея в своем распоряжении военную силу, неизбежно перерастет в деспотию. Если он, как это слишком часто случалось, медлил до последней минуты, а затем второпях собирал горсточку необученных бродяг, то принятые им меры провозглашались слабыми и недостаточными, насмешкой над общественным достоинством и безопасностью, расточением общественных средств на никчемные предприятия. Если же он, соблюдая экономию, ограничивался посланиями, его осмеивали янки, а если он налагал запрет на сношения с врагами, то собственные подданные нарушали этот запрет и противодействовали ему. На каждом шагу губернатора осаждали и оглушали постановлениями «многолюдных и представительных собраний», на которых присутствовало с пол-

дюжины презренных трактирных политиков, и все эти постановления он читал, и что еще хуже, все принимал во внимание. В результате, беспрестанно меняя свои распоряжения, он не мог правильно судить об их последствиях, а, прислушиваясь к крикам черни и стараясь угодить всем, он, честно говоря, не делал ничего.

Впрочем, я не хотел бы, чтобы у кого-нибудь возникло несправедливое предположение, будто Вильям Кифт относился добродушно ко всяким напоминаниям и вмешательствам, ибо это не вязалось бы с его доблестным духом; напротив, за всю его жизнь не было случая, чтобы он, получив совет, на первых порах не разгневался на того, кто его подал. Но я всегда замечал, что вспыльчивых маленьких людей, как маленькие лодки с большими парусами, легче всего вывести из равновесия или сбить с пути. Это мы видим на примере губернатора Кифта; хотя он по характеру был настоящий перец, а в его голове вечно крутились вихри и проносились ураганы, все же его неизменно увлекал каждый последний совет, доносившийся до его ушей. Для него счастье было, что его власть не зависела от грубой толпы и что население пока не обладало весьма важным правом назначать губернатора. Однако оно, как истинная чернь, делало все возможное, чтобы помочь в общественных делах, беспрестанно досаждая своему правителю, подстрекая его речами и постановлениями, а затем упреками и напоминаниями сдерживая его пыл, как на воскресных скачках шайка жокеев обращает-

ся с несчастными клячами. Можно сказать, что и Вильгельмуса Кифта в течение всего времени его правления то погоняли без передышки, то пускали легкой рысцой.

ГЛАВА VII

Содержащая различные страшные рассказы о пограничных войнах и гнусных насилиях коннектикутских разбойников а также о возвышении великого совета Амфиктионии на востоке и об упадке Вильяма Упрямого.

В числе многих гибельных опасностей, окружающих вашего отважного историка, есть одна, которой я не надеюсь избегнуть, несмотря на всю мою неизъяснимую кротость и безграничную доброжелательность по отношению к ближним. Движимый благочестивыми помыслами и роясь жадной рукой в гниющих останках прошлых дней, я могу подчас оказаться в таком же положении, в каком очутился храбрый Самсон,[292] когда, прикоснувшись к трупу льва, навлек на себя рой пчел. Так и я сознаю, что стоит мне вдаться в подробности бесчисленных злодеяний племени яноки, или янки, как почти наверняка я задену болезненную чувствительность некоторых из их неразумных потомков и те несомненно накинутся на меня и подымут такое жужжание вокруг моей несчастной башки, что от их укусов меня могла бы защитить только крепкая шкура Ахиллеса или Orlando Furioso.[293]

---

[292] Самсон – согласно библейской легенде, Самсон обнаружил в трупе убитого им за несколько дней до этого льва рой пчел (Библия, Книга судей, 14, 8).

[293] Неистовый Роланд (итал.).

Если так и случится, я буду горько и искренне оплакивать не мою злосчастную судьбу, заставившую меня нанести обиду, а упрямую злобу нашего злонравного и безжалостного века, обижающегося на все, что бы я ни сказал. Послушайте, почтенные господа упрямцы, скажите мне, бога ради, что могу я поделать, если ваши прапрадеды так низко вели себя по отношению к моим прапрадедам? Я очень сожалею об этом, от всего сердца, и тысячу раз хотел бы, чтобы они вели себя в тысячу раз лучше. Но так как я рассказываю о священных событиях истории, то ни на йоту не могу поступиться чистой правдой, хотя бы и был уверен, что коннектикутский палач свалит в кучу все издание моего труда и сожжет его. И разрешите сказать вам, милостивые государи, что одно из великих предназначений, ради которых провидение посылает в этот мир нас, беспристрастных историков, именно в том и состоит, чтобы мы исправляли зло и обрушивали возмездие на головы виновных. Поэтому пусть какой-нибудь народ причиняет зло своим соседям, оставаясь временно безнаказанным, все же рано или поздно придет историк, который отдубасит его по заслугам. Так, у ваших предков, ручаюсь за них, когда они лупили и колотили почтенных жителей провинции Новые Нидерланды и чуть не свели с ума ее злосчастного маленького губернатора, в мыслях не было, что когда-нибудь явится историк вроде меня и возвратит им весь долг с процентами. Клянусь богом! От одного разговора об этом кровь закипает у меня в жилах! И меня разбирает охо-

та с таким же аппетитом, с каким я уничтожал мой обед, на следующей же странице искрошить на мелкие кусочки всю кучу ваших предков! Но ради той горячей любви, какую я питаю к их потомкам, я, так и быть, пощажу их. Я верю, что, поняв, насколько в моей власти сделать всех вас до одного безродными, вы не найдете достаточно слов для восхваления моей справедливости и великодушия. Итак, с обычным спокойствием и беспристрастием я продолжаю мою историю.

Древние мудрецы, близко знакомые с этими делами, утверждали, что у ворот дворца Юпитера лежали две большие бочки, одна, наполненная благами, вторая – несчастьями. Воистину похоже на то, что последняя была опрокинута и затопила несчастную провинцию Новые Нидерланды. В числе других причин для раздражительности, постоянные вторжения и грабежи восточных соседей подогревали легко воспламеняющийся от природы темперамент Вильяма Упрямого. В летописях прежних дней можно еще и теперь обнаружить многочисленные сообщения о такого рода набегах, ибо пограничные начальники особо старались проявить свою неусыпную бдительность и воинское рвение, соревнуясь между собой в том, кто чаще других будет посылать в столицу жалобы и чьи жалобы будут всего длиннее; так ваши верные слуги вечно являются в гостиную с жалобами на мелкие кухонные дрязги и проступки. Донесения всех этих доблестных ябедников с великим гневом выслушивали и вспыльчивый маленький губернатор, и его подданные, ко-

торые точно с таким же любопытством жаждали узнать эти пограничные сплетни и с такой же легкостью верили им, с какими мои сограждане поглощают забавные истории, ежедневно наполняющие газеты, о британских нападениях на море, французских секвестрациях на суше и нарушениях испанцами наших прав в *обетованной земле* Луизиане.[294] Все это доказывает, как я утверждал выше, что просвещенный народ любит быть несчастным.

Впрочем, я далек от того, чтобы утверждать, будто наши достойные предки тревожились попусту; напротив, им приходилось страдать от ежедневно повторявшихся жестоких несправедливостей, каждая из которых могла послужить – если исходить из понятий национального достоинства и национальной чести – достаточной причиной к тому, чтобы ввергнуть все человечество в междоусобицу и смуту.

Из множества горьких обид, упоминаемых в сохранившихся до нас летописях, я выбираю несколько самых ужасных и представляю моим читателям судить, были ли наши прародители правы, когда приходили из-за них в благородное негодование.

> «24 июня 1641 года. Некие люди из Хартфорда увели с выгона свинью и заперли ее просто по злобе или из-за другого какого пристрастия, и уморили свинью голодом в хлеве!

---

[294] Луизиана. – Французская территория Луизиана была присоединена к США в 1803 г.

26 июля. Означенные англичане снова угнали принадлежащих Компании свиней с Сикоджокского выгона в Хартфорд; что ни день, осыпали жителей хулой, ударами, избивали с позором, какой только могли придумать.

Мая 20 1642 года. Англичане из Хартфорда, учинив насилие, перерезали путы у лошади, которая принадлежала почтенной Компании и паслась, стреноженная, на общинном лугу.

Мая 9 1643 года. Принадлежавшие Компании лошади паслись на земле Компании, когда были угнаны людьми из Коннектикута или Хартфорда, а пастухи были крепко побиты топорами и палками.

16. Опять они продали подсвинка, принадлежавшего Компании, свиньи которой паслись на земле Компании».[295]

О, силы небесные! В какое негодование должно было приводить каждое из этих оскорблений нашего философического Кифта! Письмо за письмом, протест за протестом, послание за посланием, на плохой латыни,[296] на еще худшем английском языке и отвратительном нижнеголландском наречии, посылал он неумолимым янки, но все было тщетно. И двадцать четыре буквы нашего алфавита, которые только и составляли – если не считать славного героя Ван-Корлеара,

[295] Hag Collect. S. Pap.*«Гаагское собрание исторических документов»

[296] Некоторые из написанных по-латыни писем Кифта еще и теперь хранятся в различных собраниях исторических документов.

смелого трубача – регулярное войско, находившееся в его распоряжении, никогда не оставались без дела на протяжении всего его правления. Да и трубач Антони не уступал в пылком рвении своему начальнику, отважному Вильяму: как подобало герою и верному охранителю государственной безопасности, он при каждом новом известии извлекал, стоя на валу, из своей трубы самые зловещие звуки, повергавшие народ в сильнейшую тревогу и нарушавшие его покой в любое время дня и года. За это его очень высоко ценили и всячески ублажали – как мы ублажаем крикливых редакторов газет за столь же важные услуги.

Но вот события на востоке стали принимать еще более грозный характер. До тех пор – как вы могли заметить – провинцию Новые Нидерланды донимали главным образом ближайшие соседи, жители Коннектикута, в особенности *города* Хартфорда, который, насколько мы можем судить по старинным хроникам, был твердыней этих смелых разбойников; оттуда они совершали свои дерзкие набеги, принося ужас и опустошение в конюшни, курятники и свиные хлевы наших почтенных предков.

Однако примерно в 1643 году люди из восточной страны, населявшие колонии Массачусетс, Коннектикут, Нью-Плимут и Нью-Хейвен, собрались на великий совет; много дней пожужжав и поволновавшись, как политический пчелиный улей во время роения, они, наконец, создали могущественную конфедерацию под названием Объединенные Колонии

Новой Англии.[297] Заключая этот союз, они обязались стоять друг за друга во всех опасностях и нападениях и сотрудничать между собой во всех наступательных и оборонительных войнах против окрестных дикарей, к которым, без сомнения, были причислены и наши досточтимые предки с Манхатеза. И чтобы придать союзу больше силы и организованности, каждый год должен был собираться общий съезд или великий совет, состоявший из представителей всех провинций.

Получив сообщение об этом могущественном союзе, пылкий Вильгельмус пришел в крайнее уныние и впервые в жизни забыл разразиться бранью, услышав неприятную новость, – что, по рассказу одного почтенного историка той эпохи, было особо отмечено глубокомысленными политиками Нового Амстердама. Дело в том, что губернатор, перебирая в уме все прочитанное им в Гааге относительно союзов и объединений, пришел к выводу, что великий совет английских колоний был точным подобием знаменитого совета Амфиктионии,[298] благодаря которому греческие государства достигли такого могущества и верховенства; от одной мысли об этом сердце в нем затрепетало, испугавшись за безопасность его владений на Манхатезе.

Он горячо настаивал на том, что конфедерация была со-

---

[297] …создали… конфедерацию… Объединенные колонии Новой Англии – 19 мая 1643 г. колонии Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Нью-Хейвн образовали военный союз против индейцев, французов и голландцев.

[298] Амфиктиония – в Древней Греции союз племен и городов-государств.

здана с единственной целью выгнать голландцев из их прекрасных владений, и всегда приходил в ярость, если кто-нибудь осмеливался усомниться в справедливости этого предположения. Говоря откровенно, я думаю, что он не был совершенно неправ в своих подозрениях, ибо на первом же ежегодном заседании великого совета, происходившем в Бостоне (который губернатор Кифт прозвал Дельфами этого воистину классического союза), против голландцев были выдвинуты тяжелые обвинения не более и не менее как в том, что они вели с индейцами торг «ружьями, порохом и дробью – торговлю предосудительную и вредную для колонистов». Правда, о коннектикутских торговцах было доподлинно известно, что они тоже несколько причастны к этой «предосудительной торговле», но ведь они продавали индейцам такие дрянные ружья, которые разрывались при первом же выстреле и, следовательно, могли нанести вред только самим диким язычникам.

Возникновение могучей конфедерации было смертельным ударом для славы Вильяма Упрямого, ибо, начиная с того дня, как отметили многие, он уже больше не поднимал головы и, казалось, совершенно пал духом. Поэтому дальнейшее его правление дает мало пищи для пера историка. Мы видим, как великий совет все время усиливается и грозит завоевать огромную, но беззащитную провинцию Новые Нидерланды, а Вильгельмус Кифт тем временем продолжает без конца стрелять своими посланиями и протестами, как

храбрый маленький капитан, стреляющий из всех своих каронад и фальконетов,[299] чтобы разбить и рассеять водяной смерч, на который, увы! эти выстрелы оказывают такое же действие, как если бы они были холостыми.

Последний дошедший до нас документ об этом ученом, философически настроенном, но незадачливом человечке представляет собой длинное послание совету Амфиктионов, в котором он злобно поносит жителей Нью-Хейвена (или Ред-Хиллса) за то невежливое пренебрежение, с каким они отнеслись к его протесту, направленному по поводу того, что они селятся на девственных землях в пределах провинции, подвластной Высокомощным Господам. Из этого послания, которое может служить образцом эпистолярного искусства, изобилующим выразительными апофегмами и классическими украшениями риторики, я за недостатком места могу привести лишь следующий глубокомысленный отрывок: «Разумеется, слыша, как жители Нью-Хартфорда жалуются на нас, мы как бы слышим волка из басни Эзопа, жалующегося на ягненка, или же замечание молодого человека, крикнувшего своей матери, которая бранилась с соседкой: «О, матушка, ругай ее, чтобы она не начала первой ругать тебя». Наученные, однако, предыдущим ходом событий, мы не удивились, когда в ответ на наш протест жители Нью-Хейвена заявили: *«Орел всегда относится с презрением к комнатной*

[299] Каронада и фальконет – старинные пушки, стрелявшие крупными и мелкокалиберными ядрами.

мухе»; тем не менее мы непоколебимы в своем намерении добиваться наших прав честным оружием и другими справедливыми средствами и надеемся выполнять без колебаний ясные приказания нашего правительства». Желая показать, что последняя фраза не была пустой угрозой, Кифт закончил послание бесстрашным протестом, обозвав весь совет шайкой скваттеров и нарушителей чужих прав, ибо члены совета устраивают свои собрания в Нью-Хейвене, или Ред-Хиллсе, расположенном, как он настаивал, в пределах провинции Новые Нидерланды. На этом кончаются достоверные сведения относительно правления Вильяма Упрямого, так как в дальнейшем, в тревогах, замешательстве и смуте наступившей эпохи, о нем, видимо, совершенно позабыли, и он отныне навсегда ускользает от добросовестных служителей истории. По какой-то причине, отгадать которую я не в состоянии, историки словно сговорились предать забвению само его имя, вследствие чего они все, как один, воздерживались даже от упоминаний о его подвигах. И хотя я обманул ожидания этих негодяев и расстроил их гнусный заговор, все же я ничуть не уверен, что кто-нибудь из их приверженцев, того и гляди, не осмелится выступить и подвергнуть сомнению достоверность тех или иных из твердо установленных и неопровержимых сведений, которые я здесь сообщил. Но пусть они сделают это – на свою погибель. Пропади я пропадом, если, изловив такого клеветника и поджигателя, оспаривающего хотя бы одно слово из моей незапятнанной ло-

жью истории или крадущего у моих героев хоть ничтожную частицу той славы, которую они с таким блеском приобрели, я не вылью на него всю свою чернильницу, пусть даже она и уступает по величине чернильнице мудрого Гаргантюа,[300] которая, как сообщает достоверная летопись его чудесных подвигов, весила семь тысяч центнеров.

Я всегда скорбел о том, что последние дни знаменитого Кифта окружены столь непроглядной тьмой, ибо он был могучим и великим маленьким человечком, достойным высшей славы: ведь он первый из властителей ввел в нашей стране искусство воевать с помощью посланий и защищать страну с помощью трубачей и ветряных мельниц – весьма дешевый и человеколюбивый способ ведения войны, который впоследствии не раз применялся, вызывая бурное одобрение, и который обещает – если его когда-нибудь удастся полностью осуществить – избавить нас от огромных неприятностей и огромных расходов и спасти от неизмеримо большего кровопролития, нежели изобретение пороха или мин.

Правда, некоторые старинные местные поэты – а их в Новых Нидерландах было великое множество, – воспользовавшись таинственным исходом Вильяма Упрямого, сочинили сказку о том, что он, подобно Ромулу,[301] был перенесен

[300] … чернильница Гаргантюа… весила семь тысяч центнеров – Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль (I, 14).

[301] Ромул – легендарный основатель Рима (753 до н. э.) и первый римский царь. Согласно преданию, в 716 г. до н. э. был вознесен на небо в колеснице Марса и обоготворен под именем Квирина.

на небо и сияет там в виде очень яркой маленькой звезды где-то в левой клешне Рака; другие высказывают столь же фантастическое предположение, будто он испытал такую же судьбу, как славный король Артур,[302] который, по уверениям древних бардов, был унесен в прекрасные кущи сказочной страны, где живет и теперь, во всем своем величии и силе, и откуда рано или поздно вернется, чтобы вызволить бедную старую Англию из рук жалких, болтливых, погрязших в кляузах министерств и восстановить былое благородство, достоинство и незапятнанную честность, господствовавшие в славные дни рыцарей Круглого Стола. [303]

Британцы предполагают, что он еще вернется и завоюет всю Британию, ибо таково, несомненно, пророчество Мерлина.[304] Он сказал, что смерть его будет сомнительной; и сказал правду, ибо люди до сих пор сомневаются и не знают, что думать об этом, – ибо им неизвестно, жив он или умер. – Де Лив.[305] Хроника.

---

[302] Артур – легендарный король бриттов, герой кельтских народных сказаний и цикла рыцарских романов Круглого стола.

[303] Древние уэльские барды верили, что король Артур не умер, а был унесен феями в какой-то прекрасный край, где он останется на время, а затем снова вернется и будет царствовать, пользуясь таким же уважением, как и прежде. – Холингшед.*Холингшед (правильно: Холиншед), Рафаэль (ум. 1580) – английский историк, автор «Хроник Англии, Ирландии и Шотландии», которые послужили источником многих пьес Шекспира и других драматургов.

[304] Мерлин – в средневековых легендах – уэльский волшебник, помогавший королю Артуру в его борьбе с врагами.

[305] Де Лив, Герард (ум. 1492) – голландский книгопечатник. Ирвинг имеет в

Все это, однако, лишь забавные фантазии, туманные видения грезящих наяву плутов-поэтов, верить которым я бы не советовал моим благоразумным читателям. Не склонен я также придавать веры ни утверждениям одного древнего автора мало достоверной истории, доказывающего, что Вильгельмус погиб при разрушении одной из его ветряных мельниц, ни домыслам более позднего писателя, уверяющего, будто он пал жертвой философского опыта, который тщетно старался осуществить на протяжении многих лет, и имел несчастие сломать себе шею, свалившись из чердачного окна ратуши при безуспешной попытке поймать ласточку, насыпав ей на хвост щепотку соли.

Наиболее правдоподобное сообщение, которому я готов не обинуясь поверить, мы находим в одном темном предании, гласящем, что постоянные неурядицы на границах его провинции, бесконечные замыслы и планы, роившиеся в его собственном черепе, и напоминания, просьбы, увещания и глубокомысленные советы разных почтенных собраний державного народа, вместе с упрямым нравом его совета, который ни в чем не соглашался с ним и всегда был неправ, – все это, говорю я, поддерживало его мозг в состоянии такого накала, от которого он в конце концов и истлел, как истлевает голландская семейная трубка, послужившая трем поколениям заядлых курильщиков. Таким образом вспыльчивый,

---

виду изданные им в Антверпене «Хроники Англии» Вильяма Кэкстона (1421–1491).

но великодушный Вильям Упрямый как бы сгорел заживо, угаснув, словно грошовый светильник; и когда безжалостная смерть задула, наконец, еле мерцавшее пламя, от маленького губернатора не осталось почти ничего, что можно было бы похоронить!

КОНЕЦ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ

КНИГА ПЯТАЯ
Содержащая описание первого периода правления Питера Стайвесанта и неприятностей, которые доставлял ему совет Амфиктионии

ГЛАВА I

В которой показано, что смерть великого человека не вызывает столь уж неутешного горя. А также о том, как Питер Стайвесант прославился благодаря необычайной крепости своей головы.

Для такого глубокомысленного философа, как я, способного ясно видеть насквозь там, где взор обыкновенных смертных проникает едва до полпути, нет более простой и очевидной истины, нежели та, что смерть великого человека – событие весьма маловажное. Сколько бы мы ни мнили о себе, какие бы суетные рукоплескания миллионов мы ни вызывали, даже самые великие среди нас занимают, несомнен-

но, лишь крайне ничтожное место в этом мире; и столь же несомненно, что даже это маленькое место быстро замещается, как только мы оставляем его вакантным. «Какое значение имеет, – говорит изысканный Плиний, – появление человека или его уход? Мир – это театр, в котором декорации и актеры постоянно меняются». Ни один философ не высказывал более правильной мысли, и я только удивляюсь тому, что столь разумное замечание могло просуществовать так много веков, недостаточно оцененное человечеством. Мудрец шествует вслед за мудрецом; герой, едва сойдя с триумфальной колесницы, уже уступает место другому герою, появившемуся после него; и о самом надменном государе говорится лишь, что «он почил с праотцами, и вместо него воцарился его преемник».

Говоря по секрету, мир не слишком скорбит о своей утрате; если его предоставить самому себе, он скоро перестанет печалиться, и, хотя народ, выражаясь фигурально, часто тонул в слезах по случаю смерти великого героя, почти наверняка можно сказать, что никто не прольет слезы по столь грустному поводу, разве только какой-нибудь голодный писака уронит ее со своего заржавелого пера. Всю тяжесть скорби приводится выдерживать на себе историкам, биографам и поэтам, которые – злосчастные мошенники! – как «мортусы»[306] в Англии, выступают в роли главных пла-

[306] Мортус – служащий похоронной конторы, сопровождающий траурную процессию.

кальщиков; в их писаниях народ испускает тяжелые вздохи и утопает в слезах, хотя он вовсе и не думал этого делать. В то время как патриотический писатель рыдает и воет в прозе, в белых стихах и в рифмованных поэмах и собирает капли общественной скорби в свой толстый том, как в слезницу, его сограждане – в этом можно почти не сомневаться – едят и пьют, пиликают на скрипке и танцуют, ничего не ведая о горьких стенаниях, издаваемых от их имени, как не ведают наши мнимые персонажи, Джон До и Ричард Ро,[307] о тяжущихся, за которых они великодушно выступают на суде в тех или иных случаях.

Самый славный и достохвальный герой, когда-либо разорявший целые государства, может быть предан забвению среди обломков воздвигнутого ему памятника, если какой-нибудь добросердечный историк не смилостивится над ним и благосклонно не сохранит его имя для потомства. Сколько бы доблестный Вильям Кифт ни тревожился, ни суетился и ни терзался, когда в его руках были судьбы всей колонии, я вполне серьезно допускаю возможность того, что лишь этой достоверной истории будет он обязан своей известностью в грядущих веках.

Его кончина не вызвала никаких потрясений в Новом Амстердаме и его окрестностях; земля не задрожала, и ни од-

---

[307] Джон До и Ричард Ро – имена фиктивных юридических лиц, фигурировавших в исках об изъятии собственности в английском судопроизводстве начала XIX в.

на звезда не упала, сорвавшись со своей орбиты. Небеса не оделись в траур – в чем охотно попытались бы убедить нас поэты – по случаю злосчастной смерти героя, скалы (жестокосердные бродяги) не изошли слезами и деревья не склонили свои вершины в молчаливой скорби. А что касается солнца, то оно проспало в последующую ночь так же долго, и проснувшись, явило взорам такое же веселое лицо, как и всегда в этот день того же месяца любого года и до этого события, и после него. Добрые жители Нового Амстердама все как один сказали, что губернатор был очень хлопотливым, расторопным, суетливым человечком, что он был «отцом отечества»,[308] «благороднейшим созданием божиим»,[309] «он человек был в полном смысле слова, уж мне такого больше не видать»,[310] и еще множество других вежливых и доброжелательных фраз, какие всегда произносятся по случаю смерти любого великого человека; после чего они закурили трубки и больше о покойнике не вспоминали, а Питер Стайвесант стал его преемником.

Питер Стайвесант был последним и, наравне с прославленным Воутером Ван-Твиллером, самым лучшим из наших старинных голландских губернаторов. Воутер превосходил

---

[308] …отец отечества – здесь имеется в виду Дж. Вашингтон, первый президент США.

[309] …благопристойнейшим созданием божиим – А. Поп. Опыт о человеке (IV, 247).

[310] …он человек был в полном смысле слова… – В. Шекспир. Гамлет (I, 2).

всех, кто ему предшествовал, а с Питом, как по-приятельски называли Питера старые голландские бюргеры, всегда обнаруживавшие склонность к фамильярному обращению с именами, не мог сравниться ни один из тех, кто за ним последовал. Он действительно был самой природой предопределен к тому, чтобы вывести из отчаянного положения ее любимую провинцию, но богини судьбы, или Парки – Клото, Лахесис и Атропос,[311] эти самые могущественные и неумолимые из всех древних и бессмертных старых дев, предназначили этой провинции постоянно пребывать в состоянии неизменного смятения.

Сказать просто, что он был герой, значило бы совершить по отношению к нему беспримерную несправедливость; он был поистине сочетанием героев, ибо обладал крепким, сухощавым телосложением, как Аякс Теламон,[312] столь прославившийся своей доблестью, когда он дубасил маленьких троянцев, и сутулыми плечами, за которые Геркулес отдал бы свою шкуру[313] (я имею в виду львиную шкуру), когда

---

[311] Клото, Лахесис и Атропос – три сестры, богини судьбы (Парки) в древнегреческой мифологии, определявшие рождение, жизнь и смерть человека. Их решения были неподвластны воле богов.

[312] Аякс Теламон – легендарный герой, храбрейший после Ахилла в греческом войске, осаждавшем Трою. Ирвинг, очевидно, имеет в виду пьесу Шекспира «Троил и Крессида», где действует Аякс.

[313] Геркулес отдал бы свою шкуру. – По древнегреческому мифу, Атлас согласился достать для Геркулеса золотое яблоко из сада Гесперид, если Геркулес подержит в это время на своих плечах небо. Когда Атлас вернулся, он хотел оставить Геркулеса держать небо, но тот хитростью (попросив Атласа подержать

вздумал освободить старого Атласа от его груза. Больше того, он был, как пишет Плутарх про Кориолана,[314] страшен не только силой своего оружия, но также и голосом, звучавшим так, будто исходил из бочки; и подобно этому же воину, он питал величайшее презрение к державному народу, а одного его сурового вида было достаточно, чтобы сердца врагов трепетали от ужаса и смятения. Вся эта великолепная воинственная внешность несказанно выигрывала от случайного преимущества, которым, к моему удивлению, ни Гомер, ни Вергилий не наделили ни одного из своих героев, хотя оно стоит всех жалких царапин и ран, упоминаемых в «Илиаде» и «Энеиде», и в «Фарсалиях» Лукана[315] на придачу. Это было не что иное, как страшная деревянная нога – единственная награда, заслуженная им в битвах, в которых он храбро сражался за родину; однако он очень гордился своей деревянной ногой и не раз говорил, что ценит ее больше, чем все остальные конечности вместе взятые. И в самом деле, он так высоко почитал ее, что велел изящно инкрустировать и украсить серебряными барельефами, из-за чего в некоторых исторических произведениях и легендах рассказывает-

---

небо, пока он поправит львиную шкуру у себя на плече) заставил Атласа вернуться к исполнению своих обязанностей.

[314] Кориолан – римский военачальник; на основе рассказа о нем Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях» Шекспир создал пьесу «Кориолан».

[315] Лукан, Марк Анней (39–65) – римский поэт, автор поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне», описывающей борьбу между Цезарем и Помпеем.

ся, будто у него была серебряная нога.[316]

Подобно вспыльчивому воину Ахиллесу, Питер Стайвесант был подвержен внезапным вспышкам гнева, часто оказывавшимся весьма неприятными для его любимцев и оруженосцев, чью сообразительность он имел обыкновение подстегивать – на манер своего знаменитого подражателя Петра Великого, – крестя их плечи дубинкой.

Однако больше всего я ценю его за то, что во многих отношениях он был похож на прославленного Карла Великого. Я нигде не мог обнаружить сведений о том, что он читал Платона, или Аристотеля, или Гоббса,[317] или Бэкона, или Олджернона Сидни, или Тома Пейна, и все же в своих действиях он проявлял иногда проницательность и мудрость, которых трудно было бы ожидать от человека, не знакомого с греческим языком и никогда не изучавшего древних авторов. Правда, я должен в этом с грустью признаться, он питал необъяснимое отвращение к экспериментам и любил править своей провинцией наипростейшим способом, но зато ему удавалось поддерживать в ней больше порядка, нежели было при ученом Кифте, хотя тому помогали и затуманивали голову все древние и современные философы. Я должен также признаться, что Питер Стайвесант издал очень мало законов, но опять же он позаботился о том, чтобы эти немно-

---

[316] См. исторические труды господ Джосселина и Блома.

[317] Гоббс, Томас (1588–1679) – английский философ, автор книги «Левиафан» (1651).

гочисленные законы всеми неуклонно выполнялись; не знаю, право, мог бы кто-нибудь так хорошо отправлять правосудие, если бы ежегодно издавали тома мудрых указов и постановлений, но каждодневно пренебрегали ими и забывали о них.

Питер Стайвесант представлял полную противоположность своим предшественникам, ибо был не флегматическим и косным, как Вальтер Сомневающийся, и не беспокойным и суетливым, как Вильям Упрямый, а человеком, вернее губернатором, столь необычайно деятельным и столь твердым в своих убеждениях, что никогда не искал и не принимал чужих советов; преодолевая все затруднения и опасности, он смело полагался единственно на свою голову, как во время о*но* герои полагались только на свои руки. Говоря по совести, для того, чтобы стать превосходным государственным мужем, ему не хватало лишь одной способности – думать всегда правильно, ибо ни один человек не решился бы отрицать, что он всегда поступал так, как думал, и если ему недоставало строгости мышления, он возмещал это настойчивостью. Прекрасное качество! Ведь правителю несомненно более пристало быть настойчивым и последовательным, в заблуждениях, чем колеблющимся и противоречивым в старании поступать правильно. Это во всяком случае бесспорно, и я великодушно делаю эту истину достоянием гласности на благо всем законодателям, великим и малым, которые стоят, дрожа на ветру, и не знают, куда направить свой путь.

Правитель, действующий в соответствии со своей собственной волей, будет, конечно, доволен собой, между тем как тот, кто стремится сообразовывать свое поведение с желаниями и прихотями других, подвергается большой опасности вызвать всеобщее недовольство. Часы, стрелки которых стоят на месте и неизменно направлены в одну сторону, дважды в сутки будут, разумеется, показывать правильное время, а другие часы могут постоянно идти, но постоянно неверно.

Эта великая добродетель не осталась незамеченной славными жителями Новых Нидерландов; напротив, они были весьма высокого мнения о независимом характере и могучем уме своего нового губернатора и повсеместно называли его Hard-koppig Piet, то есть Твердоголовым Питом, – что было большим комплиментом его мыслительным способностям.

Если из всего сказанного мною ты, мой уважаемый читатель, не догадался, что Питер Стайвесант был непреклонным, решительным, отважным, видавшим виды, ретивым, упрямым, толстокожим, неустрашимым, великодушным, старым губернатором «образца семьдесят шестого года»,[318] тогда ты очень туп и не умеешь делать выводы.

Этот превосходнейший губернатор, чей характер я попытался выше обрисовать, начал свое правление 29 мая 1647 года[319] – в удивительно непогожий день, отмеченный во всех

---

[318] …«образца семьдесят шестого года»… – то есть 1776 г., года провозглашения независимости США.

[319] …29 мая 1647 года. – 28 июля 1646 г. Стайвесант, находясь в Голландии,

дошедших до нас календарях под названием «ветреная пятница». Так как он чрезвычайно ревниво относился ко всему, что касалось его личного и служебного достоинства, его вступление в должность сопровождалось большими церемониями; чудесное дубовое кресло прославленного Воутера Ван-Твиллера тщательно сохранялось для таких случаев, подобно тому, как в Сконе,[320] в Шотландии, благоговейно сохранялись кресло и валун для коронации шотландских королей.

Должен упомянуть, что бурное состояние стихий, вместе с тем обстоятельством, что то был несчастливый день недели, называемый «днем висельников», не замедлил вызвать множество серьезных раздумий и различных, вполне оправданных опасений среди пожилых и просвещенных жителей провинции; некоторые представители мудрого пола, известные немалыми познаниями в тайнах астрологии и гадания, тотчас же заявили, что это страшные предзнаменования бедственного правления, И приметы оправдались самым прискорбным образом, что несомненно говорит о мудрости тех, кто прислушивается к сверхъестественным указаниям, по-

---

принял присягу как губернатор Нового Амстердама, но отъезд его задержался, и он прибыл в Новый Амстердам 11 мая 1647 г.

[320] Скон – старинный шотландский замок, место коронации шотландских королей. По преданию, сконский камень служил троном шотландским королям. В 1297 г. во время одного из походов на Шотландию камень был привезен в Лондон английским королем Эдуардом I, а впоследствии был вделан в сидение коронационного трона.

заимствованным из снов и видений, полета птиц, падения камешков и гоготания гусей, на которые древние мудрецы и правители столь справедливо полагались, или же почерпнутым из падения звезд, лунных затмений, пламени свечей и воя собак, тщательно отмечаемых и толкуемых нынешними старыми сивиллами-прорицательницами, которые, по моему скромному мнению, являются законными представительницами и хранительницами древней науки ворожбы. Во всяком случае бесспорно, что губернатор Стайвесант вступил в должность в беспокойное время, когда извне толпой подступали и угрожали враги, когда внутри страны неудержимо росла анархия и усиливалось упорное сопротивление всем начинаниям правительства, когда власть Высокомощных Господ Генеральных Штатов – хотя она и зиждилась на широкой голландской основе безобидной глупости, хотя она поддерживалась экономическими соображениями и для ее защиты прибегали к речам, протестам, посланиям, флагштокам, трубачам и ветряным мельницам – колебалась, качалась, шаталась, спотыкалась и в конце концов свалилась в грязь под ударами английских захватчиков, как рухнут раньше или позже наши величественные и огромные, но ветхие деревянные колокольни под напором резвого северо-западного ветра.

ГЛАВА II

В которой рассказывается о том, как Питер Твердоголовый, вступив в должность, занялся генеральной уборкой. – И об опасном промахе, допущенном им в отношении Амфиктионов.

Уже самые первые шаги, предпринятые великим Питером после того, как он взял в свои руки бразды правления, показали величие его ума, хотя и вызвали немалое удивление и растерянность среди жителей Ман-хатеза. Увидев, что ему постоянно возражают, и наскучив мудрыми наставлениями своего тайного совета, члены которого за время правления его предшественника приобрели безрассудную привычку думать самостоятельно и говорить, что им захочется, он решил немедленно положить конец столь ужасной мерзости. Поэтому, едва придя к власти, он тотчас же прогнал со службы всех назойливых умников, которые составляли мятежный кабинет Вильяма Упрямого, и заменил их советниками, которых он сам выбрал себе среди представителей тучных, сонливых почтенных семейств, процветавших и дремавших во время спокойного правления Вальтера Сомневающегося. Всех их он велел в изобилии снабдить превосходными длинными трубками и почаще кормить общественными обедами, предоставив им курить, есть и спать на благо народа и взва-

лив все бремя правления на собственные плечи – с каковым распределением обязанностей они все выразили свое согласие громким хрюканьем.

Но Питер Твердоголовый не остановился на этом и учинил страшный разгром остроумных изобретений и приспособлений своего ученого предшественника, сломав флагштоки и ветряные мельницы, которые, как могучие великаны, охраняли окружавшие Новый Амстердам валы, отправив к черту батареи деревянных пушек, разрушив придуманную самим Кифтом виселицу, на которой подлых бродяг подвешивали за штаны, одним словом, перевернув вверх дном всю философскую, экономическую и ветряно-мельничную систему бессмертного мудреца из Саардама.

Теперь честные граждане Нового Амстердама дрожали за судьбу их несравненного героя трубача Антони, который своими усами и трубой снискал большую благосклонность у женщин. Питер Твердоголовый распорядился привести Антони к себе и несколько мгновений рассматривал его с ног до головы, храня такой вид, который устрашил бы кого угодно, кроме того, кто трубит в медный инструмент.

– Скажи, пожалуйста, кто ты и что ты? – спросил губернатор.

– Государь, – ответил, нимало не смутившись, трубач, – что до моего имени, то меня зовут Антони Ван-Корлеар, что до моего происхождения, то я сын моей матери, что касается моего занятия, то я защитник и гарнизон здешнего великого

города Нового Амстердама.

– Я сильно подозреваю, что ты жалкий плут, – сказал Питер Стайвесант. – Как ты добился такой высокой чести и такого звания?

– Клянусь, государь, что, как многие великие люди до меня, просто тем, что *трубил в свою собственную трубу*.

– Ах, вот оно что? – сказал губернатор. – Ну, ладно, тогда насладимся твоим искусством.

Тут Антони приставил к губам свой инструмент и протрубил атаку с таким грозным вступлением, такими приятными трелями и такой ликующей каденцией, что этого было достаточно, чтобы на целую милю в окружности сердце у всякого выпрыгнуло из груди. Как боевой конь, пасущийся на мирных равнинах и случайно услышавший звуки военной музыки, навостряет уши, храпит, горячится и бьет копытами землю, так и героическая душа могучего Питера возликовала, услышав пение трубы; ибо о нем справедливо можно было сказать то, что говорили о прославленном святом Георгии, покровителе Англии: «В целом мире не было ничего, что больше радовало бы его сердце, нежели приятные звуки войны и вид воинов, размахивающих стальными мечами». Обратив теперь более благосклонный взгляд на отважного Ван-Корлеара и приметив, что то был веселый, толстый человечек, острый на язык, но притом весьма благоразумный и обладавший здоровенными легкими, Питер Твердоголовый сразу проникся к нему изумительной благосклонностью;

освободив его от хлопотливой обязанности служить для города гарнизоном, защищая и тревожа жителей, он оставил его навсегда при своей особе в роли главного фаворита, тайного посланца и верного оруженосца. Антони было приказано больше не беспокоить город зловещими звуками, а играть лишь то, что могло доставить удовольствие губернатору во время пиршества, как делали некогда менестрели в дни славного рыцарства, и во время общественных празднеств услаждать слух народа военными мелодиями, поддерживая этим благородный воинский дух.

Много других преобразований и перемен, как к лучшему, так и к худшему, осуществил губернатор, но недостаток времени не позволяет мне подробно описать их; достаточно сказать, что он вскоре дал всей провинции понять, кто в ней хозяин, и управлял державным народом с тиранической строгостью, так что обывателям пришлось попридержать языки, сидеть дома и заниматься своими делами; эти привычки так укоренились, что вражда и рознь между партиями были почти забыты, и многие преуспевавшие прежде владельцы таверн и кабаков совершенно разорились из-за недостатка посетителей.

В самом деле, затруднительное положение, в котором находились тогда государственные дела, требовало величайшей бдительности и быстроты решений. Страшный совет Амфиктионов, причинивший столько бед несчастному Кифту, продолжал усиливаться и грозил объединить в своей кон-

федерации все могущественные восточные державы. На следующий же год после прихода к власти губернатора Стайвесанта из города Провиденс (знаменитого своими пыльными улицами и красивыми женщинами) отправились полномочные делегаты от могущественной колонии Род-Айленд и попросили, чтобы ее приняли в союз.

Об этом ходатайстве мы находим такое упоминание в дошедшем до нас отчете о встрече почтенной делегации.[321]

> «Мистер Билл Коттингтон и капитан Партрид из Род-Айленда представляют уполномоченным нижеследующее письменное ходатайство:
>
> „Мы ходатайствуем и предлагаем от имени Род-Айленда, чтобы мы, жители Род-Айленда, могли вступить со всеми соединенными колониями Новой Англии в прочный и вечный союз дружбы и согласия для нападения и защиты, взаимного совета и помощи во всех надлежащих случаях ради нашей общей безопасности и благополучия, и т. д.
>
> *Билл Коттингтон, Альександр Партрид“».*

Признаюсь, от одного взгляда на этот страшный документ я стал дрожать за безопасность моей любимой провинции. Имя Александр, пусть даже в неправильном написании, во все времена звучало воинственно, и хотя его свирепость до некоторой степени смягчалась от сочетания с благородной фамилией Партридж, все же, как и алый цвет, оно имеет

---

[321] Has. Col. Stat. pap.*«Хазардовское собрание исторических документов»

огромное сходство со звуком трубы. Больше того, по стилю письма и по солдатскому неведению орфографии, обнаруженному доблестным капитаном Альександром Партридом в написании своего собственного имени, мы можем представить себе этого могучего родосца[322] кем-то вроде второго Аякса, сильного физически, великого на поле битвы, но в прочих отношениях (я не имею в виду ничего позорного) такого же великого dom cop,[323] как если бы он воспитывался среди ученых мужей Фракии, которые, как весьма неуважительно уверяет нас Аристотель, умели считать только до четырех.

Но сколь бы грозной ни казалась эта знаменитая конфедерация, Питер Стайвесант был не из тех, кого можно держать в состоянии неизвестности и смутных опасений; он всегда любил встречать опасность лицом к лицу и брать быка за рога. Решив поэтому положить конец всяким мелким грабежам на границах, он направил несколько решительных посланий великому совету, которые, хотя и не были написаны на плохой латыни и не были разукрашены риторическими тропами о волках и ягнятах и о комнатных мухах, оказали все же больше действия, чем все вместе взятые изысканные письма, протесты и послания его ученого предшественника. По

---

[322] …могучего родосца – намек на одно из семи чудес света – родосского колосса, исполинскую медную статую древнегреческого бога солнца Гелиоса при входе в гавань Родоса.

[323] Дурака (голл.).

его настоятельному предложению мудрый совет Амфиктионов согласился приступить к тщательной проверке жалоб и к установлению границ, чтобы между обоими государствами мог воцариться вечный и счастливый мир. С этой целью губернатор Стайвесант направил двух послов для переговоров с уполномоченными великого союзного совета, и в Хартфорде был торжественно подписан договор. Получив это известие, вся община предалась бурному ликованию. По случаю столь утешительного оборота государственных дел труба отважного Ван-Корлеара весь день оглашала воздух радостными звуками с валов форта Амстердам, а вечером город был великолепно иллюминован двумястами пятьюдесятью сальными свечами, не считая бочки смолы, зажженной перед губернаторским домом. Теперь мой любезный, но простодушный читатель, подобно великому и доблестному Питеру, наверное, льстит себя надеждою, что его чувства не будут больше оскорблять прискорбные донесения об украденных лошадях, разбитых головах, угнанных свиньях и обо всех прочих душераздирающих жестокостях, которые позорили эти пограничные войны. Но если мой читатель предастся подобным упованиям, то это послужит лишь еще одним доказательством – наряду со многими другими, уже данными им ранее, – его крайнего невежества в государственных вопросах; столь плачевное его невежество обязывает меня обратиться к нему с весьма глубокомысленными рассуждениями, и я призываю его внимание к следующей главе, в которой

покажу, что Питер Стайвесант с первых же шагов совершил большую политическую ошибку и, добившись мира, подверг существенной опасности спокойствие своей провинции.

ГЛАВА III

В которой содержатся различные философские рассуждения о войне и переговорах и доказывается, что мирный договор представляет великое народное бедствие.

Поэт-философ Лукреций[324] придерживался мнения, что война – это первобытное состояние человека, про которого он говорит, будто тот первоначально был хищным диким зверем, вечно враждовавшим с другими особями своего вида, и только в обществе приручился и смягчил свой свирепый нрав. Такой же взгляд высказывал ученый Гоббс; не было недостатка и в других мудрых философах, которые признавали и защищали ту же мысль.

Что касается меня, то я чрезвычайно люблю такие ценные рассуждения, столь лестные для человеческой природы и столь остроумно рассчитанные на то, чтобы превратить в скотов и автора, и читателя. Впрочем, в данном случае я готов признать справедливость этого положения только наполовину и вместе со стариком Горацием[325] думаю, что да-

---

[324] Лукреций, Тит Кар (99–55 до н. э.) – римский поэт и философ, автор поэмы «О природе вещей».

[325] Quum prorepserunt primis animalia terris,Mutum ac turpe pecus, glandera atque cubflia propter,Unguibus et pugnis, dein fustibus, atque ita porroPugnabant armis, quae post fabricaverat usus.Пресмыкались они на Земле – то за темные норы,То за горсть желудей – кулаками, ногтями, дрались;Билися палками, после оружи-

же в том случае, если первоначально война была любимым развлечением и усердным занятием наших предков, все же, подобно многим другим превосходным привычкам, она, отнюдь не изменившись к лучшему, становилась более изощренной и узаконенной с развитием утонченности и цивилизованности и приобретает все более широкий размах по мере приближения к тому состоянию совершенства, которое является nec plus ultra[326] современной философии.

Первая стычка человека с человеком была просто применением физической силы, без помощи вспомогательных средств: рука служила щитом, кулак – палицей, а разбитая голова была печальным исходом сражения. За битвой, в которой участвовала лишь голая сила, последовала более жестокая, с помощью камней и дубинок, и война приобрела кровавый характер. По мере роста утонченности человека, развития его способностей и приобретения им большей изысканности в чувствованиях, он быстро становился более изобретательным и опытным в искусстве убивать своих ближних. Он придумал тысячу способов защиты и нападения; шлем, латы и щит, меч, копье и дротик давали ему возможность как избежать ран, так и наносить удар издали. Настойчиво продолжая свою блистательную филантропическую деятельность, он расширяет и совершенствует средства защиты и нанесения удара. Таран, скорпион, баллиста и ката-

---

ем…Гораций. Сатиры, I, 3.Перевод М. Дмитриева.

[326] Непревзойденным [достижением] (лат.).

пульта придали войне ужас и величие и умножили ее славу, усилив причиняемые ею опустошения. Но человечество все еще не насытилось; вооруженное машинами, достигшими, казалось, предела разрушительной выдумки и наносившими удар такой мощи, которая была соизмерима с пробужденной им жаждой мщения, – оно считало необходимым вести дальнейшие изыскания по части дьявольских тайн. С неистовым рвением оно проникает в недра земли; оно трудится среди ядовитых минералов и смертоносных солей – величественное открытие пороха озаряет мир – и, наконец, грозное искусство сражаться с помощью посланий как бы наделяет демона войны вездесущностью и всемогуществом!

Клянусь всем святым, это великолепно! Это действительно доказывает могущество разума и говорит о божественности дара мышления, отличающего нас от наших младших братьев – животных. Непросвещенные звери довольствуются природной силой, которой их наделило провидение. Разъяренный бык пускает в ход рога, как делали некогда его предки; лев, леопард и тигр только когтями и клыками пытаются удовлетворить свою кровожадную ярость; и даже коварная змея выпускает тот же яд и пользуется теми же уловками, что и ее праматерь, жившая до потопа. Только человек, одаренный изобретательным умом, делает одно открытие за другим, расширяет и приумножает средства разрушения, присваивает себе страшное оружие самого божества и привлекает себе на помощь все мироздание, чтобы убивать своего

более слабого ближнего!

По мере усовершенствования искусства войны соответственно совершенствовалось и искусство сохранения мира. Но так как я без особой пользы для дела был слишком многоречив в первой части этой поистине философической главы, то не стану утомлять моего терпеливого, но не искушенного в науке читателя изложением всей истории искусства заключать мир. Достаточно будет сказать следующее: как нами было обнаружено в нынешнем веке чудес и изобретений, что послание является самым грозным оружием войны, так выяснилось и то, что не менее остроумным способом сохранения мира могут быть бесконечные переговоры.

Поэтому по мнению наших опытных государственных мужей, сведущих в подобных вопросах, договоры – или, правильней говоря, переговоры – ныне означают не попытку примирить расхождения, обеспечить законные права и установить бескорыстный обмен добрыми услугами, а соревнование в ловкости между двумя правительствами, из которых каждое старается перехитрить и обмануть другое. Это – коварное стремление мирными маневрами и тайными интригами добиться тех преимуществ, которые иначе государство вырвало бы силой оружия. Так совестливый разбойник с большой дороги, исправившись и превратившись в примерного, почтеннейшего гражданина, довольствуется тем, что обманом завладевает собственностью соседей, которую прежде отбирал бы силой.

Действительно, о двух государствах можно утверждать, что они находятся в состоянии полного единодушия лишь в тот момент, когда между ними начаты переговоры и обсуждается мирный договор. В это время соглашения еще не достигнуты, желания еще не обуздываются никакими обязательствами и не возникает поводов для той ревностной, но себялюбивой заботы о собственных правах, что заложена в нашей природе, и так как обе стороны надеются на какие-то выгоды, то в эту пору оба государства относятся друг к другу столь же благосклонно и дружелюбно, как два мошенника, заключающие между собой сделку. Послы взаимно высказывают высочайшее уважение, обмениваются любезными письмами, произносят красивые слова и предаются тем дипломатическим заигрываниям, ухаживаниям и ласкательствам, которые столь приятно щекочут самолюбие участвующих в этой игре государств. Итак, можно сказать, хотя это и покажется парадоксом, что между двумя странами никогда не бывает столь прекрасного взаимопонимания, как во время небольших недоразумений, и что они находятся в наилучших отношениях, пока между ними нет никаких отношений!

Так как из всех людей на свете, в особенности историков, я самый откровенный и непритязательный, то мне ни на мгновение не приходит в голову мысль претендовать на то, что именно я сделал упомянутое вышеполитическое открытие. В сущности оно уже давно тайно применялось некоторыми просвещенными правителями и, вместе с раз-

ными другими замечательными теориями, было втихомолку позаимствовано из записной книжки одного знаменитого джентльмена, бывшего членом конгресса и пользовавшегося неограниченным доверием министров. Этому же правилу можно приписать изумительную изобретательность, которая проявлялась в последнее время по части затягивания и прерывания переговоров. Отсюда же хитроумный способ назначения послом или какого-нибудь политического крючкотвора, мастера передержек, искусного в проволочках, софизмах и лжетолкованиях, или тупоумного государственного деятеля, чьи глупейшие ошибки и промахи могут послужить предлогом для отказа утвердить принятые им обязательства. Отсюда и столь охотно применяемый нашим правительством замечательнейший способ назначать сразу двух, послов. Так как каждый из них сообразуется только с собственным желанием, стремится поднять собственный престиж и соблюдает собственные интересы, то между ними бывает столько же единодушия и согласия, сколько вы можете обнаружить у двух любовников одной и той же женщины, двух собак, грызущихся за одну кость, двух голых мошенников, претендующих на одну пару штанов. Итак, разномыслие между послами постоянно порождает отсрочки и помехи, вследствие чего переговоры идут как по маслу, поскольку нет никаких надежд довести их когда-либо до конца. Из-за всех этих отсрочек и препон теряется только *время*, а при переговорах, согласно изложенной мною теории, все потерянное время воз-

мещается выигранным временем – и такими восхитительными парадоксами изобилуют современные тайны политики!

Все, изложенное мною выше, общеизвестно, и я чувствую, что краснею, отнимая время у моих читателей рассказами о том, что должно было много раз бросаться им самим в глаза. Однако вывод, на который я хотел бы обратить их самое серьезное внимание, таков: переговоры представляют наиболее умиротворяющий из всех государственных актов, но мирный договор – это большое политическое зло и один из самых распространенных источников войны.

В мое время мне редко случалось видеть, чтобы соглашения между частными лицами не приводили к зависти, ссоре, а нередко и к полному разрыву между ними; я не знаю также ни одного случая, когда договор между двумя государствами не заставил бы их постоянно чувствовать себя, как на иголках. Сколько знавал я деревенских соседей, которые годами жили в мире и добром согласии, пока какое-нибудь злосчастное соглашение насчет заборов, колодцев или заблудившейся скотины не пробуждало в них дух недоверия, сутяжничества и вражды. А сколько миролюбивых народов оставалось бы в самых дружественных отношениях, если бы не повздорили из-за нарушения или неправильного толкования договора, который они в недобрый час заключили, чтобы упрочить свою дружбу.

С договорами в лучшем случае считаются до тех пор, пока чей-нибудь интерес требует их соблюдения; следователь-

но, они связывают, разумеется, только более слабую сторону или, другими словами, в сущности никого не связывают. Ни один народ не начнет ни с того ни с сего воевать с другим, если не рассчитывает чего-либо этим достигнуть, а поэтому не нужно никакого договора, чтобы удержать его от применения силы; но если он хочет чего-нибудь добиться, то, судя по моим наблюдениям над политикой государств, я сильно сомневаюсь, чтобы нашелся договор, столь прочный, какого не перерубил бы меч; больше того, я почти уверен, что сам договор окажется тем источником, к которому прибегнут, когда захотят найти предлог для войны.

Итак, я прихожу к следующему мудрому выводу: хотя наилучшая для страны политика состоит в том, чтобы постоянно вести переговоры со своими соседями, было бы верхом глупости даться в обман и заключить договор, ибо тут-то и начнутся нарушения и невыполнения, затем дипломатические представления, затем пререкания, затем карательные меры, затем контрмеры и, наконец, открытая война. Короче говоря, переговоры, подобно ухаживанию, бывают периодом ласковых слов, любезных речей, умильных взглядов и нежных ласк, но брачный обряд служит сигналом к враждебным действиям. Вот и конец этой весьма непонятной, хотя и весьма поучительной главы.[327]

---

[327] …весьма поучительной главы. – В этой главе Ирвинг высмеивает неудачные переговоры, которые вел член английского правительства Т. Эрскин с государственным секретарем США Дж. Мэдисоном.

ГЛАВА IV

О том, как Питер Стайвесант был ужасно оклеветан своими врагами, грабителями-янки, и о его дальнейшем поведении.

Если добросовестный читатель, весьма вероятно разбирающийся во всех этих вопросах, как свинья в апельсинах, не пришел в некоторое замешательство от рассуждений, содержащихся в предыдущей главе, тогда он несомненно сразу же поймет, что великий Питер, заключив договор с восточными соседями, совершил крупнейшую ошибку и отступил от общепринятых политических канонов. Этому злосчастному соглашению можно с полным основанием приписать множество мелких посягательств, пререканий, переговоров и ссор, впоследствии омрачивших отношения между безупречным Стайвесантом и злонамеренным советом Амфиктионов, причем последний – утверждаю это с беспристрастием историка – неизменно бывал неправ. Все эти передряги изрядно нарушили природное спокойствие солидных и почтенных граждан острова Манна-хаты, иначе именовавшегося Манхатез, но в просторечии более известного под названием Манхаттан. В сущности, однако, они по своей природе и результатам были столь никчемны и жалки, что серьезный историк, вроде меня, считающий всякое время по-

терянным, если оно не посвящено описанию мировых переворотов и падения империй, счел бы их недостойными быть отмеченными на священных страницах его труда.

Итак, для читателя должно быть само собой разумеющимся – хотя я и не склонен тратить на подробности то время, которое, как напоминают мне мой изборожденный морщинами лоб и дрожащая рука, для меня слишком ценно, – что пока великий Питер был занят теми страшными, кровавыми распрями, о которых я вскоре поведаю, на восточных рубежах шли постоянные мелкие, грязные, лицемерные, клязузные споры, ссоры, набеги и грабежи коннектикутских разбойников. Но как мудрый и доблестный Дон Кихот,[328] образец рыцарства, я предоставляю эти мелочные дрязги какому-нибудь будущему Санчо Пансе, преданному оруженосцу историка, а сам приберегу свою доблесть и умение владеть пером для более возвышенных подвигов.

Теперь великий Питер решил, что невзгодам на востоке пришел конец, и ему остается заботиться только о благополучном ходе внутренних дел на его любимом Манхатезе. Хотя он был очень скромным человеком, все же он не смог удержаться, чтобы не похвалиться тем, что ему удалось наконец закрыть храм Януса[329] и что, будь все правители по-

[328] Дон Кихот – уподобление Никербокера мудрому и доброму рыцарю из романа Сервантеса характерно для повествовательной манеры «Истории Нью-Йорка». Оруженосец Дон Кихота Санчо Панса фигурирует в «Истории» Никербокера как оруженосец историка.

[329] Янус – древнеримское божество дверей, входа и выхода, начала любого дей-

добны некоему человеку, чьего имени он не назовет, храм никогда вновь открыт не будет. Однако торжество достойного губернатора быстро кончилось, ибо едва мирный договор был заключен и чернила на этом документе успели просохнуть, как коварный и неучтивый совет конфедерации отыскал новый предлог к тому, чтобы опять разжечь пламя раздора. Рассказывают, что в 1651 году янки с гнусной наглостью, от которой меня охватывает возмущение, когда я об этом пишу, обвинили чистого, как агнец, Питера – обладавшего благороднейшей душой и стальным сердцем – в том, что он с помощью всяких подарков и посулов тайно пытался подбить индейцев наррохигансетов (или наррагансетов), мохоков и пекуотов неожиданно напасть на английских колонистов и всех их уничтожить. Ибо, как злобно утверждал совет, «индейцы на несколько сот миль в околодке, видимо, упились отравой из чаши, поднесенной им на Манхатезе или присланной оттуда, чтобы возбудить их против англичан, которые желали им только добра, как в телесном, так и в духовном смысле». Чтобы подкрепить свое неправедное обвинение, янки допросили нескольких индейцев, и те клятвенно подтвердили его столь решительно, словно сами были христианскими грабителями. Для вящей уверенности в том, что они скажут правду, многоопытный совет предварительно хо-

---

ствия, изображавшееся с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны. Бог войны. Его храм закрывался только во время мира, поэтому «закрыть храм Януса» значит заключить мир.

рошенько напоил всех, памятуя старинную пословицу in vino veritas.[330]

Я происхожу из семьи, в свое время претерпевшей много обид от этих злодеев янки; у моего прадедушки они украли упряжку быков и лучшего иноходца, не преминув также наставить ему фонарей под глазами и расквасить нос во время одной из пограничных стычек; мой дедушка, когда он мальчиком пас свиней, был похищен и жестоко высечен долговязым коннектикутским учителем. И все же я простил бы и предал бы забвению все эти оскорбления, стерпел бы даже то, что они разбили голову Эверту Докингу, выгнали из форта Гуд-Хоп храброго Якобуса Ван-Кюрлета и его отряд оборванцев, с полной безнаказанностью повсюду захватывали в плен всех свиней и опустошали все куриные насесты. Но эти бесстыдные, злобные, беспримерные нападки на одного из самых доблестных и безупречных героев нашего времени даже я не в силах снести; они одним ударом вывели из терпения историка и не оставили следа от моей голландской кротости.

О, читатель, обвинение было ложное! Клянусь тебе, оно было ложное! Если ты хоть сколько-нибудь уважаешь мои слова, если неукоснительное стремление к правде, неизменно проявляемое мною на страницах настоящего труда, произвело на тебя должное впечатление, тогда ты не придашь веры этим клеветническим россказням, ибо я ручаюсь моей

[330] Истина в вине (лат.).

честью и моей бессмертной славой, что доблестный Питер Стайвесант не только не был повинен в этом гнусном заговоре, но скорей готов был бы предать медленному и вечному огню свою правую руку или даже деревянную ногу, чем попытаться уничтожить врагов каким-нибудь другим способом, кроме открытой благородной войны. Да будут прокляты эти подлецы, вздумавшие замарать его честное имя подобным обвинением!

У Питера Стайвесанта, хотя он, возможно, никогда не слышал о странствующих рыцарях, было поистине столь же благородное сердце, как у тех, кто собирался за круглым столом короля Артура.[331] В нем жил дух врожденной отваги, сквозь грубые манеры просвечивала благородная доблесть, и все это вместе взятое служило бесспорным признаком героического характера. Он был подлинно героем рыцарских времен, высеченным рукой природы из цельного куска, и хотя та не приложила никаких стараний к тому, чтобы отшлифовать и усовершенствовать свое изделие, все же он представлял собой вершину ее искусства.

Чтобы меня не обвинили в том, что я изъясняюсь слишком фигурально (этого недостатка исторических сочинений я пуще всего стараюсь избежать), скажу, что великий Питер в полной мере обладал семью знаменитыми и благородными

---

[331] …круглым столом короля Артура – стол, сделанный волшебником Мерлином для отца легендарного английского короля Артура (VI в.). О нем и его рыцарях, собиравшихся за этим столом, сложено много сказаний (Артуровский цикл).

рыцарскими добродетелями,[332] которые – поскольку для воспитания и совершенствования своего характера он никогда не обращался за советом к писателям – несомненно должны были быть заложены самой госпожой природой в тайники его сердца, где они и цвели в окружении суровых доблестей, подобно тому, как среди твердокаменных скал пускает ростки и буйно разрастается множество душистых цветов. Таков был нрав Питера Твердоголового; и если мое восхищение перед ним побудило меня на этот раз отступить от серьезного, степенного слога, подобающего трудолюбивому летописцу, то в извинение я могу сослаться на то, что, будучи скромным старичком-голландцем, стоящим уже почти на краю могилы, я все еще сохраняю некоторую долю небесного огня, который сверкает в глазах юношей, когда они созерцают добродетели и подвиги древних героев. Да будет благословен, трижды, три раза трижды благословен добрый святой Николай за то, что я избег влияния холодного равнодушия, которое в наш век слишком часто замораживает сострадание и, как угрюмый призрак, сидит у врат нашего сердца, отталкивая всякое живое чувство и гася самопроизвольный жар восторга.

Итак, едва это подлое посягательство на его доброе имя достигло слуха Питера Стайвесанта, он принял решение, ко-

[332] …семь рыцарских добродетелей… – В противоположность семи смертным грехам рыцари должны были обладать семью благородными добродетелями: верой, надеждой, милосердием, благоразумием, справедливостью, мужеством и целомудрием.

торое сделало бы ему честь даже в том случае, если бы он годами изучал библиотеку самого Дон Кихота.[333] Он немедленно отправил своего доблестного трубача и оруженосца, Антони Ван-Корлеара, повелев ему скакать день и ночь, в качестве гонца к совету Амфиктионии, чтобы в выражениях благородного негодования упрекнуть последний за то, что он поверил наветам нечестивых язычников, посягнувших на репутацию христианина, джентльмена и солдата, и заявить совету, что всякий, кто утверждает, будто предательский кровавый заговор против него действительно существовал, нагло лжет, в доказательство чего он, Питер Стайвесант, предлагает председателю совета и всем его сотоварищам, или – если им угодно – их силачу-родосцу, могучему богатырю, капитану Альександру Партриду, встретиться с ним на поединке, в котором он искусством в обращении с оружием подтвердит свою невиновность.

После того, как это предложение было с должными церемониями сделано, Антони Ван-Корлеар протрубил перед всем советом вызов на единоборство, закончив таким ужасным, гнусавым звуком, брошенным прямо в лицо капитану Партриду, что тот подскочил от крайнего изумления. Затем Антони влез на высокую фламандскую кобылу, на которой всегда ездил, и весело пустился рысью к Манхатезу, посе-

[333] …библиотека Дон Кихота. – В романе Сервантеса рассказывается как, начитавшись рыцарских романов, Дон Кихот отправился странствовать, чтобы добиться рыцарской славы. Описание библиотеки Дон Кихота содержится в главе VI первой части романа.

тив по дороге Хартфорд, Пайкуэг и Миддлтаун и все другие пограничные города, повсюду извлекая из своей трубы дьявольски гнусавые звуки, так что тихие долины и берега Коннектикута оглашались воинственными мелодиями; время от времени он останавливался, чтобы поесть пирога с тыквой, потанцевать на сельских праздниках и поспать, не раздеваясь, в одной постели с местными молодыми красотками, которым он доставлял огромное удовольствие душераздирающими звуками своего инструмента.

Однако великий совет состоял из рассудительных людей, не имевших никакого желания померяться силами с таким пылким героем, как отважный Питер; напротив, они послали ему ответ, составленный в самых мягких, спокойных и оскорбительных выражениях, в котором уверяли, что его вина к полному их удовлетворению доказана свидетельством многих разумных и почтенных индейцев; заканчивали они следующими, поистине любезными строками: «Ибо ваше самонадеянное отрицание приписываемого вам варварского заговора в наших глазах ничего не стоит по сравнению со столь убедительными доказательствами, так что мы вынуждены по-прежнему требовать и домогаться должного удовлетворения и обеспеченна нашей безопасности; засим остаемся, Сэр, вашими покорными слугами на стезе справедливости и т. д.».

Я не сомневаюсь, что изложенные выше события были поиному описаны некоторыми историками на востоке и в дру-

гих местах, по-видимому, унаследовавшими злобную ненависть своих предков к храброму Питеру – пусть им не поздоровится от такого наследства. Эти разбойники от литературы, к которым я отношусь с величайшим презрением, как к простым пересказчикам грубых сплетен и баснословных преданий, заявляют, будто Питер Стайвесант потребовал, чтобы выставленные против него обвинения были проверены специально назначенными для этой цели представителями, а когда таких представителей назначили, отказался подчиниться их решению. Отчасти это верно: убедившись, что на его вызов никто не обращает внимания, он на самом деле благородно предложил, чтобы суд чести подверг его поведение самому тщательному разбирательству. Он, однако, рассчитывал, что это будет священный трибунал, состоящий из учтивых джентльменов, правителей и знати, представляющих объединенные колонии и провинцию Новые Нидерланды, трибунал, в котором его судили бы равные, судили так, как пристало его званию и положению; в действительности же, умереть мне на этом месте, если они не прислали на Манхатез двух тощих, голодных кляузников, приехавших верхом на наррагансетских иноходцах, сидя на седельных мешках и держа, под мышкой зеленые сумки, словно они рыщут по судам в поисках тяжебных дел.

Рыцарственный Питер, как и надо было ожидать, не стал обращать внимания на этих коварных плутов, которые со свойственным их профессии усердием принялись рыться и

допытываться, ища свидетельств еж parte;[334] своими перекрестными допросами они так запутывали и смущали простых индейцев и старух, что те начинали ужаснейшим образом противоречить сами себе и завираться – как это каждый день происходит в наших судах. Покончив таким способом с возложенным на них поручением ж полному своему удовольствию, они возвратились к великому совету с сумками и седельными мешками, битком набитыми самыми подлыми слухами, недостоверными россказнями и гнусной чепухой, какие когда-либо доводилось слышать; великого Питера все их ухищрения интересовали не больше, чем прошлогодний снег, но я готов поручиться, что попытайся они сыграть такую шутку с Вильямом Упрямым, тот отправил бы их покувыркаться на изобретенной им виселице.

По возвращении посланцев великий совет собрался на ежегодное заседание; он долго обсуждал создавшееся положение и готов был уже прекратить свои занятия, ни до чего не договорившись. В это решающее мгновение выступил один из тех мелких, пронырливых, неутомимых людишек, которые стремятся создать себе репутацию патриотов, раздувая партийные меха до тех пор, пока весь политический горн не раскалится докрасна от искр и шлака; они достаточно хитры и понимают, что самое благоприятное время для того, чтобы усесться на спину народа, наступает тогда, когда он в тревоге и занят делами всех, кого угодно, но толь-

[334] Односторонних, пристрастных (лат.).

ко не собственными. Этот честолюбивый интриган считался великим политиком, потому что он обеспечил себе место в совете, оклеветав всех своих противников. Итак, этот человек решил, что наступил подходящий момент для нанесения удара, способного обеспечить ему популярность среди избирателей, которые жили на границе Новых Нидерландов и были самыми злосчастными браконьерами на свете, если не считать дворян-помещиков на шотландской границе. Как второй Петр Пустынник,[335] он взял слово и стал проповедовать крестовый поход против Питера Стайвесанта и его обреченного города.

Он произнес речь, по тамошнему старинному обычаю длившуюся три дня; он изобразил в ней голландцев как народ нечестивых еретиков, не верящих ни в колдовство, ни в сверхъестественную силу лошадиной подковы; покинувших свою родину в погоне за наживой, а не, подобно им, ради того, чтобы пользоваться *свободой совести*, бывших, короче говоря, просто каннибалами и людоедами, поскольку они никогда не ели по субботам трески, жрали свинину без сладкой подливы и относились с крайним презрением к тыкве.

Речь произвела желаемое действие, ибо члены совета, разбуженные приставом, протерли глаза и заявили, что соображения справедливости и политики требуют немедлен-

---

[335] Петр Пустынник, или Петр Амьенский (1050–1115) – французский монах-проповедник. Призывал к Первому крестовому походу и возглавил ополчение бедноты, разбитое в 1096 г. турками-сельджуками около Никеи.

ного объявления войны этим безбожникам-антитыквистам. Необходимо было, однако, сначала подготовить весь народ; с этой целью несколько воскресений подряд с церковных кафедр настойчиво повторяли доводы маленького оратора и настойчиво обращали на них внимание всех добрых христиан, исповедующих – и претворяющих в жизнь – заветы кротости, милосердия и прощения обид. Это первый известный нам случай «церковного барабанного боя»,[336] поднятого у нас в стране для политического рекрутского набора; и он подействовал так замечательно, что с тех пор к нему не раз прибегали на протяжении всего существования нашего союза. Коварный политикан часто скрывается под одеждой священнослужителя, в которой снаружи – чистейшая религия, а изнутри – чистейшая политическая ненависть. Духовное и светское беспорядочно перемешиваются, как яды и противоядия на полках аптекаря, и простым прихожанам вместо священной проповеди запихивают в глотку политический памфлет с приклеенным к нему в виде ярлыка благочестивым текстом из евангелия.

[336] …«церковный барабанный бой»… – начало первой песни антипуританской поэмы С. Батлера «Гудибрас» (1663-78), в которой подвергаются осмеянию религиозно-ханжеские нравы буржуа-пуритан.

ГЛАВА V

О том, как новоамстердамцы стали завзятыми вояками, и об ужасной гибели могущественной армии; а также о мерах, принятых Питером Стайвесантом для укрепления города, и о том, что он был первоначальным создателем Батареи.

Несмотря на то, что великий совет, как я уже говорил, соблюдал необыкновенную осмотрительность в своих действиях по отношению к Новым Нидерландам и держал их почти в таком же секрете, в каком мудрое английское правительство держит свои злополучные *тайные экспедиции*, – все же Питер, никогда не терявший бдительности, получал не менее полные и точные сведения о каждом шаге совета, нежели те, какими располагает французский двор обо всех более или менее значительных начинаниях, о которых я только что упомянул. Соответственно он принялся за дело, чтобы разрушить козни своего злейшего врага, Я знаю, что многие осудят доблестного старого губернатора за ту поспешность, какую он проявил, решившись на расходы по возведению укреплений, прежде чем убедился в их необходимости, благоразумно выждав, пока враг появится у ворот города. Они должны, однако, помнить, что Питер Стайвесант не был посвящен в тайны современной политики в слепо придержи-

вался некоторых устарелых правил, выработанных прежней школой; между прочим, он твердо верил, что для того, чтобы заставить уважать свое государство по ту сторону границ, надо сделать его сильным внутри и что народ может рассчитывать на мир и безопасность, уповая скорее на собственную мощь, чем на справедливость и добрую волю своих соседей. Поэтому он со всем усердием приступил к укреплению обороны провинции и ее столицы.

Среди сохранившихся со времен Вильяма Упрямого немногочисленных остатков хитроумных изобретений были неприступные бастионы государственной безопасности – законы о народном ополчении, по которым жители, вооруженные как бог на душу положит, были обязаны два раза в год являться на сбор, где их отдавали под начало храбрых портных и торговцев модными товарами. В обычной жизни эти командиры были самыми смирными и безобидными людьми, но на парадах и на заседаниях военного суда, когда на голове у них красовалась треуголка, а сбоку висела сабля, становились сущими дьяволами. Под руководством этих временных воителей доблестная гражданская гвардия проявила блестящие успехи т ознакомлении с тайнами огнестрельного оружия. Ополченцев учили делать направо кругом, поворачиваться налево, щелкать, не мигая, курком незаряженного ружья, огибать угол без особой суматохи и, не расстраивая рядов, беспрекословно маршировать в любую погоду с одного конца города до другого, пока они не

расхрабрились настолько, что стреляли холостыми патронами, не отворачивая головы, могли услышать выстрел полевого орудия самого крупного калибра, не затыкая ушей и не впадая в панику, и даже были способны выдержать все тяготы и опасности парада я жаркий летний день, не понеся слишком больших потерь из-за дезертирства!

Правда, эти подлинно миролюбивые люди обладали столь мало воинственным духом, что в промежутках между военными упражнениями Обычно умудрялись позабыть всю преподанную им солдатскую науку, и когда снова являлись на парад, то едва могли отличить приклад ружья от дула и неизменно путали правое плечо с левым – каковой ошибки они, впрочем, вскоре научились избегать, предусмотрительно натирая мелом левый рукав. Но несмотря на всю их непонятливость и неуклюжесть, проницательный Кифт заявлял, что все это не имеет значения, поскольку, как он справедливо говорил, одна кампания научит их лучше, чем сотня парадов; ибо даже в том случае, если двум третям ополченцев будет уготована роль пушечного мяса, те из оставшейся в живых трети, кто не убежит, станут опытнейшими ветеранами.

Великий Стайвесант не испытывал особого почтения к хитроумным опытам и новшествам своего изобретательного предшественника; как и ко многому другому, он и к гражданской гвардии относился с величайшим презрением, и от него часто слышали, как он в шутку – иногда он любил пошутить – называл ее сломанной тростинкой губернатора Киф-

та. Но теперь безвыходное положение требовало спешных мер, и ему пришлось довольствоваться теми средствами защиты, какие были под рукой; поэтому он назначил генеральный смотр и парад гражданской гвардии. Увы и ах! Марс и Беллона[337] и все прочие силы войны, великие и малые, какое зрелище предстало вашему взору! Тут шли солдаты без офицеров, там офицеры без солдат; длинные охотничьи ружья и короткие мушкетоны, мушкеты всех видов и размеров, одни без штыков, другие без замков или без стволов, а многие и без замка, и без ствола. Повсюду сумки для зарядов, лядунки, пороховницы, сабли, секиры, кинжалы, ломы и метловища, перемешанные как попало, – словно в одной из наших континентальных армий перед началом революции.

Отважный Питер смотрел на этих захудалых вояк с таким же горестным видом, с каким человек смотрел бы на дьявола; но будучи умным человеком и зная, что ему ничего не остается, как примириться с существующим положением, он решил приучить своих героев к военным тяготам. Поэтому, заставив их много раз проделать ружейные приемы, он приказал дудкам заиграть быстрый марш и зашагал в своих грубых башмаках взад и вперед по улицам Нового Амстердама и соседним полям, пока у гвардейцев – я за это ручаюсь – не заболели их короткие ноги и снова не вспотели жирные бока. Но это было еще не все; воинственный дух старого губернатора взыграл от бодрой музыки дудок, и он решил испытать

[337] Беллона – в римской мифологии богиня войны.

стойкость своей армии и дать ей почувствовать суровые лишения войны. Для этого с наступлением сумерек он расположил ополченцев лагерем на холме, прежде носившем название Бэнкерс-Хилл[338] и находившемся на некотором расстоянии от города; там он намеревался ознакомить их с лагерной дисциплиной, а на следующий день возобновить утомительные и опасные полевые учения. Но случилось так, что в ту ночь пошел проливной дождь, потоки которого залили лагерь, и могучая армия странным образом растаяла. И когда златокудрый Феб явился и осветил утренними лучами холм, на нем, кроме Питера Стайвесанта и его трубача Ван-Корлеара, не оказалось ни одного человека из всего многочисленного войска, нашедшего себе там приют накануне вечером.

Ужасное исчезновение армии смутило бы военачальника менее стойкого духом, чем Питер Стайвесант; тот, однако, счел это событие маловажным, хотя с тех пор стал относиться к гражданской гвардии с бесконечно большим презрением, чем прежде, и обзавелся надежным гарнизоном из отборных солдат, которых держал на жалованье и в отношении которых хвалился, что они, по крайней мере, обладают свойством *непромокаемости*, совершенно необходимым для воинов.

---

[338] Бэнкерс-Хилл – место одного из первых сражений в ходе войны за независимость США (17 июня 1775 г.), где отряды американских добровольцев получили боевое крещение в боях с английскими войсками.

Следующей заботой бдительного Стайвесанта было усиление новоамстердамских укреплений. С этой целью он воздвиг прочный защитный вал от одной реки до другой на протяжении целой полумили! – изумительнейшее сооружение, с которым, по мнению старожилов, едва ли могли сравниться Великая китайская стена или римская стена,[339] возведенная в Великобритании для защиты от вторжений шотландцев, или же та медная стена, что доктор Фауст задумал построить с помощью сатаны вокруг Германии.

О материалах, из которых была сложена стена в Новом Амстердаме, сведения расходятся, но на основании большинства свидетельств я склонен думать, что она представляла собой частокол из особо крепких сосновых кольев, предназначенный для защиты города не только от внезапных нашествий внешних врагов, но также и от набегов окрестных индейцев.

Некоторые предания, правда, относят постройку стены к более позднему времени, но они очень далеки от истины, так как запись в стайвесантской рукописи, сделанная примерно в середине правления Питера Твердоголового, особо упоминает об этой стене, как о весьма прочном и забавном сооружении, вызывавшем восхищение всех живших по соседству дикарей. В записи говорится также о тревожном событии,

[339] Римская стена – стена, возведенная в начале II в. н. э. римским императором Адрианом на севере Англии для защиты от северных племен, постоянно угрожавших римскому господству в Англии. В 209 г. римский император Север вновь укрепил эту стену.

происшедшем одной темной ночью: заблудившееся стадо коров прорвалось сквозь высокую стену, из-за чего все население Нового Амстердама пришло в такой панический ужас, в какой впали жители Рима, узнав о неожиданном вторжении галлов,[340] или доблестные граждане Филадельфии во времена нашей революции, когда флотилия пустых бочек [341] появилась на Делавэре и поплыла вниз по течению.[342]

Но с особой силой бдительность губернатора проявилась в постройке дополнительного внешнего укрепления перед фортом Амстердам для защиты морского берега. После уто-

---

[340] …вторжение галлов. – Племена, населявшие в древности территорию современной Франции, Швейцарии, Бельгии, римляне называли галлами; галлы захватили и сожгли Рим в 390 г., но не смогли овладеть Капитолием и отступили.

[341] …флотилия пустых бочек… – в начале 1778 г. американцы пытались уничтожить английский флот в устье Делавэра, пустив вниз по течению «флотилию» небольших бочонков, которые взрывались при столкновении с кораблями. Напуганные англичане стали стрелять по всякому предмету, плывшему по реке. Эту паническую канонаду высмеял один из поэтов американской революции Фрэнсис Хопкинсон в сатирической песне «Битва бочонков», которую распевала вся армия Вашингтона.

[342] На старинной гравюре, где показан общий вид Нового Амстердама спустя несколько лет после описываемой эпохи, точно изображена эта стена, тянущаяся в направлении теперешней Уолл-стрит, названной так в воспоминание о построенном Стайвесантом огромном вале. Одни ворота, именуемые Land-poort* выходили на Бродвей близ того места, где теперь стоит церковь Тринити, а другие, называемые Water-poort**, находились примерно там, где теперь кофейня Тонтине, и выходили на Smits-Vleye, обычно именуемый Смит-Флай, тогда представлявший болотистую долину, пересеченную ручьем или узким проливом и тянувшийся до улочки, которую мы называем Меден-Лейн.*Сухопутные ворота (голл.)**Водяные ворота (голл.)

мительных тщательных изысканий я убедился, что береговая полоса была укреплена не по способу Эврара де Бар-ле-Дюка,[343] первого изобретателя законченной системы, не по голландской системе Мароллуа,[344] не по французскому способу, изобретенному Антуаном Девилем,[345] не по фламандскому Стевина из Брюгге,[346] не по польскому Адама из Трейтаха и не по итальянскому способу Сарди.[347]

Питер Стайвесант не следовал ни трем способам Пагана,[348] ни трем Вобана,[349] ни трем Шейтера,[350] ни трем Кохорна,[351] знаменитого голландца, который все свои проекты приспосабливал к защите низкой, болотистой местности, ни ста шестидесяти способам, изложенным Франческо Марки

---

[343] Бар-ле-Дюк, Эврар де (XVI в.) – французский инженер, автор «Изложения искусства фортификации» (1594).

[344] Мароллуа, Самюел (XV–XVI вв.) – французский математик, автор книги «Фортификация» (1615), прожил большую часть жизни в Голландии.

[345] Девиль, Антуан (1596–1656) – французский военный инженер.

[346] Стевин из Брюгге, Симон (сер. XVI – 1633-35) – голландский строитель плотин и военный инженер.

[347] Сарди, Пьер (XVII в.) – итальянский военный инженер, автор многих трудов по военному делу.

[348] Паган, Блез Франсуа (1604–1665) – французский военный инженер.

[349] Вобан, Себастьян (1633–1707) – маршал Франции, знаток и реформатор военно-инженерного искусства. Создал три системы фортификации, сыгравшие большую роль в военном деле XVII–XVIII вв.

[350] Шейтер, Иоганн Бернард (XVII в.) – немецкий военный инженер, автор книги о новых способах фортификации (1672).

[351] Кохорн, Менно (1641–1704) – голландский военный инженер.

из Болоньи.[352]

Укрепление состояло не из многоугольника, вписанного в окружность, как советует Ален Манессон Малле,[353] не из четырех длинных батарей, согласно дорогостоящей системе Блонделя,[354] не из fortification a rebour[355] Дона Росетти, не из caponiere couverte[356] изобретательного Сен-Жюльена,[357] не из углообразных полигонов и многочисленных казематов, которые советует Антуан д'Эрбер,[358] служивший под началом герцога Вюртембергского, дедушки второй жены (и первой королевы) Жерома Бонапарта,[359] иначе называвшегося Жери-подлец.

Оно не имело бастионов, построенных по образцу, впервые придуманному чехом Жижкой,[360] ни тех, какие приме-

---

[352] Франческа Марки из Болоньи (XVI в.) – итальянский военный инженер.

[353] Малле, Ален Манессон (1630–1706) – французский военный инженер, долго работал в Португалии.

[354] Блондель, Франсуа (1617–1686) – французский архитектор, автор книги «Новый способ укрепления крепостей» (1683).

[355] Укрепления навыворот (франц.).

[356] Закрытого капонира (франц.).Капонир – каменная сводчатая постройка в сухом рву крепости для продольного обстрела при отражении штурма.

[357] Сен-Жюльен (XVIII в.) – французский инженер, автор книги «Военная архитектура, или искусство укреплять города» (1705).

[358] д'Эрбер, Антуан (XVIII в.) – французский инженер-артиллерист, автор книги «Новый способ укрепления городов».

[359] Бонапарт, Жером (1784–1860) – младший брат Наполеона I, король Вестфалии (1807–1813).

[360] Жижка, Ян (ок. 1360–1424) – чешский национальный герой, полководец;

нил Ахмет-паша[361] при Отранто в 1480 году, ни тех, что советует Сан-Микели[362] из Вероны, ни бастионов треугольной формы, о которых говорит Спекле,[363] германский инженер из Страсбурга, ни знаменитых деревянных бастионов, впоследствии воздвигнутых в нашем прославленном городе, и о разрушении которых сообщалось в предыдущей главе. В сущности, губернатор Стайвесант, как славный Монталамбер,[364] относился к бастионам с полным презрением; не любил он, однако, и заменяющую их tenaille angulaire des poligons a ailerons.[365]

Питер Стайвесант не пользовался башнями Миртеллы, какие возводят теперь в Квебеке; не сооружал он также флагштоков и ветряных мельниц, как делал его знаменитый предшественник из Саардама; не применял он и круглых зубчатых башен, равно как и батарей с двумя ярусами тяжелых пушек и третьим ярусом колумбиад[366] наверху, какие строятся ныне для защиты нашего беззащитного города.

ввел в армии систему подвижных укрепленных лагерей.

[361] Ахмет-паша – имеется в виду Мехмед II (1429–1481), турецкий султан в 1451–1481 гг.

[362] Сан Микели (1484–1549)-итальянский архитектор и инженер.

[363] Спекле, Даниель (1536–1589) – немецкий военный инженер.

[364] Монталамбер, Марк Рене (1714–1800) – французский военный инженер, автор ряда трудов по фортификации.

[365] Углообразную теналь полигонов с крыльями (франц.).*Теналь – постройка вдоль рва против бастиона для обстреливания противника.

[366] Колумбиада – большая гладкоствольная пушка.

Мои читатели, возможно, будут удивлены тем, что из такого множества систем губернатор Стайвесант не нашел ни одной, которого удовлетворила бы; это можно легко объяснить следующим простым обстоятельством: многие из них были, к сожалению, изобретены значительно позже, а что касается остальных, то он знал о них не больше, чем дитя, которое еще не родилось и никогда не родится. По правде сказать, вполне вероятно, что если бы даже чертежи всех перечисленных сооружений – и множества других в придачу – были разложены перед ним, все равно то самое свойство его ума, из-за которого он получил прозвище Твердоголовый Пит, побудило бы его предпочесть всем им свои собственные измышления. Одним словом, он не пожелал следовать ни одной системе – прежней, нынешней или будущей; равным образом он считал ниже своего достоинства подражать предшественникам, о которых никогда не слышал, современникам, которых не знал, и еще не родившимся преемникам, о которых, по правде говоря, никогда в жизни и не помышлял. Обладая обширным умом, он был убежден, что простейший способ часто бывает самым действенным и, конечно, легче всего осуществимым, а потому укрепил прибрежную полосу грозным земляным бруствером, прочно облицованным ракушками наподобие распространенных в те дни голландских печей.

С течением времени эти мрачные бастионы покрылись приятным зеленым ковром из травы и клевера, а их высокие

насыпи оказались под сенью широко раскинувшихся платанов, в листве которых резвились пташки, оглашавшие воздух веселым щебетанием. Старые бюргеры отправлялись туда под вечер, чтобы выкурить трубку в тени деревьев и созерцать, как золотистый диск солнца постепенно опускается на западе, служа эмблемой того спокойного конца, к какому они все спешат; а городские парни и девушки прогуливались при луне в этом любимом уголке, наблюдая, как серебристые лучи целомудренной Артемиды трепещут на спокойной глади бухты или освещают белый парус тихо скользящей по воде лодки, и обмениваясь искренними обетами вечной любви. Таково происхождение знаменитого места прогулок – *Батареи*, явно предназначенной для военных целей, но на самом деле всегда служившей сладким мирным утехам: любимой прогулкой для пожилых людей, здоровым пристанищем для слабого инвалида, воскресным отдыхом для пропылившихся ремесленников, местом многих мальчишеских шалостей и нежных свиданий влюбленных, усладой всех жителей, украшением Нью-Йорка и гордостью восхитительного острова Манна-хата.

ГЛАВА VI

О том, как жители восточной страны внезапно подверглись дьявольским козням, и о тех здравых мерах, которые они приняли для их искоренения.

Обеспечив таким образом временную безопасность Нового Амстердама и предохранив его от всякой неожиданности, отважный Питер заложил в нос добрую щепотку нюхательного табаку и, щелкнув пальцами, послал вызов великому совету Амфиктионов и их могучему богатырю, удалому Альександру Партриду. Трудно сказать, однако, чем кончилось бы дело, если бы великий совет сразу же не пришел в большое замешательство и между его членами не возникли столь же ужасные раздоры, как во время оно в лагере бранчливых греческих воинов.

Всесильный совет конфедерации, как я рассказывал в предыдущей главе, уже объявил о своих враждебных намерениях, и могучая колония Нью-Хейвен, мощный город Пайкуэг (иначе называемый Уэтерсфилд), знаменитый своим луком и ведьмами, большой торговый дом Хартфорд и все остальные грозные пограничные городки уже пришли в чрезвычайное волнение, принялись чистить свои ржавые охотничьи ружья и орать во все горло о войне, от которой они ждали легких побед и великолепной добычи, награблен-

ной в сытых голландских деревушках. Но этот веселый шум вскоре утих из-за поведения колонии Массачусетс. Пораженные доблестным духом храброго старого Питера и убежденные рыцарской прямотой и героическим пылом его доводов, они отказались поверить его виновности в бесчестном заговоре, в котором его облыжно обвинили. С благородством, коим они, по моему мнению, заслужили бессмертную славу, они заявили, что ни одно решение великого совета конфедерации не может обязать правительство Массачусетса принять участие в наступательной войне, если это правительство сочтет таковую несправедливой.[367]

Этот отказ немедленно вовлек колонию Массачусетс и другие объединенные колонии в очень серьезные трудности и споры и, несомненно, вызвал бы распад конфедерации, если бы великий совет Амфиктионов, решив, что ему не устоять без такого влиятельного члена, как Массачусетс, не увидел себя вынужденным пока что оставить мысль о военных действиях против Манхатеза. Такова изумительная стойкость и могущество пресловутых конфедераций, состоящих из множества упрямых, своевольных, склонных к разладу участников, лишь непрочно объединенных слабым общим руководством. По сути дела, впрочем, столь охочие до войны коннектикутские города не имеют оснований жалеть о том, что их воинственный пыл оказался тщетным, ибо, клянусь честью, если бы даже противостоять объединенной мо-

[367] Has. Col. Slat. pap.*«Хазардовское собрание исторических документов»

щи конфедерации дюжим манхатезским солдатам оказалось в конце концов не под силу, все же неустрашимый Питер и его мирмидоняне,[368] пока суть да дело, удушили бы спесивых пайкуэгцев их собственным луком и задали бы другим пограничным городкам такую трепку, что на сотню лет отбили бы у янки охоту селиться на чужой земле или опустошать курятники новонидерландцев.

Была и еще одна причина к тому, чтобы отвлечь внимание славных жителей восточных колоний от их враждебных намерений; как раз в это время их страшно удручали и терзали нашествия князя тьмы, вассальных, подданных которого, прятавшихся в их стране, они то и дело ловили и тотчас же всех без исключения поджаривали, как соглядатаев и опасных врагов. Говоря без иносказаний, мы имеем сведения, что несчастная «восточная провинция» испытывала в это тяжелое время крайнее беспокойство и замешательство из-за множества беспутных ведьм, применявших самые странные способы, чтобы обманывать и мучить людей. Несмотря на многочисленные справедливые и жестокие законы, изданные против «злокозненных сношений или связей с дьяволом при помощи волшебства или чего-либо подобного»,[369] все же темные колдовские злодейства продолжали учащаться и получили такое пугающее распространение, которому труд-

---

[368] Мирмидоняне – в «Илиаде» Гомера племя, сопровождавшее Ахилла на Троянскую войну.

[369] New Plymouth record.*«Нью-Плимутский архив»

но было бы поверить, не будь все эти случаи настолько достоверными, что в них не приходилось ни на минуту сомневаться.

Особенно поразительно то обстоятельство, что это страшное искусство, которым тщетно пытались овладеть в своих утомительных исследованиях и невразумительных изысканиях философы, астрологи, алхимики, теурги и другие мудрецы, оказалось достоянием преимущественно самых невежественных, дряхлых, уродливых и гнусных старух в округе, у кого ума было не больше, чем у помела, на котором они ездили верхом. Откуда они впервые приобрели свои адские познания – из трудов древних теургов, демонологии египтян, гаданий по полету стрел, или беломантии скифов, духовидения германцев, магии персов, волшебства лапландцев или же их архивов темных и таинственных пещер господина Даниеля, – этот вопрос дает пищу для массы ученых и остроумных догадок, в особенности потому, что большинство из упомянутых старух были совершенно несведущи в сокровенных тайнах азбуки.

Когда звучит сигнал тревоги, народ, любящий впадать в панику, тут же находит достаточно доказательств в ее оправдание; стоит поднять крик о желтой лихорадке, как немедленно всякая головная боль, несварение желудка и разлитие желчи объявляются этой страшной эпидемической болезнью. Точно так же каждый, кто страдал коликами или простелом, был, разумеется, околдован, и горе любой несчаст-

ной старухе, жившей по соседству! Нельзя терпеть, чтобы столь вопиющая гнусность долго оставалась незамеченной, и, конечно, она вскоре навлекла на себя страшное негодованье трезвой и здравомыслящей части общества, в особенности тех, кто некогда проявлял такую пылкую благожелательность при обращении квакеров и анабаптистов. Великий совет Амфиктионов всенародно выступил с решительным осуждением такого опасного смертного греха, и начались жестокие преследования гнусных ведьм, которых легко было обнаружить по следам щипков дьявола, по черной кошке, помелу и по тому признаку, что только они были способны пролить, плача, три слезы, притом из левого глаза.

Трудно представить себе, сколько преступлений было обнаружено; «против каждой ведьмы, – говорит глубокомысленный и почтенный Коттон Матер[370] в своем превосходном труде «История Новой Англии», – у нас были столь веские доказательства, что ни один здравомыслящий человек во всей нашей стране никогда в них не сомневался и *было бы неразумно*, если бы в других странах кто-нибудь попытался усомниться».[371]

---

[370] Матер, Коттон (1663–1728) – американский теолог и историк. Ирвинг высмеивает писания этого религиозного догматика, одного из самых мрачных фанатиков пуританства, идеологического вдохновителя суда над «ведьмами» в Салеме (1691-92). Его главное сочинение «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» (1702) представляет собой религиозную историю Новой Англии XVII в.

[371] Mather's. Hist. N. Eng. B. 6, ch. 7.*Матер. История Новой Англии, кн. 6, гл. 7.

В самом деле, всегда достоверный и справедливый историк Джон Джосселин,[372] джентльмен, приводит по этому поводу неоспоримые свидетельства. «В нашей стране нет никого, – говорит он, – кто бы не был уверен, что ведьм очень много – пузатых ведьм и других, появляющихся при самых странных обстоятельствах, если верить рассказам о шлюпах в море, с командой из женщин, о корабле с большой красной лошадью, стоящей у грот-мачты, о том, как корабль, находившийся в маленькой бухточке к востоку, вдруг исчез», и т. д.

Впрочем, вызывает удивление не только число преступниц и их колдовских затей, но и дьявольское их упрямство. Побуждаемые самым торжественным, убедительным и доброжелательным образом признать свою вину и подвергнуться сожжению на благо религии и для развлечения народа, они все же упорно настаивали на своей невиновности. Такое неслыханное упрямство само по себе заслуживало немедленного возмездия и являлось достаточным доказательством – если еще нужны были доказательства – того, что они находились в союзе с дьяволом, этим олицетворением злобы. Но судьи были справедливы и милостивы и твердо держались правила наказывать лишь тех, кого удавалось наилучшим образом изобличить. Сами они не нуждались в доказательствах, чтобы составить себе собственное мнение, ибо, будучи настоящими, опытными судьями, они

[372] Джосселин – см. примечание 10, гл. I, кн. вторая.

имели твердое мнение и были полностью убеждены в виновности обвиняемых, прежде чем приступали к суду над ними; однако что-то было необходимо, чтобы убедить все общество в целом и успокоить тех дотошных сплетников, которые появятся впоследствии, короче говоря, чтобы свет был удовлетворен. О, свет, свет! Весь свет знает, сколько неприятностей вечно причиняет этот самый свет! Поэтому почтенные судьи (как и я в моем самом достоверном, самом подробном и наилучшем из всех исторических сочинений) были вынуждены изучить, обнаруживать и делать ясными, как день, те обстоятельства, которые с самого начала были им совершенно понятны и о которых в их голове уже давно составилось твердое суждение; поистине можно сказать, что ведьм сжигали, чтобы потешить тогдашнюю чернь, но судили их так, чтобы были удовлетворены все, кто будет жить в грядущие времена!

Итак, обнаружив, что ни увещевания, ни здравые доводы, ни дружеские просьбы не оказывали действия на этих закоренелых преступниц, стали прибегать к более сильному средству – пытке; вырвав таким способом признание из их упрямых уст, их присуждали затем к поджариванию, заслуженному ими за гнусные преступления, в которых они сознались. Некоторые в своей извращенности доходили до того, что испускали дух под пыткой, до конца настаивая на своей невиновности, но их считали полностью одержимыми дьяволом, и благочестивые зрители жалели только о том, что пре-

ступницы не прожили немного дольше и не погибли на костре.

Рассказывают, будто в городе Эфесе удалось прекратить чуму, забросав камнями и умертвив старого оборванного нищего, на которого Аполлон указал, как на злого духа, виновника болезни, и который на самом деле был дьяволом, ибо обернулся пуделем.[373] Сходным и столь же прозорливым способом удалось, к счастью, прекратить вышеописанное зло. Все ведьмы были сожжены,[374] изгнаны или напуганы до смерти, и спустя немного времени во всей Новой Англии не осталось уродливых старух что, несомненно, следует считать одной из причин, почему все молодые женщины там столь красивы. Честные люди, испытавшие на себе действие колдовства, постепенно поправились, кроме тех, кто страдал корчами и немощами, принявшими, однако, менее опасные формы ревматизма, седалищной ломоты и простела, и славные жители Новой Англии, бросив изучать тайные науки, перенесли свое внимание на более выгодные торговые плутни и вскоре стали проявлять большую сноровку в

---

[373] …дьявол… обернулся пуделем – согласно средневековым легендам, дьявол часто принимал облик пса. Гете использовал в «Фаусте» этот мотив народного преданья.

[374] Все ведьмы были сожжены… – Ирвинг описывает в этой главе знаменитые «охоты за ведьмами», один из самых позорных эпизодов ранней американской истории, закончившийся казнью в Салеме девятнадцати «ведьм». Вопреки распространенному преданию, осужденные «колдуньи» были не сожжены, а повешены.

зашибании денег. Впрочем, следы старой закваски сохранились в их характере даже в наши дни; среди них появляются иногда ведьмы, замаскированные под врачей, законоведов и священнослужителей. Весь тамошний народ отличается хитрецой, смекалкой и глубокомыслием, от которых сильно разит колдовством; к тому же было отмечено, что всякий раз, как с луны валятся камни, большая часть их неизменно попадает в Новую Англию!

ГЛАВА VII

В которой повествуется о возвышении и славе доблестною военачальника, причем показывается, что человек может раздуться до величия и важности просто от чванства как пузырь раздувается от воздуха.

Говоря об этом бурном времени, неизвестный автор стайвесантской рукописи разражается пылким панегириком в честь святого Николая, чьей заботе он всецело приписывает неожиданные раздоры, вспыхнувшие среди совета Амфиктионов, и многочисленные случаи ужасного колдовства, имевшие место в восточной провинции, вследствие чего враждебные замыслы в отношении нидерландцев были на время оставлены, и его любимый город, Новый Амстердам, избавился от неминуемой опасности и смертоносной войны. Беспроглядная тьма и мрачное суеверие нависли над прелестными восточными долинами; приветливые берега Коннектикута не оглашались больше звуками сельского веселья, в воздухе мелькали зловещие тени и чудовищные видения, скользящие призраки являлись у каждого лесного ручейка и в угрюмых распадках, странные голоса невидимых существ слышались в безлюдных пустынях, а пограничные города были так заняты ловлей и наказанием коварных старух, наславших все эти ужасы, что на некоторое время о провинции

Новые Нидерланды и о ее жителях совершенно забыли.

Ввиду этого великий Питер, убедившись, что никакой непосредственной угрозы со стороны восточных соседей нет, с похвальной неусыпностью, всегда его отличавшей, приступил к тому, чтобы положить конец нападениям шведов. Внимательный читатель, наверно, помнит, что к концу правления Вильяма Упрямого эти гнусные мародеры стали очень докучливыми; на послания храброго маленького губернатора они не обращали никакого внимания и поставили в тупик бесстрашного Яна Янсена Алпендама!

Питер Стайвесант, как мы уже говорили, был, однако, губернатором иного нрава и иного склада ума; без лишних проволочек он тотчас же издал приказ собрать отряд войск под командой бригадного генерала Якобуса Вон-Поффенбурга[375] и сосредоточить его на южной границе. Этот знаменитый воин достиг высоких чинов во время правления Вильгельмуса Кифта и, если историки правы, был помощником доблестного Ван-Кюрлета, когда тот со своим отрядом оборванцев бежал из форта Гуд-Хоп, бесчеловечно вышвырнутый оттуда янки. Ввиду того, что Вон-Поффенбург побывал

---

[375] Якобус Вон-Поффенбург – под этим именем Ирвинг высмеял участника войны за независимость США Джеймса Уилкинсона (1757–1825), назначенного в 1796 г. главнокомандующим американской армией, в 1805 г. – губернатором Луизианы. Поход голландцев против шведов, возглавляемый Вон-Поффенбургом, – сатира на экспедицию Уилкинсона в Новый Орлеан в 1806 г. и на продажность Уилкинсона, который, будучи американским главнокомандующим, тайно получал деньги от Испании.

в столь «памятном деле» и получил больше ран в одну благородную часть тела, которую мы называть не станем, нежели любой из его товарищей, впоследствии к нему все относились как к герою, «старому рубаке». Во всяком случае он снискал неограниченное доверие и дружбу Вильяма Упрямого, и тот готов был сидеть часами и с восхищением слушать его зажигательные рассказы об изумительных победах – которых он никогда не одерживал – и ужасных сражениях – с поля которых он бежал. Говорят, будто губернатор как-то заявил, что живи Вон-Поффенбург в древние времена, он, бесспорно, мог бы претендовать на доспехи Ахиллеса,[376] ибо был не только, как Аякс, могучим и стремительным воином, но и вторым Улиссом в совете, то есть отличным многоречивым оратором. Против всех этих суждений никто не возражал, так как жители Нового Амстердама об упомянутых древних героях ничего не знали.

Доброму старому Сократу, блаженной памяти мужу, находившемуся под башмаком жены, принадлежит образное изречение, гласящее, что в некоторых людей небеса при рождении вложили частицу умственного золота, в других – умственного серебра, а остальных щедро снабдили бронзой и железом. К последнему разряду, без сомнения, относился наш знаменитый генерал Вон-Поффенбург; и, судя по его постоянному самодовольству, я склонен думать, что госпо-

[376] …претендовать на доспехи Ахиллеса… – После гибели Ахиллеса его воинские доспехи оспаривали Аякс и Одиссей.

жа природа, иногда бывающая пристрастной, наделила его столь ценными металлами в таком количестве, какого хватило бы дюжине средних медницких мастерских. Наибольшее восхищение вызывает другое: всю свою бронзу и медь ему удалось выдать Вильгельмусу Кифту, не слишком хорошо разбиравшемуся в неполноценных монетах, за чистое самородное золото. В результате, когда Якобус Ван-Кюрлет после потери форта Гуд-Хоп вышел в отставку, чтобы почить на лаврах, как состарившийся на службе генерал, могучий «медный капитан» был назначен на его место. Он исполнял свою новую должность с превеликой важностью, всегда именуя себя «главнокомандующим армиями Новых Нидерландов», хотя, по правде говоря, его армии, вернее, армия, состояла из горсточки кое-как обмундированных бездельников, воровавших кур и любивших раздавить бутылочку.

Таков был нрав воина, которого Питер Стайвесант назначил защищать свою южную границу. Читателю должно быть небезынтересно познакомиться и с его внешностью. Это был не очень высокий, но тем не менее крупный, дородный человек, чья толщина объяснялась обильем не столько жира, сколько чванства, ибо он так преисполнился сознания собственной значительности, что стал похож на один из тех мешков с ветрами, которые старый Эол в неожиданном порыве великодушия дал бродяге-воину Улиссу.[377]

---

[377] …мешков с ветрами, которые Эол… дал… Улиссу – см. примечание 3, гл. III, кн. третья.

Одежда Якобуса Вон-Поффенбурга соответствовала его характеру, так как на нем сверху было почти столько же бронзы и меди, сколько природа упрятала ему внутрь. Мундир его был вдоль и поперек расшит медными галунами, а туловище охватывал малиновый шарф, шириной и материалом похожий на рыболовную сеть и предназначенный несомненно для того, чтобы храброе сердце героя не проскочило между ребрами. Волосы у него на голове и бакенбарды были густо напудрены; среди этого обрамления его налитое кровью лицо блестело, как раскаленная печь, а доблестная душа, казалось, собиралась вот-вот выпрыгнуть из тусклых мигающих глаз, выпученных, как у рака.

Клянусь тебе, любезный читатель, если верить молве, ходившей об этом великом генерале, то я готов отдать половину моего состояния (которого в данную минуту недостаточно, чтобы расплатиться с хозяином гостиницы), лишь бы мне довелось взглянуть на него, вырядившегося с головы до ног, в военном облачении, в сапогах до пояса, обмотанного шарфом до подбородка, с воротником до ушей, с бакенбардами, в которых терялись рот и нос, в затенявшей лицо огромной треуголке, опоясанного кожаным ремнем шириной в десять дюймов, с которого свисал палаш такой длины, что я не решаюсь о ней упомянуть.

Экипированный вышеописанным образом, он гордо расхаживал со столь же грозным, воинственным видом, какой

был у прославленного Мора из Мор-Холла,[378] когда тот, вооруженный до зубов, выступил в поход, чтобы убить Уонтлейского дракона.

Так страшен был он в этот час,
Так грозен, дик и рьян,
Что вы решили бы как раз:
Наверно, это дикобраз из африканских стран.
Он насмерть всех перепугал: коров и лошадей,
И кошек и дворовых псов, баранов и свиней.
Всяк улепетывал, дрожа, поджавши хвост, бежал
И думал, будто повстречал заморского ежа.[379]

Несмотря на большие природные дарования и превосходные качества этого прославленного генерала, должен сознаться, что он не был все же в точности таким человеком, какого доблестный Питер Твердоголовый выбрал бы начальником над своими войсками. Но, по правде говоря, в те дни провинция Новые Нидерланды не изобиловала, как ныне, крупными военными талантами, которые – подобно Цинциннату[380] – живут в каждой деревушке, выстраивают в ряды

[378] Мор из Мор-Холла – имеется в виду английская народная баллада о драконе из Уонтли, убитом героем Мором, доспехи которого были покрыты острыми шипами. Эта баллада была опубликована в «Памятниках старинной английской поэзии», выпущенных Томасом Перси в 1765 г. В ходе работы над «Историей Нью-Йорка» Ирвинг часто обращался к этой книге.

[379] * «Баллада об Уонтлейском драконе».

[380] Цинциннат (V в. до н. э.) – римский консул. Согласно легенде, вел простой

капусту вместо солдат, и отличаются на маисовом поле вместо поля битвы; отказываясь от бранных трудов ради более полезной, но бесславной мирной деятельности, они так часто меняют лавры на оливы, что хозяином вашей гостиницы может оказаться генерал, кучером дилижанса – полковник, а кузнецом, подковывающим вашу лошадь, – доблестный «капитан волонтеров». К тому же, великий Стайвесант, в отличие от современных правителей, не имел возможности выбирать военачальников из шайки преданных ему редакторов газет, ибо в летописях того времени нигде не упоминается о подобном разряде наемников, которым государство платило бы деньги, как трубачам, защитникам отечества или телохранителям. Итак, грозный генерал Вон-Поффенбург был назначен командовать вновь набранными войсками главным образом потому, что никто больше не претендовал на этот пост, а отчасти и потому, что было бы нарушением воинского этикета, если бы в обход ему во главе армии поставили младшего чином офицера, – такой несправедливости великий Питер не совершил бы даже под страхом смерти.

Как только доблестнейший медный капитан получил приказ выступить в поход, он бесстрашно повел свою армию к южной границе по невозделанным степям и диким пустыням, через неприступные горы и реки без переправ, сквозь непроходимые леса, преодолевая обширное пространство

образ жизни и сам обрабатывал землю. У древних римлян считался образцом доблести и скромной жизни.

ненаселенной страны, опрокидывая на своем пути, разбивая и уничтожая во множестве враждебные полчища лягушек и муравьев, собравшихся для того, чтобы воспрепятствовать его продвижению. Одним словом, он совершил подвиг, равного которому не сохранилось в анналах истории, если не считать знаменитого отступления старика Ксенофонта[381] с десятью тысячами греков. Совершив все это, Якобус Вон-Поффенбург построил на Саут-Ривер (или Делавэре) грозное укрепление, названное Форт-Кашемир в честь коротких штанов зеленовато-желтого цвета, особо любимых губернатором. Так как с упомянутым фортом, о чем мы узнаем в дальнейшем, связаны очень важные и интересные события, то, пожалуй, стоит отметить, что впоследствии он назывался Новый Амстель и был первоначальным зародышем теперешнего процветающего города *Ньюкасл*, ошибочно названного так вместо Нокасл,[382] ибо здесь нет и никогда не было замка или чего-нибудь подобного.

Шведы и не думали покорно терпеть угрожающее поведение новонидерландцев; напротив, Ян Принтц,[383] тогдашний

---

[381] Ксенофонт – см. примечание 7 вводной части «К читателям». Участник похода десяти тысяч греческих наемников Кира Младшего против его брата, персидского царя Артаксеркса II (401 г. до н. э.). Написал затем книгу об их отступлении «Анабасис».

[382] Ньюкасл – английский каламбур: «Нью-Касл» означает Новый Замок, а «Нокасл» – нет Замка.

[383] Принту, Ян Бьернсон (1592–1663) – губернатор Новой Швеции с февраля 1643 г. по сентябрь 1654 г. В октябре 1654 отплыл из Нового Амстердама на

губернатор Новой Швеции, обнародовал решительный протест против того, что он назвал посягательством на его права. Но доблестный Вон-Поффенбург за время своей службы при Вильяме Упрямом слишком хорошо усвоил природу посланий и протестов, чтобы хоть сколько-нибудь испугаться этой бумажной войны. Его крепость была закончена, и теперь любо-дорого было видеть, какую важность он сразу же на себя напустил. Он по десять раз на день выходил из нее и входил, осматривал спереди и сзади, с одного бока и с другого. Затем он облачался в полную парадную форму и целыми часами гордо шагал взад и вперед по своему невысокому валу, как тщеславный голубь-самец, хвастливо разгуливающий по крыше голубятни. Одним словом, если моим читателям не доводилось с любопытством наблюдать, как захудалый начальник маленького никудышного военного поста раздувается от тщеславия в новехоньком мундире и упоен сознанием, что ему подчинена горсточка голодранцев, тогда я не надеюсь, что мне удастся дать им надлежащее представление об изумительном величии генерала Вон-Поффенбурга.

В прелестном романе «Пирс Форест»[384] рассказывается, как некий юноша, посвященный королем Александром в рыцари, сразу же поскакал в соседний лес и принялся с такой

родину.

[384] «Пирс Форест» (правильнее «Персефорест») – средневековый французский исторический роман, в котором содержится легендарная история Англии до короля Артура.

силой лупить деревья, что убедил всех придворных, будто в целом мире нет более могучего и храброго джентльмена. Тем же способом великий Вон-Поффенбург давал выход геройской злости, которая, подобно ветрам в животе, так часто бурно развивается у новобранцев, побуждая их к мелким ссорам и кровопролитным дракам. Стоило ему почувствовать, что в нем разгорается воинственный дух, он сразу же предусмотрительно совершал вылазку в поля и, вынув из ножен: свою верную саблю длиною в два полных фламандских локтя,[385] принимался изо всей мочи биться, отрубая головы взводам капустных кочанов, кося целые фаланги подсолнечников, которые он именовал громадными-шведами; если же ему доводилось ненароком высмотреть колонию честных толстопузых тыкв, спокойно гревшихся на солнышке: «А, подлые янки, – ревел он во все горло, – наконец-то вы мне попались!» и с этими словами одним взмахом сабли рассекал несчастные плоды сверху донизу. Излив в известной мере свой гнев, он возвращался к гарнизону в полном убеждении, что был подлинным чудом воинской доблести.

Другое честолюбивое желание генерала Вон-Поффенбурга состоял в том, чтобы слыть строгим ревнителем дисциплины. Прекрасно зная, что дисциплина – существенное условие всякого военного начинания, он внедрял ее со строжайшей аккуратностью, заставляя каждого солдата выворачивать на параде ноги носками наружу и вскидывать голову

[385] Фламандский локоть – старинная мера длины, равная 68,78 см.

и предписывая ширину плоеных складок на рубахе всем, у кого таковые были.

Однажды, набожно изучая Библию (ибо сам благочестивый Эней[386] не мог бы превзойти его в показной религиозности), генерал наткнулся на рассказ об Авессаломе[387] и его печальном конце и в недобрый час издал приказ обрезать волосы всем офицерам и нижним чинам гарнизона. Случилось так, что в числе офицеров был некий Килдерместер, храбрый старый служака, всю свою долгую жизнь лелеявший копну жестких волос, изрядно похожую на густую шерсть ньюфаундлендской собаки и кончавшуюся огромной косой, которая напоминала ручку сковороды и была заплетена так туго, что глаза и рот у него были обычно прикрыты, а брови подняты к верхней части лба. Легко себе представить, что обладатель такого чудесного украшения с отвращением воспротивился приказу, приговорившему его волосы к стрижке. Сам Самсон не мог бы столь ревностно почитать свою шевелюру.[388] Итак, услышав о приказе генерала, наш герой

---

[386] Эней – зять легендарного троянского царя Приама. Во время пожара и разгрома Трои он вынес из огня своего отца и статуи богов. Прозван «благочестивым Энеем». Странствия Энея после гибели Трои описаны в «Энеиде» Вергилия.

[387] Авессалом – сын библейского царя Давида, поднявший восстание против отца. Будучи разбит, бежал через лес, зацепился своими необыкновенно густыми волосами за сучья и был убит.

[388] …свою шевелюру… – Далила, любовница библейского героя Самсона, хитростью остригла ему волосы, в которых была заключена вся сила Самсона, и выдала его филистимлянам.

разразился отборной солдатской руганью и градом проклятий и поклялся, что проломит башку всякому, кто попытается прикоснуться к его косе; затем он заплел ее еще туже, чем всегда, и стал разгуливать по форту, размахивая ею так свирепо, словно это был крокодилий хвост.

Коса старого Килдерместера, упрятанная в футляр из кожи угря, немедленно стала событием чрезвычайной важности. Главнокомандующий был достаточно образованным офицером и не мог не понимать, что дисциплина гарнизона, субординация и порядок в *армиях* Новых Нидерландов, а, следовательно, безопасность всей провинции и, наконец, достоинство и благоденствие Высокомощных Господ Генеральных Штатов и, превыше всего, достоинство генерала Вон-Поффенбурга, – все настоятельно требовало, чтобы эта упрямая коса была обрезана. Движимый патриотизмом, Он решил, что старого Килдерместера необходимо публично, в присутствии всего гарнизона, лишить его великолепного украшения. Старый воин со всей твердостью воспротивился, вследствие чего генерал, как подобает великому человеку, пришел в сильное негодование; преступник был арестован и предан военному суду. Ему предъявили обвинение в мятеже, дезертирстве и прочем вздоре, перечисляемом в военных уставах, кончавшееся словами: «То есть, в том, что он вопреки приказу носил косу[389] длиной в три фута, упря-

[389] …вопреки приказу носил косу… – Косы не были приняты в войске голландской колонии Новый Амстердам и были введены в американской армии в XVIII в.

танную в футляр из кожи угря». Тут начались приказ об отдаче под суд и допросы, и судебные прения, и приговор, и вся округа пришла в брожение из-за злосчастной косы. Так как хорошо известно, что командир отдаленного пограничного поста обладает властью поступать почти всегда по своему усмотрению, то не приходится сомневаться» что старый служака был бы повешен или, по меньшей мере, расстрелян, если бы он, на свое счастье, не заболел лихорадкой просто из-за досады и унижения и не сбежал самым непристойным образом от всего земного начальства, сохранив свои любимые волосы неприкосновенными. Его упрямство ничто не могло поколебать до самого последнего мгновения; умирая, он распорядился, чтобы его коса в футляре из угревой кожи торчала из дыры от выпавшего сучка, оказавшейся в одной из досок его гроба.

Этот величественный поступок сильно способствовал тому, что за генералом установилась репутация прекрасного блюстителя дисциплины, но поговаривают, будто в дальнейшем ему часто снились дурные сны и по ночам его посещали страшные видения: серый призрак старого Килдерместера стоял на часах у его постели, прямой как насос, с огромной косой, торчащей наподобие ручки.

Настоящий эпизод представляет собой пародию на приказ Джеймса Уилкинсона 1801 г., предусматривающий укорачивание кос у американских солдат.

КОНЕЦ КНИГИ ПЯТОЙ

КНИГА ШЕСТАЯ
Содержащая описание второго периода правления Питера Твердоголового и в которой дан воинственный образ великою Питера. – А также о том, как генерал Вон-Поффенбург устроил грандиозную пирушку, которая принесла ему больше неприятностей, нежели удовольствия

ГЛАВА I

До сих пор, почтеннейший и любезнейший читатель, я описывал тебе правление храброго Стайвесанта, озаренное мягким лунным светом мирного времени или, вернее, в зловещем спокойствии грозных приготовлений. Но вот грохочет боевой барабан, гремят пронзительно медные трубы, и

глухое бряцание смертоносного оружия предвещает грядущее страшное испытание. Доблестный воин пробуждается от безмятежного сна, от прекрасной мечты и сладострастной неги, в которых в нежное «хилое мирное время» он искал утех после всех трудов. Он не склоняется больше к коленям прелестной красавицы и не плетет венков, чтобы украшать ими чело возлюбленной; он не увивает больше цветами свой сверкающий меч и длинным, ленивым летним днем не изливает свою снедаемую любовью душу в нежных мадригалах. Призванный к деяниям мужества, он отталкивает нежноголосую флейту, сбрасывает с жирной спины мирную одежду и надевает на свое изнеженное тело стальные доспехи. На смуглый лоб, где недавно покачивался мирт, где пышные розы дышали расслабляющей страстью, он водружает блестящую каску с колышущимся пером; он хватает сверкающий щит и взмахивает увесистым копьем или с величавой гордостью садится на своего ретивого коня и весь пылает, предвкушая славные рыцарские подвиги!

Но, милый, добродетельный читатель! Я не хотел бы, чтобы ты подумал, будто в Новом Амстердаме существовали некие preux chevaliers,[390] закованные в уродливую сталь. Это всего лишь выспренняя и величавая манера, в которой мы, высокопарные писатели, всегда говорим о войне, чтобы этим придать ей благородный и внушительный вид; мы наделяем наших воинов щитами, шлемами, копьями и кучей других

[390] Смелые рыцари (франц.).

иноземных и устарелых доспехов (хотя, может статься, им никогда в жизни ничего подобного не доводилось видеть), как умелый ваятель облачает современного генерала или адмирала в одеяния Цезаря или Александра. Все эти ораторские украшения означают, стало быть, попросту следующее: доблестный Питер Стайвесант вдруг ни с того ни с сего счел необходимым проверить, не затупился ли его верный клинок, слишком долго ржавевший в ножнах, и приготовиться к тому, чтобы подвергнуть себя тем изнурительным тяготам войны, в которых его могучий дух находил столько наслаждения.

Кажется мне, я так и вижу его в своем воображении в этот момент, или, вернее, я смотрю на его прекрасный портрет, до сих пор висящий на стене в родовом поместье Стайвесантов. На этом портрете великий Питер предстает перед нами во всем грозном величии настоящего голландского генерала. Его парадный мундир цвета прусской синьки пышно украшен целой выставкой больших бронзовых пуговиц, шедших от талии до подбородка. Широченные полы мундира с загнутыми углами красиво расходились сзади, открывая взору зад роскошных коротких штанов зеленовато-желтого цвета – изящная мода, еще и в наши дни преобладающая среди военных и соответствующая обычаю древних героев, которые и не помышляли о том, чтобы защитить себя с тыла. Черные усы придавали лицу Питера весьма страшное, воинственное выражение; волосы его топорщились над

ушами густо напомаженными буклями, а за спиной крысиным хвостом спускалась ниже пояса коса. Блестящий галстук из черной кожи подпирал его подбородок, а маленькая, но надменная треуголка с самым доблестным и задорным видом склонялась набекрень над его левым глазом. Такова была рыцарская внешность Питера Твердоголового. И когда он вдруг остановился, прочно утвердился на своей крепкой опоре, чуть выдвинув вперед инкрустированную серебром деревянную ногу, чтобы усилить свою позицию, правой рукой подбоченился, левую положил на бронзовый эфес сабли, голову вдохновенно склонил вправо, самым устрашающим образом нахмурив изборожденный морщинами лоб, – он бесспорно представлял собой одну из самых внушительных, суровых и воинственных фигур, когда-либо гордо взиравших на вас с холста. Но перейдем теперь к изложению причин всех этих военных приготовлений.

О захватнических наклонностях шведов, подвизавшихся на Саут-Ривер, или Делавэре, мы своевременно сообщали в нашей летописи правления Вильяма Упрямого. Эти набеги, по отношению к которым проявлялось то стоическое равнодушие, что является краеугольным камнем (а по мнению Аристотеля – сомнительным соседом) истинной отваги, повторялись и нагло усиливались.

Шведы, принадлежавшие к тому сорту лицемерных христиан, которые читали Библию шиворот-навыворот, всякий раз, как она сталкивалась с их интересами, извращали золо-

тое правило, и если ближний позволял им ударить его по одной щеке, обычно били его и по другой, независимо от того, подставляли ее или нет. Их беспрестанные набеги были одной из многих причин, способствовавших тому, что Вильгельмус Кифт с его раздражительной чувствительностью все время пребывал в лихорадке; только злосчастная привычка вечно заниматься сотней дел сразу помешала ему отомстить обидчикам с той беспощадностью, какую они заслужили. Но теперь шведам пришлось иметь дело с вождем иного склада, и вскоре они стали повинны в предательстве, от которого его честная кровь закипела и чаша терпения переполнилась.

Ян Принтц, губернатор Новой Швеции, не то скончался, не то был отозван – в этом вопросе существует неясность; его сменил Ян Рисинг,[391] громадного роста швед, который, если бы не кривые колени и косолапость, мог бы послужить моделью для статуи Самсона или Геркулеса. Он был столь же жаден до добычи, сколь и силен, и вместе с тем так же коварен, как и жаден до добычи; можно поэтому не сомневаться, что живи он четырьмя-пятью веками раньше, из него вышел бы один из тех злых великанов, которым доставляло столь жестокое удовольствие, скитаясь по свету, тайно похищать страждущих девиц и запирать их в заколдованные замки, где не было ни туалетного столика, ни смены белья, ни

[391] Рисинг, Ян Классов (1617–1672) – губернатор шведской колонии в Америке (1654–1655). Захватил голландский Форт Кашемир (ныне Нью-Касл на Делавэре) и переименовал его в Форт Трефалдингет. 15 августа 1655 г. капитулировал перед голландцами.

других привычных удобств. За такое гнусное поведение великаны впали в большую немилость во всем христианском мире, и все истинные, верные и доблестные рыцари получили предписание нападать на всех злодеев свыше шести футов ростом, с какими им доведется встретиться, и немедленно убивать таких молодцов. Это послужило, несомненно, одной из причин того, что порода высоких людей у нас почти перевелась и более поздние поколения отличаются столь малым ростом.

Как только губернатор Рисинг занял свой пост, он немедленно бросил взгляд на Форт-Кашемир, ставший крупным военным постом, и принял вполне правильное решение захватить его. Оставалось только обдумать, каким способом лучше осуществить это намерение. Тут я должен отдать ему справедливость и признать, что он проявил человеколюбие, редко встречающееся среди политических руководителей и равного которому в наше время я ни разу не наблюдал, если не считать той человечности, какую проявили англичане во время славной битвы при Копенгагене.[392] Стремясь избежать кровопролития и бедствий открытой войны, он добродетельно решил не допускать ничего похожего на явные военные действия или регулярную осаду, а прибегнуть к менее славному, но более милосердному способу – вероломству.

Итак, под предлогом нанесения дружеского визита своему

---

[392] Битва при Копенгагене – 2–8 сентября 1807 г. англичане атаковали Копенгаген с моря и суши и овладели крепостью.

соседу генералу Вон-Поффенбургу в его новой резиденции, Форт-Кашемире, он сделал необходимые приготовления, с великой помпой поплыл вверх по Делавэру, тщательно соблюдая церемонии, показал свой флаг и, прежде чем бросить якорь, приветствовал крепость королевским салютом. Необычный грохот разбудил старого служаку, голландского часового, честно дремавшего на посту. Он добрые десять минут бил по кремню, тер его край углом рваной треуголки, но все было напрасно; наконец, разрядив свое кремневое ружье с помощью искры, позаимствованной из трубки одного из товарищей, он смог ответить на приветствие. Встречный салют следовало бы произвести из крепостных пушек, но они, к несчастью, не были в исправности, а на складе не хватало огнестрельных припасов; такие оплошности случались в фортах во все времена, а на этот раз они были тем более простительными, что Форт-Кашемир построили всего два года тому назад и генерал Вон-Поффенбург, его славный комендант, был полностью занят гораздо более важными для себя делами.

Рисинг, весьма довольный вежливым ответом на свой салют, просалютовал вторично, ибо хорошо знал, что эти маленькие церемонии доставляли огромное удовольствие могущественному и тщеславному начальнику форта, принимавшему их за дань, отдаваемую его величию. Затем Рисинг торжественно высадился на берег в сопровождении отряда из тридцати человек – чрезвычайно большой и пышной сви-

ты для маленького губернатора маленького поселения в те дни первобытной простоты, – по величине не уступавшего армии, какая в наше время приумножает величие пограничных командиров, следуя за ними по пятам.

Такая большая свита могла бы в сущности возбудить подозрение, если б голова великого Вон-Поффенбурга не была настолько занята всепоглощающими мыслями о самом себе, что уже не в состоянии была вместить никаких других соображений. Он попросту счел, что обилие сопровождавших Рисинга лиц было знаком уважения к нему: так великие люди, становясь между собой и солнцем, склонны совершенно затемнять истину своей тенью.

Легко можно себе представить, как польщен был генерал Вон-Поффенбург посещением столь высокой особы; его заботило лишь одно: как принять гостя таким образом, чтобы выставить себя в самом выгодном свете и произвести самое выигрышное впечатление. Главному караулу приказали немедленно явиться, и между солдатами поровну распределили оружие и обмундирование (которого у гарнизона было целых полдюжины комплектов). Какой-то высокий, тощий парень щеголял в мундире, предназначенном для человека маленького роста; полы мундира доходили ему лишь чуть ниже талии, пуговицы приходились между плечами, а рукава кончались на полпути к запястьям, так что кисти рук были похожи на две громадные лопаты; и так как мундир был слишком узок и спереди не сходился, то он соединял-

ся с помощью петель, сделанных из пары красных шерстяных подвязок. На другом солдате была старая треуголка, напяленная на затылок и украшенная пучком петушиных перьев; у третьего пара порыжевших башмаков чуть не падала с ног, между тем как четвертый, низенький коротконогий троянец, облачился в совершенно прохудившиеся, выброшенные за непригодностью генеральские штаны, которые он придерживал одной рукой, а в другой сжимал кремневое ружье. Остальные были обмундированы в таком же духе; исключение составляли три гнусных бездельника, у которых рубах вовсе не оказалось и было всего полторы пары штанов на всех, вследствие чего их отправили в карцер, чтобы они никому не попадались на глаза. Нет ничего, в чем столь полно проявлялись бы таланты благоразумного начальника, как в способности все устроить к наибольшей выгоде; именно по этой причине на наших теперешних пограничных постах (в частности, на Ниагаре) лучшее обмундирование получают те часовые, которые стоят на виду у путешественников.

Нарядив столь пышно своих солдат – те, кому не хватило ружей, взвалили на плечи лопаты и кирки, и всем было приказано заправить подолы рубах и подтянуть штаны, – генерал Вон-Поффенбург смог наконец хорошенько хлебнуть пенящегося эля, что он, подобно доблестному Мору из Мор-Холла,[393] неизменно делал во всех важных случаях; совер-

[393] Едва проснувшись поутру,Чтобы собраться с духом,Он выпивал, как говорят,Шесть кружек портера подрядИ чарочку сивухи.

шив это, он стал во главе отряда, велел настелить сосновые доски, служившие подъемным мостом, и выступил из замка, как могучий великан, только что подкрепившийся вином. Когда оба героя встретились, тут разыгралась такая сцена военного парада и рыцарских любезностей, которая не поддается никакому описанию. Рисинг, как я ранее упомянул, был проницательным, хитрым политиком и до срока поседел из-за своего коварства: он с первого взгляда распознал господствующую страсть великого Вон-Поффенбурга и стал потакать ему во всех геройских фантазиях.

Их отряды выстроились друг против друга; солдаты брали оружие на плечо и отдавали честь оружием, салютовали стоя и на ходу. Они били в барабаны, играли на трубах и развертывали знамена, держали равнение налево, держали равнение направо и поворачивали направо кругом. Они строились, перестраивались и выстраивались уступами. Они проделывали марши и контрмарши сводными отрядами, просто отрядами и более мелкими подразделениями – взводами, полувзводами и шеренгами. Шли быстрым шагом, медленным шагом и вовсе не держа шага; ибо после того, как обе великие армии проделали все эволюции, включая восемнадцать маневров Дандеса[394] (которые тогда еще не были изобретены, так что они могли их только предугадать с помощью от-

[394] Дандес, Генри (1742–1811) – английский государственный деятель, министр внутренних дел (1791–1794), военный министр (1794–1801), первый лорд адмиралтейства (1804–1805). Был обвинен в присвоении денег из государственной казны.

кровения свыше), и исчерпали все, что удалось вспомнить или придумать из области военной тактики, включая различные странные и беспорядочные передвижения, подобных которым не видывали ни до, ни после этого, если не считать некоторых недавно нами изобретенных вылазок, – оба великих командира и их войска остановились как вкопанные, совершенно изнуренные ратными трудами. Никогда двум доблестным капитанам гражданской гвардии или двум театральным героям на котурнах, исполняющим прославленные трагедии о Писарро,[395] или о Мальчике-с-Пальчик,[396] или какую-нибудь другую героическую и воинственную трагедию, не удавалось с таким блеском и на восхищение самим себе построить в боевой порядок своих висельников, коротконогих, неповоротливых овцекрадов-мирмидонян.

Когда обмен военными любезностями был окончен, генерал Вон-Поффенбург с великими церемониями проследовал со своим славным гостем в форт, сопровождал его при обходе укреплений и показал ему горнверки, кронверки, равелины и разные другие застенные укрепления, вернее, те места, на которых их полагалось возвести и где их могли бы возвести, если бы он того пожелал. Таким образом он ясно дал

---

[395] …трагедия о Писарро… – имеется в виду мелодрама Р. Шеридана «Писарро», представляющая собой переработку «Испанцев в Перу» А. Коцебу; пьеса с большим успехом была поставлена в лондонском театре Дрюри-Лейн в 1799 г.

[396] …о Мальчике-с-Пальчик… – драматическая пародия Г. Филдинга «Трагедия трагедий, или Жизнь и смерть Великого Мальчика-с-Пальчик» (1730), направленная против пьес ложно-патетического характера.

понять, что перед Форт-Кашемиром открываются «большие возможности», и хотя в настоящее время это всего лишь маленький редут, он несомненно является грозной крепостью в зачаточном состоянии. Показав шведам форт, он выстроил затем весь гарнизон, устроил ему учение и парад, а под конец приказал выволочь из карцера трех арестантов, привести их к решетке, сооруженной из алебард, и хорошенько выпороть – ради удовольствия гостя и чтобы тот знал, какой он великий ревнитель дисциплины.

Для коменданта крепости нет ничего опаснее, чем дать врагу представление о силе – или, как в данном случае, о слабости своего гарнизона; эта истина подтвердится, прежде чем я дойду до конца моего теперешнего рассказа, который, следовательно, содержит нравоучение в самой своей середине, как жареный гусь – начиняющий его пудинг. Коварный Рисинг, делая вид, что он совершенно онемел от удивления, пораженный могуществом великого Вон-Поффенбурга, отметил про себя плохое состояние гарнизона, о чем и намекнул своим верным спутникам, которые подмигнули друг другу и громко рассмеялись – в кулак.

Когда с осмотром, парадом и поркой было покончено, гости и хозяева уселись за стол. Наряду с другими отменными качествами, генерал отличался непомерной любовью к званым обедам, или, вернее, к пирушкам, и за однодневную кампанию мог уложить на поле сражения больше мертвых тел, чем за все время своей военной службы. Много бюл-

летеней об этих бескровных победах сохранилось до наших дней; вся провинция была однажды приведена в изумление сообщением об одной из его кампаний, во время которой, по утверждению современников, он, имея, как капитан Бобадиль,[397] под началом всего двадцать человек, умудрился за короткий срок в полгода победить и полностью уничтожить шестьдесят быков, девяносто свиней, сто баранов, десять тысяч кочанов капусты, тысячу бушелей картофеля, сто пятьдесят полубочонков легкого пива, две тысячи семьсот тридцать пять трубок табаку, семьдесят восемь фунтов миндаля в сахаре и сорок железных полос, не считая разной закуски, дичи, домашней птицы и овощей. Это был подвиг, ни с чем не сравнимый со времен Пантагрюэля[398] и его всепожирающей армии и доказывавший, что стоит пустить Вон-Поффенбурга с гарнизоном во вражескую страну, как через короткое время там наступит голод и все Жители умрут.

Итак, лишь только генерал получил первые известия о предстоящем посещении губернатора Рисинга, он распорядился приготовить грандиозный обед и втихомолку отпра-

---

[397] Капитан Бобадиль – хвастливый и трусливый вояка в комедии Бена Джонсона «Всяк в своем нраве» (1598), похвалявшийся, что с отрядом в 20 человек он может уничтожить 40-тысячную армию. Его «метод» заключался в том, чтобы убивать по 20 человек из войска противника до тех пор, пока вся армия будет перебита.

[398] …со времен Пантагрюэля… – Перечень уничтоженной генералом Вон-Поффенбургом за полгода живности и съестных припасов напоминает обильные трапезы Пантагрюэля в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532–1564).

вил отряд самых опытных солдат обшарить все курятники по соседству и наложить контрибуцию на свиные хлева; старые служаки были давно приучены к подобным делам и выполнили порученную им задачу с таким невероятным рвением и с такой быстротой, что столы в крепости ломились под тяжестью принесенной ими добычи.

От всей души хотел бы я, чтобы мои читатели могли видеть доблестного Вон-Поффенбурга, когда он председательствовал на праздничном пире; это было достойное внимания зрелище: там он сидел, осиянный величайшей славой, окруженный своими солдатами, как тот знаменитый пьяница Александр,[399] чьим талантом по части удовлетворения жажды он весьма искусно подражал; он рассказывал о своих приключениях, когда ему случалось бывать на волосок от гибели, и о героических подвигах. Все знали, что то было самое безудержное, чудовищное хвастовство, но тем не менее закатывали глаза от восхищения и время от времени издавали удивленные возгласы. Стоило генералу произнести что-либо, хотя бы отдаленно напоминавшее шутку, как дюжий Рисинг принимался стучать своим крепким кулаком по столу, отчего звенели все стаканы, откидывался в кресле, разражался оглушительными раскатами хохота и клялся, пересыпая свои слова ужаснейшей бранью, что никогда в жиз-

---

[399] …знаменитый пьяница Александр – имеется в виду Александр Македонский. Очевидно, Ирвинг вспоминает соответствующее место из «Дон Кихота» (II, 2), где говорится о склонности Александра Великого к пьянству.

ни не доводилось ему слышать такой замечательной шутки. Итак, в Форт-Кашемире все предавались шумному веселью и буйной попойке, а великий Вон-Поффенбург столь старательно прикладывался к бутылке, что не прошло и четырех часов, как он сам и весь его гарнизон, который усердно подражал своему начальнику, мертвецки пьяные распевали песни, опорожняли полные до краев стаканы и провозглашали тосты в честь Четвертого июля, из которых каждый был не менее длинным, чем уэльская родословная или тяжба в суде лорда-канцлера.

Как только дело дошло до этого, коварный Рисинг и его шведы, предусмотрительно оставшиеся трезвыми, накинулись на своих хозяев, связали их по рукам и по ногам и от имени шведской королевы Христины формально вступили во владение фортом и всеми подчиненными ему поселениями; одновременно они заставили принести присягу на верность тех голландских солдат, которых удалось достаточно протрезвить для того, чтобы они могли ее принять. Затем Рисинг привел в порядок укрепления, назначил комендантом своего благоразумного и бдительного друга, Свена Скутца, высокого, иссушенного ветром, ничего, кроме воды, не пьющего шведа, и отбыл, захватив с собой воистину любезный гарнизон и его могущественного командира, которые, придя в себя после изрядной порции колотушек, имели немалое сходство с «тухлой рыбой» или с раздувшимся морским чудовищем, пойманным на суше.

Гарнизон был увезен для того, чтобы в Новом Амстердаме не узнали о случившемся, ибо Рисинг, хотя его военная хитрость увенчалась полным успехом, страшился мести решительного Питера Стайвесанта, чье имя наводило на соседей такой же ужас, как некогда имя непобедимого Скандербега[400] среди его гнусных врагов, турок.

[400] Скандербег (Георгий Кастриот, 1405–1468) – герой освободительной борьбы албанского народа против турецкого ига. В 1443 г. возглавил народное восстание против турок.

ГЛАВА II

В которой показывается, как глубочайшие тайны неожиданно выплывают на свет божий; а также о том, что предпринял Питер Твердоголовый, узнав о злоключениях генерала Вон-Поффенбурга.

Тот, кто первый вздумал утверждать, будто слава – или молва – принадлежит к более мудрому полу, был настоящим олухом. На самом деле ей а поразительной степени свойственны определенные женские черты, в частности, то благожелательное стремление заниматься чужими делами, которое заставляет ее постоянно охотиться за тайнами, а затем шляться повсюду, разглашая их каждому встречному. На все, что делается открыто, на виду у всех, молва обращает лишь преходящее внимание; но если поступок совершен в закоулке и его стараются окутать тайной, тогда наша богиня из кожи вон лезет, чтобы выведать ее и с злобным, чисто дамским удовольствием рассказать о ней всему миру. Именно это подлинно женская склонность вечно побуждает ее пытаться проникнуть в приемные государей, заставляет подслушивать сквозь замочную скважину у дверей сенатских зал, подглядывать через щели и трещины, когда наш почтенный конгресс заседает при закрытых дверях, обсуждая вопрос о том, на каком из дюжины великолепных способов

погубить народ ему следует остановить свой выбор. Именно это делает молву столь ненавистной для всех осмотрительных государственных деятелей и интриганов-военачальников, и таким камнем преткновения для частных сговоров и тайных экспедиций, нередко разоблачаемых ею способами и средствами, которые может изобрести только женский ум.

Так обстояло дело и в случае с Форт-Кашемиром. Конечно, коварный Рисинг воображал, будто, захватив гарнизон, он достигнет того, что сведения о судьбе Вон-Поффенбурга и его солдат не скоро дойдут до ушей доблестного Стайвесанта. Однако весть о его подвиге разнеслась по свету, когда он меньше всего этого ожидал; и виновником оказался человек, которого Рисинг никак бы не заподозрил в том, что он завербуется в глашатаи богини с разинутым ртом.

Этим человеком был некий Дирк Скуйлер (или Скалкер[401]) – частый гость форта, который всех сторонился и, казалось, сам себя поставил вне закона. Он принадлежал к числу тех бродяг без роду и племени, которые держатся особняком, словно им нет дела до других или они не имеют права жить вместе с другими, и представляют, подобно браконьерам и контрабандистам, подонки общества. В каждом гарнизоне и каждой пограничной деревне бывает по одному или по нескольку таких козлов отпущения, чья жизнь до известной степени загадка, чье существование ничем не оправдано; они пришли бог весть откуда, живут бог весть как и, ви-

[401] Скалкер – по-английски означает трус, ленивец.

димо, посылаются на землю только для того, чтобы пополнять древний, славный орден лентяев. В жилах нашего бродячего философа была, как предполагали, примесь индейской крови; это отчасти проявлялось в чертах его лица, цвете кожи и, особенно, в склонностях и привычках. Обычно он носил полуиндейский костюм, с ремнем, крагами и мокассинами. Волосы свисали с его головы прямыми длинными прядями и придавали ему еще более плутоватый вид. В старину говорили, что человек с примесью индейской крови – наполовину цивилизованный, наполовину дикий и наполовину дьявол, причем третьей половиной он наделяется для своего собственного удобства. По тем же причинам и, вероятно, столь же справедливо, поселенцы с берегов Миссисипи называют жителей девственных лесов Кентукки полулюдьми, полулошадьми и полукрокодилами и соответственно относятся к ним с великим почтением и отвращением.

Приведенное выше описание солдаты Форт-Кашемира нашли бы вполне приложимым к Дирку Скуйлеру, которого они фамильярно называли Galgenbrock (то есть Висельник) Дирк. Несомненно одно: он, по-видимому, не считал себя ничьим подданным, был ярым противником работы, ни в коей мере не признавая ее достойной уважения, и слонялся по форту, питаясь тем, что пошлет ему случай, напиваясь допьяна, когда удавалось раздобыть спиртного, крадя все, что попадало под руку, Почти каждый день ему пересчитывали ребра за его проступки, но, так как кости оставались целы, он

относился к этому очень легко и не колеблясь совершал новые проделки, как только ему опять представлялась возможность. Иногда, после того, как его ловили на месте преступления, ему приходилось исчезать из крепости и отсутствовать по месяцу подряд, прячась в лесах и болотах, с длинным охотничьим ружьем за спиной, поджидая в засаде дикого зверя, или усевшись на корточках на берегу озерка и часами ловя рыбу, сильно напоминая при этом всем известного журавля. Когда он решал, что его провинности забыты или прощены, он пробирался обратно в форт со связкой шкурок или нанизанными на бечевку курами, которых ему удалось уворовать, и обменивал их на водку; как следует пропитавшись спиртом, он ложился на солнышке и наслаждался роскошной праздностью по примеру бесстыдного философа Диогена.[402] Дирк наводил ужас на все фермы в округе, совершая на них страшные набеги; иногда с первыми лучами солнца он внезапно появлялся в крепости, преследуемый по пятам всеми соседними жителями, как подлая лисица-воровка, которую заметили, когда она подкрадывалась к добыче, и гнали до ее норы. Таков был Дирк Скуйлер; по полному безразличию, какое он проявлял к суетному свету и его заботам, по свойственной ему воистину индейской выдержке и молчаливости никому не пришло бы в голову, что он-то и разгласит предательство Рисинга.

---

[402] Диоген (404–323 до н. э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников. По преданию, Диоген жил в бочке.

Пока шла пирушка, оказавшаяся столь роковой для храброго Вон-Поффенбурга и его бдительного гарнизона, Дирк незаметно переходил из комнаты в комнату, словно пользующийся особыми правами бродяга или приблудная охотничья собака, на которую никто не обращает внимания. Но хотя был он на слова скуп, однако у него, как и у других молчаливых людей, глаза и уши были всегда открыты, так что, слоняясь по дому, он подслушал весь заговор шведов. Дирк сразу же про себя прикинул, как ему поступить, чтобы дело обернулось к его пользе. Он прекрасно разыграл роль всеобщего приятеля, иначе говоря, забрал все, до чего только мог дотянуться, обокрал и хозяев и гостей, нахлобучил себе на голову отделанную медью треуголку могущественного Вон-Поффенбурга, сунул под мышку пару огромных ботфортов Рисинга и улизнул подобру-поздорову до того, как события в крепости пришли к развязке и в ней началась сумятица.

Убедившись, что ему больше нет пристанища в этих краях, он направил свой путь на родину, в Новый Амстердам, откуда ему некогда пришлось поспешно скрыться из-за неудачи в делах, другими словами, из-за того, что его поймали на краже овец. Он много дней скитался в лесах, пробирался через болота, переходил вброд ручьи, переплывал реки и, преодолев тысячу трудностей, которые погубили бы всякого, кроме индейца, жителя девственных лесов и дьявола, прибыл, наконец, полумертвый от истощения и худой, как голодающая ласка, в Коммунипоу; там он украл челнок

и, добравшись до противоположного берега, очутился в Новом Амстердаме. Сразу же после высадки он отправился к губернатору Стайвесанту и, потратив больше слов, чем было им произнесено за всю его жизнь, рассказал о случившейся беде. Услышав страшное известие, доблестный Питер вскочил с места, как сделал отважный король Артур, когда в «веселом Карлайле» до него дошла весть о недостойных злодеяниях «свирепого барона»; не вымолвив ни слова, он сломал трубку, которую до того курил, о заднюю стенку печи, заложил за левую щеку огромную жвачку темного крепкого табаку, подтянул свои широкие штаны и зашагал взад и вперед по комнате, ворча себе под нос, как он имел обыкновение делать в гневе, самые отвратительные северо-западные ругательства. Однако, как я уже раньше говорил, он был не такой человек, чтобы изливать свою злобу в пустой болтовне. После того, как приступ ярости прошел, он первым делом заковылял наверх, к огромному деревянному сундуку, который служил ему цейхгаузом, и вынул тот самый парадный мундир, что был описан в предыдущей главе.

В это грозное одеяние он облачился, как Ахиллес в доспехи, выкованные Вулканом, храня все время самое жуткое молчание, сдвинув брови и с трудом дыша сквозь стиснутые зубы. Поспешно одевшись, он с грохотом спустился в гостиную, как второй Магог, и сорвал свою верную саблю, висевшую по обыкновению над очагом; но прежде чем прицепить саблю к поясу, он извлек ее из ножен и, пока его

взгляд скользил по заржавленному клинку, угрюмая улыбка заиграла на его суровом лице. Это была первая улыбка за долгие пять недель, но каждый, кто видел ее, пророчил, что скоро в провинции начнутся жаркие дела!

Итак, приведя себя в полную боевую готовность, с печатью ужасной ярости на всем – даже его треуголка приобрела необыкновенно вызывающий вид, – он уже был начеку и посылал Антони Ван-Корлеара туда и сюда, в ту сторону и в эту, по всем грязным улицам и кривым переулкам города, чтобы звуками трубы созвать своих верных товарищей на не терпящий отлагательства совет. Сделав это, он по обыкновению тех, кто спешит, продолжал все время суетиться, бросался в каждое кресло, высовывал голову из каждого окна и, стуча своей деревянной ногой, носился вверх и вниз по лестнице в таком быстром и непрестанном движении, что беспрерывный стук его шагов, как сообщил мне один заслуживающий доверия историк того времени, изрядно напоминал музыку бочара, набивающего обручи на кадушку для муки.

Столь настоятельным приглашением, исходившим к тому же от такого горячего человека, как губернатор, нельзя было пренебречь; поэтому новоамстердамские мудрецы сразу же направились в залу совета. Доблестный Стайвесант вошел в нее, блистая военной выправкой, и занял свое место, как второй Карл Великий среди своих паладинов. Советники сидели в полном молчании и, закурив длинные трубки, с невозмутимым спокойствием уставились на его превосходи-

тельство и его парадный мундир; как и всех советников, их нелегко было смутить или застать врасплох. Губернатор, не дав им времени оправиться от удивления, которого они не испытывали, обратился к ним с краткой, но проникновенной речью.

Мне очень жаль, что я не обладаю преимуществами Ливия, Фукидида. Плутарха и других моих предшественников, у которых, как мне говорили, были речи всех их великих императоров, генералов и ораторов, записанные лучшими стенографами того времени; ведь благодаря этому названные историки имели возможность великолепно разукрасить свои рассказы и доставить удовольствие читателям высочайшими образцами красноречия. Лишенный столь существенной помощи, я никак не могу передать содержание речи, произнесенной губернатором Стайвесантом. Быть может, он с девичьей застенчивостью намекнул слушателям, что «на горизонте появилось пятнышко войны», что придется, пожалуй, приступить к «невыгодному для обеих сторон соревнованию в том, кто кому причинит больше всего вреда», или же прибегнул к какому-нибудь другому деликатному обороту речи, посредством которого нынешние государственные деятели так чопорно и скромно касаются ненавистной темы войны – словно доброволец-джентльмен, надевающий перчатки, чтобы не запачкать свои изящные пальцы прикосновением к грязному, закопченному порохом оружию.

Зная, однако, характер Питера Стайвесанта, я осмелюсь

утверждать, что он не стал укутывать грубую суть своих слов в шелка и горностаевый мех и в прочие порожденные изнеженностью наряды, но изъяснился так, как подобало человеку сильному и решительному, считавшему недостойным избегать в словах тех опасностей, с которыми он готов был встретиться на деле. Не подлежит сомнению одно: в заключение речи он объявил о своем намерении лично повести войска и изгнать этих торгашей-шведов из захваченного ими Форт-Кашемира. Те советники, что не спали, встретили это смелое решение обычными знаками одобрения, а остальные, мирно уснувшие в середине губернаторской речи (их «всегдашняя послеобеденная привычка»), не сделали никаких возражений.

Теперь в прекрасном городе Новом Амстердаме началась сильнейшая суматоха, шли приготовления к суровой войне. Отряды вербовщиков расхаживали повсюду, волоча длинные знамена по грязи, которой, как и в наши дни, были милосердно покрыты улицы – на благо несчастным людям, страдающим от мозолей. Бодро взывали они ко всем нищим, бродягам и оборванцам Манхатеза и соседних городов, желающим заработать по шести пенсов в день и вечную славу на придачу, и предлагали им записаться в рекруты ради защиты дела чести. Мне хотелось бы, чтобы вам было ясно, что воинственные герои, увязывающиеся за победителями, обычно принадлежат к тому сорту джентльменов, для которых одинаково открыт путь в армию и в исправительный дом, к

решетке из алебард и к позорному столбу, которым госпожа Фортуна уготовила равные шансы умереть от меча и от веревки, и чья смерть во всех случаях будет возвышенным примером для соотечественников.

Однако, несмотря на все воинственные крики и приглашения, почетные ряды защитников отечества пополнялись скудно – столь велико было отвращение мирных граждан Нового Амстердама к вмешательству в чужие ссоры и к тому, чтобы покинуть свой дом, бывший для них средоточием всех земных помыслов. Увидя это, великий Питер, чье благородное сердце было объято воинственным пылом и жаждой сладкого мщения, решил не дожидаться больше запоздалой помощи разжиревших бюргеров, а самому устроить смотр своим молодцам с берегов Гудзона; ведь он вырос, как и наши кентуккские поселенцы, в глуши, среди лесов и диких зверей, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем отчаянные приключения и опасные путешествия по дикой стране. Приняв такое решение, он приказал своему верному оруженосцу, Антони Ван-Корлеару, чтобы правительственную галеру подготовили к плаванию и как следует снабдили съестными припасами. Когда все было в точности выполнено, Питер Стайвесант, как подобало настоящему и благочестивому губернатору, почтил своим присутствием богослужение в большой церкви Святого Николая, а затем, строжайше приказав своему совету собрать и снарядить все манхатезское рыцарство к своему возвращению, отправился

в вербовочное плавание вверх по течению Гудзона.

ГЛАВА III

Содержащая описание путешествия Питера Стайвесанта вверх по Гудзону, а также чудесных услад этой прославленной реки.

Мягкий южный ветер ласково скользил по прелестному лику природы, смягчая удушливую летнюю жару и превращая ее в живительное и плодотворное тепло, когда чудо отваги и рыцарской добродетели, бесстрашный Питер Стайвесант, поставил паруса по ветру и отчалил от славного острова Манна-хаты. Галера, на которой он совершал плавание, была пышно расцвечена яркими вымпелами и флагами, весело развевавшимися на ветру или же опускавшими свои концы в речную пучину. Нос и корма величественного корабля в соответствии с прекраснейшим голландским обычаем были изящно украшены нагими фигурами маленьких пухлых амуров с париками на голове, державших в руках гирлянды цветов, подобных которым вы не найдете ни в одном ботаническом справочнике, ибо то были цветы несравненной красоты, росшие в золотом веке и ныне существующие только в воображении изобретательных резчиков по дереву и холстомарателей.

Великолепно украшенная, как подобало сану могущественного властителя Манхатеза, галера Питера Стайвесан-

та неслась по стрежню благородного Гудзона, который, катя свои широкие волны к океану, на мгновение, казалось, замедлял бег и вздувался от гордости, словно сознавая, какой славный груз вручен его попечению.

Но поверьте мне, джентльмены, картины, представшие взгляду экипажа галеры, были далеко не теми, какие можно увидеть в наше вырождающееся время. Полное безлюдье и дикое величие царили на берегах могучей реки; рука цивилизации еще не уничтожила темные леса и не смягчила характер ландшафта; торговые суда еще очень редко нарушали это глубокое и величественное уединение, длившееся столетиями. Тут и там можно было увидеть первобытный вигвам, прилепившийся к скале в горах, над которым в прозрачном воздухе поднимался клубящийся столб дыма; однако вигвам стоял так высоко, что крики индейской детворы, резвившейся на краю головокружительной пропасти, доносились столь же слабо, как песня жаворонка, затерянного в лазурном небосводе. Время от времени дикий олень появлялся на нависшей вершине скалистого обрыва, робко смотрел оттуда на великолепное зрелище, расстилавшееся внизу; затем, покачав в воздухе ветвистыми рогами, он прыжками мчался в лесную чащу.

Таковы были картины, мимо которых плыло гордое судно Питера Стайвесанта. Вот оно прошло вдоль подножия скалистых возвышенностей Джерси; они вздымаются как несокрушимая стена, поднимающаяся от поверхности реки к

небесам, и, если верить преданию, их создал в давно прошедшие времена могущественный дух Маниту,[403] чтобы скрыть свое любимое жилище от святотатственных взглядов смертных. Вот оно весело промчалось по просторной глади залива Таппан, на широко раскинувшихся берегах которого взору открывается множество разнообразных и прелестных ландшафтов: тут мыс с крутыми берегами, увенчанными густолиственными деревьями, далеко выступает в залив; там длинный лесистый склон, радуя глаз своей буйной роскошью, поднимается от берега и заканчивается высоко вверху мрачным обрывом, а вдали длинные извилистые цепи скалистых гор отбрасывают на воду гигантские тени. На смену этим грандиозным картинам ненадолго появляется скромный пейзаж, который как бы отступает под защиту опоясывающих его гор и кажется настоящим сельским раем, полным мирных, пастушеских красот: здесь и лужайка с бархатистой травой, и заросли кустарника, и журчащий ручеек, украдкой вьющийся среди свежей и яркой зелени, на берегу которого стоит индейская деревушка или наспех сколоченная хижина одинокого охотника.

Различные периоды быстротекущего дня с присущим каждому из них коварным волшебством придают окрестным местам различное очарование. Вот ликующее солнце во всем своем великолепии появилось на востоке, ярко сияя с вершины восточных холмов и рассыпая по земле тысячи брил-

[403] Маниту – верховное божество у индейцев.

лиантов росы, между тем как вдоль берегов реки все еще висит тяжелая завеса тумана, который, как ночной разбойник, потревоженный первыми проблесками зари, с угрюмой неохотой поднимается по склонам гор. В это время все было ярким, живым и радостным; воздух казался неописуемо чистым и прозрачным, птицы заливались шаловливыми мадригалами и свежий ветерок весело нес корабль вперед. Но когда солнце среди великолепного полыхания заката скрывалось на западе, озаряя небо и землю тысячью пышных красок, тогда повсюду воцарялись покой и торжественная тишина. Парус, прежде наполненный ветром, теперь безжизненно висел, прижимаясь к мачте; простой матрос, скрестив на груди руки, прислонился к вантам, впав в ту невольную задумчивость, которую спокойное величие природы нагоняет даже на самых грубых ее детей. Широкая гладь Гудзона была похожа на безмятежное зеркало, в котором отражалось золотое великолепие неба. Лишь изредка по реке скользил челнок из древесной коры, и яркие перья раскрашенных дикарей внезапно сверкали, когда случайно замешкавшийся луч заходящего солнца падал на них с западных гор.

Но когда волшебные сумерки окутывали все вокруг своей таинственной мглой, тогда лик природы приобретал тысячу неуловимых чар, неизъяснимо захватывающих те достойные сердца, которые ищут услады в величественных творениях создателя. Мягкого, колеблющегося света, господствующего в это время, достаточно для того, чтобы окрасить смяг-

чившиеся черты ландшафта в призрачные тона. Обманутый, но восхищенный взгляд тщетно пытается разглядеть среди широко раскинувшейся завесы тени границу между сушей и водой или различить меркнущие предметы, как бы погруженные в хаос. Недремлющее воображение приходит на помощь слабому зрению и с непревзойденным мастерством создает собственные сказочные призраки. От прикосновения его волшебной палочки голые скалы, нависшие над водяной пучиной, превращаются в подобие величественных башен и высоких, украшенных зубцами замков; деревья приобретают страшные очертания могучих великанов, а недоступные вершины гор кажутся населенными тысячами призрачных существ.

Вот с берегов донеслось жужжание бесчисленных насекомых, наполнявших воздух странной, но довольно гармоничной музыкой, посреди которой то и дело слышалась печальная жалоба козодоя: взгромоздившись на одинокое дерево, он оглашал ночь своими надоедливыми беспрестанными стонами. Душа, проникнутая умиротворением и благоговейной грустью при виде этого величаво-таинственного зрелища, прислушивалась к задумчивой тишине, стараясь уловить и различить каждый звук, смутно доносившийся с берега; время от времени она содрогалась от крика какого-нибудь блуждающего в темноте дикаря или от заунывного воя трусливого волка, крадущегося в ночи за добычей.

Так Питер Стайвесант и его спутники благополучно сле-

довали по своему пути, пока не очутились в тех страшных ущельях, именуемых Хайлендс,[404] где в голову невольно приходит мысль, будто именно здесь исполинские Титаны впервые начали нечестивую войну с небесами, нагромождая одну скалу на другую и расшвыривая в диком беспорядке огромные камни. Однако на самом деле история этих гор, касающихся облаков, совершенно иная. В давно прошедшие дни, до того, как Гудзон проложил путь своим водам из озер, они были обширной темницей, в скалистые недра которой всемогущий Маниту заключил мятежных духов, недовольных его властью. Там, закованные в несокрушимые цепи, зажатые в расщепленные молнией сосны или придавленные тяжелыми каменными глыбами, стонали они многие века. Наконец, гордый Гудзон в своем неудержимом беге к океану взломал их тюрьму и торжествующе покатил свои волны среди ее грандиозных развалин.

Но многие из мятежных духов все еще таятся в своих прежних убежищах; они-то, как утверждают древние легенды, и порождают эхо, которое оглашает эту жуткую пустыню; это не что иное, как яростные крики, испускаемые ими, лишь только какой-нибудь шум нарушит их глубокий покой. Но когда буря приводит в движение стихии, когда поднимается ветер и гремят громовые раскаты, тогда ужасны становятся завыванье и крики потревоженных духов, и горы вторят их зловещим стонам; говорят, в такую пору духи дума-

[404] Хайлендс – по-английски означает «горная страна».

ют, что великий Маниту вернулся на землю, чтобы еще раз ввергнуть их в мрачные пещеры, где они снова окажутся в мучительном плену.

Впрочем, доблестному Стайвесанту было не до всех этих чудесных, великолепных картин; ничто не занимало его деятельный ум, кроме мыслей о беспощадной войне и гордого предвкушения отважных воинских подвигов. Да и верные члены его экипажа не тревожили свои праздные умы такого рода романтическими размышлениями. Кормчий, сидя за рулем, спокойно курил трубку, не думая ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем; те из его товарищей, что не храпели во все носовые завертки, забравшись в трюмы, слушали с разинутыми ртами Антони Ван-Корлеара, который, сидя на брашпиле, рассказывал удивительные истории о мириадах светлячков, сверкающих, как драгоценные камни, и усеивающих блестками темное одеяние ночи. Предание гласит, что светлячки первоначально были злыми ведьмами, существовавшими испокон веков и жившими в этих местах с незапамятных времен; они принадлежали к той гнусной породе, которую выразительно называют фуриями. За бесчисленные грехи, совершенные ими против человеческого рода, и для того, чтобы послужить грозным предупреждением для прекрасного пола, они были обречены тучами прозябать на земле в виде наводящих страх жучков, претерпевающих муки от того огня, который они прежде хранили в сердце и изливали в своих словах, а ныне осуждены вечно носить у

себя в хвосте!

Перехожу теперь к рассказу об одном событии, в истинности которого мои читатели, пожалуй, усомнятся; но если так, тогда, милости просим, пусть они не верят ни одному слову из всего моего повествования, ибо в нем нет ничего более правдивого. Надо сказать, что нос у трубача Антони был весьма основательных размеров и гордо красовался на его лице, как гора Голконда,[405] пышно сверкая рубинами и другими самоцветами – подлинными регалиями короля выпивох, которыми веселый Бахус награждает всех, кто усердно прикладывается к бутылке. И вот случилось так, что однажды рано утром наш добрый Антони, умыв свою толстую физиономию, нагнулся над поручнями галеры и стал созерцать себя в прозрачной воде за бортом. Как раз в это мгновение ослепительное солнце, взойдя во всем своем великолепии и брызнув светом из-за высокого утеса Хайлендса, метнуло один из самых ярких своих лучей прямехонько в сияющий музыкантский нос, отражение которого тотчас же устремилось вниз и, зашипев при соприкосновении с водой, поразило насмерть большого осетра, резвившегося около судна! Из этой чудовищной рыбины, с огромным трудом вытащенной на палубу, получился роскошный обед для всего экипажа; все признали, что она отменного вкуса, кроме частей вокруг раны, слегка отдававших серой. Это был, насколько мне известно, первый случай, когда христиане в здешних краях

[405] Голконда – город в Индии, знаменитый драгоценными камнями.

ели осетра, Domine[406] Ганс Мегаполенсис[407] рассказывая об окрестностях Олбани в письме, написанном через некоторое время после основания там поселения, говорит: «В этой реке водится очень много осетров, которых мы, христиане, в пищу не употребляем, а индейцы едят с жадностью».

Питер Стайвесант, узнав о столь изумительном чуде и отведав незнакомой рыбы, как легко можно предположить, очень удивился; в ознаменование этого события он дал большому мысу по соседству название Нос Антони,[408] сохранившееся до наших дней.

Но погодите. Куда я забрел? Честное слово, если я собираюсь сопровождать славного Питера Стайвесанта в его путешествии, то никогда не кончу, ибо не было еще путешествия, столь полного чудесными событиями, и не было реки, столь изобиловавшей беспримерными красотами, достойными особого упоминания. Даже сейчас с кончика моего пера так и рвется рассказ о том, как команда Питера, высадившись на берег за Хайлендсом, была страшно напугана толпой веселых, крикливых чертей, которые скакали и резвились на громадной плоской скале, нависшей над рекой и поныне называющейся Duyvel's Dans-Kamer.[409] Но нет, Дидрих Никербокер, не пристало тебе бездельничать во время твоего ис-

---

[406] Господин

[407] Ганс Мегаполенсис – см. примечание 14, гл. II, кн. первая.

[408] Нос Антони – гористый мыс на восточном берегу Гудзона, близ Корнуолла.

[409] Дьявольская танцевальная зала (голл.).

торического путешествия.

Помни, что, останавливаясь со свойственной твоему возрасту безрассудной болтливостью на этих чудесных картинах, дорогих твоему сердцу благодаря воспоминаниям юности и очарованию тысяч легенд, услаждавших слух простодушного ребенка, помни, что ты тратишь по пустякам те быстро текущие мгновения, которые следовало бы посвятить более возвышенным предметам. Разве время – безжалостное время! – немеющей рукою уже не встряхивает перед тобой почти пустые песочные часы? Спеши же продолжить свой утомительный труд, чтобы последние песчинки не исчезли до того, как ты закончишь свою прославленную историю Манхатеза.

Итак, препоручим неустрашимого Питера, его доблестную галеру и верную команду покровительству блаженного святого Николая, который, без сомнения, посодействует успеху его плавания, пока мы будем ждать возвращения наших путешественников в великом городе Новом Амстердаме.

ГЛАВА IV

В которой описывается могучая армия, собравшаяся в Новом Амстердаме, а также встреча Питера Твердоголового с генералом Вон-Поффенбургом и чувства Питера в отношении несчастных великих людей.

В то время как отважный Питер на всех парусах плыл вверх по течению гордого Гудзона и поднимал на борьбу все маленькие сонные голландские поселения, расположенные на его берегах, в город Новый Амстердам стекались толпы могучих воинов. Об этом сборище стайвесантская рукопись, бесценный осколок древности, дает самые подробные сведения, с помощью которых я имею возможность описать славное войско, расположившееся лагерем на площади против форта, которая в настоящее время называется Боулинг-Грин.[410]

Итак, в центре стояла палатка ратных людей с Манхатеза, которые, будучи жителями столицы, составляли лейбгвардию губернатора. Ими командовал доблестный Стоффель Бринкерхоф, некогда стяжавший бессмертную славу в битве при Устричной бухте. Знаменем им служило изображение стоящего на задних лапах могучего бобра на аранжевом поле – герб провинции, указывавший на упорное трудолюбие

[410] Боулинг-Грин – по-английски означает «лужайка для игры в шары».

и земноводное происхождение доблестных нидерландцев.[411]

По правую руку от них можно было увидеть вассалов прославленного мингера Майкла Поу,[412] который господствовал над прекрасными землями древней Павонии и областями к югу от нее вплоть до Навесинкских гор,[413] и был, кроме того, владетельным господином острова Виселицы. На его знамени, которое нес верный оруженосец Корнелиус Ван-Ворст, была изображена огромная лежащая устрица на поле цвета морской воды, являвшаяся геральдической эмблемой его любимой столицы, Коммунипоу. Майкл Поу привел в лагерь отряд храбрых воинов в тяжелых доспехах; на каждом было по десяти пар штанов грубой шерсти и по касторовой шляпе с широкими полями, за лентой шляпы торчала короткая трубка. То были люди, которые выросли на илистых берегах Павонии, принадлежали к числу настоящих медноголовых и

---

[411] Такое же изображение было на большой государственной печати Новых Нидерландов, в чем можно и теперь убедиться на старинных документах.

[412] Кроме упоминаний в стайвесантской рукописи, я обнаружил сведения об этом знаменитом владетельном господине в другой рукописи, где говорится: «De Heer (то есть господин) Майкл Поу, голландский подданный, около 10 августа 1630 года приобрел по договору остров Статен. N. B. Тот же Майкл Поу был владельцем, как ее называют голландцы, Павонской колонии на Джерсийском берегу, напротив Нью-Йорка, старостой которой в 1636 году был Кронелиус Ван-Ворст; человек с той же фамилией, прямой потомок упомянутого Ван-Ворста, в 1769 году владел Поул-Хуком и большой фермой в Павонии.

[413] Они назывались так по индейскому племени навесинков, населявшему эти края; теперь их ошибочно называют Неверсинкскими или Неверсонкскими горами.

вели свое происхождение, если верить легендам, от устриц.

В некотором отдалении расположилась лагерем компания воинов, пришедших из окрестностей Хелл-Гейта. Ими командовали Сои-Дамы и Ван-Дамы, самые невоздержанные на язык и закоренелые богохульники, что подтверждает их фамилия.[414] Это были страшные на вид молодчики, одетые в широкие долгополые плащи из грубого сукна того странного темно-серого цвета, который называют «гром и молния»: на знамени у них были три стрекозы, летящие по огненно-красному нолю.

Рядом стояла палатка ратных людей с болотистых берегов Вал-Богтиха[415] и из близлежащих мест. Эти воины отличались угрюмым видом по той причине, что питались крабами, в изобилии водившимися в тех краях. Они были первооснователями почтенного рыцарского ордена, называемого флаймаркетскими жуликами, и, если предание говорит правду, изобрели также широкоизвестное танцевальное па, называемое «двойной притоп». Ими командовал бесстрашный Якобус Варравангер; у них был также веселый оркестр из бруклинских паромщиков, которые давали прекрасные концерты, дуя в раковины.

Я не стану, однако, дальше следовать за мелочным опи-

---

[414] …что подтверждает их фамилия – по-английски damn (произносится «дам») означает «проклинать».

[415] То есть Извилистой бухты, названной так из-за ее извилистых берегов. Впоследствии простой народ переделал это название в Уолл-Эбаут; эта бухта представляет собой водоем, в котором ютится наш зарождающийся флот.

санием, в котором рассказывается затем о воинах из Блумен-Дала, Уихоука и Хобокена и разных других мест (хорошо известных по истории и поэзии), так как военная музыка, звучавшая в отдалении, за пределами городских стен, уже встревожила жителей Нового Амстердама. Впрочем, тревога ново – амстердамцев вскоре улеглась, ибо – смотрите, смотрите! – среди огромного облака пыли они узрели зеленовато-желтые штаны и великолепную серебряную ногу Питера Стайвесанта, сверкавшую в солнечных лучах, и увидели, как он приближается во главе громадной армии, собранной им на берегах Гудзона. Тут превосходный, но анонимный автор стайвесантской рукописи разражается замечательным описанием отрядов, проходивших через главные ворота города, которые стояли в верхней части Уоллстрита. Первыми шли Ван-Бюммели, жившие на прелестных берегах Бронкса. То были толстяки небольшого роста, носившие короткие штаны чрезмерной ширины и прославившиеся кулинарными подвигами: они первые изобрели маисовую кашу на молоке. Следом за ними шагали Ван-Влотены из Катскилла, ужаснейшие питухи, любители молодого сидра и отъявленные хвастуны во хмелю. За ними двигались знаменитые Ван-Пуши из Эзопуса, ловкие наездники, скакавшие на великолепных длиннохвостых конях эзопусской породы; Ван-Пуши были превосходными охотниками на выдр и выхухолей, от чего и произошло слово «пушнина». Далее следовали Ван-Несты из Киндерхука, доблестные грабители птичьих

гнезд, как указывает их фамилия;[416] им, если верить автору рукописи, мы обязаны изобретением оладий или лепешек из гречневой муки. Затем Ван-Гролы с Носа Антони, которые наливали спиртное в удобные круглые фляжки, потому что, обладая наредкость длинными носами, не могли пить из манерок. Затем Гарденьеры из города Гудзона и его окрестностей, известные многочисленными триумфальными подвигами; например, кражами дынь на баштанах, выкуриванием из нор кроликов и другими в том же роде. Они были также большими любителями жареных свиных хвостов. Прославленные члены конгресса с этой фамилией – их потомки. Затем Ван-Хусены из Синг-Синга, любители хорового пения и игры на губной гармонике; они шли по двое в ряд и пели большой псалом в честь святого Николая. Затем Коунховены из Слипи-Холлоу,[417] от которых ведут свое происхождение веселые трактирщики и которые первые овладели магическим искусством загонять кварту вина в пинтовую бутылку. Затем Ван-Кортландты, которые жили на диких берегах Кротона и были заядлыми охотниками на диких уток; они слыли искусными стрелками из большого лука. Затем Бенсхотены из Наиака и Кейкьята, первыми научившиеся бить левой ногой; они были храбрыми жителями лесной глуши и охо-

---

[416] …как указывает их фамилия – по-английски nest означает «гнездо».

[417] Слипи-Холлоу – по-английски означает «Сонная Лощина». Один из наиболее известных рассказов Ирвинга, также написанный от имени Никербокера, называется «Легенда о Сонной Лощине».

тились на енотов при лунном свете. Затем Ван-Винкли[418] из Харлема, поглощавшие яйца в несметном количестве и известные умением брать призы на скачках и не платить долгов в трактирах; они первые стали подмигивать[419] двумя глазами сразу. Наконец появились Никербокеры из большого города Скагтикока, где жители в ветреную погоду кладут камни на крышу дома, чтобы ее не унесло. По мнению некоторых, их фамилия произошла от «никер» – качаться, и «бекер» – стакан, что указывает, будто некогда они были завзятыми пьяницами. Но на самом деле она произошла от «никер» – кивать и «букен» – книги; это явно означает, что они кивали носом или дремали над книгами. Их потомком и был автор этой истории.

Такова была армия смелых жителей лесов, проходившая через главные ворота Нового Амстердама. В стайвесантской рукописи говорится еще о многих, чьи имена я не упоминаю, так как мне надо спешить к более важным предметам. Ни с чем не сравнимая радость и воинская гордость охватили неустрашимого Питера, когда он производил смотр этой могучей рати, и он решил больше не откладывать столь желанной мести подлым шведам, засевшим в Форт-Кашемире.

Но прежде чем я перейду к описанию необычайных со-

---

[418] Ван-Винкли – в своем рассказе «Рип Ван Винкль» (1819) Ирвинг ссылается на то, что предки его героя с великою славой подвизались в рыцарские времена Питера Стайвесанта и находились вместе с ним при осаде Форт-Кристина.

[419] …подмигивать – непереводимая игра слов с фамилией Ван-Винкль: wink по-английски означает «подмигивать».

бытий, которое читатель найдет в последующих главах этого прославленного исторического труда, разрешите мне остановиться на судьбе Якобуса Вон-Поффенбурга, главнокомандующего разбитых армий Новых Нидерландов. Только врожденной недоброжелательностью человеческой природы можно объяснить то обстоятельство, что как только распространились вести о его прискорбном поражении в Форт-Кашемире, сразу же тысячи гнусных слухов поползли по Новому Амстердаму; в них утверждалось, будто в действительности он вступил в предательский сговор со шведским командиром, что он уже давно вел тайные сношения со шведами, и намекалось на какие-то «секретные фонды». Всем этим ужасным обвинениям я не придаю ни на йоту больше веры, чем пни, на мой взгляд, заслуживают.

Достоверно одно: генерал защищал свою репутацию самыми пылкими клятвами и торжественными заверениями и объявлял бесчестным каждого, кто осмеливался сомневаться в его неподкупности. Больше того, вернувшись в Новый Амстердам, он прогуливался взад и вперед по улицам, сопровождаемый по пятам компанией ярых богохульников – бравых собутыльников, которых он поил и кормил до отвала и которые были готовы поддержать его в любом суде. Герои того же закала, что и он, со свирепо закрученными усами, широкоплечие, богатырского вида фанфароны, все они имели такой вид, словно могли съесть быка и ковырять в зубах его рогами. Эти телохранители ссорились с теми, с кем он

ссорился, готовы были лезть за него в драку и грозно смотрели на каждого, кто задирал нос перед генералом, будто собирались проглотить его живьем. Свой разговор они пересыпали руганью, словно ежеминутными пушечными залпами, и каждую напыщенную хвастливую фразу заканчивали громовым проклятием, как сопровождают артиллерийским салютом патриотическую здравицу.

Все это доблестное бахвальство производило сильное впечатление, убеждая некоторых глубокомысленных мудрецов; многие из них начали считать генерала героем с преисполненной невыразимого величия душой, в особенности потому, что он все время клялся *честью солдата* – что звучало весьма гордо. Больше того, один из членов совета зашел так далеко, что предложил увековечить его нетленным памятником из гипса!

Но бдительного Питера Твердоголового не так-то просто было обмануть. Пригласив к себе для конфиденциальной беседы главнокомандующего всеми армиями и выслушав до конца его рассказ, украшенный обычными благочестивыми клятвами, заверениями и восклицаниями «Послушай-ка, metgelsel,[420] – вскричал он, – хотя по твоим словам ты самый храбрый, честный и достойный человек во всей провинции, все же ты, на свое несчастье, стал жертвой ужаснейшей клеветы и тебя безмерно презирают. Конечно, наказывать человека за то, что его постигло несчастье, было бы жестоко; но

[420] Спутник, товарищ (испорч. голл.).

хотя вполне возможно, что ты совершенно не виноват в тех преступлениях, в которых тебя обвиняют, тем не менее небо, разумеется в каких-то мудрых целях, пока что отказывается представить нам доказательства твоей невиновности, а я отнюдь не склонен противодействовать его верховной воле. Кроме того, я не могу пойти на то, чтобы рисковать своими войсками, поставив во главе их начальника, которого они презирают, и доверить благополучие моего народа защитнику, которому он не верит. А потому, друг мой, откажись от утомительных трудов и забот общественной жизни и утешься следующей мыслью: если ты виновен, то вкушаешь лишь то, что заслужил; – а если ты не виновен, то ты не первый великий и праведный человек, которого столь несправедливо оклеветали и с которым так плохо обошлись в этом грешном мире – несомненно для того, чтобы вознаградить в лучшем мире, где не будет ни ошибок, ни клеветы, ни гонений. А теперь не попадайся больше мне на глаза, ибо я ужасно не люблю смотреть на физиономии таких несчастных великих людей, как ты».

ГЛАВА V

В которой автор очень искренне говорит о самом себе. – После чего последует весьма интересный рассказ о Питере Твердоголовом и его сподвижниках.

Так как моих читателей и меня ожидает сейчас не меньше опасностей и затруднений, чем выпадало когда-либо на долю компании странствующих рыцарей, упорно совавших повсюду свой нос, то нам подобает, по примеру этих отважных искателей приключений, взяться за руки, предать забвению все наши несогласия и поклясться стоять друг за друга в радости и в горе, пока не будет выполнена наша задача. Мои читатели должны были, несомненно, заметить, что я полностью изменил свой тон и поведение с тех пор, как мы впервые пустились в путь. Ручаюсь, что тогда они считали меня сварливым, желчным, сумасбродным голландским старикашкой, так как я ни разу не обращался к ним с вежливым словом и даже не дотрагивался до шляпы, когда мне случалось заговаривать с ними. Но пока мы вместе шли по большой дороге моей истории, я постепенно смягчался, становился учтивее, начал время от времени вступать в дружеские беседы и наконец проникся к ним дружеским расположением. Таково мое обыкновение: я всегда несколько холоден и сдержан вначале, в особенности с людьми, которых я не знаю и кото-

рые в моих глазах представляют такую же ценность, как медный грош или вермонтский банковый билет,[421] и полностью завоевать мое доверие можно только после длительного тесного общения.

Да и почему я должен быть любезен с кучей шапочных знакомых, которые столпились вокруг меня, когда я впервые появился? Их просто привлекало новое лицо; многие из них с интересом посмотрели лишь на мой титульный лист, а затем отошли, не сказав ни слова, между тем как другие, зевая, лениво проглядели предисловие и, удовлетворив свое быстропреходящее любопытство, вскоре один за другим разбрелись. Впрочем, специально для того, чтобы испытать их мужество, мне пришлось прибегнуть к способу, сходному с тем, какой, по рассказам, применял несравненный образец рыцарства король Артур; прежде чем приблизить к себе какого-нибудь рыцаря, он требовал, чтобы тот доказал свою способность побороть опасности и трудности, преодолев неслыханные злоключения, убив с дюжину великанов, победив злых волшебников, не говоря уже о карликах, гиппогрифах и огнедышащих драконах. Следуя тому же правилу, я для начала хитроумно провел моих читателей через несколько запутанных глав, где толпа языческих философов и писателей самым немилосердным образом надавала им тумаков и пощечин. Это было полезно для моей грудобрюшной

[421] Вермонтский банковый билет. – В 1781 г. в Вермонте были выпущены бумажные банкноты.

преграды благодаря тому неудержимому смеху, которым я заливался при виде крайнего смущения и испуга моих доблестных рыцарей: одни тут же на месте свалились замертво (уснув), другие отшвырнули мою книгу, дочитав до середины первой главы, пустились наутек и бежали до тех пор, пока окончательно не скрылись из виду; только тогда они остановились, чтобы перевести дух, рассказать своим друзьям, какие неприятности они претерпели, и предупредить всех, чтобы никто не отваживался на такое неблагодарное путешествие. С каждой страницей ряды моих читателей все редели, и из громадной толпы, вначале пустившейся в путь, лишь очень немногие, одолев пять вступительных глав, кое-как выжили, хотя и были доведены до чрезвычайно жалкого состояния. И что же! Вы бы хотели, чтобы я при первом же знакомстве прижал к груди этих изнеженных презренных трусов? Нет, нет. Я приберегал свою дружбу для тех, кто ее заслужил, для тех, кто мужественно сопровождал меня, несмотря на все препятствия, опасности и трудности. И вот тем, кто остался поныне верен мне, я с нежностью подаю руку. Достойные и бесконечно возлюбленные читатели! Храбрые и испытанные товарищи, преданно следовавшие за мной во всех моих странствиях! Я приветствую вас от всего сердца. Клянусь, что я буду с вами до конца и торжественно доведу вас (да помогут небеса верному орудию, которое я держу в это мгновение между пальцев) до завершения нашего великого дела.

Но погодите! Мы тут с вами болтаем, а тем временем в Новом Амстердаме идет непрерывная суматоха. Толпы доблестных воинов, расположившихся лагерем на лужайке для игры в шары, разбивают палатки; медная труба Антони Ван-Корлеара оглашает небо мощными звуками, бьют барабаны, знамена Манхатеза, Хелл-Гейта и Майкла Поу гордо развеваются в воздухе. А теперь взгляните туда, где моряки, ставя паруса, усердно готовят в путь вон ту шхуну и те два неуклюжие олбанские шлюпа, которые должны понести по волнам войско нидерландцев, чтобы оно стяжало бессмертную славу на Делавэре!

Все жители города, мужчины, женщины и дети, высыпали из домов, чтобы посмотреть на новоамстердамское рыцарство, торжественно маршировавшее по улицам, направляясь для погрузки на суда. Как много грязных носовых платков мелькало в окнах, как много хорошеньких носиков сморкалось в мелодичной скорби по столь печальному поводу. Горе прелестных дам и красивых девушек Гранады, оплакивавших изгнание доблестного рода Абенсеррагов,[422] не могло быть сильнее, чем горе добросердечных женщин Нового Амстердама по случаю отъезда их бесстрашных воинов. Каждая томящаяся любовью девушка с нежным чувством набивала карманы своего героя пряниками и пирожками; много было

[422] Абенсерраги – знаменитый мавританский род в Гренаде, изгнанный мавританским королем Абу Хассаном. Этой теме посвящена героическая пьеса Джона Драйдена «Завоевание Гренады испанцами» (1670).

обменов медными колечками, много погнутых шестипенсовиков было сломано надвое в знак вечной верности, и даже до наших дней сохранились написанные на это событие любовные стихи, весьма негладкие и настолько невнятные, что все на свете становятся перед ними в тупик.

Трогательное зрелище представляли пригожие девушки, теснившиеся вокруг знаменитого Антони Ван-Корлеара, ибо он был веселый, розовощекий молодцеватый холостяк, к тому же большой хвастун, наслаждавшийся своими собственными шутками, и отчаянный проказник, когда дело касалось женщин. Им очень хотелось бы, чтобы Антони остался утешать их, когда все войско уйдет. Ибо к уже сказанному о нем, простая справедливость требует добавить, что он был человеком добросердечным, известным своим сердобольным вниманием к безутешным женам в отсутствие их мужей, вследствие чего пользовался большим уважением честных бюргеров всего города. Но ничего не могло помешать доблестному Антони последовать за старым губернатором, которого он любил, как свою собственную душу. Итак, обняв всех молодых женщин и влепив каждой из них, у кого были красивые зубы и свежий рот, дюжину смачных поцелуев, он отправился в путь, провожаемый бесчисленными добрыми пожеланиями.

Отъезд доблестного Питера был также немаловажной причиной всеобщей печали. Хотя старый губернатор ни в коей мере не потакал блажи и капризам своих подданных и на-

чал совершенно «новую страницу» по сравнению с тем, что творилось во времена Вильяма Упрямого, тем не менее он почему-то стал необыкновенно любим народом. Есть что-то пленительное в личной храбрости, которая в глазах рядовых людей стоит выше большинства других достоинств. Простой народ Нового Амстердама видел в Питере Стайвесанте чудо доблести. На его деревянную ногу, память о военных схватках, смотрели с почтением и восторгом. О подвигах Твердоголового Пита у каждого старого бюргера был целый запас удивительных историй; длинными зимними вечерами он угощал ими своих детей и распространялся о них с таким же удовольствием и с такими же преувеличениями, с какими честные деревенские поселяне рассказывают об отважных приключениях старого генерала Патнема[423] (или, как его обычно называли, старого Пата) во время нашей славной революции. Все действительно верили, что старый губернатор был достойным противником самого Вельзевула; рассказывали даже с большой таинственностью и под секретом о том, что однажды темной ненастной ночью, плывя в челноке через пролив Хелл-Гейт, он застрелил дьявола серебряной пулей. Впрочем, я не выдаю это за бесспорную истину. Погибель на голову того человека, кто уронит каплю, которая загрязнит чистый поток истории!

Как бы там ни было, все старухи в Новом Амстердаме

[423] Патнем, Израиль (1718–1790) – участник американской революции, генерал, стяжавший легендарную славу.

считали, что на Питера Стайвесанта можно положиться, как на каменную стену, и пребывали в полной уверенности, что, пока он в городе, ничто не угрожает благополучию провинции. Неудивительно поэтому, что к его отъезду они отнеслись как к большому несчастью. С тяжелым сердцем плелись они вслед за его войском, когда оно спускалось к реке, чтобы погрузиться на суда. Стоя на носу своей шхуны, губернатор обратился к горожанам с кратким, но поистине отеческим наставлением, в котором советовал им вести себя, как подобает честным и мирным гражданам, по воскресеньям исправно ходить в церковь, а всю остальную неделю заниматься своими делами. Чтобы женщины слушались и любили своих мужей, не вмешивались в то, что их не касается, избегали всякой болтовни и утреннего праздношатания, чтобы языки у них были покороче, а юбки подлиннее, чтобы мужчины воздерживались от посещения собраний и трактиров, доверив заботы управления назначенным на то чиновникам, и сидели дома, как добрые граждане, зарабатывая деньги для себя и рожая детей для блага отечества. Чтобы бургомистры хорошенько заботились об интересах всего общества – не притесняли бедных, не потакали богатым, не утруждали свои умственные способности придумыванием новых законов, а добросовестно заставляли повиноваться тем законам, что уже существуют, обращая внимание больше на то, чтобы предупреждать зло, нежели его наказывать, постоянно помня, что городские власти должны скорей считать се-

бя охранителями общественной нравственности, чем ищейками, нанятыми для поимки преступников. Наконец Питер Стайвесант принялся увещевать их, всех и каждого, знатного и простолюдина, богатого и бедного, вести себя *так хорошо*, как только они могут, заверив их, что в том случае, если они честно и добросовестно будут соблюдать это золотое правило, можно без опасений надеяться на хорошее поведение их всех. Покончив с этим, он отечески благословил их; храбрый Антони протрубил самую нежную прощальную мелодию, веселая толпа издала громкий ликующий клич, и победоносная армада гордо двинулась к выходу из бухты.

Славные граждане Нового Амстердама толпились на Батарее – этом благословенном приюте, откуда было вознесено столько горячих молитв, махало столько прелестных ручек и откуда влюбленные девушки бросали столько затуманенных слезами взглядов вслед все уменьшавшемуся барку, который уносил в далекие страны их отважных суженых! Отсюда жители города пристально следили за доблестной эскадрой, когда она медленно шла к выходу из бухты; а когда, вступив в пролив Нарроус, она скрылась из виду за полосой земли, толпа постепенно разошлась, храня молчание и потупя взор.

Угрюмая печаль окутала недавно бурливший город. Честные бюргеры в глубоком раздумье курили свои трубки, то и дело бросая внимательный взгляд на флюгер над церковью святого Николая, а все старухи, которые в отсутствие Твердоголового Пита не ощущали уже прежней уверенно-

сти, каждый вечер с заходом солнца созывали детей домой и крепко запирали двери и окна.

Тем временем армада храброго Питера успешно продолжала свое плавание; повстречав на пути примерно столько же бурь, водяных смерчей, китов и прочих ужасных и неужасных явлений природы, сколько обычно выпадает на долю отважных жителей суши во время опасных путешествий подобного рода, основательно очистив свой организм в результате неприятной и неумолимой болезни, называемой морской, немного пострадав запором или расстройством желудка, излеченными коробочкой андерсоновских пилюль, доблестный губернатор и его спутники благополучно достигли устья Делавэра.

Даже не бросив якоря и не дав усталой эскадре отдохнуть после столь долгих скитаний по океану, бесстрашный Питер поднялся вверх по течению Делавэра и внезапно появился перед Форт-Кашемиром. Призвав изумленный гарнизон чудовищными звуками трубы широкогрудого Ван-Корлеара, он громовым голосом потребовал немедленной сдачи крепости. На это требование Свен Скутц, иссушенный ветром комендант, резким прерывистым голосом, по причине его крайней слабости прозвучавшим так, словно ветер просвистел сквозь сломанные органные мехи, ответил, что «он не имеет достаточно основательных причин для отказа, если не считать того, что такое требование весьма неприятно, поскольку ему было приказано удерживать свою позицию до

последней крайности». Поэтому он попросил некоторое время подождать, чтобы дать ему возможность посоветоваться с губернатором Рисингом и с этой целью предложил перемирие.

Вспыльчивый Питер, кипевший от негодования из-за того, что принадлежавший ему по праву форт был так предательски отнят у него, а теперь столь упорно удерживается, отказался от предложенного перемирия и поклялся трубкой святого Николая, которая, как священный огонь, никогда не угасала, что, если форт через десять минут не сдастся, он тотчас же начнет штурм укреплений, прогонит весь гарнизон сквозь строй и разделается с негодяем комендантом, как с маринованной селедкой. Чтобы придать угрозе больше веса, он обнажил свою верную шпагу и потряс ею столь свирепо и мощно, что, не будь она такой ржавой, сверкание клинка несомненно ослепило бы врагов и вселило бы ужас в их сердца. Затем он приказал своим людям навести на крепость всю артиллерию, состоявшую из двух фальконетов, трех мушкетов, длинного охотничьего ружья и двух пар седельных пистолетов.

Тем временем храбрый Ван-Корлеар привел в боевую готовность все свои силы и приступил к военным действиям. Надув щеки, как сам Борей, он беспрерывно извлекал из своей трубы ужаснейшие пронзительные звуки, дюжие хористы из Синг-Синга разразились чудовищной боевой песней, воины из Бруклина и с берегов Вал-Богтиха оглушительно тру-

били в свои раковины; вместе они устроили такой гнусный концерт, как будто пять тысяч французских оркестров показывали свое искусство, исполняя современную увертюру. Ручаюсь, что, услышав ее, все шведы в крепости почувствовали, как они буквально погибают от страха и плохой музыки.

То ли столь неожиданно надвинувшиеся ужасы войны повергли гарнизон в сильное смятение, или же заключительные слова требования о капитуляции, в которых говорилось, что крепость должна сдаться на волю победителя, Свен Скутц – хотя и швед, но благоразумный и покладистый человек – ошибочно принял за комплимент его твердой воле, – судить не берусь; как бы там ни было, он счел для себя невозможным отказаться от выполнения столь вежливой просьбы. Поэтому в самый последний момент, когда юнгу уже послали за раскаленным угольком, чтобы выстрелить из фальконетов, единственный барабан осажденного гарнизона пробил на валу сдачу – к немалому удовольствию обеих сторон. Несмотря на большую любовь к драке, спокойно съесть обед им было не менее приятно, чем подставить друг другу фонари или раскровянить нос.

Итак, эта неприступная крепость снова вернулась под власть Высокомощных Господ;[424] Скутцу и его гарнизону

[424] …эта неприступная крепость снова вернулась под власть Высокомощных Господ – 5 сентября 1655 г. Стайвесант с отрядом в 650 человек на семи кораблях отравился к шведской колонии Форт-Кристина (ныне Уилмингтон, Делавэр) и 25 сентября принудил ее к сдаче.

из двадцати человек позволили покинуть Форт-Кашемир с военными почестями, и победоносный Питер, который был столь же великодушен, сколь и храбр, разрешил им сохранить при себе все оружие и военные припасы – все равно при осмотре обнаружили, что они совершенно негодны к употреблению, так как давно покрылись ржавчиной на складе крепости, – еще даже до того, как она была отнята шведами у великого, но легкомысленного Вон-Поффенбурга. Не забыть мне, однако, упомянуть о том, что губернатор был так доволен услугами своего верного оруженосца Ван-Корлеара при взятии этой сильной крепости, что тут же пожаловал ему прекрасное поместье вблизи от Нового Амстердама, которое по сей день известно под названием Корлеарс-Хук.[425]

Беспримерное великодушие, проявленное доблестным Стайвесантом по отношению к шведам, которые, разумеется, очень подло обошлись с его провинцией, вызвало сильное удивление в Новом Амстердаме. Больше того, кое-кто из мятежно настроенных лиц, которые набрались ума-разума на политических собраниях, бывших в моде во времена Вильяма Упрямого, но не решались следовать своей привычке вмешиваться в чужие дела на глазах их нынешнего правителя, осмелев по случаю его отсутствия, решался даже публично высказывать свое порицание. Ропот, столь же громкий,

[425] Де Фриз в описании одного из своих путешествий упоминает о Корлеарс-Хук и Корлеарс-Плантаге, или Боувери; причем относит эти названия к более раннему времени, чем мистер Никербокер. Де Фриз в этом отношении несомненно несколько заблуждается. – Издатель.

как тот, что поднимали исконные ворчуны – британцы[426] по поводу договора с Португалией, слышался даже в зале, где заседал новоамстердамский магистрат. Быть может, этот ропот вылился бы в откровенно поносительные речи, если бы храбрый Питер втихомолку не послал на родину свою трость с наказом положить ее, как булаву, на стол в зале заседания, чтобы ее могли видеть все городские советники, которые, будучи людьми учеными, поняли намек и стали держать язык за зубами.

[426] …ропот… что поднимали… британцы – имеется в виду резкая критика в английском парламенте и прессе Артура Уэсли (впоследствии герцога Веллингтона) за военные неудачи в Португалии в 1809 г.

ГЛАВА VI

В которой показано, какое огромное преимущество имеет автор перед своим читателем во время сражения. – А также о различных зловещих приготовлениях, говорящих о том, что должно произойти нечто ужасное.

«Куй железо, пока горячо» – было любимой поговоркой Петра Великого, когда он работал в Амстердаме учеником в кузнице. Это одна из тех общеупотребительных поговорок, которые в коротких словах говорят нашему сознанию об очень многом и содержат массу мудрости, выраженной в очень сжатой форме. Так каждое ремесло и профессия внесли свою каплю меда во всенародный улей, обогатив общество каким-нибудь мудрым изречением или выразительной апофегмой, извлеченными из собственного опыта; в них изложены не только секреты отдельного ремесла или профессии, но и важные тайны благополучной и счастливой жизни. «По одежке протягивай ножки», – говорит портной. «Два сапога пара», – восклицает сапожник. «Коси коса, пока роса», – говорит фермер. «Предупреждение – лучшее лечение», – внушает врач. Конечно, стоит человеку пространствовать по свету, ко всему прислушиваясь, и к тому времени, как он поседеет, он приобретет мудрость царя Соломона, и тогда ему останется только снова стать молодым и возможно

лучше ее использовать.

«Куй железо, пока горячо», – так любил говорить Петр Великий и так любил поступать Питер Твердоголовый. Подобно тому, как могучий олдермен на муниципальном обеде, едва первая ложка черепахового супа нежно коснется его неба, чувствует, что его раздразненный аппетит вдесятеро увеличился, и с удвоенной силой набрасывается на тарелку с супом, между тем как его жадные глаза, вылезая из орбит, обшаривают стол, пожирая все, что на нем стоит, – так пылкий Питер Стайвесант ощущал невыносимую жажду воинской славы, которая бушевала в его сердце, распаленном взятием Форт-Кашемира, и которую ничто уже не могло утолить, кроме завоевания всей Новой Швеции. Поэтому едва обеспечив безопасность завоеванной крепости, он, гордый своим успехом, решительно двинулся дальше, чтобы стяжать свежие лавры у Форт-Кристин.[427]

Это был большой шведский военный пост, основанный на речке того же названия, впадающей в Делавэр; там коварный губернатор Ян Рисинг, как второй Карл XII, самолично управлял своими подданными.

И вот два самых могучих вождя, каких когда-либо видела наша страна, встретились лицом к лицу, и мне не меньше, чем моим читателям, хочется поскорее узнать, чем же кон-

[427] Грозная крепость и столица провинции, упоминаемая мистером Никербокером, в настоящее время представляет собой процветающий городок, называемый Кристиана и расположенный милях в тридцати семи от Филадельфии, по дороге на Балтимору. – Издатель.

чится их столкновение. Это несомненно покажется парадоксом тем из них, которые не знают, каким образом я пишу этот труд. Дело в том, что я не занимаюсь вымыслом, а лишу достоверную и правдивую историю, а потому мне нет необходимости утруждать свою голову предвидением событий и катастроф. Напротив, я обычно ставлю себе правилом при изучении летописей той эпохи, о которой я говорю, не забегать больше, чем на одну страницу, вперед по сравнению с моей собственной работой; в результате дальнейшие события моей истории интересуют меня так же, как и тех, кто ее читает, и я так же, как и они, не ведаю, что случится в ближайшем будущем. Мрак и сомнения окутывают каждую последующую главу: перо мое дрожит и ум охвачен смятением, когда я веду свой любимый родной город сквозь опасности и препятствия, постоянно возникающие на его пути, а говоря о моем излюбленном герое, доблестном Питере Стайвесанте, я часто содрогаюсь от ужаса, когда переворачиваю страницу, боясь узнать, что присущий ему неустрашимый дух вовлек его в какую-нибудь беду.

Таково мое положение и сейчас. Вот я привел его на край гибели и не больше, чем мои читатели, знаю о том, чем кончится этот грохот оружия, оглушающий и мой, и их слух. Правда, у меня есть одно преимущество перед читателями, которое способно чудодейственно успокоить мои опасения, а именно: хотя я не могу спасти жизнь любимому герою и не могу полностью изменить ход битвы (такие искажения

действительности, во многих случаях допускаемые французскими авторами при нынешнем режиме, я считаю совершенно недостойными добросовестного историка), все же иногда мне удается сделать так, чтобы он нанес врагу жестокий ответный удар, от которого свалился бы и великан, хотя бы даже, говоря по чистой правде, ничего подобного никогда не происходило; или я могу заставить соперника много раз обежать поле битвы, как весьма неправильно поступил господин Гомер, принудив славного парня Гектора, как какого-то труса, носиться вокруг стен Трои, за что, по моему скромному мнению, царю поэтов следовало бы проломить голову, как наверняка и случилось бы, если бы в те дни существовали эти ужасные молодчики – эдинбургские критики;[428] или же, если бы противник слишком крепко насел на моего героя, я могу вовремя вмешаться и нанести ему такой удар по башке, от которого треснул бы череп самого Геркулеса, – как поступает верный секундант боксера, когда, видя своего подопечного поверженным наземь и находящимся на грани поражения, он исподтишка бьет его противника, вышибая из него дух и тем изменяя весь ход схватки.

Без сомнения, многие совестливые читатели будут гото-

---

[428] …эдинбургские критики – имеются в виду критики журнала «Эдинбургское обозрение», издававшегося с 1802 г., известные своими яростными нападками на многие произведения современной литературы. В период работы Ирвинга над «Историей Нью-Йорка», в марте 1809 г. появилась сатира Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели», изданная анонимно, в которой деятельность эдинбургских критиков подвергалась уничтожающему осмеянию.

вы крикнуть «Неправильно!», как только я окажу такую помощь, но я настаиваю, что это одна из тех маленьких привилегий, которую усердно защищают и> применяют историографы всех времен и против которой никто никогда не возражал. И действительно, для историка в известной мере является делом чести вступаться за своего героя, чья слава находится в его руках, а потому он должен сделать все возможное, чтобы ее упрочить. Не было на свете ни одного генерала, адмирала или какого-нибудь другого военачальника, который в донесении о данном им сражении не нанес бы врагу тяжкого урона; и я уверен, что мои герои, если бы они сами писали историю своих подвигов, наносили бы гораздо более сильные удары, чем те, о каких расскажу я. Следовательно, поскольку я выступаю в роли хранителя их славы, мне надлежит воздать им по заслугам, как воздали бы они себе сами. И если мне случается несколько жестоко обходиться со шведами, я разрешаю любому из их потомков, вздумавшему написать историю провинции Делавэр, хорошенько отомстить мне и отколотить Питера Стайвесанта так крепко, как им захочется.

Итак, готовьтесь, сейчас вы увидите разбитые головы и окровавленные носы! Мое перо давно жаждет битвы. Я провел одну осаду за другой без всяких тумаков и кровопролития, но теперь мне наконец представился случай, и я клянусь небом и святым Николаем: что бы ни говорили летописи того времени, ни Саллюстий, ни Ливии, ни Тацит, ни Полибий и

ни один другой битвоописатель не рассказывали о более жестоком сражении, чем то, в которое собираются сейчас вступить мои доблестные вожди.

А ты, любезнейший читатель, терпеливо следующий за мною по пятам, кому я отвел в моем сердце самый лучший уголок, не тревожься и доверь мне судьбу нашего любимого Стайвесанта, ибо, клянусь распятием, что бы ни случилось, я до конца буду стоять за Твердоголового Пита. Я сделаю так, что он расправится с этими гнусными лентяями, как расправился прославленный Ланселот Озерный[429] с толпой трусливых корнуэльских рыцарей; а если он потерпит неудачу, тогда пусть никогда больше мое перо не ринется в другую битву для защиты храбреца, если я не заставлю неповоротливых шведов дорого заплатить за это!

Как только Питер Стайвесант прибыл к Форт-Кристина, он без промедления принялся рыть окопы и сразу же, едва проведя первую параллель, отправил Антони Ван-Корлеара, своего несравненного трубача, потребовать сдачи крепости. Ван-Корлеара приняли со всеми подобающими церемониями; у главных ворот ему завязали глаза и среди омерзительной вони соленой рыбы и лука провели в цитадель – прочное строение из сосновых бревен. Там ему развязали глаза, и он увидел, что находится в августейшем присутствии губернатора Рисинга, в котором иной раз находили сходство с Кар-

[429] Ланселот Озерный – один из героев Артуровского цикла сказаний о рыцарях.

лом XII. Понятливый читатель мгновенно сообразит, что это был высокий, крепко скроенный, сильный, ничем не примечательный человек, одетый в синий кафтан грубого сукна с медными пуговицами, в рубаху, уже неделю тщетно жаждавшую стирки, обутый в порыжелые ботфорты; стоя перед осколком зеркала, он дрянной патентованной бирмингемской бритвой брил свою почти седую бороду. Антони Ван-Корлеар, изъяснявшийся со стенографической краткостью, в немногих словах изложил длинное послание его превосходительства, в котором рассказывалась вся история провинции с перечнем обид и претензий и т. д. и т. д. и которое заканчивалось решительным требованием немедленной сдачи крепости. Затем Антони отвернулся, зажал нос между большим и указательным пальцем и издал оглушительный звук, несколько похожий на фиоритуры трубы, играющей вызов на поединок, чему его нос несомненно научился благодаря длительному и близкому соседству с этим мелодичным инструментом.

Губернатор Рисинг выслушал все, включая трубные звуки, с бесконечным терпением, то опираясь по своему обыкновению на эфес сабли, то крутя толстую стальную цепочку от часов или щелкая пальцами. Когда Ван-Корлеар кончил, Рисинг напрямик ответил, что Питер Стайвесант и его требование о сдаче могут убираться к черту, куда он и надеется отправить его вместе со всей шайкой бездельников еще до ужина. Затем, обнажив саблю с бронзовой рукояткой и от-

бросив в сторону ножны, – «Клянусь богом, – сказал он, – что я не вложу ее в ножны, до тех пор, пока не сделаю себе новых из копченой шкуры этого негодного голландца». После этого, бросив в лицо своему врагу через его уполномоченного свирепый вызов на поединок, он приказал отвести последнего обратно к главным воротам со всеми почестями, положенными для трубача, оруженосца и посла столь великого военачальника; там Антони снова развязали глаза и вежливо отпустили, ущипнув на прощанье за нос, чтобы он не забыл данного ему поручения.

Как только доблестный Питер получил этот наглый ответ, он тотчас же разразился градом раскаленных докрасна сорокачетырехфунтовых проклятий, которые непременно разрушили бы укрепления и взорвали пороховые склады под носом у пылкого шведа, если бы крепостные валы не были на редкость прочными, а склады неуязвимыми для бомб. Увидев, что укрепления выдержали ужасный залп и что вести войну посредством слов совершенно невозможно (как это было на самом деле в те нефилософические времена), он приказал всем своим молодцам[430] приготовиться к немедленному штурму. Но тут какой-то неясный шопот пронесся по рядам его войск; он начался с рода Ван-Бюммелей, этих доблестных обжор с Бронкса, и распространялся от человека к человеку, сопровождаемый мятежными взглядами и недо-

[430] …всем своим молодцам… – Ирвинг употребляет здесь выражение из английских баллад о Робин Гуде и его веселых молодцах.

вольным ворчанием. Первый раз в своей жизни, и притом один единственный раз, великий Питер побледнел, ибо действительно подумал, что его воины готовы дрогнуть в этот час ужасного испытания и навсегда запятнать славу провинции Новые Нидерланды.

Но вскоре он с великой радостью обнаружил, что таким подозрением тяжко оскорбил свое неустрашимое войско, так как причиной волнения и замешательства было попросту то, что приближался час обеда и нарушение раз навсегда заведенного порядка могло бы сильно огорчить привыкших к размеренной жизни голландских воинов. К тому же у наших доблестных предков существовало твердое правило сражаться только на полный желудок, чему и следует без сомнения приписать то обстоятельство, что они так прославились на полях сражений.

И вот, славные ребята с Манхатеза и их не менее славные товарищи, расположившись под деревьями, с жаром принялись за дело и бодро вступили в единоборство с содержимым своих котомок; они так нежно обнимались с манерками и кружками, словно в самом деле думали, что расстаются с ними навеки. И так как я предвижу жаркие события через страницу-другую, то советую моим читателям заняться тем же самым, для чего и заканчиваю эту главу, обещаясь честным словом, что перемирие не будет использовано для того, чтобы напасть врасплох на честных нидерландцев, пока они уписывают за обе щеки свой обед, или чтобы каким-нибудь

другим способом досадить им.

Однако, прежде чем мы расстанемся, я хочу попросить читателей о небольшом одолжении, а именно: когда я в следующей главе столкну обе армии лицом к лицу и буду чертовски занят, очутившись между ними, пусть читатели стоят в сторонке, подальше от греха и ни в коем случае не прерывают меня своими вопросами или замечаниями. Так как весь пыл, все волнения и величие битвы будут зависеть от моих стараний, то в ту секунду, когда я умолкну, все дело остановится, а потому на протяжении всей ближайшей главы я не смогу сказать моим читателям ни слова. Обещаю зато, что в следующей за ней главе я выслушаю все, что они пожелают сказать, и отвечу на все вопросы, которые они зададут.

ГЛАВА VII

В которой содержится описание ужаснейшей битвы, о какой когда-либо повествовали и стихах или прозе, а также рассказ о великолепных подвигах Питера Твердоголового.

«И вот голландец съел обед обильный» и, почувствовав изумительный прилив сил, стал готовиться к сражению. Как говорит прямодушный, трезво смотрящий на жизнь голландский поэт, чьи произведения, к несчастью, погибли при пожаре Александрийской библиотеки,[431] теперь все замерло в ожидании. Земной шар забыл, что ему надо вертеться, и остановился посмотреть на схватку, как жирный, толстопузый олдермен, наблюдающий за битвой двух воинственных мух на его куртке. Глаза всего человечества, как всегда в таких случаях, были обращены на Форт-Кристина. Солнце, подобно низенькому человеку в толпе, смотрящей кукольное представление, неслось по небу, высовывая голову то тут, те там и стараясь заглянуть в просветы между неблаговоспитанными тучами, которые заслоняли от него зрелище. Историки спешили наполнить чернильницы, поэты сидели без

---

[431] …при пожаре Александрийской библиотеки… – шутка Ирвинга. Богатейшее собрание рукописных книг древности в Александрии Египетской, созданное в III в. до н. э., сгорело во время осады восставшими египтянами дворца (48 г. до н. э.).

обеда, то ли ради экономии, чтобы иметь возможность купить бумагу и гусиные перья, то ли потому, что не могли раздобыть никакой еды; древность, мрачно хмуря брови, выглядывала из своей могилы, чтобы увидеть, как ее заткнут за пояс, и даже потомство застыло в онемении, восхищенно оглядываясь с разинутым ртом на поле битвы, где происходило столько событий!

Бессмертные боги, которые когда-то понюхали пороха в «деле» под Троей, теперь, сидя на мягких, как перина, облаках, парили над равниной или же в переодетом виде присоединялись к сражающимся, стремясь принять участие в событиях. Юпитер послал свои громовые стрелы знаменитому меднику, чтобы тот подновил их для столь важного случая. Венера поклялась своей невинностью, что будет покровительствовать шведам, и, приняв вид непотребной девицы с гноящимися глазами, обходила крепостные стены Форт-Кристина, сопровождаемая Дианой в образе сержантской вдовы сомнительной репутации. Известный забияка Марс засунул за пояс два седельных пистолета, вскинул на плечо заржавленное кремневое ружье и галантно вышагивал рядом с ними, как пьяный капрал, между тем как Аполлон тащился позади под видом кривоногого флейтиста, который фальшивил самым отвратительным образом.

На другой стороне волоокая Юнона, которой накануне во время супружеской выволочки старый Юпитер подбил оба глаза, выставляла напоказ свою величественную красо-

ту, стоя на обозной повозке. Минерва, изображая дюжую маркитантку, торгующую водкой, подоткнула юбки и, размахивая кулаками, артистически ругалась на очень плохом голландском языке (которому она лишь недавно научилась), чтобы поднять дух солдат, а Вулкан хромал, как кривоногий кузнец, недавно произведенный в капитаны гражданской гвардии. Все застыли в немом ужасе или суетливо готовились; война поднимала свое страшное лицо, громко скрежетала железными клыками и трясла зловещей гривой из колючих штыков.

Наконец могучие вожди выстроили свои войска. Там стоял отважный Рисинг, твердый, как тысяча скал, укрывшийся за частоколом, окопавшийся до подбородка за земляными батареями. Его два фальконета и каронада были уже с зарядами в жерлах; запалы были готовы к выстрелу; у каждого орудия стоял усатый бомбардир, державший в руке зажженный фитиль и ждавший только команды. Его доблестные пехотинцы, которые никогда не показывали врагам спину (потому что никогда с ними не встречались), грозными рядами выстроились вдоль бруствера; у всех усы были густо смазаны жиром, напомаженные волосы были зачесаны назад, косы заплетены так туго, что их лица скалились над крепостным валом, как мертвые головы – устрашающие эмблемы смерти.

Но вот вышел бесстрашный Твердоголовый Пит, второй Баярд;[432] его брови нахмурены, зубы стиснуты, затрудненное

[432] Баярд, Пьер дю Террай (1476–1524) – военачальник, служивший в итальян-

дыхание вырывается с шумом, подобным реву десяти тысяч васанских быков. Верный оруженосец, Ван-Корлеар, храбро шагал вслед с трубой в руках, пышно украшенной красными и желтыми лентами – знаками памяти о его прекрасных любовницах, оставшихся на Манхатезе. Затем шли, переваливаясь, его отважные товарищи; как мирмидонянам Ахиллеса, имя им легион. Там были Ван-Вейки и Ван-Дейки и Тен-Эйки, Ван-Нессы, Ван-Тассели, Ван-Гролы, Ван-Хусены, Ван-Гисены и Ван-Бларкомы, Ван-Варты, Ван-Винкли, Ван-Дамы, Ван-Пуши, Ван-Рипперы и Ван-Бренты. Там были Ван-Хорны, Ван-Борсумы, Ван-Бенсхотены, Ван-Гелдеры, Ван-Арсдалы и Ван-Бюммели, Вандербелты, Вандерхофы, Вандерворты, Вандерлейны, Вандерполы и Вандерспигели. Там были Хоффманы, Хогланды, Хопперы, Клопперы, Отхоуты, Квакенбоссы, Рурбаки, Гарребрантсы, Ондердонки, Варравангеры, Схермерхорны, Бринкерхофы, Бонтекоу. Никербокеры, Хокстрассеры, Десятиштанные и Крепкоштанники и еще куча доблестных богатырей, чьи имена слишком заковыристы, чтобы их можно было написать, а если бы их и написали, никто не мог бы выговорить. Все шли, подкрепившись солидным обедом и, пользуясь словами великого голландского поэта,

Полные гнева и капусты!

ских походах Карлу VIII, Людовику XII и Франциску I. Прозван рыцарем без страха и упрека.

Могучий Питер на мгновение остановился и, взобравшись на гнилой пень, обратился к своим войскам на цветистом нижнеголландском наречии. Он призывал их сражаться, как duyvels,[433] и заверил, что в случае победы им достанется большая добыча; если же им предстоит пасть, то, умирая, они испытают ни с чем не сравнимое удовлетворение от сознания, что погибли за отчизну, а после смерти – при виде того, что их имена начертаны в храме славы и дойдут – вместе с именами других великих людей своего времени – до восхищенного потомства. Под конец он поклялся словом губернатора (а солдаты слишком хорошо знали его, чтобы хоть на секунду усомниться), что всякий, кто побледнеет или начнет праздновать труса, получит трепку, от которой вылезет из своей кожи, как змея весною. Затем, вытащив из ножен свой страшный кинжал, он трижды взмахнул им над головой, приказал Ван-Корлеару протрубить яростную атаку и с кличем «святой Николай и Манхатез» храбро ринулся вперед. Его отважные сподвижники, воспользовавшиеся передышкой для того, чтобы закурить трубки, сунули их теперь в рот, выпустили чудовищные клубы дыма и под их прикрытием смело двинулись на штурм.

Шведские солдаты, которым хитрый Рисинг приказал не стрелять до тех пор, пока они не начнут различать белки глаз

---

[433] Дьяволы (голл.).

нападающих,[434] стояли в прикрытом пути, храня зловещее молчание, пока пылкие голландцы не поднялись до половины гласиса.[435] Тогда они дали по ним такой оглушительный залп, что даже окрестные холмы задрожали и со страху стали проявлять признаки недержания воды, так что из их склонов брызнули ручьи, продолжающие течь до сегодняшнего дня. Под столь ужасным огнем все голландцы полегли бы на поле брани, если бы хранительница Минерва милостиво не позаботилась о том, чтобы шведы все как один держались своей всегдашней привычки в момент выстрела закрывать глаза и отворачиваться.

Но мушкеты были наведены не напрасно, ибо пули, летя на крыльях неминуемой судьбы, угодили прямо в стаю диких гусей, которые, будучи гусями, как раз в это мгновение случайно пролетали мимо; семьдесят дюжин гусей свалились убитые и, хорошо приготовленные и начиненные луком, послужили для победителей роскошным ужином.

Не был залп бесполезным и для мушкетеров, так как встречный ветер, поднявшийся по велению неумолимой Юноны, отнес дым и пыль прямо в лицо голландцам и неизбежно ослепил бы их, если бы они держали глаза открыты-

---

[434] …белки глаз нападающих… – намек на одно из первых сражений войны за независимость США – битву при Бэнкерхилле (17 июня 1775 г.), когда руководитель американских повстанцев И. Патнем приказал им не стрелять в англичан до тех пор, пока они не начнут различать белки глаз противника.

[435] Гласис – земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

ми. Вслед за залпом шведы вскочили на контрэскарп[436] и с дикими криками, не щадя живота, набросились на неприятеля. Теперь можно было видеть такие чудеса доблести, равных которым не упоминалось ни в истории, ни в поэзии. Тут храбрый Стоффель Бринкерхоф размахивал своей толстой дубиной, как страшный великан Бландерон дубом (так как он презирал всякое другое оружие), и отбивал ужасающую дробь на головах целого отряда шведов. Там могучие Ван-Кортландты, стоя в отдалении, изо всех сил натягивали, как низкорослые локрийские лучники 6 былых времен, большие луки, которыми они столь справедливо славились. В другом месте на вершине невысокого холма собрались храбрецы из Синг-Синга; их участие в сражении выражалось в том, что они геройски пели большой псалом в честь святого Николая. В противоположном конце поля битвы можно было видеть Ван-Гролов с Носа Антони, но из-за своих длинных носов они попали в крайне затруднительное положение, очутившись в узком ущелье между двумя холмиками. Были там Ван-Бенсхотены из Найака и Кейкьята, столь знаменитые умением бить левой ногой, но сейчас их искусство приносило им мало пользы, так как они с трудом дышали после основательного обеда; они непоправимо опозорили бы себя, обратившись в бегство, если бы не получили подкрепления

[436] Контрэскарп – передний склон наружного рва укреплений, ближайший к противнику.

в виде отряда отважных voltigeurs,[437] состоявшего из Хопперов, которые быстро двигались им на помощь на одной ноге. В другом конце поля можно было увидеть Ван-Арсдалов и Ван-Бюммелей, которые всегда держались вместе и теперь храбро рвались вперед, чтобы бомбардировать крепость: но что касается Гарденьеров из Гудзона, то их на поле битвы не было, так как их послали на фуражировку опустошать соседние арбузные баштаны. Следует упомянуть и о беспримерном подвиге Антони Ван-Корлеара: он добрую четверть часа вел страшный бой с низеньким, толстеньким шведом-барабанщиком, чью шкуру великолепнейшим образом отбарабанил; конечно, в конце концов он уложил бы врага на месте, будь у него при себе какое-либо другое оружие, кроме трубы.

Бой становился все жарче. Появились воины из Вал-Богтиха и могучий Якобус Варравангер; за ними с грохотом шли Ван-Пуши из Эзопуса, вместе с Ван-Ripперами и Ван-Брентами, сметая все на своем пути; затем Сои-Дамы и Ван-Дамы, которые, оглашая воздух неистовой руганью, двигались во главе воинов с берегов Хелл-Гейта, одетых в свои плащи из грубого сукна цвета грома и молнии. Последними шли знаменосцы и телохранители Питера Стайвесанта, носившие большие касторовые шляпы, по обычаю манхатезцев.

Теперь поднялся страшный шум; началась отчаянная схватка, сопровождавшаяся дикой жестокостью, бешеным

---

[437] Стрелков (франц.).Локрийские лучники – воины одного из древнегреческих племен, свирепость и грубость которого вошла в поговорку.

остервенением, смятением и самозабвением войны. Голландцы и шведы смешались друг с другом, сцепившись врукопашную, пыхтя, задыхаясь. Небо потемнело от тучи метательных снарядов. Каркасы, зажигательные ядра, дымовые бомбы, вонючие бомбы и ручные гранаты сталкивались между собой в воздухе. Бум! гремели пушки; дзинь! звенели палаши; глухо стучали дубинки, с треском ломались мушкетные ложа. Удары, пинки, тумаки, царапины, фонари под глазами, разбитые в кровь носы усиливали ужас представшей взорам картины! Трах-тарарах! Коли, руби, как ни попало, куда придется! Повсюду сумятица, все летит вверх тормашками, стук-бряк, удар за удар, полная неразбериха! – «Гром и молния!» – кричали голландцы; – «Проклятие!» – вопили шведы. – «На приступ!» – орал Твердоголовый Пит; – «Взорвать мину!» – громовым голосом командовал Рисинг. – Тан-тара-ра-ра! – гнусила труба Антони Ван-Корлеара. Все голоса и звуки стали невнятными, визги боли, вопли ярости и крики торжества слились в один чудовищный шум. Земля задрожала, словно пораженная параличом; при виде столь жуткой картины деревья зашатались от ужаса и увяли; камни зарылись в землю, как кролики, и даже речка Кристина изменила направление и в смертельном испуге потекла вверх по горе!

Только потому, что оружие у всех было тупое, порох подмочен и что по странному совпадению все наносили удары плашмя, а не острием своих сабель, дело обошлось без

страшнейшей резни. Обильно стекавший пот бежал реками по полю сражения; к счастью, никто не утонул, так как воины, все до одного, были опытными пловцами и имели на такой случай пробковые куртки; но много отважных голов оказалось разбито, много крепких ребер сломано, и многие страдавшие одышкой герои едва переводили дух в этот день!

Исход сражения долго оставался неясен; хотя сильный ливень, посланный «Юпитером-тучегонителем», несколько охладил пыл бойцов, как охлаждает пыл дерущихся мастифов[438] вылитое на них ведро воды, тем не менее битва затихла только на несколько мгновений, а затем возобновилась, и воины с удесятеренной яростью продолжали награждать друг друга синяками и кровоподтеками. Вдруг все увидели огромный столб густого дыма, медленно надвигавшийся на поле битвы; на некоторое время даже вошедшие в раж бойцы замерли в немом изумлении. Но когда ветер на секунду рассеял темное облако, из его середины показалось развевающееся знамя бессмертного Майкла Поу. Благородный вождь бесстрашно шел вперед, ведя за собой плотно сомкнутые ряды питавшихся устрицами павонцев, которые остались позади отчасти как corps de reserve,[439] а отчасти для того, чтобы переварить съеденный ими чудовищный обед. Эти отважные воины, не зная боязни, мужественно шагали, затягиваясь изо всей силы своими трубками, от которых и поднималось упо-

[438] Мастиф – порода собак.

[439] Резервный отряд (франц.).

мянутое выше зловещее облако, но шли они очень медленно, так как ноги у них были короткие, а талия чрезвычайно округлая.

Но в это самое время боги, покровительствовавшие войскам Нового Амстердама, необдуманно покинули поле сражения и зашли в соседнюю таверну, чтобы освежиться кружкой пива, и нидерландцев чуть было не постигло страшное бедствие. Едва мирмидоняне могучего Поу достигли передовой линии, как шведы по распоряжению коварного Рисинга встретили их градом ударов, направленных прямо в их трубки. Изумленные таким неожиданным нападением и совершенно растерявшись при виде того, что их трубки были сломаны из-за этой «проклятой чепухи», отважные голландцы пришли в полное смятение и даже обратились в бегство; как испуганное стадо неповоротливых слонов, они привели в замешательство свою собственную армию, опрокинув целый отряд низкорослых Хопперов; священное знамя, украшенное гигантской устрицей, эмблемой Коммунипоу, было втоптано в грязь. Шведы воспрянули духом и, преследуя павонцев по пятам, с такой силой поддавали им ногами a parte poste,[440] что основательно ускоряли их движение; даже сам знаменитый Поу не избег грубых и невыносимо оскорбительных прикосновений чужих башмаков!

Но каков, о муза! был гнев доблестного Питера, когда он издалека увидел, что его армия дрогнула! Громовым голо-

[440] В заднюю часть (лат.).

сом он закричал вслед своим малодушным воинам, испустив такой военный клич, какой издал суровый Ахиллес, когда троянские войска уже готовились сжечь все его канонерки. Страшный крик долгим эхом разнесся по лесам, и деревья повалились от шума; медведи, волки и пантеры с перепуга выскочили из своей кожи; несколько ошалевших холмов перепрыгнули через Делавэр и все легкое пиво в Форт-Кристина скисло от этого звука!

Услышав голос своего предводителя, манхатезские воины вновь обрели мужество, а может быть, они испугались его яростного гнева, которого страшились больше, чем всех шведов на свете. Но дерзновенный Питер, не ожидая их помощи, врезался с саблей в руках в самую гущу врагов. Тут он совершил такие невероятные подвиги, о которых не слыхивали с легендарных времен великанов. Куда он ни направлялся, враг перед ним шарахался; с буйной стремительностью он наступал, загоняя шведов, как собак, в их же собственный ров. Но пока он бесстрашно шел вперед, враги, подобно набегающим волнам, которые обрушиваются на несущуюся по ветру лодку, смыкали свои ряды позади и грозили напасть с флангов, создавая для него смертельную опасность. Один отчаянный швед, чье могучее сердце было чуть поменьше перечного зернышка, направил свою подлую шпагу прямо в сердце героя. Но хранительная сила, пекущаяся о безопасности всех великих и благородных людей, отвела вражеский клинок и направила его к вместительному боко-

вому карману, где лежала громадная Железная Табакерка, обладавшая, как щит Ахиллеса, сверхъестественными свойствами – несомненно из-за того, что была благочестиво украшена изображением блаженного святого Николая. Так смертельный удар не достиг цели, хотя и заставил великого Питера почувствовать, что у него сильнейшим образом перехватило дух.

Как разъяренный медведь, на которого нападают надоедливые дворняжки, яростно кружится, скалит свои страшные зубы и бросается на врага, так кинулся наш герой на вероломного шведа. Злосчастный негодяй пытался найти спасение в бегстве, но проворный Питер схватил его за непомерно длинную косу, болтавшуюся за спиной.

– А, подлый червь! – прорычал он, – на съеденье червям я тебя и отправлю!

Сказав так, он взмахнул своей верной саблей и нанес удар, который обезглавил бы шведа, будь у того, как у Бриарея,[441] даже полсотни голов, но жалостливая сталь не достигла шеи и только навсегда отделила косу от макушки. В эту самую секунду коварный аркебузир, взобравшийся на вершину соседней насыпи, прицелился из своего смертоносного оружия и отправил бы доблестного Стайвесанта скитаться печальной тенью по берегу Стикса, если бы бдительная Минерва, только что остановившаяся, чтобы завязать свои подвязки,

[441] Бриарей – в древнегреческой мифологии великан с 50 головами и сотней рук.

не увидела, какой великой опасности подвергается ее любимый вождь и не послала старого Борея с раздувальными мехами, который в самый последний момент, когда ужасный фитиль уже был поднесен к полке ружья, дунул столь удачно, что сдул весь порох с запала! Так шла эта грандиозная битва не на живот, а на смерть. Но вот отважный Рисинг, наблюдавший за сражением с вершины невысокого равелина, увидел, что непобедимый Питер бьет и лупит чем попало его верных воинов. Словами нельзя описать гнев, который охватил его при этом зрелище; он лишь на мгновение задержался, чтобы изрыгнуть пять тысяч проклятий, а затем, обнажив свой громадный палаш, переваливаясь с ноги на ногу, спустился на поле битвы; он шагал так оглушительно, как, по словам старого Гесиода, ступал Юпитер, когда сходил с небес, чтобы запустить в титанов своими шутихами.

Едва наши герои-соперники встретились лицом к лицу, как каждый из них сделал огромный прыжок в пятьдесят футов (фламандских), какие делают самые искусные акробаты. Затем они мгновение злобно смотрели друг на друга, как два разъяренных кота, которые вот-вот подерутся. Затем они приняли одну позу, затем другую, ударив саблей по земле сначала справа, потом слева, и наконец набросились друг на друга с яростью пожара, охватившего сразу пятьсот домов! Словами не передать чудес силы и храбрости, проявленных во время этого ужасного поединка, по сравнению

с которым прославленные битвы Аякса с Гектором,[442] Энея с Турном,[443] Роланда с Родомоном,[444] Гая из Варвика с Колбрандом Датчанином[445] или знаменитого уэльского рыцаря с гор сэра Оуэна с великаном Гуилоном были всего лишь милыми забавами и праздничными развлечениями. В конце концов доблестный Питер, улучив удобный момент, нанес ужасный удар, намереваясь рассечь противника до самого подбородка; однако Рисинг, быстро подняв саблю, сумел в последнее мгновение отвести удар, который скользнул по его боку и отсек полную крепчайшей водки манерку, всегда висевшую у него на боку; сабля Питера, продолжая свой путь, отрезала глубокий карман мундира, набитый хлебом и сыром. Из-за этих лакомств, свалившихся на землю посреди поля сражения, между шведами и голландцами началась невероятная свалка, и всеобщая потасовка стала в десять раз яростней, чем прежде.

Храбрый Рисинг, рассвирепев при виде столь печальной гибели своих военных запасов, собрал все силы и нанес мощный удар прямо по макушке героя. Тщетно стала на его дороге маленькая свирепо надвинутая набекрень треуголка; разящая сталь рассекла прочный кастор, и доблестное темя на-

---

[442] Битва Аякса с Гектором – Гомер. Илиада, VII.

[443] Энея с Турком – Вергилий. Энеида, XII. Турн – царь рутулов, убит Энеем.

[444] Роланда с Родомоном – Роланд сбросил хвастливого алжирского царя Родомона в реку (Л. Ариосто. Неистовый Роланд, XIV).

[445] Гая из Варвика с Колб рандом Датчанином – см. примечание 6, гл. III, кн. четвертая, 13

верняка треснуло бы, если бы череп не оказался такой адамантовой твердости, что хрупкое оружие разлетелось на двадцать пять кусков, рассыпав тысячу искр, словно сияние славы, вокруг седой головы Питера Стайвесанта.

Оглушенный ударом, храбрый Питер пошатнулся, возвел глаза к небу и увидел пятьдесят тысяч солнц, не считая лун и звезд, которые плясали шотландский рил[446] на небосводе. Наконец, потеряв из-за деревянной ноги равновесие, он шлепнулся задом с таким грохотом, что затряслись соседние холмы, и непременно повредил бы свою анатомическую систему, если бы под ним не оказалась подушка мягче бархата, которую провидение, или Минерва, или святой Николай, или какая-нибудь добрая корова милостиво приготовили для него.

Разъяренный Рисинг, вопреки благородному правилу, соблюдаемому всеми подлинными рыцарями, которое гласило, что «честность – это лучшее сокровище», поспешил воспользоваться падением нашего героя: однако, едва он нагнулся, чтобы нанести роковой удар, всегда бывший начеку Питер треснул его своей деревянной ногой по башке так, что у того в мозжечке несколько дюжин звонниц зазвонили во все колокола. Ошеломленный швед зашатался от удара, а тем временем Питер, осмотревшись по сторонам, заметил карманный пистолет, лежавший поблизости (выпавший из сумки его верного оруженосца и трубача, Ван-Корлеара во вре-

[446] Шотландский рил – быстрый шотландский танец.

мя его яростной схватки с барабанщиком), и выстрелил прямо в голову наклонившегося Рисинга. Пусть мой читатель не заблуждается: то было не смертоносное оружие, заряженное пулей и порохом, а крепкая каменная фляжка, наполненная до краев шестидесятиградусной истинно голландской храбростью, которую Ван-Корлеар, понимавший толк в таких вещах, всегда носил при себе для поддержания отваги. Чудовищный метательный снаряд просвистел в воздухе и не отклоняясь от своего пути, как не отклонилась громадная каменная глыба, запущенная в Гектора забиякой Аяксом, с неслыханной силой ударил в огромную голову великана шведа.

Этот направленный небом удар решил исход полной треволнений битвы. Тяжелая голова генерала Яна Рисинга поникла, колени под ним подогнулись; подобное смерти оцепенение охватило все его гигантское тело, и он рухнул на землю с такой страшной силой, что старый Плутон вздрогнул, испугавшись, как бы поверженный швед не проломил крыши его адского дворца.

Падение Рисинга, как падение Голиафа, послужило сигналом поражения и победы. Шведы отступили, голландцы двинулись вперед; первые пустились наутек, последние рьяно преследовали. Смешавшись с беглецами, некоторые преследователи ворвались через потерну в крепость, другие штурмовали бастион, третьи карабкались на куртину. Так в скором времени неприступная крепость Форт-Кристина, кото-

рая, как вторая Троя, выдерживала осаду целых десять часов, была в конце концов взята приступом, причем с обеих сторон не погиб ни один человек. Победа в образе гигантского слепня примостилась на маленькой треуголке доблестного Стайвесанта, и писатели, которых он нанял для того, чтобы они написали историю его похода, объявили всему свету, что завоеванной им в этот памятный день славы хватило бы на увековечение дюжины величайших героев христианского мира.

ГЛАВА VIII

В которой автор и читатель, отдыхая после битвы, вступают в очень серьезную и поучительную беседу; после чего рассказывается о поведении Питера Стайвесанта в связи с его победой.

Хвала святому Николаю! Я прекрасно расправился с этой ужасной битвой. Присядем теперь, мой почтенный читатель, и остынем, ибо я действительно сильно вспотел и возбужден. Ей богу, давать сражения нелегкая работа! И если бы наши великие военачальники знали, как много затруднений они создают своим историкам, у них не хватило бы совести одерживать столько блестящих побед. Я уже слышу, как читатель жалуется, что на протяжении всей этой превозносимой до небес битвы не было ни одного смертоубийства, ни одного человека не изувечили (если не считать злосчастного шведа, у которого острый клинок Питера Стайвесанта отрезал косу) – к явному нарушению правдоподобия и к большому ущербу для занимательности нашего повествования.

На этот раз я чистосердечно признаюсь, что мой придирчивый читатель имеет некоторые основания поворчать. Я мог бы привести множество серьезных причин, почему я не залил кровью всю страницу и не заполнил заключительную часть каждой фразы стонами умирающих, но удовольству-

юсь лишь упоминанием об одной из них; если все разумные люди на земле не признают ее достаточной, тогда я соглашусь, чтобы мою книгу бросили в огонь. Итак, простая истина состоит в том, что, изучив все исторические труды, рукописи и предания, относящиеся к этой достопамятной, но давно забытой битве, я не смог обнаружить, чтобы за все время сражения кто-нибудь был убит или хотя бы ранен!

Мои читатели, если в них есть капля сострадания, должны легко понять, в каком печальном положении я оказался. Я ведь обещал дать им описание ужасной, беспримерной битвы и проделал с этой целью невероятно трудную подготовительную работу. Больше того, я довел себя до самого воинственного и кровожадного настроения; моя честь историка и мои чувства мужественного человека были слишком глубоко задеты этим сражением, чтобы я мог отступить. К тому же я с огромным трудом и огромными затратами привез из Нидерландов большой отряд могучих воинов, и моя совесть и то уважение, которое я питаю к ним и к их знаменитым потомкам, не позволяют мне примириться с тем, чтобы они возвратились домой, как участники прославленного британского похода, получив от ворот поворот.

Выпутаться из этого затруднительного положения было поистине тяжело. Если бы только неумолимая судьба предоставила мне полдюжины мертвецов, я удовлетворился бы ими, ибо сделал бы из них таких героев, каких было немало в старые времена, но какие теперь, к сожалению, переве-

лись. Людей, которые, если можно верить поэтам, этим правдивым авторам, способны были гнать перед собой, как овец, огромные армии и собственноручно, без чьей-либо помощи, завоевывать и опустошать целые города. Каждому из них я дал бы столько же жизней, сколько бывает у кошки, и умирали бы они у меня, ручаюсь вам, нелегко. Но так как в моем распоряжении не было ни одного трупа, мне только и оставалось как можно лучше использовать мою битву, прибегнув к пинкам, тумакам и синякам, фонарям под глазами, окровавленным носам и тому подобным неблагородным ранам. Однако наибольшее затруднение для меня состояло в том, чтобы, приведя моих воинов в ярость и дав им проникнуть в гущу врагов, помешать им совершить непоправимое зло, Много раз пришлось мне удерживать храброго Питера, чтобы он не разрубил великана шведа до самого пояса и не насадил с полдюжины низкорослых противников на свою шпагу, как воробьев. А когда я запустил в воздух несколько сот метательных снарядов, то не мог допустить, чтобы хоть один из них достиг земли, ибо он прикончил бы какого-нибудь несчастного голландца.

Читатель не в состоянии представить себе, как я страдал от того, что руки у меня были связаны, и сколько соблазнительных возможностей мне пришлось упустить, хотя я мог нанести прекрасный смертельный удар, не уступающий тем, о каких когда-либо сообщали нам история или поэзия.

Основываясь на собственном опыте, я начал очень силь-

но сомневаться в достоверности многих рассказов господина Гомера. Я, право, думаю, что ему случалось, пустив одного из своих молодцов в толпу врагов, уложить много честных ребят, не имея никакого основания делать это за исключением того, что они представляли хорошую цель; нередко несчастного парня отправляли во владения угрюмого Плутона только потому, что его имя придавало звучность какому-нибудь стиху. Но я отвергаю все эти безнравственные вольности; пусть только на моей стороне будут истина и закон, и ни один человек не станет сражаться более рьяно, чем я; однако я слишком совестлив, чтобы убить хоть одного солдата, коль скоро различные источники, к которым я обращался, не давали мне на это права. Клянусь святым Николаем, хорошенькое было бы дельце! Мои враги критики, всегда готовые, как я предвижу, приписать мне любое преступление, какое им удастся обнаружить, сразу же обвинили бы меня в убийстве, и я должен был бы счесть себя счастливым, если бы меня осудили всего лишь за непредумышленное убийство!

А теперь, милый читатель, когда мы спокойно здесь посиживаем и курим трубки, позволь мне предаться печальным размышлениям, пришедшим мне сейчас на ум. Как бесполезны, скоропреходяши и ненадежны все те блестящие побрякушки, ради которых мы, выбиваясь из сил, трудимся в этом мире прекрасных обманов. Большое состояние, накопленное седовласым скупцом за множество утомитель-

ных дней, за множество бессонных ночей, расточительный наследник легкомысленно растратит в безрадостном мотовстве. Благороднейшие памятники, когда-либо воздвигнутые гордыней для увековечения чьего-либо имени, безжалостная рука времени вскоре неизбежно превратит в груду развалин, и даже самые пышные лавры, завоеванные отважнейшими воинскими подвигами, могут увянуть и поникнуть из-за холодного пренебрежения человечества. «Сколь многих знаменитых героев, – говорит добрый Боэций, – бывших когда-то гордостью и славой своей эпохи, молчание историков обрекло на вечное забвение!» Именно поэтому спартанцы, идя на бой, торжественно приносили жертву музам, умоляя, чтобы их подвиги были достойным образом сохранены для потомства. Если бы Гомер не настроил свою возвышенную лиру, утверждает красноречивый Цицерон, храбрость Ахиллеса осталась бы невоспетой. Почти такой же была бы судьба и рыцарственного Питера Стайвесанта, несмотря на все тяготы и опасности, которые он презрел, несмотря на все доблестные подвиги, которые он совершил, если бы, к счастью, не вмешался я и не начертал его имя на неизгладимых скрижалях истории как раз в то мгновение, когда подлое Время уже молча вычеркивало его навсегда из памяти людей.

Чем больше я думаю, тем больше удивляюсь при мысли о том, какие важные люди мы, историки! Мы верховные цензоры, выносящие решение о славе или бесчестии наших ближних. Мы всенародные раздаватели славы, жалующей

своей милостью в соответствии с нашим мнением или капризом, мы благодетели королей, мы хранители истины, мы каратели преступления, мы наставники человечества, мы… одним словом, кем только мы не являемся! А между тем как часто гордый патриций или спесивый бургомистр чванятся перед маленьким, трудолюбивым, запыленным историком, вроде меня, не думая, что этот скромный человек – судья его славы, от которого зависит, будет ли он жить в грядущих веках или канет в забвение, как канули до него его предки. «Не оскорбляй дервиша, – сказал один мудрый калиф сыну, – чтобы не прогневить своего историка». И многие могущественные люди древности, если бы они соблюдали столь очевидное правило, избегли бы не одного жестокого укола пером, нанесенного их репутации.

Но пусть читатель не думает, что я предаюсь суетному хвастовству, порожденному сознанием собственной власти и значения. Напротив, я с содроганием вспоминаю о том, какое ужасное смятение, какие раздирающие сердце бедствия мы, историки, приносим в мир. Клянусь честью, мой почтенный читатель, я плачу при одной мысли об этом!

Почему, позволь тебя спросить, почему каждый день столько знаменитых людей вырываются из объятий своих опечаленных семей, пренебрегают улыбками красавиц, отвергают обольщения судьбы и подвергают себя всем невзгодам войны? Почему прославленные полководцы убивают тысячи людей, никогда в жизни не причинивших им вреда? По-

чему короли опустошают государства и уничтожают население целых стран? Короче говоря, что побуждает всех великих людей всех времен и народов совершать столько ужасающих побед и преступлений и навлекать столько несчастий на человечество и на самих себя, если не простая надежда, что мы, историки, обратим на них свое любезное внимание и уделим местечко в наших книгах. Стало быть, великая цель всех их трудов, тягот и лишений – это не что иное, как *вечная слава*. А что такое вечная слава? – всего лишь полстраницы грязной бумаги! Увы! Увы! Как унизительно сознание, что слава столь знаменитого человека, как Питер Стайвесант, зависит от пера столь ничтожного человека, как Дидрих Никербокер!

А теперь, отдохнув от ратных трудов и опасностей, мы должны еще раз вернуться к месту сражения и установить, каковы же были результаты этой знаменитой схватки. Так как крепость Кристина была прекрасной столицей Новой Швеции и в некотором роде ключом к ней, то за ее взятием быстро последовало покорение всей провинции. Достижению этого в немалой степени способствовало благородное и любезное поведение рыцарственного Питера. Хотя в бою он был страшен, в час победы его осенял дух великодушия, милосердия и человеколюбия. Он не похвалялся перед врагами, не усугублял горечь поражения недостойными обидами, ибо, подобно прославленному паладину Роланду, этому образцу рыцарских добродетелей, предпочитал совершать ве-

ликие деяния, а не разговаривать о них после того, как они были совершены. Он никого не приговорил к смерти, не сжег ни одного дома, не разрешил грабить имущество побежденных и даже крепко отдубасил одного из храбрейших офицеров своего штаба, пойманного на месте преступления, когда тот разорял куриное гнездо.

Кроме того, Питер Стайвесант выпустил обращение, в котором призывал жителей подчиниться власти Высокомощных Господ; в нем, однако, он с беспримерной снисходительностью объявил также, что всякий, кто откажется, будет помещен на казенный счет в специально приспособленный для этой цели замок, где за ним будет в придачу ухаживать вооруженная свита. В результате столь благодетельных постановлений три десятка шведов отважно выступили вперед и принесли присягу на верность, за что им милостиво разрешили остаться на берегах Делавэра, где их потомки живут и по сей день. От многих наблюдательных путешественников я, впрочем, слышал, что они так никогда и не смогли отделаться от унылого вида своих предков и все еще каким-то необъяснимым образом передают от отца к сыну явные следы жестоких побоев, нанесенных им храбрыми амстердамцами.

Вся провинция Новая Швеция, покоренная победоносным Питером Стайвесантом, была низведена до положения колонии, названной Саут-Ривер, и отдана под начало помощника губернатора, подчиненного верховному правительству,

которое находилось в Новом Амстердаме. Этого важного сановника звали мингер Вильям Беекман или, вернее, *Бекман*; он получил свое прозвище, как некогда Овидий Назон, из-за щедрых размеров носа, выступавшего посередине его лица наподобие клюва попугая.[447] В различных старинных источниках можно найти указания на то, что этим обстоятельством объясняется не только его фамилия, но и начало его карьеры, ибо вследствие отсутствия в Кристине городских часов ее население пользовалось физиономией мингера Бекмана, как солнечными часами. Эта романтическая и поистине живописная часть лица первая бросалась в глаза народу и потащила за собой ее владельца, который в свою очередь потащил за собой всю семью Бекманов. Последняя, добавляет история, долгое время считалась одной из самых древних и благородных в провинции, и ее представители с признательностью увековечили первопричину своего величия не тем, что поместили на щите своего герба сверкающий нос, как это сделали бы аристократические семейства в Англии, а тем, что у них у всех до одного был здоровенный нос, торчавший как раз посреди лица.

Итак, этот опасный поход был со славой закончен, причем голландцы потеряли всего двух человек: Волферта Ван-Хорна, высокого худощавого парня, сбитого с ног утлегарем[448]

---

[447] …клюв попугая – непереводимая игра слов: beck по-английский означает «клюв».

[448] Утлегарь – наклонный брус на парусном судне, служащий для выноса вперед

шлюпа и упавшего за борт при сильном порыве ветра, и толстого Брома Ван-Бюммеля, скоропостижно скончавшегося из-за злокачественного несварения желудка; оба они, впрочем, были объявлены достойными вечной славы, как павшие за родину смертью храбрых. Правда, одна из конечностей Питера Стайвесанта сильно пострадала, сломавшись на мелкие части при штурме крепости; но так как, к счастью, это была его деревянная нога, то рану быстро и полностью залечили.

Теперь в этом разделе моей истории мне остается упомянуть только о том, что наш безупречный герой и его победоносная армия радостно вернулись на Манхатез, шагая, осененные лаврами, как шли сторонники юного Малколма под защитой движущегося Дунсинанского леса.[449] Так они, ликуя, торжественно вступили в Новый Амстердам, приведя с собой, побежденного Рисинга и остатки его разбитого войска, не согласившихся принять нидерландское подданство. Оказалось, что громадный швед в, конце сражения лишь упал в обморок, от которого быстро очнулся, когда его хорошенько ущипнули за нос.

Пленных героев поместили, как обещал губернатор, на казенный счет в красивом и просторном замке, то есть в тюрьме для государственных преступников, вице-королем

добавочных парусов.

[449] …движущегося Дунсинанского леса – В. Шекспир. Макбет, V, 5. (у Никербокера неточность: Бирнамский лес пошел на Дунсинан).

которой назначили Стоффеля Бринкерхофа, бессмертного завоевателя Устричной бухты и которая с тех пор навсегда осталась во владении его потомков.[450]

Весело и приятно было смотреть на радость жителей Нового Амстердама, когда они вновь увидели своих воинов, вернувшихся из похода в дикую страну. Старухи теснились вокруг Антони Ван-Корлеара, который рассказал всю историю кампании с отменной точностью, если не считать его уверений, будто он вел всю битву один и, в частности, победил могучего Рисинга, на что он считал себя вполне вправе претендовать, так как победа была одержана с помощью его каменной фляги. Во всем городе учителя отпустили на этот день маленьких школьников, и те толпами ходили за барабанами, надев на голову бумажную треуголку и прицепив палочку к штанам, беря таким образом первый урок праздношатания. Что касается грубой черни, то она скопом валила вслед за Питером Стайвесантом, куда бы тот ни направлялся, и кричала: «Да здравствует Твердоголовый Пит!».

Это был поистине день шумной суматохи и веселья. В честь победителей в ратуше был приготовлен обильный обед, на котором в одном блестящем созвездии собрались все великие и малые светила Нового Амстердама. Там были величественный схаут[451] и его угодливый помощник, бур-

---

[450] Этот замок, хотя сильно измененный и переделанный на современный лад, все еще существует. Он находится на углу Перл-стрит, напротив Кентайз-слип.

[451] Схаут (голл.) – начальник полиции.

гомистры рядом с их услужливыми схепенами,[452] более мелкие чиновники рядом со схепенами и так далее вплоть до знаменитых полицейских пройдох самых низких степеней; у каждого чинуши был свой прихвостень, который докуривал его трубку, допивал его опивки, смеялся над его незабываемыми по глупости выходками, короче говоря, – ведь муниципальный банкет остается повсюду муниципальным банкетом и был муниципальным банкетом со времен сотворения мира – обед протекал в точности так, как проходят все наши грандиозные общественные пиршества и званые обеды в честь Четвертого июля. Съели уйму рыбы, мяса и домашней птицы, выпили океаны спиртных напитков, выкурили тысячи трубок и множество скучных шуток вознаградили чрезвычайно громким жирным смехом.

Следует упомянуть также, что этой широко известной победе Питер Стайвесант обязан еще одним из своих многочисленных прозваний, ибо честные бюргеры были так безмерно восхищены его подвигами, что единодушно почтили его именем Pieter de Groodt, то есть Питер Великий, или, как перевели на свое наречие жители Нового Амстердама, Piet de Pig[453] – и это прозвище он сохранил до самой своей смерти.

---

[452] Схепен (голл.) – член городского совета.

[453] Pig – английский каламбур: pig по-английски означает «свинья» и в то же время, как испорченное big – «большой».

КОНЕЦ КНИГИ ШЕСТОЙ

КНИГА СЕДЬМАЯ
Содержащая описание третьего периода правления

ГЛАВА I

О том, как Питер Стайвесант избавил, державный народ от забот о стране, а также о различных подробностях его повеления в мирное время.

История правления Питера Стайвесанта представляет собой печальную картину бесконечных забот и треволнений, неотделимых от государственной деятельности, и может служить серьезным предупреждением всем, кто стремится к власти. Он был увенчан славой победы, разбогател от военной добычи и с триумфом вернулся в свою великолепную столицу, и все же его радость омрачилась, когда он узнал о тех злоупотреблениях, которые были совершены за время его непродолжительного отсутствия.

В правление Вильяма Упрямого новонидерландцы, на свое несчастье, нарушили собственный покой, хлебнув из отравленного кубка власти; и хотя после восшествия на престол Питера Стайвесанта они тем бессознательным чутьем,

которым в равной мере обладают толпа и домашний скот, поняли, что бразды правления перешли в более крепкие руки, все же они не могли удержаться от того, чтобы не беспокоиться, не горячиться и не закусывать удила, храня при этом упрямое молчание. И вот, едва великий Питер повернулся к своему народу спиной, как разносчики новостей и трактирные политики всего города немедленно сорвались с цепи и стали чудить и резвиться самым сумасбродным образом.

Словно по какому-то странному, неисповедимому предопределению большинству государств (в особенности вашим просвещенным республикам) выпадает на долю всегда иметь своим правителем самого неподходящего человека из всех жителей страны, так что вряд ли найдется в ней хоть один горожанин или земледелец, который не обнаружил бы бесчисленных ошибок в управлении и в конце концов не убедил бы вас, что дела пошли бы в тысячу раз лучше, если бы руководство возглавлялось им. Как странно! Управление, в котором все, по-видимому, так прекрасно разбираются, неизбежно оказывается в плохих руках; странно, но в способностях к законодательной деятельности, которыми все так щедро наделены, постоянно бывает отказано тому единственному человеку в государстве, кому по положению надлежит ею заниматься!

Так и в данном случае каждый из кучи горе-политиков в Новом Амстердаме был оракулом в государственных вопросах и мог бы руководить общественными делами несравнен-

но лучше, нежели Питер Стайвесант. Но старый губернатор с его несговорчивым нравом ни в коем случае не потерпел бы, чтобы кто-нибудь из многочисленных смышленых советников, которые его окружали, навязал ему свое мнение и спас страну от гибели.

Итак, едва Питер Стайвесант отправился в поход против шведов, как старые крамольники времен Вильяма Кифта снова подняли голову и стали устраивать политические собрания, обсуждая на них «положение страны». На этих сборищах бургомистры, склонные во все вмешиваться, и их услужливые схепены пользовались значительным влиянием. Эти почтенные чиновники не были больше такими толстыми, упитанными и спокойными, как в мирные дни Воутера Ван-Твиллера. Напротив, как избранники народа они составляли теперь нечто вроде прочного бруствера между толпой и правительством. Они изо всех сил домогались любви народа и были горячими защитниками его прав, напоминая своим бескорыстным рвением горластых трибунов древнего Рима или тех добродетельных патриотов наших дней, которых выразительно называли «друзьями народа».[454]

Под руководством этих глубокомысленных политиков грязная чернь вдруг стала весьма осведомленной в вопросах, которые были выше ее понимания. Сапожники, медники и

[454] …«друзья народа». – Английское «Общество друзей народа» было создано в 1792 г. вигами в целях агитации за парламентскую реформу. Оно проповедовало либерально-реформистские идеи и выступало против революционных методов борьбы.

портные все сразу почувствовали себя вдохновленными, как религиозные глупцы в славные времена монашеского ясновидения, и без всякого предварительного изучения или опыта, в мгновение ока приобрели способность руководить всеми государственными делами. Необходимо упомянуть и о множестве дряхлых, полоумных престарелых бюргеров, которые мальчиками пересекли океан в числе пассажиров «Гуде вроу» и были непогрешимыми оракулами в глазах просвещенной черни. Думать, что человек, который принимал участие в открытии страны, не знает, как надо ею управлять, было бы в высшей степени нелепо. Это сочли бы даже ересью, как в наше время считают ею сомнение в политических талантах и в бесспорности всех суждений наших старых «героев 76-го года»[455] или в том, что тот, кто сражался за свое правительство, не в состоянии, как бы глуп от природы он ни был, исполнять в нем любую должность.

Питер Стайвесант отличался, однако, склонностью управлять провинцией без помощи своих подданных, так что, вернувшись, он очень, рассердился, когда обнаружил, что за время его отсутствия они понабрались мятежного духа. Поэтому первым делом он решил восстановить в стране полный порядок, растоптав достоинство державного народа.

Итак, однажды вечером, дождавшись удобного случая, когда просвещенная чернь собралась на многолюдный сход

---

[455] …«герои 76-го года»… – имеется в виду провозглашение во время американской революции «Декларации независимости» в 1776 г.

и слушала патриотическую речь вдохновенного сапожника, бесстрашный Питер, как его великий тезка, царь всея Руси, внезапно появился среди присутствующих, храня на лице такое выражение, которого было бы достаточно для того, чтобы привести в трепет мельничный жернов. Все собрание было повергнуто в ужас; оратора словно хватил паралич посреди высокопарной фразы, и он стоял, пораженный, с открытым ртом и дрожащими коленями, между тем как слова «ужас!», «тирания!», «свобода!», «права!», «налоги!», «смерть!», «гибель!» и целый поток прочих патриотических фраз с ревом вылетали из его глотки, пока ему не удалось закрыть, наконец, рот. Разгневанный Питер, не обращая внимания на толчею, создавшуюся из-за того, что каждый старался спрятаться за спину соседа, подошел к крикливому забияке и, вытащив огромные серебряные часы, которые во время оно, возможно, служили городскими часами и сохранились до наших дней у его потомков как семейная диковина, попросил оратора починить их, чтобы они снова пошли. Оратор смиренно признался, что никак не может этого сделать, ибо не знаком с их устройством.

– Ну-ка, – сказал Питер, – испытай свое искусство, любезный. Смотри, вот все пружины и колесики; ты ведь знаешь, как легко может самая неловкая рука остановить часы и разобрать их на части. Почему же привести их в порядок должно оказаться труднее, чем остановить?

Оратор заявил, что занимается совершенно иным ре-

меслом, что он бедный сапожник и никогда в жизни не имел дела с часами. Есть люди, искусные в часовом ремесле, коим и надлежит заниматься этим делом, а что до него, то он только все перепутает и испортит превосходную вещь.

– Послушай-ка, господин хороший, – воскликнул Питер, сразу ловя сапожника на слове и по-прежнему храня такой вид, от которого тот чуть не превратился в каменную выколотку; – как это ты позволяешь себе вмешиваться в дела правления, приводить в порядок, налаживать, латать и чинить сложную машину, основы устройства которой выше твоего разумения и даже простейшие действия которой недоступны твоему пониманию, настолько они тонки, между тем как ты не в состоянии исправить пустяковый недостаток в самом обыкновенном механизме, все тайны которого открыты для твоего взгляда? Убирайся к своей коже и каменной выколотке, что могут служить эмблемой твоей головы; чини свои башмаки и ограничься тем призванием, для которого провидение тебя создало. Но знай, – Питер повысил голос так, что воздух вокруг зазвенел, – если я когда-либо поймаю тебя или кого-нибудь из твоего племени, будь то квадратноголовый или плоскозадый, на том, что вы вмешиваетесь в государственные дела, тогда, клянусь святым Николаем, я сдеру со всех вас, ублюдков, живьем шкуру и велю натянуть ее на барабаны, чтобы впредь вы шумели не попусту!

От этой угрозы и оглушительного голоса, каким она была

произнесена, вся толпа задрожала в страхе. Волосы на голове оратора встали дыбом, наподобие свиной щетины, которую он сучил вместе с дратвой, а у всех присутствовавших на собрании рыцарей наперстка замерли их могучие сердца, и все они почувствовали себя так, словно им и впрямь хотелось проскользнуть сквозь игольное ушко.

Принятая мера произвела желаемое действие, восстановив в провинции порядок, но зато она повела к тому, что просвещенная чернь стала охладевать к великому Питеру. Многие обвиняли его в проявлении аристократических замашек и слишком явном потакании патрициям. В сущности, для таких подозрений кое-какие основания были, ибо при нем впервые появились фамильная гордость и хвастовство богатством, которые впоследствии достигли в нашем городе такого расцвета, В одном труде, опубликованном через много лет после тех событий, которые описывает мистер Никербокер (в 1701 г. Автор К. В. А. М.), упоминается Фредерик Филипс,[456] считавшийся самым богатым мингером в Нью-Йорке; о нем говорили, что у него *целые бочки индейских монет или вампумов*. После него остались сын и дочь, которые по голландскому обычаю поделили наследство поровну». Тот, кто правил собственными колясками, имел соб-

[456] Автор К. В. А. М., упоминается Фредерик Филипс… – очевидно, Ирвинг имеет в виду книгу Коттона Матера «Великие деяния Христа в Америке» (1702), в которой упоминается богатый землевладелец Фредерик Филипс (1626–1702), бывший личным архитектором Стайвесанта и выстроивший в Сонной Лощине церковь и каменный дом, известный как «замок Филипса». – Издатель.

ственных коров и наследственный клочок земли под капустой, смотрел на менее состоятельных соседей сверху вниз, с ласковой, но в то же время оскорбительной снисходительностью; а те, чьи родители были каютными пассажирами на «Гуде вроу», постоянно спорили по поводу того, чьи предки благородней. В это время стала появляться роскошь в различных формах, и даже сам Питер Стайвесант (хотя его положение в сущности требовало некоторой пышности и великолепия) появлялся на народных торжествах в парадной карете, а в церковь всегда ездил в желтой коляске с огненно-красными колесами!

Из нарисованной мною картины читатели легко могут заметить, что многие черты характера наших предков в точности сохранили их потомки. Гордость своим богатством все еще царит среди наших зажиточных граждан. И многие работящие ремесленники, в начале своей жизни неустанно трудившиеся в пыли и безвестности, впоследствии выбиваются из сил, разыгрывая из себя джентльменов и упиваясь почетом, честно добытым ими в поте лица. Этим они напоминают домовитую, но честолюбивую хозяйку, которая целый день хлопотала, не покладая рук, в жаркой кухне, чтобы приготовить парадный обед, а вечером вплывает в гостиную и изнемогает от духоты в пышном наряде глупой великосветской дамы.

Нельзя без изумления смотреть и на то, сколько появилось в последние годы знатных семейств, чрезвычайно гор-

дящихся древностью своего происхождения. Так, человек, который может взирать на отца, не испытывая при этом унижения, считает себя достаточно значительной особой; тот, кто может без опасений разговаривать о своем дедушке, бывает еще тщеславней, а тот, кто может оглянуться на своего прадеда, не споткнувшись о табурет сапожника и не стукнувшись головой о позорный столб, совершенно нетерпим в своих притязаниях на знатность. Бог ты мой, какие ссоры вспыхивают между этими выскочками часовой давности и выскочками суточной давности!

Что касается меня, то я считаю старинные голландские семейства единственными представителями местной знати, подлинными землевладельцами; при виде старого честного бюргера, спокойно покуривающего свою трубку, я всегда проникаюсь к нему почтением, как к достойному потомку Ван-Ренселлеров, Ван-Зандтов, Никербокеров и Ван-Тойлов.

Я не хотел бы, однако, чтобы из сказанного мною в первой части этой главы читатель сделал вывод, будто великий Питер был губернатором-тираном, державшим своих подданных в ежовых рукавицах. Напротив, в тех случаях, когда его достоинство и власть не бывали затронуты, он всегда проявлял великодушие и любезную снисходительность. Он действительно верил (боюсь, что мои более просвещенные читатели-республиканцы сочтут это доказательством его невежества и ограниченности), что, предохраняя чашу обществен-

ной жизни от опьяняющего зелья политики, он способствовал покою и счастью народа, а отвлекая умы новонидерландцев от вопросов, которые недоступны их пониманию и могут лишь разжечь в них страсти, он помогал им более честно и прилежно заниматься своим делом и таким образом стать полезными гражданами, заботящимися о своих семьях и своем достоянии.

Отнюдь не будучи несправедливо суровым, он радовался при виде того, что бедный и работящий человек веселится, и поэтому всячески поощрял устройство празднеств и народных развлечений. В его правление был впервые введен обычай бить яйца на Paas, то есть на пасху. Новый год также ознаменовали буйным ликованием, и о его наступлении возвещали колокольным звоном и выстрелами из пушек. Каждый дом был храмом бога веселья: ради такого случая лились океаны вишневой наливки, настоящей голландской можжевеловой водки и горячего сидра с пряностями; и каждый бедняк в городе старался напиться допьяна из соображений чистой экономии – поглотить спиртного столько, чтобы хватило на полгода вперед.

Приятно было смотреть на доблестного Питера, когда субботними вечерами он сиживал среди старых бюргеров и их жен под большими деревьями, простершими свою тень над Батареей, и наблюдал за юношами и девушками, которые танцевали на лужайке. Здесь он курил свою трубку, отпускал шутки и в тихих, ниспосылающих забвение радостях мир-

ной жизни забывал о суровых ратных трудах. Время от времени он одобрительно кивал юношам, которые притоптывали и дрыгали ногами сильнее других, а иногда от чистого сердца крепко целовал веселую красотку, продержавшуюся дольше всех своих соперниц, которые окончательно выбились из сил, и тем бесспорно доказавшую, что она самая лучшая плясунья.

Правда, как-то раз согласие между собравшимися было несколько нарушено. Молодая женщина, недавно приехавшая из Голландии и, конечно, ставшая поэтому законодательницей мод в городе и заметной фигурой в веселящемся обществе, явилась, имея на себе всего только полдюжины юбок, к тому же рискованно коротких. Шопот пробежал среди присутствующих, все старые дамы почувствовали себя крайне оскорбленными, молодые женщины краснели и страдали душой за эту «бедняжку», и даже сам губернатор, как заметили, был слегка смущен. Чтобы довершить изумление этих славных людей, она, танцуя джигу, принялась выписывать какие-то странные кривые, которым научилась от учителя танцев в Роттердаме. То ли она слишком воодушевилась, дрыгая ногами, то-ли заблудившийся зефир позволил себе вольность навязать свои услуги, трудно сказать, но, делая грациозный пируэт, который оказал бы честь современной бальной зале, она показала всем нечто совершенно неожиданное, от чего зрители пришли в большое восхищение, некоторые почтенные провинциальные советники силь-

но взволновались, а сам добродетельный Питер, как человек непревзойденной скромности, почувствовал себя жестоко оскорбленным.

Ему уже давно неприятно было видеть короткие женские наряды, вошедшие в моду со времен Вильяма Кифта, и хотя он испытывал крайнее отвращение при мысли о том, что должен заниматься дамскими юбками, тем не менее он немедленно посоветовал всем женщинам пришить оборки до самого пола. Он также распорядился, чтобы дамы, равно как и джентльмены, во время танцев не делали никаких других па, кроме переходов и поворотов и двойного притопа, и под страхом вызвать его» крайнее неудовольствие запретил впредь всем молодым женщинам малейшую попытку, как он выразился, «показывать свои прелести».

Это были единственные ограничения, которые он установил для женщин, но те рассматривали их как тиранические притеснения и сопротивлялись им с жаром, неизменно проявляемым прекрасным полом, когда ущемляют его права. Питер Стайвесант ясно понимал, что при попытке пойти в этом вопросе еще дальше может возникнуть опасность, как бы они вовсе не отказались от юбок; поэтому, как умный человек, хорошо-знакомый с женским нравом, он перестал настаивать и в дальнейшем предоставил им носить юбки такой длины и прыгать так высоко, как им заблагорассудится.

ГЛАВА II

О том, как сильно досаждали Питеру Стайвесанту восточные грабители и великаны из Мэриленда и как британское правительство устроило тайный и ужасный заговор против благополучия Манхатеза.

Мы подходим теперь к тому, что можно назвать самой важной частью нашего труда, и если я не ошибаюсь в своих предчувствиях, в последующих главах нам предстоит покончить с уймой дел. До сих пор я двигался успешно, даже сверх ожиданий. Раскрою перед читателем мою тайну (и действительно, мы стали такими близкими друзьями, что, по-моему, я должен рассказать ему все мои тайны, прежде чем мы расстанемся): когда я впервые взялся за этот превосходный, но совершенно достоверный маленький исторический труд, я страшно волновался при мысли о том, удастся ли мне справиться с ним, и хотя я храбрился и хвастался вовсю, это было, однако, не что иное, как похвальба труса в начале ссоры, от которой – он заведомо это знает – ему под конец придется малодушно увильнуть.

Когда я думал о том, что наша знаменитая провинция, несмотря на все значение, какое она имеет в глазах ее жителей и ее историка, на самом деле, как это ни печально, не обладала достаточными богатствами и не представляла других

приманок, чтобы вознаградить за хлопоты напавших на нее соседей, а сама она, ввязавшись сдуру в войну, могла рассчитывать только на то, что ее здорово отдубасят, – когда я мысленно взвешивал все это, я приходил в полное отчаяние, не надеясь встретиться в своем повествовании ни с битвами, ни с кровопролитиями, ни с другими бедствиями, которые придают народу значительность и которые оживили бы мой труд. Я смотрел на эту любезную моему сердцу провинцию, как на несчастную девушку, которую небо не наделило достаточным очарованием, чтобы побуждать порочных мужчин к дьявольским посягательствам; у нее нет ни жестокого отца, чтобы притеснять и угнетать ее, ни гнусного соблазнителя, чтобы похитить ее, и у нее не хватает ни силы, ни смелости, чтобы по собственному почину разыграть героиню и отправиться на «поиски приключений». Короче говоря, она была обречена прозябать в тихом, спокойном, безнадежном, грустном до слез состоянии девственности и наконец умереть в мире, не оставив в наследство библиотекам для чтения, этим хранилищам сентиментальных горестей, ни одного несчастья и ни одного посягательства.

Но благодаря моей счастливой звезде судьба решила иначе. С некоторыми странами происходит то же самое, что и с кое-кем из людей, любящих вмешиваться не в свои дела: они с изумительной легкостью попадают в затруднительное положение, и, как я всегда замечал, особенно часто попадают те, кто меньше всего способен выкарабкаться. Причина тому,

без сомнения, чрезмерная *храбрость* этих маленьких государств, ибо я наблюдал также, что столь необузданная и буйная добродетель бывает наиболее неукротимой, если ее ограничивают. Поэтому она на удивление всем так неистовствует и кипит в маленьких государствах, у маленьких людей и, в особенности, у безобразных маленьких женщин. Так, маленькая провинция Новые Нидерланды уже приобрела кучу врагов, успела получить столько колотушек, сколько удовлетворило бы самолюбие самого воинственного народа, и представляет собой, как это ни печально, очень беспомощную, истерзанную и удрученную горем маленькую провинцию! Все это, конечно, было предопределено благожелательным провидением, чтобы придать интерес и величие этой самой патетической из всех историй.

Не стану входить в подробности тех прискорбных грабежей и вторжений, которые еще долгое время после победы на Делавэре продолжали оскорблять достоинство и нарушать покой нидерландцев. Никогда перо, со славой служившее мне для изображения чудовищной битвы при Форт-Кристина, не унизится до описания жалких пограничных ссор и стычек, а историк, обративший в бегство могучего Рисинга с его ордой и завоевавший всю Новую Швецию, не будет обречен сражаться для защиты свиного хлева или курятника и вступать в позорные препирательства со скваттерами и грабителями! Да не допустят музы, чтобы Никербокер когда-либо дошел до того, чтобы позабыть свой долг по отношению

к предкам и к самому себе!

Достаточно поэтому вкратце сказать, что непримиримая враждебность восточных соседей, проявлению которой столь чудесным образом помешали, как должны помнить мои читатели, неожиданное распространение колдовства и раздоры в совете Амфиктионов, теперь снова проявилась в тысяче безжалостных набегов на рубежи Новых Нидерландов. Не проходило почти ни одного месяца, чтобы маленькие голландские поселения у границы не были встревожены неожиданным появлением толпы захватчиков из Коннектикута. Они смело двигались по стране, как могучий караван в пустыне; женщины и дети ехали в повозках, нагруженных горшками и котлами, словно собирались сварить живьем честных голландцев и съесть их как омаров. Вслед за повозками шла шайка длинноногих, худощавых мошенников с топорами на плече и тюками за спиной, твердо решивших *благоустроить* страну вопреки желанию ее владельцев. Обосновавшись здесь, они вскоре совершенно вытесняли несчастных нидерландцев, выгоняя их из тех прелестных маленьких лощин и плодородных долин, в которых с такой охотой селились наши голландские фермеры. Замечательно то, что, где бы ни осели эти хитрые пришельцы с востока, честные голландцы оттуда постепенно исчезали, медленно отступая, как индейцы перед белыми, ибо совершенно не выносили болтливого, раздражительного, непривычного торгашеского нрава своих новых соседей.

Все эти наглые посягательства на владения Высокомощных Господ сопровождались, как указывалось выше, бесконечными грязными ссорами, драками и распространением обычая спать не раздеваясь в одной постели. Все это, без сомнения, побудило бы доблестного Питера к немедленному отмщению, не будь он в это самое время встревожен печальными известиями от мингера Бекмана, управлявшего владениями на Саут-Ривер.

Непокорные шведы, которым столь милостиво было разрешено остаться на берегах Делавэра, стали уже проявлять дух мятежа и недовольства. Но еще хуже было то, что на все эти земли заявил решительные притязания, как на законную собственность лорда Балтимора, губернатор Фендал, правивший колонией Мэриленд, или Мерри-ленд,[457] как ее называли в старину, потому что ее жители, не имея в душе страха божьего, были, как известно, охотниками *веселиться* во хмелю, упившись мятным грогом и яблочной водкой. Больше того, забияка Фендал[458] вел себя так враждебно, что пригрозил, если его притязания не будут немедленно удовлетворены, тотчас же выступить во главе сильного отряда мэрилендских горлопанов и в сопровождении большой могучей свиты из великанов, густо населяющих берега Саскуиханны,[459] разорить все побережье Саут-Ривер и уничтожить

---

[457] Мери-ленд – по-английски означает «Веселая страна».

[458] Фендал, Джосайас (ок. 1620–1687) – губернатор Мэриленда в 1656–1660 гг.

[459] Об этом странном народе (от которого, несомненно, произошли теперешн

тамошнее население.

Из сказанного явствует, что приобретение этой хваленой колонии, как всякое крупное завоевание, вскоре стало большим злом для победителя, чем потеря ее для побежденного; она причиняла больше беспокойств и затруднений, чем все остальные владения Новых Нидерландов. Так провидение мудро устраивает, что одно зло уравновешивает другое. Победитель, который захватывает собственность соседа, наносит ущерб народу и опустошает страну, хотя и может усилить свое могущество и достигнуть вечной славы, в то же время готовит себе самому неизбежную кару. У него появляется повод для бесконечных волнений; он присоединяет к своему до того здоровому государству ненадежную частицу – гниющий, больной член, который является неисчерпаемым источником измены и несогласий внутри страны, споров и

ние мэрилендцы) мы находим любопытные и удивительные сведения в интересном историческом труде капитана Хариота. «На берегах Саскуиханны, – пишет он, – живут гигантские люди, отличающиеся странным телосложением, поведением и одеянием; голос их звучит так, словно исходит из пещеры. Трубки у них длиной в три четверти ярда, с резной фигурой птицы, медведя или с каким-нибудь другим украшением на широком конце; такой трубкой можно было выбить мозги у лошади (сколько ослиных мозгов вправлено с помощью более коротких трубок у нас на родине). Икра ноги у одного из них имела три четверти ярда в окружности, а остальные члены были соответствующих размеров. – «Судовой журнал капитана Хариота в «Странствованиях» Парчеса».Хариот, Томас (1560–1621) – автор книги «Краткий и правдивый отчет об открытой новой земле Виргиния», изданной в Лондоне в 1588 г. Цитата взята из «Описания Виргинии» капитана Джона Смита (1579–1631), напечатанного в книге Сэмюела Парчеса «Странствования», изданной в Лондоне в 1625 г.

вражды с соседними странами. Счастлив народ повсеместно сплоченный, единый, хранящий верность и объединяющий свои усилия, не домогающийся ненужного захвата бесполезных и непокорных владений, довольствующийся тем, что он благоденствует и счастлив, и не питающий честолюбивых стремлений к величию. Такой народ подобен человеку, у которого все органы в порядке, который совершенно здоров, полон сил, не стеснен ненужными украшениями и непоколебимо тверд в своих взглядах. Но народ, ненасытно жадный до новых земель, чьи владения разбросаны, слабо объединены и плохо организованы, подобен неразумному скряге, который барахтается среди груд золота, ничем не защищенных от нападения, и, будучи не в силах спасти накопленное им богатство, тщетно пытается прикрыть его своим телом.

К тому времени, когда поступили тревожные сообщения с Саут-Ривер, великий Питер был очень занят: он усмирял волнения среди индейцев, вспыхнувшие в окрестностях Эзопуса, а кроме того, размышлял о том, как облегчить положение на восточных границах по берегам Коннектикута. Тем не менее он посоветовал мингеру Бекману не падать духом, быть начеку и известить его, если дела примут более угрожающий оборот, в каковом случае он тотчас же явится со своими воинами с Гудзона, чтобы испортить веселье мэрилендцам; ибо он очень хотел схватиться врукопашную с десятком этих великанов; ведь ему ни разу в жизни не пришлось встретиться с великаном; разве только мы можем на-

звать так могучего Рисинга, а тот, если и был великаном, то довольно маленьким.

Впрочем, в дальнейшем не произошло ничего, что нарушило бы покой мингера Бекмана и его колонии. Фендал со своими мирмидонянами сидел дома, налегая как следует на маисовые лепешки, свиную грудинку и мятный грог, устраивая конские скачки и петушиные бои, которыми мэриендцы весьма славились. Услышав это, Питер Стайвесант сильно возрадовался, так как, несмотря на свое желание померяться силами с этими чудовищными людьми с берегов Саскуиханны, у него было уже такое количество дел поблизости от дома, что он едва мог с ними управиться. Не думал он, достойная душа, что этот южный штиль был лишь обманчивой прелюдией к самому страшному и роковому шторму, который тогда лишь готовился, но вскоре разразился и налетел на ничего не подозревавший Новый Амстердам!

И вот случилось так, что пока наш превосходный губернатор, подобно второму Катону,[460] издавал свои мелкие сенатские законы и не только издавал, но и заставлял их исполнять, пока он непрерывно объезжал свою любимую провинцию, спеша из одного места в другое, чтобы разбирать жалобы, – пока он был занят в одном углу своих владений, во всей остальной части их началось брожение. Как раз в это время, говорю я, британское правительство, этот рассадник чу-

[460] Катан Старший (234–149 до н. в.) – римский консул и цензор. Поборник старины и защитник привилегий патрициев.

довищных замыслов, готовило против него ужасный тайный заговор. Известия о его подвигах на Делавэре, по сообщению одного мудрого старого историка из Нового Амстердама, вызвало при европейских дворах немало толков и удивления. И тот же глубокомысленный автор уверяет нас, что правительство Англии начало с завистью и неудовольствием взирать на растущее могущество Манхатеза и на доблесть его храброго войска.

Как нам рассказывают, за дело взялись представители восточного совета Амфиктионии, настоятельно убеждавшие английское правительство оказать им помощь в покорении свирепой и страшной маленькой провинции, и это мудрое правительство, которое всегда любило ловить рыбку в мутной воде, начало уже прислушиваться к их назойливым уговорам. В это самое время лорд Балтимор, чей воинственный ставленник, как мы уже упоминали, столь сильно встревожил мингера Бекмана, предъявил правительству свои притязания на земли по берегам Саут-Ривер, по его словам, незаконно и насильственно отнятые у него наглыми захватчиками из Новых Нидерландов.

Говорят, что его величество Карл II,[461] который, хотя и прозывался Защитником веры, был государем-шалуном, записным бездельником и распутным бахвалом, быстро решил все дело, одним росчерком пера подарив большой кусок Северной Америки, в том числе провинцию Новые Нидерлан-

[461] Карл II (1630–1685) – английский король (1660–1685).

ды, своему брату, герцогу Йоркскому[462] – дар поистине королевский, так как никто, кроме великих монархов, не имеет права отдавать то, что ему не принадлежит.

Чтобы этот щедрый подарок не остался только на бумаге, его величество 12 марта 1664 года приказал немедленно собрать доблестное войско, напасть на город Новый Амстердам с суши и с моря и ввести своего брата в полное владение пожалованными землями.

В таком затруднительном положении были дела новонидерландцев. Честные бюргеры, не помышляя об опасности, грозившей их интересам, степенно покуривают трубки и ни о чем не думают; члены провинциального тайного совета в полном составе сейчас храпят, как басовые трубы пятисот волынок, а неизменно деятельный Питер, взявший на себя тяжелую обязанность думать и действовать за всех, старательно изыскивает способ достигнуть соглашения с великим советом Амфиктионов. Тем временем зловещая туча мрачно хмурится на горизонте; скоро она разразится громом, который отдастся в ушах дремлющих нидерландцев и подвергнет грозному испытанию мужество их бесстрашного губернатора.

Но как бы ни сложились дальнейшие события, я заранее ручаюсь своей правдивостью, что во всех военных столкновениях и тонких переговорах Питер будет вести себя с бла-

[462] Герцог Йоркский – брат Карла II, носивший этот титул, был одним из главных инициаторов захвата голландских колоний в Америке.

городством и с безукоризненной честностью великодушного непреклонного старого рыцаря. Итак, вперед в атаку! Да сияют благосклонные звезды над славным городом на Манхатезе, и да будет с тобой, честный Питер Стайвесант, благословение святого Николая!

ГЛАВА III

О походе Питера Стайвесанта в восточную страну, показавшем, что, хотя он и был стреляный воробей, все же его провели на мякине.

Великие народы похожи на великих людей в том отношении, что их величие редко становится известным, пока они не попадут в беду; поэтому несчастье мудро назвали испытанием истинного величия, которое, как золото, никогда не может быть оценено по достоинству, пока не пройдет сквозь горнило. Следовательно, в соответствии с теми опасностями и невзгодами, какие выпадают на долю народа, общины или отдельного человека (обладающих врожденным величием), растет и их величие, и даже погибая под тяжестью бедствия, они, как охваченный пожаром дом, являют взорам более славное зрелище, чем когда-либо во время их наивысшего процветания.

Обширная китайская империя при всей плодовитости ее населения, при том, что она поглощала и сосредоточивала в своих руках богатства других народов, на протяжении ряда дремотных столетий прозябала, и если бы в ней не произошла внутренняя революция и старое правительство не было свергнуто татарами, возможно, мы и теперь не видели бы в ней ничего, кроме никому не интересных мелочных картин

скучного, однообразного благоденствия. Помпея и Геркуланум могли бы кануть в забвение вместе со множеством современных им городов, если бы они, к счастью, не были залиты лавой вулкана. Прославленная Троя приобрела известность только благодаря своим десятилетним бедствиям и завершившему их пожару. Париж вырос в своем значении в результате заговоров и кровопролитий, которые кончились восшествием на престол знаменитого Наполеона; и даже сам могущественный Лондон незаметно проходил по летописи времен, прославившись лишь такими событиями, как чума, Большой пожар[463] и Пороховой заговор Гая Фокса![464] Так города и империи медленно брели в молчаливой безвестности, вырастая под пером историка, пока, наконец, над ними не разражалось какое-нибудь ужасное несчастье и они не завоевывали бессмертие!

Если читатель с готовностью примет изложенную выше теорию, столь очевидную и подтвержденную столь разительными примерами, ему не понадобится большой проницательности, чтобы понять, что город Новый Амстердам и подчиненная ему провинция находятся на прямой дороге к ве-

---

[463] Большой пожар – лондонский пожар 1666 г., уничтоживший большую часть города.

[464] Пороховой заговор… – неудавшаяся попытка английских дворян-католиков взорвать английский парламент и убить короля Якова I и его министров (5 ноября 1605). Заговорщикам во главе с Гаем Фоксом удалось спрятать в подвале парламента бочки с порохом, но планы их были раскрыты, они были арестованы и казнены.

личию. Опасности и военные действия угрожают им со всех сторон, и я поистине могу только удивляться, – как такое маленькое государство, сумело за такой короткий срок запутаться в такой массе затруднений. С тех пор как провинция впервые получила щелчок по носу у форта Гуд-Хоп, в мирные дни Воутера Ван-Твиллера, ее историческое значение все время постепенно возрастало, и никогда не было у нее более подходящего вождя, чтобы повести ее к вершине величия, нежели Питер Стайвесант.

Это был крепкоголовый старый вояка, в пылком сердце которого царили все пять разновидностей храбрости, описанные Аристотелем.[465] Упомяни этот философ наряду с пятью еще пятьсот, я уверен, что ими тоже обладал бы великий Стайвесант. Беда была только в том, что он был лишен лучшей части смелости, называемой осторожностью – холодной добродетели, которая не могла существовать в тропическом климате его могучей души. Поэтому-то он всегда спешил браться за те неслыханные предприятия, что придают характер рыцарской романтичности всей истории его правления, и поэтому-то он и обдумывал сейчас план, при одной мысли о котором меня бросает в дрожь, когда я пишу эти строки.

Это было не что иное, как намерение самому явиться на могущественный совет Амфиктионов, с мечом в одной руке

---

[465] …пять разновидностей храбрости, описанные Аристотелем – см. Аристотель. Этика, III, 9-12.

и оливковой ветвью в другой, чтобы потребовать немедленного исправления всех зол, связанных с бесчисленными нарушениями того договора, который он заключил в недобрый час, и чтобы положить конец беспрерывным грабежам на восточных рубежах – или же в случае отказа бросить перчатку и прибегнуть к оружию.

Когда Питер объявил о своем решении у себя на тайном совете, почтенных членов охватило невероятное удивление; в первый раз в своей жизни они осмелились возражать, указывая на то, что безрассудно подвергать опасности его священную особу, явившись к неизвестным и диким людям и приводя множество других убедительных доводов, но все они оказали на решение Твердоголового Питера такое же действие, как на заржавелый флюгер попытка повернуть его с помощью дырявых раздувальных мехов.

Итак, призвав к себе Антони Ван-Корлеара, он приказал своему верному слуге быть готовым на следующее утро сопровождать его в этой рискованной затее. Трубач Антони приближался уже к преклонному возрасту, но так как он всегда сохранял хорошее настроение и никогда не знал ни забот, ни печалей (ибо ни разу не был женат), то оставался по прежнему бодрым, веселым, румяным, резвым шутником с весьма объемистой талией. Последнее приписывалось его беззаботной жизни в том поместье близ Хука, которое Питер Стайвесант пожаловал ему за доблесть, проявленную в Форт-Кашемире.

Как бы там ни было, ничто не могло больше обрадовать Антони, чем это приказание великого Питера, ибо он с любовью и верностью готов был следовать за мужественным старым губернатором на край света; к тому же он еще не забыл проказы и танцы, и обычай спать, не раздеваясь, в одной постели, и прочие развлечения в восточных колониях и сохранил приятные воспоминания о многих ласковых и пригожих девушках, с которыми весьма жаждал снова встретиться.

Итак, этот образец смелости в сопровождении лишь своего трубача отправился навстречу одному из самых опасных приключений, о каких когда-либо сообщалось в рассказах о странствующих рыцарях. Чтобы один воин решился открыто предстать пред целым сонмом врагов, а главное, чтобы простой прямодушный голландец вздумал вести переговоры со всем советом Новой Англии – такой безнадежной затеи мир еще не знал! С тех пор, как я принялся за летопись об этом несравненном, но дотоле неизвестном вожде, он все время держал меня в состоянии непрерывного возбуждения и беспокойства из-за тех тягот и опасностей, с которыми он постоянно сталкивался. О! Хоть бы одну главу мирного правления Воутера Ван-Твиллера, чтобы я мог отдохнуть на ней, как на перине!

Тебе еще мало, Питер Стайвесант, что я уже однажды спас тебя от козней этих ужасных Амфиктионов, призвав тебе на помощь все колдовские силы? Тебе еще мало, что я отважно последовал за тобой, как ангел-хранитель, в самую гущу

страшной битвы у Форт-Кристина? Что я беспрестанно прилагал все усилия, чтобы ты оставался цел и невредим, то отражая единственно своим пером град подлых ударов, наносимых тебе сзади, то успевая простой табакеркой защитить тебя от смертельного выпада, то делая твой неустрашимый череп твердым, как алмаз, когда даже прочный кастор не мог устоять против сабли могучего Рисинга, то не только вырвав тебя из лап громадного шведа, но и сделав тебя победителем над ним с помощью такого отчаянного средства, как жалкая каменная фляга? Неужели всего этого недостаточно, и ты должен опять ввергнуть себя, своего трубача и своего историка в новые затруднения и опасности, затеяв столь безрассудное предприятие!

Но все это пустая болтовня. Могу ли я надеяться повлиять на тебя, когда даже твои советники, которые прежде никогда в жизни не пытались в чем-либо убедить тебя, говорили без всякого толку. Мне остается лишь спокойно взять мое перо, как берет Антони свою трубу, и, храня верность, последовать за ним; и клянусь, что так же, как и он, я искренне люблю легкомысленную смелость этого свирепого старого рыцаря и чувствую себя готовым последовать за ним хоть на край света, если даже (упаси господь!) он поведет меня сквозь еще один том приключений. И вот румянолицая Аврора, как пригожая служанка, раздвигает черную завесу ночи, и веселый златокудрый Феб соскакивает со своей кровати, испуганный тем, что его застали в такой поздний час в

объятиях госпожи Фетиды. Ругаясь, как конюх, он запрягает бронзовоногих коней, бьет и хлещет их кнутом и во весь дух, только брызги летят, несется вверх по небосводу, как замешкавшийся почтальон, опаздывая на полчаса. А теперь взгляните на этого сына славы и доблести. Твердоголового Питера, усевшегося верхом на поджарую, длиннохвостую строевую лошадь, торжественно облаченного в полную парадную форму, с висящей на боку верной саблей с бронзовым эфесом, которая совершила такие страшные подвиги на берегах Делавэра.

Взгляните на едущего сразу за ним его удалого трубача Ван-Корлеара, верхом на запыленной пегой кобыле с бельмом на глазу; его крепкая каменная фляга, повергшая на землю могучего Рисинга, висит у неге под мышкой, а в правой руке он гордо держит свою трубу, украшенную пышным знаменем, на котором изображен большой бобр, эмблема Манхатеза. Смотрите, как они величественно выезжают из ворот города, словно закованный в броню герой былых времен со своим верным оруженосцем, следующим за ним по пятам, а народ провожает их взглядами и выкрикивает бесчисленные прощальные пожелания, сопровождая их громкими «ура». Прощай, Твердоголовый Пит! Прощай, честный Антони! Счастливого вам пути, благополучного возвращения! Тебе, храбрейший герой, когда-либо обнажавший шпагу, и тебе, достойнейший трубач, когда-либо живший на свете!

К прискорбию, предания умалчивают о событиях, приключившихся с нашими смельчаками во время их смелого путешествия. Исключение представляет стайвесантская рукопись, где приводится содержание небольшой героической поэмы, которую написал по этому случаю школьный учитель – Эгидиус Лойк,[466] бывший, по-видимому, поэтом-лауреатом[467] Нового Амстердама. Эта неоценимая рукопись уверяет нас, что любо-дорого было видеть, как великий Питер и его верный слуга приветствовали утреннее солнце и наслаждались ясным ликом природы, когда они, гарцуя, проезжали среди идиллических картин Блумен-Дала;[468] в те времена это была чудесная сельская долина, украшенная множеством ярких полевых цветов, орошаемая множеством прозрачных ручейков и оживляемая тут и там уютными голландскими домиками, укрывшимися среди отлогих холмов и почти скрытыми от взоров окружающими их деревьями Вот они вступают в пределы Коннектикута, где их встретили бесчисленные опасности и тяжкие лишения. В одном месте на них напал с десяток помещиков и полковников гражданской гвардии, которые верхом на резвых скакунах преследовали

[466] Этот Лойк был, кроме того, директором начальной школы в Новых Нидерландам в 1663 году. В рукописном поэтическом сборнике Д. Селина есть два стихотворения, посвященные Эгидиусу Лойку по случаю его бракосочетания с Юдит Ван-Исендорн, – Старинная рукопись.

[467] Поэт-лауреат – титул придворного поэта в Англии.

[468] Теперь называемый Блуминг-Дейл, примерно в четырех милях от Нью-Йорка.

их на протяжении нескольких миль, без конца надоедая им назойливыми расспросами, обращенными главным образом к достойному Питеру, чья нога с серебряной резьбой вызывала немалое удивление. В другом месте, вблизи прославленного города Стамфорда, на них набросилась огромная шумная толпа дьяконов, настоятельно требовавших, чтобы они уплатили пять шиллингов за то, что путешествуют в воскресенье, и угрожавших отвести их пленниками в соседнюю церковь, колокольня которой виднелась над верхушками деревьев. Однако доблестный Питер без труда разбил их наголову, и они оседлали свои палки и ускакали в ужасном смятении, при поспешном бегстве побросав треугольные шляпы. Не так легко удалось ему ускользнуть от коварного жителя Пайкуэга; с бесстрашным упорством тот без конца приставал к нему «честно выторговал у него прекрасного длиннохвостого коня, оставив взамен дрянного, разбитого на ноги, наррагансетского иноходца, страдавшего шпатом. [469]

Но несмотря на все эти неприятности, они весело продолжали путь по берегу спокойно текущего Коннектикута, чьи ласковые волны, как поется в песне, катятся по многим плодородным долинам и солнечным равнинам, отражая то величественные шпили шумных городов, то сельские красоты Скромной деревушки и отзываясь эхом то на деловой гул торговли, то на веселую песнь поселянина.

В каждом городке Питер Стайвесант, прославившийся

[469] Шпат – хроническое воспаление скакательного сустава у лошадей.

своей военной педантичностью, приказывал храброму Антони протрубить учтивое приветствие; впрочем, в рукописи говорится, что жители впадали в великий страх, прослышав о его приближении. Ибо молва о его беспримерных подвигах на Делавэре распространилась по всем восточным колониям, и жители боялись, как бы он не явился, чтобы отомстить за их многочисленные прегрешения.

Но добрый Питер проехал через эти города, улыбаясь и помахивая рукой с невыразимым величием и снисходительностью, ибо он действительно верил, что старая одежда, которой эти изобретательные люди затыкали разбитые окна, и гирлянды сушеных яблок и персиков, украшавшие фасады их домов, представляли праздничное убранство в честь его прибытия, подобно тому, как во времена рыцарства было в обычае приветствовать прославленных героев, вывешивая богатые ковры и пышные украшения. Женщины толпились у дверей, чтобы поглядеть на Питера, когда он проезжал мимо, – так восхищает воинская доблесть прекрасный пол. Маленькие дети тоже толпами бежали за ним, с изумлением рассматривая его парадный мундир, зеленовато-желтые штаны и серебряные инкрустации на деревянной ноге. Следует также упомянуть о той радости, какую проявили многие статные девицы при виде веселого Ван-Корлеара, столь восхищавшего их своей трубой, когда он передавал вызов великого Питера Амфиктионам. Добросердечный Антони слезал со своей пегой кобылы и ласково целовал их всех. Ему

очень радостно было видеть маленьких барабанщиков, толпившихся вокруг него в ожидании его благословения; каждого из них он гладил по голове, каждому желал быть хорошим мальчиком и давал пенни на покупку паточных леденцов.

В стайвесантской рукописи содержится мало сведений о дальнейших приключениях губернатора во время этого похода; в ней сообщается только, что он был принят с исключительной любезностью и почетом великим советом Амфиктионов, который чуть не заговорил его до смерти приветственными и поздравительными речами. О его переговорах с великим советом я ничего не скажу, так как есть более важные дела, требующие внимания моего, моих читателей и Питера Стайвесанта. Достаточно упомянуть, что переговоры были такие же, как и всякие другие: много было сказано и очень мало сделано; одна беседа вела за собой другую, одно совещание рождало недоразумения, для разъяснения которых требовалась дюжина совещаний, а к их концу обе стороны оказывались как раз там, где они были с самого начала, не считая лишь того, что они запутывались во множестве проблем этикета и начинали в глубине души питать друг к другу недоверие, делавшее их дальнейшие переговоры в десять раз более трудными, нежели прежде.[470]

[470] В отношении подробностей этих старинных переговоров см. «Хазардовское собрание исторических документов». Примечательно, что Смит хранит полное молчание о памятном путешествии Питера Стайвесанта, описанном выше мистером Никербокером. – Издатель.

Среди всей этой неразберихи, которая затуманивала ум и распаляла гнев храброго Питера, из всех людей на свете, вероятно, меньше всего приспособленного к дипломатическим увертками, он впервые получил частным образом сведения о тайном заговоре, созревшем у английского правительства. К ним добавилось поразившее его, как громом, сообщение, что вражеская эскадра уже отошла от берегов Англии, имея задание покорить провинцию Новые Нидерланды, и что великий совет Амфиктионов обязался послать ей в помощь большую армию, чтобы захватить Новый Амстердам с суши.

Несчастный Питер! Недаром я с печальными предчувствиями приступил к описанию этого злополучного путешествия! Недаром я задрожал, увидев тебя без каких-либо других советников, кроме собственной головы, без других доспехов, кроме честного языка, незапятнанной совести и ржавой сабли! Без другого покровителя, кроме святого Николая, и без другого спутника, кроме страдающего одышкой трубача. Недаром я задрожал, увидев, как ты пустился в путь, чтобы вступить в спор со всеми коварными правителями Новой Англии.

О, как разъярился и разбушевался отважный старый воин, когда увидел, что попал в ловушку, как лев в тенета охотника. То он намеревался обнажить свою верную саблю и мужественно пробиться сквозь все восточные колонии. То он решал броситься на совет Амфиктионов и умертвить всех его членов. Наконец, когда его страшный гнев утих, он прибег к

более безопасным, хотя и менее славным, средствам.

Скрыв от членов совета, что ему известны их козни, он тайно отправил верного гонца с посланием своим советникам в Новый Амстердам, извещая их о нависшей угрозе, приказывая немедленно привести город в оборонительную готовность и сообщая, что сам он тем временем постарается обмануть бдительность врагов и прийти к ним на помощь. Сделав это, он почувствовал огромное облегчение, медленно встал, встряхнулся, как носорог, и вышел из своего логова, подобно тому, как великан Отчаяние вышел из замка Сомнение, о чем рассказывается в рыцарском повествовании о «Пути паломника».[471]

Меня очень печалит, что я вынужден покинуть доблестного Питера в столь страшной опасности; нам надлежит, однако, поспешить назад и взглянуть, что делается в Новом Амстердаме, ибо я очень боюсь, как бы город не оказался уже в смятении. Такова всегда была участь Питера Стайвесанта: отдаваясь всей душой одному делу, он слишком склонен был забывать об остальных. Пока он, как государь былых времен, отсутствовал, лично занимаясь такими вопросами, какие в наши дни доверяют генералам и послам, в его маленькой родной стране обязательно начинались волнения. Все это объяснялось необычайной силой ума, которая по-

[471] «Путь паломника» (1678–1688) – английская аллегорическая повесть Джона Беньяна (1628–1688), в которой рассказывается, в частности, о том, как герои книги Христиан и Верный попадают в замок Сомнение, где живет великан Отчаяние, бросающий их в темницу.

буждала его никому не доверять, кроме самого себя, и которая доставила ему славное прозвище Питера Твердоголового.

ГЛАВА IV

О том, как известия о грозящем нападении повергли жителей Нового Амстердама в великий ужас и как они очень сильно укрепили город – постановлениями.

Для философа нет поистине более интересного зрелища, чем созерцание общины, в которой каждый человек имеет голос в государственных делах, мнит себя Атлантом, поддерживающим страну, и считает своим долгом прилагать всяческие усилия ради блага отчизны. Итак, говорю я, для философа нет ничего интереснее, чем наблюдать за такой общиной, охваченной военной суматохой. Сколько громкой болтовни, сколько патриотических криков, сколько беготни туда и сюда – все спешат, все по горло заняты, все путаются под ногами и все мешают своим трудолюбивым соседям, страшно занятым тем, что ничего не делают! Это все равно, что быть очевидцем большого пожара, когда каждый геройски трудится: одни тащат пустые пожарные рукава, другие торопливо бегут с полными ведрами и проливают воду в башмаки своих соседей, третьи всю ночь звонят в церковные колокола, чтобы потушить пожар. Пожарники, подобно отважным рыцарям, штурмующим пролом в крепостной стене, лазают вверх и вниз по приставным лестницам и руководят наступлением, крича в жестяные трубы. Здесь суетливый ма-

лый, обуреваемый усердием, спасает собственность несчастного погорельца: схватив некий предмет комнатной утвари, он важно несет его с таким гордым видом, словно ему удалось спасти горшок с золотыми монетами; другой выбрасывает из окна зеркала и фарфоровую посуду, чтобы уберечь их от огня, а тот, кто ничего другого делать не может, но желает помочь в великой беде, бегает взад и вперед по улице, разинув рот и беспрерывно крича: «Пожар! пожар! пожар!»

«Когда до Коринфа дошло известие, – говорит серьезный, глубокомысленный Лукиан[472] (хотя должен сознаться, его рассказ не отличается оригинальностью), – что Филипп собирается на них напасть, жители впали в большую тревогу. Одни побежали чистить свое оружие, другие катили камни, чтобы надстроить стены – короче говоря, все были заняты и все мешали друг другу. Один только Диоген не находил для себя дела; решив не оставаться праздным, когда на карту было поставлено благополучие его страны, он подоткнул полы туники и изо всех сил принялся катать свою бочку взад и вперед по гимнасию». Подобным же образом все преисполненные патриотизма жители Нового Амстердама, полу-

[472] Лукиан (ок. 120-после 180) – древнегреческий писатель-сатирик. В 338 г. до н. э. царь Македонии Филипп II (382–336 до н. э.), отец Александра Македонского, разбил при Херонее союзное греческое войско и на Панэллинском конгрессе (337 до н. э.), созванном в Коринфе, установил гегемонию Македонии над Грецией. Случай, о котором рассказывает Ирвинг, описан в трактате Лукиана «Как следует писать историю» (3), где подвергается критике современная Лукиану историография.

чив послание Питера Стайвесанта, ревностно занялись тем, что создавали во всем беспорядок и участвовали во всеобщей суматохе. «Все мужчины, – говорится в стайвесантской рукописи, – схватились за оружие!», под чем следует понимать, что ни один из наших честных голландских граждан не решался пойти в церковь или на рынок без какого-нибудь старомодного подобия сабли, болтавшегося у него сбоку, и без длинного голландского охотничьего ружья за плечом, не выходил ночью из дому без фонаря и не поворачивал за угол, прежде не осмотревшись внимательно вокруг из опасения невзначай наткнуться на британскую армию. Нам также доподлинно известно, что Стоффель Бринкерхоф, которого старухи считали почти таким же храбрецом, как и самого губернатора, установил у своего дома два фунтовых фальконета, один у парадной двери, а другой у черного хода.

Но самым сильным средством из всех, к каким прибегли в этом ужасном случае (оно и впоследствии оказывалось изумительно действенным), были народные собрания. Питер Стайвесант, как я уже рассказывал, чрезвычайно недолюбливал эти шумные сборища, но, поскольку время было необычайно тревожное, а старый губернатор отсутствовал и не мог запретить их, они возродились с необычайной стремительностью. Туда являлись ораторы и политики и как бы соревновались между собой, кто громче всех будет кричать и превзойдет других в разгуле гиперболического патриотизма и в постановлениях о поддержке и защите правительства.

На этих мудрых и всемогущих собраниях было nem. can[473] решено, что Новый Амстердам – самая просвещенная, самая благородная, самая грозная и самая древняя община во всем мире. Увидев, что это постановление принято единогласно и с такой готовностью, на обсуждение сразу же поставили другой вопрос: возможно ли и политично ли будет уничтожить Великобританию? Шестьдесят девять участников собрания очень красноречиво высказывались в утвердительном смысле и только один взял слово, чтобы выразить некоторые сомнения. В наказание за эти граничившие с предательством взгляды толпа его тотчас же схватила, вымазала дегтем и вываляла в перьях, – наказание, равносильное сбрасыванию с Тарпейской скалы;[474] а потому в дальнейшем на неудачливого оратора смотрели как на отщепенца, и его мнение не принималось в расчет. Следовательно, вопрос был единодушно решен в положительном смысле и великому совету было предложено издать соответствующий закон, что и сделали. Благодаря этой мере все жители почувствовали удивительный прилив мужества и стали чрезвычайно вспыльчивыми и храбрыми. В самом деле, после того как первый приступ тревоги до некоторой степени утих, старухи закопали в землю все деньги, на которые им удалось наложить руку, а на остальные их мужья принялись ежедневно пьянствовать, община даже стала настаивать на наступательных действиях.

[473] Neminecontradicente (лат.) – без возражений, единогласно.

[474] Тарпейская скала – в древнем Риме место казни предателей.

Сочинили песни на нижнеголландском наречии и распевали их на улицах; в этих песнях англичан самым безжалостным образом колотили, не давая им никакой пощады. Всенародно произносили речи, в которых бесспорно доказывалось, что судьба старой Англии зависела от воли новоамстердамцев.

Наконец, чтобы нанести мощный удар по жизненно важным органам Великобритании, назначили большое собрание самых мудрых жителей Нового Амстердама; притащив все британские изделия, какие им только удалось найти, они устроили из них огромный костер. И в патриотическом пыле этого мгновения все присутствующие, у кого были штаны или шляпа английского производства, сняли их и бесстрашно бросили в огонь – к непоправимому ущербу, убытку и разорению английских фабрикантов.[475] В память об этом великом подвиге они установили на месте костра столб с аллегорическим изображением наверху: под видом орла, который выклевывает из земного шара островок со старой Англией, были представлены Новые Нидерланды, уничтожающие Великобританию. Однако то ли по бесталанности скульптора, то ли в результате его неуместной шалости, орел был поразительно похож на гуся, тщетно пытающегося схватить кусок пуддинга.

---

[475] …убытку и разорению английских фабрикантов – Ирвинг имеет в виду экономическую борьбу американских колоний в период войны за независимость против Англии – эмбарго, наложенное на английские товары.

ГЛАВА V

В которой показано, как великий совет Новых Нидерландов чудесным образом, обогатился болтунами. – А также о большом торжестве экономии.

Моему просвещенному читателю – в особенности, если он хоть сколько-нибудь знаком с образом действия и обычаями самого могущественного и крикливого властелина, державного народа – не потребуется особых чудодейственных способностей, чтобы понять, что, несмотря на весь невообразимый воинственный шум и гам, оглушивший его в последней главе, прославленный город Новый Амстердам, как это ни печально, был подготовлен к обороне ничуть не лучше, чем прежде. Хотя народ, оправившись от первоначального испуга и не видя врагов в непосредственной близости, охваченный той смелостью на словах, которой столь прославилась наша знаменитая чернь, ударился в другую крайность и, предавшись пышному хвастовству и самовосхвалению, убедил себя, что он самый храбрый и самый могущественный народ на земле, однако тайный совет Питера Стайвесанта несколько сомневался в этом. Кроме того, члены совета боялись, как бы наш суровый герой не вернулся и не обнаружил, что, вместо того, чтобы выполнять его непреложные приказы, они тратили время на выслушивание доблестной похвальбы чер-

ни, хотя хорошо знали, как глубоко он ее презирал.

Итак, чтобы поскорее наверстать потерянное время, был созван великий диван советников и дюжих бургомистров с целью обсудить тяжелое положение провинции и придумать средства для обеспечения ее безопасности. На этом почтенном собрании были единогласно решены две вещи: во-первых, что город следует привести в такое состояние, чтобы он мог обороняться, и во-вторых, что поскольку опасность неминуема, нельзя терять времени. Покончив с этим, они немедленно принялись говорить длинные речи и поносить друг друга в бесконечных и злобных спорах. В это время в нашем несчастном городе впервые вспыхнула эпидемия болтовни, повсеместно распространенная в нашей стране и неизбежно возникающая там, где собирается несколько умников. Болезнь проявляется в длинных напыщенных речах, причиной которых, как предполагают врачи, бывает испорченный воздух, всегда образующийся в толпе. К тому же случилось так, что как раз тогда был впервые изобретен остроумный способ оценивать достоинства речи по времени; тот считался лучшим оратором, кто по какому-нибудь вопросу говорил дольше всех. Сообщают, что этим прекрасным изобретением мы обязаны тому же самому глубокомысленному голландскому критику, который судил о книгах по их толщине и пожаловал почетную медаль огромному тому всякого вздора, потому что он был «толстый, как сыр».

Поэтому протоколисты того времени, публикуя отчеты о

прениях в великом совете, отмечали как будто только время, проведенное каждым членом совета на трибуне. Единственные сведения, обнаруженные мною в отчетах о заседаниях, посвященных тем важным делам, о которых мы говорим, гласили: «Мингер… произнес очень горячую речь на шесть с половиной часов, высказавшись в пользу создания укреплений. После него от противной стороны выступил мингер… который с большой ясностью и точностью говорил около восьми часов. Мингер… предложил поправку к закону, сводящуюся к тому, чтобы в восьмой строчке заменить слова «двадцать четыре часа» словом «сутки»; в поддержку своего предложения он высказал несколько замечаний, отнявших всего три часа с четвертью. После него взял слово мингер Виндрур, разразившийся самой яркой, бурной, краткой, изящной, иронической, доказательной речью, превосходившей все, что когда-либо слетало с губ Цицерона, Демосфена и любого другого оратора древности или современности; он пробыл на трибуне весь вчерашний день, а сегодня утром поднялся на нее для продолжения, и в момент, когда делается эта запись, дошел до середины второго раздела своего выступления, доведя уже членов совета до того, что они задремали вторично. Мы сожалеем, – пишет в заключение достойный протоколист, – что непреодолимая тяга нашего стенографа ко сну не даст нам возможности изложить сущность этой поистине блестящей, хотя и пространной речи».

Некоторые современные ученые философы предполага-

ют, что внезапная страсть к бесконечному витийству, столь мало совместимая с обычной серьезностью и молчаливостью наших мудрых предков, была ими заимствована, вместе с различными другими варварскими склонностями, от их диких соседей, которые чрезвычайно славились *многоречивостью* и *кострами* совета и никогда не начинали хоть сколько-нибудь важного дела без предварительных обсуждений и ораторских излияний вождей и старейшин. Но каково бы ни было ее происхождение, это, несомненно, жестокая и неприятная болезнь; она и поныне не искоренена из жизни государства и неизменно вспыхивает во всех случаях больших потрясений в форме опасных и докучливых ветров в животе, тяжко поражающих, словно желудочными коликами, означенное государство.

Итак, госпоже Мудрости (по какой-то непостижимой причуде вдохновение древних изображало ее в виде женщины) доставляло, видимо, злобное удовольствие кружить голову важным и почтенным новоамстердамским советникам. Старые партии квадратноголовых и плоскозадых, почти задушенные геркулесовской рукой Питера Стайвесанта, теперь воспрянули, удесятерив свои силы. Чтобы довершить всеобщее смятение и замешательство, в большом совете Новых Нидерландов воскресло, служа яблоком раздора, роковое слово *экономия*, которое, казалось, давно умерло и было похоронено вместе с Вильямом Упрямым. Согласно этому здравому правилу политики выбросить двадцать тысяч гуль-

денов на осуществление никуда не годного плана обороны считалось более целесообразным, нежели истратить тридцать тысяч на хороший и надежный план, ибо провинция таким образом получала десять тысяч гульденов чистой экономии.

Но когда советники приступили к обсуждению способа обороны, началась словесная война, не поддающаяся никакому описанию. Так как члены совета, о чем я уже говорил, разделились на две враждебные партии, то в рассмотрение стоявших перед ним вопросов они ввели изумительный порядок. Что бы ни предложил квадратноголовый, весь клан плоскозадых возражал, так как, будучи настоящими политиками, они считали своей первой обязанностью добиться падения квадратноголовых, второй обязанностью – возвыситься самим и лишь третьей обязанностью – сообразоваться с благополучием страны. Таково, по крайней мере, было убеждение самых честных членов партии, потому что основная ее масса третье соображение вовсе не принимала в расчет.

При этом великом столкновении крепких голов не только сыпались искры, но и родилось изумительное количество планов защиты города; ни об одном из них никто не слыхивал ранее, не слышал и потом, разве только в самое недавнее время. Эти проекты совершенно затмили систему ветряных мельниц изобретательного Кифта. Впрочем, ничего нельзя было решить, ибо как только одна партия воздвигала чудовищное нагромождение воздушных замков, другая их сразу

же разрушала, между тем как простой народ стоял и смотрел, нетерпеливо ожидая, когда будет снесено громадное яйцо, появление которого предвещало все это кудахтанье. Но он смотрел напрасно, ибо выяснилось, что великий совет решил защитить провинцию тем же способом, каким благородный великан Пантагрюэль защитил свою армию – прикрыв ее языком.[476]

Среди членов совета были величественные, толстые, самодовольные, старые бюргеры, которые курили трубки и ничего не говорили, а лишь отвергали любой план обороны, какой бы им ни предлагали. Они принадлежали к тому роду зажиточных старых горожан, что скопят себе состояние, а затем держатся за свой карман, не раскрывают рта, имеют цветущий вид и до конца жизни бывают ни на что не годны. Они подобны той флегматической устрице, которая, проглотив жемчужину, закрывает створки, опускается на дно в ил и скорей расстанется с жизнью, чем со своим сокровищем. Этим почтенным старым джентльменам каждый план обороны казался чреватым разорением. Вооруженные силы представлялись им тучей саранчи, пожирающей общественную собственность; снарядить морской флот значило выбросить свои деньги в море, построить укрепление значило похоронить их в грязи. Одним словом, они почитали высшим жизненным правилом, что до тех пор, пока их карманы полны,

---

[476] Пантагрюэль защитил свою армию – прикрыв ее языком. – Ф. Рабле. Гаргантюа Пантагрюэль. II, 32.

можно не обращать внимания на тумаки. От пинка шрама не остается, проломленная голова заживает, но пустая мошна – это болезнь, излечивающаяся медленнее всех, к тому же такая, что при ней природа ничем больному не помогает.

Так это почтенное собрание *мудрецов* расточало в пустой болтовне и нескончаемых спорах то время, которое настоятельная необходимость в немедленных действиях делала столь бесценным; члены совета ни до чего не могли договориться, если не считать того, с чего они начали, а именно, что нельзя терять времени и что всякое промедление гибельно. Наконец святой Николай, сжалившись над отчаянным положением и стремясь спасти их от полной анархии, распорядился так, что во время одного из самых шумных и патриотических заседаний, когда они чуть не дошли до драки, будучи не в силах убедить друг друга, вопрос ко всеобщему благополучию был решен появлением гонца, вбежавшего в залу с сообщением, что вражеский флот прибыл и сейчас движется вверх по бухте!

Таким образом полностью отпала всякая дальнейшая необходимость и в постройке укреплений и в спорах, и великий совет сберег уйму слов, а провинция уйму денег – что означало бесспорное и величайшее торжество экономии!

ГЛАВА VI

В которой тучи над Новым Амстердамом, видимо, сгущаются и в которой показано, как в минуту опасности народ, защищающий себя постановлениями, обретает мужество.

Подобно тому, как собравшиеся на заседание политики-коты всей округи, громко фырча и мяукая, смотрят друг на друга, корча отвратительные гримасы, плюют один другому в морду и вот-вот выпустят когти и ринутся в бой, но вдруг в смятении обращаются в поспешное бегство при неожиданном появлении дворового пса, – так не менее крикливый совет Нового Амстердама, удивленный и пораженный внезапным прибытием врага, тоже разбежался. Каждый член совета торопился домой, семеня так быстро, как только могли двигаться его короткие ноги под бременем тяжелого груза, и задыхаясь от тучности и страха. Придя к себе, в свое неприступное убежище, он баррикадировал парадную дверь, прятался в погреб, где хранился сидр, и не решался высунуться из опасения, как бы пушечное ядро не снесло ему голову.

Весь державный народ толпился на рыночной площади, сбившись в кучу по тому же инстинкту, по какому овцы ищут безопасности в обществе друг друга, когда пастух и его соба-

ка куда-то ушли, а волк рыщет вокруг овчарни. Однако, отнюдь не находя успокоения, они только сильнее пугали друг друга. Каждый печально вглядывался в лицо соседа, ища поддержки, но лишь находил в его искаженных горем чертах подтверждение своих собственных страхов. Никто не говорил теперь о покорении Великобритании, никто не разглагольствовал о высочайших благах экономии. А тем временем старухи усиливали всеобщее уныние, громко сетуя на свою судьбу и беспрестанно призывая на помощь святого Николая и Питера Стайвесанта.

О, как они скорбели об отсутствии неустрашимого Питера! И как они жаждали, чтобы с ними был их утешитель Антони Ван-Корлеар! Между тем судьба этих отважных героев была окутана мраком неизвестности. Проходил день за днем со времени получения тревожного послания губернатора, не принося больше никаких подтверждений того, что он жив и здоров. Много страшных предположений было высказано о том, что могло случиться с ним и его верным оруженосцем. Может быть, их сожрали живьем людоеды из Пискатоуэя и с Кейп-Кода? Может быть, великий совет Амфиктионов подверг их пытке? Может быть, страшные люди из Пайкуэга удушили их луком? Среди всего этого уныния и волнения, когда страх жутким кошмаром навис над маленьким, жирным, чересчур полнокровным Новым Амстердамом, какой-то странный и далекий звук неожиданно поразил слух народа. Звук приближался, становился все громче и громче, и вот он уже

гремел у ворот города. В этом хорошо знакомом звуке нельзя было ошибиться. Крик радости сорвался со всех уст, когда доблестный Питер, покрытый пылью и сопровождаемый своим верным трубачом, въехал галопом на рыночную площадь.

После того, как первый восторг жителей города утих, они собрались вокруг честного Антони, едва тот слез с лошади, и засыпали его приветствиями и поздравлениями. Прерывающимся от волнения голосом он рассказал им об удивительных приключениях, выпавших на долю старого губернатора и его самого, когда они вырвались из лап ужасных Амфиктионов. Но хотя стайвесантская рукопись с той тщательностью, какой она обычно отличается, когда дело идет о великом Питере, очень подробно описывает все события этого мастерски проведенного отступления, все же тяжелое положение государственных дел не позволит мне рассказать о нем с исчерпывающей полнотой. Достаточно будет упомянуть, что, пока Питер Стайвесант с беспокойством размышлял о том, как бы ему благополучно удрать, сохранив честь и достоинство, некоторые из кораблей, посланных для завоевания Манхатеза, пристали к берегу в восточных гаванях, чтобы раздобыть необходимые съестные припасы и потребовать от великого совета союза колоний обещанного им содействия. Услышав об этом, всегда бывший начеку Питер понял, что малейшее промедление может оказаться роковым; тайно и с большой поспешностью он снялся с лагеря, хотя его гор-

дая душа скорбела при мысли, что он вынужден обратиться в бегство, пусть даже перед сонмом врагов. Много раз он и Антони Ван-Корлеар были на волосок от гибели, много опасных злоключений выпало на их долю, когда они, не возвещая о своем приближении звуками трубы, быстро проезжали по прекрасной стране восточных соседей. Она уже вся бурлила от приготовлений к войне, и им пришлось сделать во время своего бегства большой крюк, тайком пробираясь через лесистые горы Дьявольского хребта. Оттуда доблестный Питер однажды сделал вылазку и с яростью льва обратил в бегство целую толпу скваттеров, состоявшую из трех поколений плодовитой семьи, которая уже собиралась завладеть одним из уголков Новых Нидерландов. Верному Антони не раз приходилось с большим трудом удерживать его, когда он в порыве гнева собирался спуститься с гор и с саблей в руке напасть на некоторые пограничные города, где приводили в боевую готовность замызганное народное ополчение.

Достигнув своего дома, губернатор прежде всего влез на крышу и с мрачным видом принялся разглядывать оттуда вражескую эскадру. Она уже бросила якорь в бухте и состояла из двух гордых фрегатов, на борту которых находились, как сообщает Джон Джосселин, джентльмен, триста отважных «красных мундиров».[477] Закончив осмотр, Питер сел за стол и написал письмо командующему эскадрой, требуя сообщить, на каком основании она стала на якорь в гавани, не

[477] «Красные мундиры» – старинное прозвище английских солдат.

получив на это предварительного разрешения. Письмо было составлено в самых достойных и учтивых выражениях, хотя мне доподлинно известно, что он писал его, крепко стиснув зубы и храня на лице горькую, сардоническую усмешку. Отправив письмо, угрюмый Питер с воинственным видом зашагал взад и вперед по городским улицам, засунув руки в карманы штанов, насвистывая мелодию нижнеголландского псалма, имевшую немалое сходство со звуками северо-восточного ветра, когда надвигается буря. При виде его даже собаки прятались в испуге, а все уродливые старухи Нового Амстердама с причитаниями бежали за ним и умоляли спасти их от смерти, ограбления и позорного изнасилования.

Ответ полковника Николса, который командовал захватчиками, был составлен в столь же учтивых выражениях, как и письмо губернатора. В этом ответе полковник заявлял о законных правах его величества британского короля на провинцию Новые Нидерланды, где, по его утверждению, голландцы были простыми узурпаторами, и требовал, чтобы город, форты и т. д. тотчас же были переданы во власть и под защиту его величества, обещая в то же время сохранить жизнь, свободу, достояние и право на беспрепятственную торговлю всем голландским гражданам, которые немедленно подчинятся правительству его величества.

Питер Стайвесант прочел это дружественное послание с таким же удовлетворенным видом, с каким мог бы сварливый фермер, который долгое время наживался, пользуясь

землей своего соседа, читать нежное письмо Джона Стайлза,[478] предупреждающего, что он возбудил дело о возвращении собственности. Впрочем, старого губернатора трудно было застать врасплох; заложив, по своему обыкновению, огромную жвачку табаку за щеку и засунув требование о сдаче, предварительно скомкав его, в карман штанов, он пообещал дать ответ на следующее утро. Тем временем он созвал чрезвычайный военный совет, пригласив на него членов своего тайного совета и бургомистров; созвал не для того, чтобы узнать их мнение, на которое, как мы уже говорили, он не обращал никакого внимания, а для того, чтобы сообщить им о своем высочайшем соизволении и потребовать немедленной поддержки.

Однако, прежде чем собрать совет, он принял решение по трем важным пунктам: *во-первых*, ни в коем случае не сдавать города без небольшой, но ожесточенной битвы, ибо он считал весьма унизительным для достоинства столь прославленного города, если его захватят и разграбят, не наделив вдобавок несколькими хорошими пинками. *Во-вторых*, что большая часть его великого совета – это отъявленные плосказадые олухи, совершенно лишенные настоящих ягодиц; и *в-третьих*, что он поэтому не допустит, чтобы они увидели требование о капитуляции, предъявленное полковником Николсом, из опасения, как бы содержащиеся в нем легкие

[478] Джон Стайлз – в английской судебной практике начала XIX в. вымышленное лицо, от имени которого велись процессы о выселении.

условия не побудили их поднять крик о необходимости сдачи.

Когда распоряжение губернатора должным образом довели до всеобщего сведения, жалко было смотреть на еще недавно столь храбрых бургомистров, которые на словах уничтожили всю британскую империю. Они уныло выглядывали из своих убежищ, а затем осторожно выползали наружу и петляли по узким улочкам и переулкам, пугаясь лая каждой собачонки, словно это был артиллерийский залп, принимая фонарные столбы за английских гренадеров и в чрезмерном смятении превращая насосы в страшных солдат, прицеливающихся из мушкетонов им в грудь! Несмотря на многочисленные опасности и затруднения подобного рода, они прибыли в залу заседания совета, не потеряв ни одного человека, заняли свои места и в боязливом молчании стали ждать прибытия губернатора. Через несколько мгновений послышалось, как по лестнице размеренно и мужественно застучала деревянная нога бесстрашного Питера. Он вошел в залу, одетый в полную парадную форму; свисавшие над ушами локоны его парика были гуще обычного посыпаны мукой, и его верная сабля толедской стали не свисала у него с бедра, а торчала под мышкой. Губернатор облачался столь зловеще только в тех случаях, когда в его бесстрашном черепе роились какие-нибудь военные замыслы, а потому члены совета горестно взирали на него, как на самого Януса, чей железный лик нес огонь и меч, и в безмолвной нерешительности

забыли курить свои трубки.

Великий Питер был столь же красноречив, сколь и доблестен; поистине эти два редких качества прекрасно в нем сочетались, и в отличие от большинства великих государственных деятелей, побеждающих только в бескровных словесных битвах, он всегда был готов подтвердить свои смелые слова не менее смелыми поступками. Как второй Густав,[479] обращающийся к своим далекарлийцам, он сперва коснулся опасностей и тягот, перенесенных им во время бегства от своих неумолимых врагов. Затем он упрекнул совет в том, что тот в праздных спорах и не идущей к делу перебранке тратил время, – которое должен был посвятить заботам о стране; после этого он напомнил золотые дни прежнего благоденствия, обещал, что они вернутся, если они окажут мужественное сопротивление врагам, и попытался разжечь в них воинственный пыл, воскресив в их памяти то время, когда перед грозными стенами форта Кристина он вел их к победе, когда они разбили целую армию из пятидесяти шведов и покорили огромное пространство необитаемых земель. Он постарался также пробудить в них смелость, заверяя в покровительстве святого Николая, который до сих пор всегда заботился об их безопасности среди всех варваров, обитающих в этой дикой стране, среди ведьм и скваттеров восточ-

[479] Густав Ваза (1496–1560) – шведский король, основатель династии Ваза, был плене» датчанами, бежал, вернулся в Швецию, где вместе с восставшими далекарлийцами (жителями пограничной с Норвегией горной страны) вступил в Стокгольм (1523) и объявил себя королем.

ных колоний и великанов Мэриленда. Под конец он сообщил им про полученное наглое требование о сдаче, но в заключение речи поклялся защищать провинцию до тех пор, пока провидение будет на его стороне и пока деревянная нога не откажется ему служить. Чтобы усилить впечатление от этой благородной фразы, он оглушительно ударил своей саблей плашмя по столу, что сильно воодушевило слушателей.

Члены тайного совета, уже давно привыкшие к повадкам губернатора и вымуштрованные им, словно солдаты великого Фридриха,[480] понимали, 1-го высказывать свое мнение бесполезно, а потому закурили трубки и молча пускали клубы дыма, как подобает толстым и рассудительным советникам. Но бургомистры, на которых губернатор не имел такого влияния, рассматривали себя как представителей державного народа и к тому же были преисполнены большой важности и самодовольства, почерпнутых ими в знаменитых школах мудрости и нравственности – народных собраниях (некоторые из них, как мне говорили, были председателями этих собраний), – бургомистры не так-то легко удовлетворились. Они снова воспрянули духом, когда услышали, что появилась возможность спастись от нависшей над ними смертельной опасности, избежав при этом необходимости сражаться, и надменно заявили, что желают получить копию требования о капитуляции, чтобы ознакомить с ним собрание всех

[480] Фридрих II (1712–1786) – прусский король (1740–1786), создал армию, основанную на муштре и палочной дисциплине.

жителей города.

Такого наглого и мятежного заявления было бы достаточно, чтобы привести в негодование даже спокойного Ван-Твиллера; как же должно было оно подействовать на великого Стайвесанта, который был не только голландцем, губернатором и доблестным солдатом с деревянной ногой, но также человеком самого упрямого и вспыльчивого нрава. Он разразился такой вспышкой ярости, по сравнению с которой знаменитый гнев Ахиллеса был просто детским капризом, и поклялся, что никто из них не увидит ни строчки из послания англичан, что все они заслужили, чтобы их повесили, выпотрошили и разрезали на части, ибо они предательски осмелились усомниться в непогрешимости правительства; а что касается их совета или содействия, то ему на них наплевать. Он заявил, что трусливые муниципалитеты давно уже надоели ему и стали поперек дороги, но теперь бургомистры могут отправиться домой и улечься спать, как старухи, ибо он решил защищать колонию сам, без их помощи и без помощи тех, кто их поддерживает! С этими словами он сунул саблю под мышку, надел набекрень шляпу и, опоясав чресла, покинул залу заседания; все расступались перед ним, давая ему дорогу.

Как только он ушел, храбрые бургомистры созвали народное собрание перед ратушей, назначив председательствовать на нем некоего Дофуе Рурбака, пекаря, прославившегося на всю страну своими пряниками и прежде при Вильяме Упря-

мом бывшего членом совета. Народ относился к нему с большим почтением, считая его чернокнижником, ибо он первый стал печатать на новогодних пряниках таинственные изображения петуха и шлеи и других магических символов.

Этот великий бургомистр, все еще питавший недоброжелательство к доблестному Стайвесанту из-за того, что был с позором выкинут из его тайного совета, обратился к грубой толпе с чрезвычайно длинной речью, в которой рассказал о любезном предложении сдаться, о несогласии губернатора и об его отказе показать народу это предложение, хотя – хорошо зная великодушие, человеколюбие и снисходительность британского народа, он в этом не сомневается – в нем содержались условия, не умаляющие достоинства провинции и весьма для нее выгодные.

Затем он стал говорить об его превосходительстве в высокопарном тоне, соответствующем его высокому положению и благородству; он сравнивал его с Нероном,[481] Калигулой[482] и другими великими людьми древности, о которых частенько говаривал Вильям Упрямый, когда бывал в ученом настроении. Он уверял народ, что история человечества не знала деспотического насилия, равного нынешнему по жестокости, лютости, тиранству, кровожадности, по количеству битв, убийств и скоропостижных смертей, что это будет огненными буквами записано на залитых кровью скрижалях

[481] Нерон (37–68) – римский император (54–68).

[482] Калигула, Гай (12–41) – римский император (37–41).

истории! что столетия отпрянут в безмерном ужасе, когда увидят их. Что грядущее время, чреватое (кстати сказать, наши ораторы и писатели позволяют себе странные вольности с чреватостью времени, хотя некоторые готовы заверить нас, что время – это старый джентльмен), чреватое страшными ужасами, никогда не породит подобных гнусностей! Что потомство окаменеет от изумления и взвоет от бессильного негодования, прочитав о закоренелом варварстве! Дальше шло множество других душераздирающих, трогающих до глубины сердца тропов и фигур, перечислить которые я не в состоянии. Да, в сущности, это и не нужно, ибо они были в точности такие же, к каким в наше время прибегают во всех обращенных к народу речах и ораторских упражнениях в день Четвертого июля; под общим названием ПУСТОСЛОВИЕ их можно было бы поместить в учебниках риторики.

Патриотическая речь бургомистра Рурбака произвела изумительное действие на толпу, которая, хотя и состояла из трезвых, флегматических голландцев, умела на удивление быстро распознавать оскорбления, ибо наша оборванная чернь, по большей части безропотно сносящая все обиды, всегда проявляет удивительную мнительность, когда затрагивают ее достоинство как высшей власти. После тяжелых мук участники собрания произвели на свет не только ряд очень мудрых и смелых постановлений, но также и весьма решительное послание, адресованное губернатору и осуж-

давшее его поведение; великий Питер, как только получил его, сразу же бросил в огонь и таким образом лишил потомство неоценимого документа, который мог бы послужить образцом для просвещенных сапожников и портных наших дней при их мудром вмешательстве в политику.

ГЛАВА VII

В которой содержится описание горестной гибели Антоны Трубача и того, как Питер Стайвесант, подобно второму Кромвелю, внезапно распустил охвостье парламента. [483]

И вот гордый Питер Великий обрушил целый короб благословений на головы своих бургомистров, этой шайки своевольных, упрямых, норовистых мошенников, которых нельзя ни убедить, ни разубедить; он решил впредь не иметь с ними никакого дела и принимать в соображение лишь мнение членов своего тайного совета, так как по опыту знал, что оно самое лучшее в мире, поскольку никогда не расходится с его собственным. Теперь, распалившись, он не преминул наградить тысячью сомнительных комплиментов державный народ, обозвав его стадом отъявленных трусов, не понимающих вкуса в благородных тяготах и славных злоключениях битв и предпочитающих оставаться дома, есть и спать в подлом довольстве, вместо того, чтобы приобрести бессмертие и проломить себе голову, доблестно сражаясь в какой-нибудь канаве.

---

[483] Охвостье парламента – так называли во время английской революции XVII в. оставшихся в палате общин представителей партии индепендентов (60–70 человек). Со временем «охвостье» из-за взяточничества и темных махинаций сделалось настолько непопулярным, что 20 апреля 1653 г. было разогнано.

Твердо решив, однако, защищать свой любимый город даже вопреки желанию его жителей, Питер Стайвесант призвал к себе верного Ван-Корлеара, который был его правой рукой при всех трудных обстоятельствах. Он упросил его взять свою трубу – вестницу войны, сесть на коня и призвать народ к оружию, днем и ночью разъезжая по стране, трубя тревогу вдоль границ пастушеского Бронкса, будя пустынные просторы Кротона, поднимая суровых фермеров Уихоука и Хобокена, могучих воинов с залива Тапан[484] и храбрых молодцов из Тарритауна и Слипи-Холлоу, а также всех других ратных людей страны, живущих поблизости. Всем и каждому он должен был приказать повесить через плечо пороховницу, закинуть за спину охотничье ружье и весело зашагать на Манхатез.

Не было ничего на свете, исключая прекрасный пол, что Антони Ван-Корлеар любил больше, чем такого рода поручения. Итак, задержавшись только для того, чтобы сытно пообедать и привязать сбоку свою фляжку, до краев наполненную веселящей сердце голландской можжевеловой водкой, он радостно выехал из городских ворот, выходивших на то, что ныне называется Бродвей. Как всегда, он протрубил прощальную мелодию, отозвавшуюся бодрым эхом на извилистых улицах Нового Амстердама. Увы! Никогда больше не

---

[484] * Испорченное Топ-паун; название это произошло от индейского племени, похвалявшегося тем, что может выставить сто пятьдесят воинов. См. Огилви. – Издатель.

будет их весело оглашать музыка любимого трубача!

Была темная и ненастная ночь, когда славный Антони добрался до знаменитого пролива (мудро названного рекой Харлем), отделяющего остров Манна-хату от материка. Дул сильный ветер, стихии бушевали и нигде нельзя было найти Харона, который перевез бы отважного трубача на другой берег. Стоя у края воды, он несколько минут проклинал все на свете, как нетерпеливый дух, затем, вспомнив о срочности данного ему поручения, нежно обнял свою каменную флягу, храбро поклялся, что переплывет на ту сторону en spijt den Duyvel (на зло дьяволу!), и отважно бросился в воду. Несчастный Антони! Едва он преодолел половину пути, как с берега увидели, что он отчаянно борется, словно сражается с духом вод; бессознательно он приставил свою трубу ко рту и, оглушительно затрубив, навсегда опустился на дно!

Мощные звуки его трубы, как звуки рога из слоновой кости знаменитого паладина Роланда,[485] которыми тот, умирая, огласил славное поле битвы в Ронсевальском ущелье, разнеслись далеко кругом, встревожив всех окрестных жителей, в удивлении поспешивших туда, откуда они доносились. Там старый голландский бюргер, очевидец случившегося, известный своей правдивостью, рассказал им о печальном событии; он добавил также страшные подробности (им я не очень склонен верить), будто на его глазах дьявол в обра-

[485] Роланд – племянник Карла Великого, герой французского национального эпоса «Песнь о Роланде» и поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

зе громадной сельди с невидимым огненным хвостом, извергающей кипящую воду, схватил храброго Антони за ногу и утащил его вглубь. Как бы там ни было, это место и соседний мыс, выступающий в Гудзон, с тех пор называются Spijt den Duyvel, или Спайкинг-Девил. Беспокойный дух несчастного Антони все еще бродит вокруг в чаще, и в ненастные ночи соседи часто слышат звуки его трубы, сливающиеся с воем ветра. Никто больше не решался переплыть пролив после наступления темноты; построили даже мост, чтобы предотвратить в будущем повторение подобного печального события. А что касается сельди, то к ней питают такое отвращение, что истинный голландец не позволит подать ее к своему столу, так как любит хорошую рыбу и ненавидит дьявола.

Таков был конец Антони Ван-Корлеара – человека, заслуживавшего лучшей участи. Он жил припеваючи, как настоящий веселый холостяк, до самой смерти; но хотя он никогда не был женат, тем не менее после него остались две-три дюжины детей в разных частях страны – пригожих, круглолицых, толстопузых, горластых мальчуганов, от которых, если верить преданиям (а они обычно не лгут), произошло бесчисленное племя газетных издателей, населяющих и защищающих нашу страну и щедро вознаграждаемых народом за то, что они постоянно трубят тревогу и лишают его покоя. Как жаль, что наряду с могучей глоткой они не смогли унаследовать и других достоинств своего прославленного предка!

Известия об этом прискорбном несчастье отозвались в груди Питера Стайвесанта еще более тяжкой мукой, чем даже нападение на его любимый Амстердам. Они безжалостно задели за живое те нежные чувства, что таятся в самом сердце и питаются наиболее теплой его кровью. Так, покинутый всеми пилигрим влачится по бездорожью пустыни, – между тем как жестокая буря со свистом развевает его седые волосы и со всех сторон надвигается мрачная ночь – и вдруг с горестью видит, что его верный пес, его единственный спутник в одиноких скитаниях, деливший его унылую трапезу, так часто лизавший ему руку в скромной благодарности, покоившийся у него на груди и как бы заменявший ему ребенка, лежит теперь окоченевший и бездыханный. С такой же горестью думал наш благородный герой Манхатеза о безвременной кончине своего верного Антони. Он был его скромным неразлучным спутником, много раз развлекал его в тяжелые минуты своим искренним весельем, с любовью и верностью следовал за ним по пути ужасных опасностей и злоключений. Он ушел навсегда… и как раз тогда, когда каждая ничтожная дворняжка норовит убежать. То было, Питер Стайвесант, то было мгновение, когда ты должен был проявить величие своей души, и в это мгновение ты действительно проявил себя *Питером Твердоголовым*! Сияние дня давно рассеяло ужасы минувшей ненастной ночи, но все было печально и сумрачно. Аполлон, еще недавно радостный, спрятал свое лицо за черными тучами; лишь на секунду он выглядывал то здесь,

то там, как бы желая, но страшась увидеть, что происходит в его любимом городе. Это было знаменательное утро, когда великий Питер должен был дать ответ на дерзкое требование захватчиков. Он уже собрал свой тайный совет и, объятый скорбью, то предавался грустным мыслям о судьбе любимого трубача, то закипал вдруг от негодования, вспомнив о малодушных бургомистрах. Когда он сидел так, раздраженный до последней крайности, в залу поспешно вошел гонец от Уинтропа,[486] лукавого губернатора Коннектикута; уверяя в своей беспристрастности, Уинтроп наилюбезнейшим образом убеждал его сдать провинцию и преувеличивал опасности и бедствия, грозящие ей в случае его отказа. Подходящий момент был выбран для того, чтобы лезть с назойливыми советами к человеку, за всю свою жизнь никогда не принимавшему ничьих советов! Вспыльчивый старый губернатор шагал взад и вперед по зале с такой яростью, что грудь его советников затрепетала от ужаса, и проклинал свою злосчастную судьбу, постоянно насылавшую на его голову мятежных подданных и коварных советчиков.

Как раз в эту неудачную минуту назойливые бургомистры, бывшие теперь всегда настороже и проведавшие о получении таинственного послания, решительной поступью вошли в залу, сопровождаемые толпой схепенов и прихвостней, и резко потребовали ознакомить их с письмом. Чтобы к нему ворвались те, кого он считал «подлой чернью», да еще

[486] Уинтроп, Джон (1606–1678) – губернатор Коннектикута в 1657–1676 гг.

в то самое время, когда он скрежетал зубами, раздраженный наглым советом, полученным от губернатора соседней провинции, это было уже слишком для вспыльчивого Питера. Он разорвал письмо на тысячу клочков,[487] бросил его в лицо ближайшему бургомистру, сломал свою трубку о голову следующего, запустил плевательницей в злосчастного схепена, который как раз пытался ловко ускользнуть в дверь, и наконец разогнал собрание sine die, спустив всех с лестницы пинками своей деревянной ноги!

Как только бургомистры пришли в себя от замешательства, в которое повергло их внезапное изгнание, и немного отдышались, они заявили протест против поведения губернатора, без колебания назвав таковое тираническим, антиконституционным, весьма непристойным и несколько непочтительным. Затем они созвали народное собрание, прочли там свой протест и обратились к присутствующим с тщательно подготовленной речью, со всеми подробностями, в надлежащем освещении и с обычными преувеличениями сообщив в ней о деспотическом и мстительном образе действий губернатора и сказав, что лично они не видят для себя никакой обиды в тех пинках, тумаках и ударах, которыми их наградила деревянная нога его превосходительства, но что они страдают душой за достоинство державного народа, столь грубо

---

[487] Smith's History of N. Y.*«История Нью-Йорка» Смита.**Смит, Вильям (1728–1793) – главный судья провинции Нью-Йорк, опубликовал в 1757 г. в Лондоне «Историю провинции Нью-Йорк от ее открытия до 1732 г.»

попранное насилием, учиненным над благородными задами их представителей. Последняя часть речи произвела сильное действие на народ, так как сразу же задела за живое те тонкие чувства и ревнивую гордость, что свойственны всякой истинной черни; неизвестно, до чего бы он, подстрекаемый бургомистрами, мог пойти в своем мщении грозному Твердоголовому Питу, если бы эти грязные негодяи не боялись своего храброго старого губернатора больше, чем святого Николая, англичан или самого черта.

ГЛАВА VIII

В которой показано, как Питер Стайвесант твердостью своей головы несколько дней защищал Новый Амстердам.

Повремени, о, глубокоуважаемый читатель! и на мгновение останови свой взгляд на величественном и печальном зрелище, какое открывается перед тобой в эти решительные минуты! Ты увидишь знаменитый и почтенный маленький город, столицу раскинувшейся на бескрайних просторах, цветущей, но непросвещенной (ибо необитаемой) страны, город с гарнизоном из толпы отважных ораторов, председателей, членов комитета, бургомистров, схепенов и старух, управляемый решительным и твердоголовым воином, укрепленный земляными батареями, палисадами и постановлениями, подвергнутый морской блокаде и осажденный с суши, город, которому грозят ужасные беды извне, между тем как внутренняя крамола и волнения разрывают на части, терзают и сводят судорогами все его самые существенные органы! Никогда под пером историка не воскресала страница более запутанных и бедственных событий, разве только при описании борьбы, раздиравшей израильтян во время осады Иерусалима,[488] где враждующие партии уничтожали

[488] Осада Иерусалима – римский император Нерон послал на усмирение восставшей в 66 г. Иудеи Веспасиана, который, став императором после самоубий-

друг друга в то самое время, когда победоносные легионы Тита смели их крепостные укрепления и ворвались с огнем и мечом в святую святых храма.

Губернатор Стайвесант, с триумфом обратив в бегство, как мы уже рассказывали, свой великий совет и освободившись таким образом от множества наглых советчиков, отправил решительный ответ командующему вражеской эскадры, в котором настаивал на правах и привилегиях Высокомощных Господ Генеральных Штатов на провинцию Новые Нидерланды, и, уверенный в правоте своего дела, бросал вызов всему британскому народу! Стремясь избавить читателей и себя самого от описания бедственных событий, я не стану приводить полностью это весьма учтивое и благородное послание, заканчивавшееся следующими мужественными и приветливыми словами:

> «Что касается тех угроз, которыми вы заключаете ваше послание, то мы можем на них ответить только одно: мы не боимся ничего, кроме того, что будет ниспослано нам богом (который столь же справедлив, сколь и милостив); все находится в его благостных руках, и мы с малыми силами можем быть сохранены им, как и в том случае, если бы у нас была большая армия. Это побуждает нас пожелать вам всяческого

ства Нерона, поручил осаду Иерусалима своему сыну Титу. Среди осажденных начались голод, болезни и раздоры, вследствие чего римлянам удалось захватить и разрушить город (70 г.)

счастья и благополучия и поручить вас его защите. — *Покорнейший и преданный слуга и друг ваш, милорды, П. Стайвесант».*

Итак, смело бросив перчатку, храбрый Твердоголовый Пит засунул за пояс пару огромных седельных пистолетов, привесил сбоку громадную пороховницу, натянул на здоровую ногу гессенский сапог и, нахлобучив на макушку свирепую маленькую каску, стал шагать взад и вперед перед своим домом, решив защищать до конца любимый город.

Пока в несчастном городке Новом Амстердаме шли эти прискорбные раздоры и борьба, пока его достойный, но злополучный губернатор сочинял приведенное выше письмо, английские военачальники не оставались праздными. Они заслали тайных агентов для разжигания страха и недовольства народа, а кроме того распространили по всей близлежащей стране воззвание, в котором повторили условия, предъявленные ими в требовании о сдаче, и прельщали простаков-нидерландцев самыми коварными и примирительными заверениями. Они обещали каждому, добровольно подчинившемуся власти его величества британского короля, что ему предоставят мирно владеть своим домом, женой и огородом с капустой; что ему разрешат курить свою трубку, говорить по-голландски, носить столько штанов, сколько ему будет угодно, и ввозить кирпичи, черепицу и глиняные кувшины из Голландии, вместо того, чтобы производить их на месте; что его ни в коем разе не будут принуждать учить ан-

глийский язык или же вести денежные расчеты иным путем, кроме счета на пальцах или записывания их мелом на тулье своей шляпы, как это еще и теперь делается у голландских фермеров; что каждому будет позволено без всяких помех наследовать отцовскую шляпу, куртку, пряжки для башмаков, трубку и все другие личные вещи и что никого не обяжут вводить какие-нибудь улучшения, изобретения или другие современные новшества, а напротив, всякий будет иметь право строить дом, заниматься своим ремеслом, хозяйничать на своей ферме, разводить свиней и воспитывать детей точно так же, как это с незапамятных времен делали его предки; наконец, что он сохранит все выгоды свободной торговли и от него не потребуют, чтобы он почитал других святых, значащихся в месяцеслове, кроме святого Николая, который впредь, как и прежде, будет считаться покровителем города.

Эти условия, как легко можно себе представить, показались вполне приемлемыми народу, весьма склонному беспрепятственно пользоваться своей собственностью и питавшему сильнейшее отвращение к тому, чтобы ввязываться в борьбу, не сулящую ничего, кроме чести и проломленной головы; к первой они относились с философским безразличием, а к последней с крайним неудовольствием. Итак, прибегнув к столь коварным приемам, англичане сумели подорвать доверие и охладить любовь новоамстердамцев к их доблестному старому губернатору; решительно и откровенно выска-

зывая свое мнение и браня его почем зря (у него за спиной), они упрекали его в том, что он упрямо намеревается ввергнуть их в пучину бедствий.

Подобно могучему дельфину-косатке, который, несмотря на шумные бушующие волны, все время налетающие на него и пытающиеся сбить с пути, несмотря на буйные валы, захлестывающие его, продолжает все же неуклонно плыть вперед и постоянно появляется на поверхности, выныривая из взбаламученной пучины, с удесятеренной силой подымая брызги и колотя хвостом, – так непреклонный Питер непоколебимо шел намеченной дорогой и, полный презрения, не обращал внимания на вопли черни.

Но когда британские военачальники по тону ответа Питера Стайвесанта поняли, что он ни в грош не ставит их власть, они тотчас же отправили офицеров-вербовщиков на Ямайку, в Иерихон и Ниневию, Куэг и Патчог и во все грозные города, некогда покоренные бессмертным Стоффелем Бринкерхофом, поручив им поднять доблестных потомков Вяленой Рыбы и Решительного Петуха и других известных скваттеров для нападения на город Новый Амстердам с суши. Тем временем вражеские корабли делали ужасные приготовления к тому, чтобы начать решительный приступ с моря.

Улицы Нового Амстердама представляли теперь зрелище дикого смятения и уныния. Тщетно доблестный Стайвесант призывал граждан к оружию и приказывал им собраться на площади перед ратушей или на рыночной площади. Вся пар-

тия плоскозадых за одну ночь превратилась в настоящих старух – метаморфоза, с которой может сравниться только чудо, по рассказу Ливия происшедшее в Риме при приближении Ганнибала,[489] когда статуи потели от неподдельного страха, козлы превратились в баранов, а петухи, став курами, с кудахтаньем бегали по улицам.

Измученный Питер, которому грозили извне и досаждали изнутри, травимый бургомистрами и преследуемый криками черни, горячился, рычал и бесновался, как разъяренный медведь, привязанный к столбу и терзаемый стаей презренных дворняжек. Убедившись, однако, что все дальнейшие попытки защитить город были тщетны, и узнав, что пограничные жители и грабители из Новой Англии готовы нахлынуть на него с востока, он наконец был вынужден, несмотря на все величие своего сердца, которое, распухнув, подступало у него к горлу и чуть не удушило, согласиться на переговоры о сдаче.

Трудно передать словами восторг народа, когда было получено это приятное известие; одержи он победу над врагами, и то он не пришел бы в большее восхищение. На улицах стоял несмолкаемый шум поздравлений, жители прославляли своего губернатора как отца и освободителя страны, они толпами стремились к его дому, чтобы выразить свою благодарность, и их рукоплескания были в десять раз громче, чем

---

[489] Ганнибал (247–183 до н. э.) – карфагенский полководец. В 218 г. до н. э. перешел Альпы, нанес римлянам ряд поражений и подошел к Риму, но был разбит.

тогда, когда он вернулся с победой, примостившейся на его треуголке, после славного завоевания форта Кристина. Но возмущенный Питер закрыл все двери и окна и спрятался в самых дальних покоях своего дома, чтобы не слышать гнусного ликования черни.

После того как губернатор дал свое согласие, осаждающим было послано предложение вступить в переговоры для обсуждения условий сдачи. Соответственно, каждая сторона назначила шестерых представителей, и 27 августа 1664 года враг, державшийся высокого мнения о храбрости манхатезцев и о великодушии и безграничном благоразумии их губернатора, дал свое согласие на капитуляцию, чрезвычайно благоприятную для провинции и почетную для Питера Стайвесанта.

Оставалось одно – чтобы выработанные условия были утверждены и подписаны рыцарственным Питером. Когда представители почтительно явились к нему с этой целью, отважный старый воин принял их с самой зловещей и свирепой любезностью. Он снял с себя военную форму; его мускулистое тело было завернуто в старый индийский халат, красный шерстяной ночной колпак затенял изборожденный морщинами лоб, трехдневная борода цвета перца с солью усиливала ужас, внушаемый его мрачным лицом. Трижды брал он в руку маленький огрызок пера и пытался подписать омерзительный документ, трижды стискивал он зубы и корчил ужаснейшую гримасу, словно к его губам поднесли от-

вратительную смесь из ревеня, ипекакуаны и александрийского листа; наконец, отбросив перо, он схватил свою саблю с бронзовым эфесом и, рванув ее из ножен, поклялся святым Николаем, что скорее умрет, нежели покорится любой власти на земле.

Напрасны были все попытки поколебать это отважное решение; угрозы, увещания, брань ни к чему не привели. Целых два дня дом доблестного Питера был осажден шумной чернью, и целых два дня он хватался за оружие и упорствовал в благородном отказе утвердить капитуляцию. Так, подобно второму Горацию Коклесу,[490] он одной только собственной доблестью отражал натиск неприятеля и защищал этот современный Рим.

В конце концов народ, увидев, что шумная настойчивость вызывает лишь более решительное сопротивление, вспомнил о скромном средстве, с помощью которого, быть может, удастся успокоить гордый гнев и поколебать решимость губернатора. И вот, торжественная скорбная процессия, возглавляемая бургомистрами и схепенами и сопровождаемая просвещенной чернью, медленно движется к дому губернатора, неся злосчастную капитуляцию. Там они увидели мужественного старого героя, который вытянулся во весь рост, как великан в своем замке; двери были прочно забаррикади-

---

[490] Гораций Коклес – римлянин, прославившийся своей доблестью: когда этрусский царь Порсенна (VI в. до н. э.) напал на Рим, он один удержал его армию у моста через Тибр.

рованы, а он в полной парадной форме, с треуголкой на голове, непоколебимо стоял у чердачного окна с мушкетоном в руках.

В этой грозной позе было нечто, что поразило страхом и преисполнило восхищением даже низкую чернь. Шумная толпа, объятая самоунижением, не могла не осудить свое недостойное поведение, когда увидела отважного, но всеми покинутого старого губернатора, не оставляющего своего поста, как поклявшийся стоять насмерть солдат, и полностью готового защищать до конца неблагодарный город. Однако новая волна народных опасений вскоре заглушила укоры совести. Толпа выстроилась перед домом, и все в почтительнейшем смирении сняли шляпы. Один из бургомистров, из того распространенного сорта ораторов, которые, по замечанию старого Саллюстия, «скорей болтливы, чем красноречивы», выступил вперед и обратился к губернатору с трехчасовой речью; в ней он в самых патетических выражениях подробно описал бедственное положение провинции и заклинал Питера Стайвесанта, все время повторяя одни и те же доводы и слова, подписать капитуляцию.

Могучий Питер в угрюмом молчании смотрел на него из маленького чердачного окна; время от времени он окидывал взглядом стоявшую перед домом толпу, и гневная усмешка, похожая на оскал злого мастифа, то и дело набегала на его суровое лицо. Но хотя он был человеком неустрашимой храбрости, хотя сердце у него было такое же большое, как у бы-

ка, а голова своей твердостью могла посрамить алмаз, все же он был только смертным, измученным этим упорным противодействием и бесконечным витийством; и сознавая, что, если он не согласится, жители города все равно могут уступить своим склонностям, или, вернее, страхам, не дожидаясь его согласия, он поэтому, скрепя сердце, приказал вручить ему бумагу с текстом капитуляции. Ее подали ему наверх на конце шеста; нацарапав под условиями сдачи свою подпись, Питер Стайвесант проклял всю толпу, обозвав ее шайкой трусливых, мятежных, выродившихся плоскозадых людишек, швырнул капитуляцию им на головы, захлопнул окно, и было слышно, как он в бурном негодовании, стуча деревянной ногой, спустился по лестнице. Толпа тотчас же бросилась наутек; даже бургомистры поспешили очистить площадь перед домом, опасаясь, как бы отважный Питер не вышел из своего логова и не приветствовал их каким-нибудь малоприятным знаком своего неудовольствия.

ГЛАВА IX

В которой содержатся размышления об упадке и разрушении империи, а также рассказывается об окончательном прекращении голландской династии.

Среди многочисленных событий нашей интересной и достоверной истории, из которых каждое в свое время казалось самым ужасным и горестным, нет ни одного, причиняющего чувствительному историку такую душераздирающую скорбь, как упадок и разрушение прославленных и могущественных империй! Подобно оратору, понаторевшему в произнесении надгробных речей, чья буйная скорбь подчинена своду правил, чьи чувства надлежащим образом приноровлены к переменам настроения, к тому, чтобы то рассыпаться в восторженных похвалах, то погружаться в безысходную тоску, подобно такому оратору, всегда готовому бить себя в грудь на запятой, потирать лоб на точке с запятой, содрогаться от ужаса на тире и разражаться бурным отчаянием на восклицательном знаке, – так и ваш удрученный горем историк подымается на кафедру, склоняется в молчаливом волнении над развалинами былого величия, поднимает укоризненный взгляд к небу, окидывает негодующим и печальным взором все, что его окружает, придает своему лицу выражение непередаваемой словами муки и, призвав этими крас-

норечивыми приготовлениями весь одушевленный и неодушевленный мир разделить с ним его печаль, медленно вытаскивает из кармана белый носовой платок и, прижимая его к лицу, всхлипывает и как бы обращается к своим читателям со словами самого слезливого голландского писателя: «Вы, у кого есть носы, готовьтесь сейчас сморкаться!» или, вернее, приводя цитату более точно, «пусть каждый высморкается!»

Есть ли такой читатель, что может без волнения созерцать гибельные события, из-за которых прекратились великие мировые династии? Окидывая умственным взором ужасные и величественные развалины царств, королевств и империй, отмечая страшные судороги, сотрясавшие их основы и вызвавшие их прискорбное падение, печальный исследователь чувствует, как его грудь наполняется тем большим состраданием, чем возвышеннее окружающие его жуткие картины; все мелкие чувства, все личные несчастья отходят на второй план и забываются. Как беспомощный человек борется в кошмаре за свою жизнь, так несчастный читатель задыхается и стонет, и напрягает все силы, охваченный непосильной мукой, одной огромной навязчивой мыслью, громадным, как гора, всепоглощающим горем!

Взгляните на великую Ассирийскую империю, основанную Немвродом,[491] могущественным охотником; она простирала свои владения на лучшую часть земного шара, становилась все великолепней на протяжении долгих пятнадца-

[491] Немврод – основатель Вавилонского царства, легендарный охотник.

ти столетий и бесславно погибла в царствование изнеженного Сарданапала,[492] разрушенная мидянином Арбасесом,[493] сжегшим ее столицу.

Взгляните на ее преемницу, Мидийскую империю, пределы которой были расширены воинственной мощью Персии под властью бессмертного Кира[494] и египетскими завоеваниями покорителя пустынь Камбиза;[495] она накапливала могущество и славу в течение семи столетий, но была потрясена до основания и в конце концов уничтожена всепобеждающей десницей Александра в памятных битвах на Гранике, под Иссой и на равнинах Арбелы.[496]

Взгляните теперь на Греческую империю, блестящую, но быстро померкнувшую, как воинственный метеор, вместе с которым взошла и закатилась ее звезда; она просуществова-

---

[492] Сарданапал – последний ассирийский царь (668–625 до н. э.). Его имя стало нарицательным для деспота, предавшегося роскоши и изнеженности. По преданию, сжег себя во дворце вместе со своими женами.

[493] Арбасес – легендарный основатель мидийского государства, один из военачальников Сарданапала.

[494] Кир – древнеперсидский царь (558–529 до н. э.), основатель династии Ахеменидов, объединил под своей властью персов и мидян, завоевал греческие колонии Малой Азии и Вавилон.

[495] Камбиз – древнеперсидский царь (529–523 до н. э.), сын Кира; завоевал Египет (525 до н. э.).

[496] …битвы на Гранине, под Иссой и на равнинах Арбелы – при речке Гранике Александр Македонский (356–323 до н. э.) разгромил персов (334 до н. э.); в битве при Иссе (333 до н. э.) персидское войско снова потерпело поражение от македонян; в битве при Гавгамелах (на равнинах Арбелы) в 331 г. до н. э. Александр окончательно разбил персидское войско царя Дария.

ла всего семь лет в сиянии славы и погибла, вместе с ее героем, среди позорного разврата.

Взгляните далее на римского орла, оперившегося в своем авзонийском[497] гнезде, но совершавшего победоносные полеты над плодородными равнинами Азии, выжженными пустынями Африки и в конце концов широко распростершего свои победоносные крылья властелина всего мира! Но последите за его судьбой, посмотрите на императорский Рим – средоточие хорошего вкуса и знания, образец для всех городов, столицу мира, – разграбленный, разрушенный и ниспровергнутый следовавшими одна за другой ордами свирепых варваров. И вот, неуклюжая империя, как огромная, но перезрелая тыква, раскалывается на западную империю прославленного Карла Великого и на восточную, или Византийскую империю Льва Великого,[498] последняя из которых, продержавшись шесть долгих столетий, расчленяется нечестивыми руками сарацинов.

Взгляните на Сарацинскую империю, в царствование Чингис-хана распространившую свое господство на эти завоеванные владения, а под управлением Тамерлана покорившую всю восточную Европу. Бросьте затем взгляд на горы

---

[497] Авзонийский – итальянский; Авзояия – старинное название Италии.

[498] Лев Великий, III (675–741) – византийский император в 717–741 гг., основатель Исаврийской династии; отразил нападение арабов на Константинополь (718).

Персии. Обратите внимание на пылкого пастуха Османа,[499] который со своими свирепыми товарищами, как вихрь, спускается с них на Никомедийские равнины. Смотрите! Последний бесстрашный сарацин поддается, он бежит! он падает! его династия гибнет, и на ее развалинах победоносно воздвигнут оттоманский полумесяц!

Взгляните… но зачем нам глядеть дальше? Зачем должны мы рыться в пепле исчезнувшего величия? Царства, княжества и прочие государства – каждое знало свое возвышение, развитие и падение, каждое в свое время было могущественной державой, каждое возвратилось к первоначальному ничтожеству. То же произошло и с империей Высокомощных Господ в знаменитой столице Манхатеза под управлением миролюбивого Вальтера Сомневающегося, раздражительного Вильяма Упрямого и рыцарственного Питера Стайвесанта, он же Pieter de Groodt, он же Hard-Koppig Piet, что означает Питер Твердоголовый!

Хранительница утонченности, гостеприимства и изящных искусств, эта империя лучезарно сияла, как брильянт в навозной куче, сверкая еще сильней вследствие варварства окружающих диких племен и европейских орд. Но увы! Ни добродетель, ни таланты и красноречие, ни экономия не могли отвратить неотвратимого удара судьбы. Голландская ди-

---

[499] Осман I (1258–1326) – основатель династии турецких султанов. По его имени турки до падения монархии назывались османскими турками, а турецкая империя – Оттоманской империей.

настия, теснимая и осаждаемая со всех сторон, приближалась к уготованному ей концу. Начав скромно, она затем раздулась и округлилась до весьма изрядной полноты; в своем флегматическом величии она отражала постоянные набеги живших по соседству врагов, но внезапное вторжение потрясло ее и устоять против него оказалось ей не под силу.

Я не раз видел, как бездельники-мальчишки бьют и колотят по надутому пузырю, который сохраняет свой объем, не испытывая никакого вреда от их ударов. Наконец какой-нибудь злокозненный мальчуган, оказавшийся смышленее остальных, собрав все силы, плюхается задом на раздутый шар. Соприкосновение двух нажимающих друг на друга сфер ужасно и сокрушительно: растянутая оболочка не выдерживает, пузырь лопается, взрывается со странным и двусмысленным шумом, изумительно похожим на гром, – и перестает существовать.

А теперь мне остается лишь с печалью и с отвращением передать этот прекраснейший городок в руки захватчиков. Я охотно последовал бы примеру пылкого Питера, извлек бы свое верное оружие и защищал бы город на протяжении еще одного тома; но истина, непреложная истина запрещает мне сделать эту опрометчивую попытку, и, что еще более непреодолимо, безобразный, огромный черный призрак все время преследует меня – ужасное видение счета моего хозяина, счета, который, как питающийся падалью ворон, кружит над моей медленно испускающей дух историей, нетерпеливо

ожидая ее смерти, чтобы насытиться ее трупом.

Достаточно будет поэтому вкратце рассказать, что через три часа после сдачи отряд вскормленных ростбифом британских солдат вступил в Новый Амстердам, овладев фортом и батареями. Теперь повсюду слышались деловитые звуки молотков: старые голландские бюргеры старательно заколачивали двери и окна своих домов, чтобы предохранить женщин от свирепых варваров, на которых они в угрюмом молчании смотрели с чердаков, когда те маршировали по улицам.

Итак, полковник Ричард Николс, командующий британскими силами, мирно вступил во владение завоеванным царством как locum tenant[500] герцога Йоркского. Победа была достигнута без каких-либо насильственных актов, если не считать перемены названия провинции и ее столицы,[501] которые отныне именовались Нью-Йорк и сохранили это название до сегодняшнего дня. Жителям, в соответствии с договором, было разрешено по-прежнему спокойно владеть своей собственностью, но они питали столь упорное отвращение к британскому народу, что на частном собрании наибо-

---

[500] Временный заместитель (лат.).

[501] …перемена названия провинции и ее столицы… – 29 августа (8 сентября) 1664 г. Стайвесант и его совет согласились на сдачу города и форта англичанам; в тот же день командовавший английским флотом полковник Ричард Николе переименовал город в Нью-Йорк; так же стала называться и вся провинция. В 1673 г. Голландия вновь возвратила себе Новый Амстердам, но удерживала его менее года и в 1674 г. город снова стал Нью-Йорком.

лее выдающихся граждан было принято решение никогда не приглашать к обеду никого из победителей.

Такова была судьба славной провинции Новые Нидерланды; ее участь – лишь одно звено в цепи последовательных событий, начавшейся со взятия Форт-Кашемира и приведшей к теперешним потрясениям на нашей планете! Пусть это утверждение не вызовет недоверчивой улыбки, так как, сколь нелепым это ни кажется, нет ничего, что можно было бы доказать с большей убедительностью. Внемли же, благородный читатель, этому простому выводу, который я советую тебе, если ты король, император или другой могущественный властелин, сохранить, как бесценное сокровище, в своем сердце. Впрочем, я мало надеюсь, что мой труд попадет в такие руки, ибо я прекрасно знаю, как заботятся коварные министры, чтобы все серьезные и назидательные книги подобного рода не попадали на глаза несчастным монархам – не то они ненароком прочтут их и наберутся мудрости.

Предательски захватив Форт-Кашемир, коварные шведы временно торжествовали, но навлекли на свои головы мщение Питера Стайвесанта, отнявшего у них всю Новую Швецию. Завоеванием Новой Швеции Питер Стайвесант воскресил притязания лорда Балтимора,[502] который обратился за

[502] Лорд Балтимор (Джордж Калверт, 1580–1632) – основатель колонии Мэриленд. Его семейство оставалось владельцем огромных земель в Мэриленде вплоть до американской революции, когда в 1777 г. конгресс конфисковал их латифундии. Ирвинг имеет в виду второго лорда Балтимора (Сесиль Калверт, 1605–1675).

помощью к правительству Великобритании, а та покорила всю провинцию Новые Нидерланды. Вследствие этого великого подвига все пространство Северной Америки от Новой Шотландии до Флориды стало единым владением британской короны. Но обратите внимание на последствия. Прежде разрозненные колонии теперь составили одно целое и при отсутствии соперничающих колоний, которые препятствовали бы их развитию и держали бы в страхе, стали великими и могущественными; в конце концов, сделавшись слишком сильными для метрополии, они сумели сбросить с себя ее иго и в результате славной революции превратились в независимое государство. Но цепь следствий на этом не кончилась; успешная революция в Америке повлекла за собой кровавую революцию во Франции, которая повлекла за собой могущественного Бонапарта, повлекшего за собой французскую тиранию, которая ввергла в смятение весь мир! Так все эти великие государства одно за другим были наказаны за свои злополучные победы, так – я об этом уже говорил – все нынешние волнения, революции и бедствия, постигшие человечество, начались со взятия маленького Форт-Кашемира, как описано в этом выдающемся историческом труде.

Пусть же европейские властители остерегаются связываться с нашей любимой страной. Если внезапный захват относительно небольшой крепости ниспроверг государственный строй империй, то каков (рассуждая путем аналогии) будет результат завоевания обширной республики? Оно взбу-

доражит все звезды и планеты; у луны с солнцем дело дойдет до драки, вся вселенная будет ввергнута в хаос, если только по воле провидения ее не спасет второе пришествие!

ГЛАВА X

В которой описывается достойный уход от государственных дел и кончина Питера Твердоголового.

Вот я и закончил этот славный исторический труд; но прежде чем я отложу свое усталое перо, мне остается еще выполнить один благочестивый долг. Если среди огромного множества читателей этой книги случайно найдется хоть несколько истинно благородных людей, которые загорятся священным огнем, прочитав это повествование о великодушии и храбрости, они несомненно пожелают узнать дальнейшую судьбу доблестного Питера Стайвесанта. Чтобы сделать приятное одному такому сердцу чистого золота, я готов остановиться на ней более подробно, чем для удовлетворения холодного любопытства всей философской братии.

Как только наш пылкий рыцарь подписал условия капитуляции, он тотчас же, решив не быть свидетелем унижения своего любимого города, покинул его и с ворчанием удалился в свое bouwery, то есть поместье, расположенное на расстоянии примерно двух миль, где провел остаток своих дней в патриархальном уединении. Там обрел он душевный покой, которого никогда не знал среди утомительных трудов по управлению государством, и вкусил радости абсолютной, бесконтрольной власти, которые его мятежные подданные

так часто отравляли горечью противодействия.

Никакие уговоры не могли побудить его посетить город; больше того, его широкое кресло всегда стояло спиной к окну, выходившему в ту сторону, пока густая рощица, посаженная его собственной рукой, не разрослась и не закрыла город от его взора. Он постоянно бранил глупейшие новшества и улучшения, вводимые завоевателями, не разрешал в кругу своей семьи произносить хоть одно слово на их ненавистном языке (этому запрету охотно подчинялись, так как его домочадцы умели говорить только по-голландски) и даже приказал срубить чудесную аллею перед домом, потому что она состояла из английских вишневых деревьев.

Прежняя неусыпная бдительность, что кипела в нем, когда на его попечении была обширная провинция, проявлялась теперь с той же силой, хотя и в более узких пределах. Он с неослабной рачительностью обходил границы своих тесных владений, быстро и бесстрашно давал отпор всяким посягательствам, с неумолимой строгостью наказывал каждый набег бродяг-воришек на свой фруктовый сад или скотный двор и с торжеством приводил каждую заблудившуюся свинью или корову в свой загон. Но для бедных соседей, одиноких новоселов и усталых путников его дверь была всегда широко открыта, а у огромного очага, этой эмблемы его собственного горячего и благородного сердца, для них всегда находился уголок. Должен сознаться, что он делал одно исключение в том случае, если несчастным посетителем оказы-

вался англичанин или янки; он мог протянуть им руку помощи, но никогда не соглашался оказать им гостеприимство. А если случайно какой-нибудь странствующий торговец с востока останавливал у дверей дома свою телегу с жестяной посудой или деревянными чашками, вспыльчивый Питер выскакивал, как великан из замка, и учинял такую яростную расправу над горшками и котлами, что продавцу приходилось немедленно спасаться бегством.

Старая военная форма, потертая от усердной чистки, аккуратно висела в парадной спальне и исправно проветривалась в первый погожий день каждого месяца; треуголка и верная сабля, уныло отдыхая, висели в гостиной над камином, обрамляя портрет знаменитого адмирала Вон-Тромпа,[503] изображенного во весь рост. В своей домашней империи Питер Стайвесант поддерживал строгую дисциплину, установив хорошо налаженный деспотический образ правления; но хотя его воля была высшим законом, все же он постоянно стремился к благу своих подданных. Он следил не только за тем, чтобы им хорошо жилось в здешнем мире, но также за их нравственностью и блаженством на том свете, так как щедро наделял их превосходными наставлениями, и никто не мог пожаловаться на то, что в случае необходимости он бывал скуп на спасительные наказания.

Добрые старинные голландские праздники, в которых время от времени проявляются полнота сердца и душевная

[503] Ван-Тромп – см. примечание 7, гл. II, кн. вторая.

благодарность и которые, к сожалению, забыты моими согражданами, в поместье губернатора Стайвесанта неизменно соблюдались. Новый год был поистине днем безоглядной щедрости, веселого пиршества и сердечных поздравлений, когда грудь переполнялась подлинно дружескими чувствами, а за обильным столом царила бесцеремонная свобода и непринужденное веселье, неизвестные в наши дни вырождения и внешнего лоска. Пасха и пятидесятница[504] добросовестно соблюдались во всех его владениях; и день святого Николая не проходил без подарков, подвешивания чулка в каминной трубе и соблюдения всех остальных положенных для этого случая обычаев.

Раз в год, первого апреля Питер Стайвесант облачался в полную парадную форму, так как это была годовщина его триумфального вступления в Новый Амстердам после завоеваний Новой Швеции. Для слуг это была всегда чем-то вроде римских сатурналий;[505] они считали себя до известного предела вправе говорить и делать, что им вздумается, ибо их хозяин в этот день неизменно откладывал в сторону свою чопорность и становился отменно любезным и веселым. Он посылал старых седовласых негров с шутливыми первоапрельскими поручениями достать птичьего молока; каждый

[504] Пятидесятница – церковный праздиик, отмечаемый на пятидесятый день после пасхи.

[505] Сатурналии – в древнем Риме праздник в честь бога Сатурна, справлявшийся по окончании полевых работ, во время которого господа и слуги становились равными; в колониальной Америке – праздник слуг-негров.

из них позволял себя обмануть, потакая шуткам своего старого хозяина, как это подобает верным и хорошо вышколенным подданным. Так он царствовал мирно и счастливо на своей земле, никого не обижая, никому не завидуя, не тревожимый распрями с соседями, не волнуемый ссорами у себя в доме. И самые могущественные на земле монархи, которые тщетно старались сохранить мир и способствовать благоденствию человечества с помощью войны и разорения, поступили бы правильно, если бы совершили путешествие на маленький остров Манна-хату и поучились искусству управлять на примере домашнего уклада Питера Стайвесанта.

Однако с течением времени старый губернатор, как и все смертные, начал проявлять явные признаки упадка. Как вековой дуб, который долго не поддавался ярости стихий и все еще сохраняет свои гигантские размеры, но уже начинает шататься и стонать при каждом порыве ветра, так и доблестный Питер, хотя и не утратил еще образа и подобия того человека, каким он был раньше в дни своих отважных рыцарских подвигов, все же испытывал влияние возраста и недугов, подтачивавших его могучее тело. Но его сердце, эта самая непобедимая крепость, все еще торжествовало, не сдаваясь. С беспримерной жадностью выслушивал старый Питер все новости, касающиеся сражений между англичанами и голландцами. Его пульс все еще бился чаще, когда он слышал о победах Де Ройтера,[506] а его лицо темнело и

[506] Де Ройтер, Михаэл Адриан (1607–1676) – голландский флотоводец, участ-

брови хмурились, если счастье улыбалось англичанам. Однажды, когда он только что докурил свою пятую трубку и дремал в кресле после обеда, завоевывая во сне все британское государство, его внезапно разбудил ужаснейший колокольный звон, бой барабанов и пушечный грохот, от которых закипела вся его кровь. Но узнав, что это было ликование по случаю большой победы, одержанной объединенным англо-французским флотом над храбрым Де Рейтером и Вон-Тромпом Младшим,[507] он принял это так близко к сердцу, что слег в постель, и меньше чем за три дня холера привела его к порогу смерти! Но даже на смертном одре он все еще проявлял неукротимый дух Питера *Твердоголового* и с непреклонным упрямством до последнего вздоха сопротивлялся целой армии старух, которые намеревались прибегнуть к истине голландскому способу лечения и изгнать врага из его кишок, затопив театр военных действий настоем котовника и болотной мяты.

Когда он так лежал, ожидая своего последнего часа, ему сообщили, что храбрый Де Ройтер понес лишь небольшие потери, благополучно ретировался и готовится еще раз вступить в бой с врагом. Смежающиеся глаза старого солдата за-

---

ник англоголландских войн XVII в. В 1667 г. вторжение голландского флота под его командованием в устье Темзы вызвало панику в Лондоне и принудило англичан подписать мирный договор.

[507] Вон-Тромп Младший, Корнелиус (1629–1691) – голландский флотоводец. Ирвинг имеет в виду морское сражение голландского флота с объединенным англо-французским 7 июня 1672.

горелись при этих словах, он приподнялся в постели, вспышка воинственного огня промелькнула по его лицу, он стиснул в кулак исхудалую руку, словно почувствовал в ней саблю, которой он победоносно размахивал перед стенами форта Кристина, затем со свирепой торжествующей улыбкой опустил голову на подушку и скончался.

Так умер Питер Стайвесант, доблестный солдат, верноподданный гражданин, честный губернатор и прямодушный голландец, которому не хватало только разрушить несколько империй, чтобы заслужить бессмертие героя!

Ему устроили величественные и торжественные похороны. Город совершенно опустел; жители шли толпами отдать последний скорбный долг своему старому губернатору. Все его высокие достоинства вставали во весь рост в их памяти, а его ошибки и слабости умерли вместе с ним. Старые бюргеры спорили о том, кто из них удостоится чести поддерживать концы покрова, простые люди силились занять место в первых рядах за гробом: печальную процессию замыкали седовласые негры, из года в год в течение большей части столетия жившие в доме усопшего хозяина.

С печальными, мрачными лицами стоял народ вокруг могилы. С грустью в сердце люди вспоминали о доблестной отваге, славных заслугах и благородных подвигах храброго старого служаки. Испытывая в глубине души угрызения совести, они вспоминали о своем мятежном противодействии его начинаниям, и многие старые бюргеры, чьи флегматиче-

ские черты лица никогда не смягчались, чьи глаза никогда не увлажнялись, теперь задумчиво попыхивали трубкой, и большая слеза скатывалась по их щеке, когда они растроганно бормотали, печально покачивая головой: «Ну, что ж… Вот и ушел от нас Твердоголовый Пит!»

Его останки положили в семейный склеп под часовней, которую он благочестиво построил в честь святого Николая у себя в имении; она стояла на том самом месте, где теперь находится церковь святого Марка и где еще в наши дни можно увидеть могильную плиту старого губернатора. Его поместье, или bouwery, все время оставалось во владении его потомков; все они прямотой своего поведения и строгой приверженностью к обычаям и привычкам, господствовавшим в *доброе старое время*, показали себя достойными своего знаменитого предка. Много раз предприимчивые кладоискатели навещали по ночам ферму в поисках горшков с золотом, якобы закопанных в землю старым губернатором; впрочем, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них разбогател от своих поисков. А найдется ли здесь среди моих сограждан – местных уроженцев – хоть один, кто не помнит, как в те дни, когда он был озорным мальчишкой, считалось великим подвигом обокрасть под вечер в праздник «сад Стайвесанта».

В этой семейной цитадели еще можно увидеть вещи, напоминающие о бессмертном Питере. Его портрет во весь рост, внушая страх своим воинственным видом, хмуро смотрит на вас со стены гостиной, его треуголка и сабля все еще висят

в самой лучшей спальне. Его зеленовато-желтые штаны долгое время украшали прихожую, пока несколько лет тому назад не стали причиной ссоры молодоженов. А его отделанная серебром деревянная нога до сих пор бережно хранится в кладовой, как бесценная реликвия.

* * *

А теперь, любезный читатель, прежде чем я с грустью прощусь с тобой – увы! должно быть, навсегда – я хотел бы высказать пожелание, чтобы мы расстались друзьями и ты сохранил обо мне добрую память. Не моя вина, что мне не удалось написать более совершенный исторический труд о днях патриархов; если бы кто-нибудь другой до меня написал не хуже, я вовсе не стал бы предпринимать этой попытки. Я нимало не сомневаюсь, что в дальнейшем появится много авторов, которые превзойдут меня, и еще меньше тревожусь об этом, ибо прекрасно знаю, что после того, как великий Кристобаль Колон (обычно называемый Колумбом) однажды поставил стоймя яйцо, все сидевшие за столом могли бы проделать то же самое в тысячу раз проворней. Если в моем сочинении кто-нибудь из читателей найдет что-либо для себя оскорбительное, я буду очень огорчен, хотя ни в коем случае не подвергну сомнению его проницательность, сказав ему, что он ошибается, или его добродушие, сказав ему, что он придирчив, или чистоту его совести, сказав ему, что он пу-

гается тени. Разумеется, если он столь искусен в выискивании обид там, где никто не собирался их наносить, то мне было бы очень жалко лишить его возможности насладиться плодами своих открытий.

Я слишком высокого мнения о здравомыслии моих сограждан, чтобы счесть для себя возможным давать им наставления, и слишком ценю их расположение, чтобы лишиться его, давая им добрые советы. Я не принадлежу к числу тех циников, которые презирают мир, потому что он презирает их; напротив, сколь ни низок я в его глазах, я отношусь к нему с величайшим добродушием, и меня печалит лишь то, что он не достоин той безграничной любви, какую я к нему питаю.

Если, однако, в этом историческом сочинении – скудном плоде долгой и трудолюбивой жизни – мне не довелось угодить тонкому вкусу нынешнего века, я могу только скорбеть о своей неудаче, ибо для меня уже слишком поздно надеяться, что мне удастся его исправить. Иссушающие годы уже припорошили снегом бесплодия мое чело; пройдет немного времени, и живительное тепло, которое еще не покинуло мое сердце и жаждет излиться, с нежностью излиться на тебя, любезный читатель, навсегда остынет. Как бы я хотел, чтобы этот тленный прах, при жизни породивший только бесполезные сорные травы, смешался со смиренной землей соседней долины и из него выросло много душистых полевых цветов, которые украсили бы мой любимый остров Манна-хату!

ИРВИНГ и ПИКЕРБОКЕР
Рисунок из нью-йоркского журнала „Пикербокер" (февраль, 1814 г.)

КОНЕЦ

ДОПОЛНЕНИЯ

I
ДОБАВЛЕНИЕ К «ОБ АВТОРЕ»

Приведенные выше сведения об авторе были предпосланы первому изданию настоящего труда. Вскоре после его выхода в свет мистер Хендесайд получил от мистера Никербокера письмо из голландской деревушки на берегу Гудзона, куда тот направился с намерением ознакомиться с некоторыми старинными документами. Так как это была одна из тех немногих счастливых деревень, куда газеты не проникают, то нет ничего удивительного в том, что мистер Никербокер не увидел многочисленных объявлений, напечатанных по поводу его исчезновения, и что он совершенно случайно узнал об опубликовании своей «Истории».

Он выразил большое сожаление по поводу ее преждевременного появления, ибо это помешало ему внести некоторые важные поправки и изменения, а также использовать множество любопытных данных, собранных им во время путешествий вдоль берегов озера Таппан и во время пребывания в Хэверстроу и Эзопусе.

Сочтя, что теперь больше не было настоятельной необхо-

димости в его возвращении в Нью-Йорк, он продолжил путешествие, вознамерившись посетить своих родственников в Скагтикоке. По дороге туда он остановился на несколько дней в Олбани – в городе, к которому он, как известно, питал большое пристрастие. Он нашел там, однако, большие перемены и был очень опечален новшествами и улучшениями, вводимыми янки, и связанным с этим постепенным исчезновением добрых старых голландских обычаев. Ему было, конечно, известно, что захватчики вводят такие перемены по всей стране, причиняя исконным голландским поселенцам большие неприятности и огорчения устройством на дорогах застав для взимания пошлин и постройкой сельских школ. Говорят также, что мистер Никербокер скорбно покачал головой при виде постепенного разрушения величественного Вандерхейденского дворца и пришел в сильное негодование, заметив, что старинная голландская церковь,[508] которая в предыдущее его посещение еще стояла посреди улицы, теперь была снесена.

Так как молва об «Истории» мистера Никербокера достигла даже Олбани, то местные почтенные бюргеры оказали ему весьма лестное внимание; некоторые из них, впрочем, отметили несколько очень серьезных ошибок, допущенных им, в частности, в том месте его труда, где он писал о куске сахара, который подвешивали в Олбани над чайными стола-

[508] …старинная голландская церковь… – одна из достопримечательностей Олбани, описанная также в романе Дж. Ф. Купера «Сатанстоу».

ми, ибо этот обычай, уверяли они его, уже несколько лет как прекратил свое существование. Кроме того кое-какие семейства обиделись, что их предки не были упомянуты в его труде, и очень завидовали тем своим соседям; которые удостоились такого отличия; что касается последних, то, надо сознаться, они чрезвычайно гордились указанным обстоятельством, рассматривая эти упоминания как письменное свидетельство их знатности, подтверждающее их притязания на древность рода, – что в нашей республиканской стране является предметом немалых забот и тщеславия.

Рассказывают также, что к нему очень благосклонно и любезно отнесся губернатор, как-то пригласивший его к себе на обед и несколько раз на глазах у всех обменявшийся с ним рукопожатиями при встречах на улице. Это, конечно, кое-что да значило, принимая во внимание их разногласия в политике. Действительно, один из близких друзей губернатора, кому тот мог откровенно высказывать свое мнение по таким вопросам, уверял нас, что губернатор в душе питал к нашему автору искреннее расположение; больше того, он однажды дошел до того, что заявил, притом во всеуслышание и у себя за столом, сразу после обеда, что «Никербокер весьма благонамеренный старый джентльмен и отнюдь не глуп». На основании этого многие сочли возможным высказать предположение, что, придерживайся наш автор иных политических взглядов и пиши он в газетах, вместо того, чтобы тратить свои дарования на исторические сочинения, он мог бы за-

нять какое-нибудь почетное и выгодное положение, возможно, стал бы нотариусом или даже мировым судьей.

Наряду с уже упомянутыми почестями и любезностями мистер Никербокер встретил также весьма ласковый прием со стороны олбанских ученых, в частности, мистера Джона Кука, который очень радушно принимал его у себя в библиотеке-читальне, где они попивали минеральную воду[509] и беседовали о древних писателях. Мистер Кук пришелся ему по душе, так как занимался серьезными учеными разысканиями и был неутомимым собирателем книг. При расставании мистер Кук подарил ему в знак дружбы два самых старинных труда из своего собрания; это были первое издание Гейдельбергского катехизиса[510] и знаменитое описание Новых Нидерландов Адриана Вандердонка.[511] Последний из них мистер Никербокер широко использовал в этом втором издании.

Очень приятно проведя некоторое время в Олбани, наш автор продолжил свой путь в Скагтикок, где, надо отдать

---

[509] …минеральную воду… – В английском тексте – Spa, название модного в XVIII в. курорта в Бельгии, ставшее нарицательным для обозначения минеральной воды.

[510] …первое издание Гейдельбергского катехизиса. – Памятник литературы Реформации, Гейдельбергский катехизис опубликован 19 января 1563 г. и позднее переводился с немецкого на многие языки мира.

[511] Вандердонк, Адриан (ум. 1655) – голландский историк и правовед. Приехал в Америку в 1641 г. Автор книг «Отчет о Новой Голландии» (Гаага, 1650) и «Описание современного состояния Новой Голландии» (1655).

справедливость, его приняли с распростертыми объятиями и отнеслись к нему с изумительной любовью. Его родственники взирали на него с большим почтением, ибо он был первым историком в их семье; он был, по их мнению, почти таким же великим человеком, как и его двоюродный брат, член конгресса, с которым, к слову сказать, он окончательно помирился и стал крепко дружить.

Все же, несмотря на доброту родственников и их большую заботу о его удобствах, старый джентльмен вскоре стал испытывать беспокойство и досаду. После того, как издали его «Историю», у него не было больше предметов для размышлений и не было никаких планов, которые пробуждали бы в нем надежды и ожидания. Для человека столь деятельного ума такое положение было поистине прискорбным, и не отличайся он непоколебимой нравственностью и твердыми привычками, возникла бы большая опасность, что он ударится в политику или в пьянство – два гибельных порока, которым, как мы ежедневно видим, люди начинают предаваться просто от хандры и безделья.

Правда, он иногда занимался тем, что подготавливал второе издание своей «Истории», в котором намеревался уточнить и улучшить ряд не нравившихся ему мест и исправить вкравшиеся ошибки. Он ведь так жаждал, чтобы его труд был образцом достоверности, и впрямь являющейся душой и телом истории. Но огонь вдохновения иссяк, многие места, которые он хотел было изменить, ему пришлось оставить

нетронутыми и, даже внеся поправки, он как будто оставался в сомнении, улучшают ли они его сочинение или ухудшают.

Прожив некоторое время в Скагтикоке, он загорелся желанием вернуться в Нью-Йорк, к которому всегда относился с самой нежной любовью; не просто потому, что это был его родной город, а потому, что действительно считал его наилучшим городом во всем мире. По возвращении он полностью насладился преимуществами положения всеми признанного писателя. Ему постоянно докучали просьбами написать объявление, прошение, рекламный листок и тому подобные произведения; и хотя он никогда не имел дела с журналами, ему приписывали бесчисленные заметки и сатирические очерки, публиковавшиеся на всякие темы и с самых различных точек зрения; во всех этих статьях его авторство с несомненностью устанавливали «по стилю».

Он сильно задолжал на почте за многочисленные письма, которые получал от авторов и типографщиков с просьбами подписаться на их издания, все благотворительные общества обращались к нему за ежегодными взносами, и он охотно их платил, так как считал эти обращения для себя лестными. Однажды его пригласили на большой банкет и дважды назначали присяжным на заседания мирового суда. Поистине он стал до того знаменит, что не мог, как прежде, беспрепятственно бродить незамеченным повеем городским закоулкам, где ему вздумается, и несколько раз, когда он в своей треуголке и с палкой в руке прогуливался по улицам, за-

нимаясь обычными наблюдениями, мальчишки кричали ему вслед: «Вот идет Дидрих!», чему старый джентльмен, по-видимому, весьма радовался, расценивая эти приветствия как знак признания грядущих поколений. Одним словом, если мы примем в соображение все эти многообразные почести и отличия, вместе с восторженно хвалебной статьей, напечатанной в «Портфеле»[512] (которая, как нам рассказывали, настолько взволновала старого джентльмена, что он на несколько дней слег), то придется признать, что немногим авторам довелось при жизни получить столь славное воздаяние или так полно заранее насладиться своим собственным бессмертием.

По возвращении из Скагтикока мистер Никербокер поселился в маленьком деревенском домике, который находился в родовых владениях Стайвесантов и который они подарили ему в благодарность за почетное упоминание об их предке. Дом был премило расположен вблизи от мыса Корлеарс-Хук на краю одного из соленых болот, по правде говоря, время от времени затопляемых и летом кишащих комарами, но в остальном очень приятных и дающих обильные укосы соленой травы и камыша.

Там, к сожалению, добрый старый джентльмен опасно заболел лихорадкой, вызванной соседством болот. Почувствовав приближение конца, он привел в порядок свои зем-

[512] «Портфель» – американский журнал, издававшийся федералистом Джозефом Денни в Филадельфии с 1801 г. Выходил по 1827 г.

ные дела, завещав основную часть своего имущества «Нью-Йоркскому Историческому обществу», Гейдельбергский катехизис и сочинение Вандердонка – городской библиотеке, а седельные мешки – мистеру Хендесайду. Он простил всем своим врагам, иначе говоря, всем, кто питал вражду к нему, ибо сам он, по его словам, умирал, полный расположения ко всем людям. Затем он продиктовал несколько ласковых писем своим родственникам в Скагтикоке, а также некоторым из наших самых известных горожан голландского происхождения и скончался на руках своего друга библиотекаря.

По высказанному им желанию его похоронили на кладбище при церкви святого Марка, рядом с останками его любимого героя Питера Стайвесанта, и ходят слухи, что «Историческое общество» предполагает поставить ему деревянный памятник на площади Боулинг-Грин.

II

ИЗ ГЛАВЫ IV КНИГИ ВТОРОЙ ИЗДАНИЯ 1812 года

(После абзаца, кончающегося словами: «…найдет доступ к его рассудку».)

Добрый Олоф[513] разместил отряд на флотилии из трех лодок и поднял свой флаг на борту маленькой круглой голландской шлюпки, по форме имевшей немалое сходство с лоханью и прежде бывшей корабельной шлюпкой «Гуде вроу». Итак, погрузившись, наши путешественники простились с глазевшей на них толпой, которая стояла на берегу и продолжала кричать им вслед даже после того, как ее криков уже нельзя было услышать, желая им счастливого плавания, советуя хорошенько заботиться о себе, не утонуть и напутствуя множеством других мудрых и бесценных предостережений, которыми остающиеся на суше обычно снабжают тех, кто отваживается совершить путешествие по океану. А тем временем наши мореплаватели быстро двигались вперед по

[513] Ван-Кортландт, Олоф (1600–1684) – голландский купец, мэр Нью-Йорка.

прозрачной глади бухты и вскоре оставили за собой зеленые берега древней Павонии.

Первую стоянку они сделали у двух островков, лежащих почти напротив Коммунипоу; говорят, они появились во время великого разлива Гудзона, когда он прорвался сквозь Хайлендс и проложил себе путь к океану. Ибо, как рассказывают, разбушевавшаяся водная стихия оторвала от гор множество огромных каменных глыб с покрывавшей их почвой и стремительная река увлекла их с собой на шестьдесят, семьдесят миль, где некоторые из них застряли на отмелях как раз напротив Коммунипоу и образовали те самые острова, о которых идет речь, между тем как другие были вынесены в океан и от них не осталось никаких следов. Убедительным доказательством правильности этих утверждений служит то, что горная порода, образующая основание островов, ничем не отличается от горной породы Хайлендса; больше того, один из наших естествоиспытателей, который тщательно сравнивал форму соответствующих поверхностей, зашел даже так далеко, что по секрету уверял меня, будто остров Виселицы первоначально был не чем иным, как бородавкой на Носу Антони.

Покинув эти чудесные островки, они затем пристали к Говернорс-Айленду, впоследствии ставшему таким грозным из-за его мрачной крепости и оскалившихся пушками батарей. Однако они ни за что не пожелали высадиться на остров, так как сильно подозревали, что он населен демонами и

духами, в те дни в изобилии водившимися во всей этой дикой языческой стране.

Как раз в это время появилась стая веселых дельфинов, которые резвились и играли, подставляя свои лоснистые бока солнцу и поднимая искрящиеся брызги соленой воды. Как только мудрый Олоф увидел их, он очень обрадовался. «Вот, если я не ошибаюсь, – воскликнул он, – хорошее предзнаменование; дельфин – жирная, привольно живущая рыба, бургомистр среди рыб; его вид говорит о довольстве, изобилии и благоденствии. Я от души восхищаюсь этой круглой, жирной рыбой и уверен, что она служит счастливым предзнаменованием успешности нашего предприятия». С этими словами он направил свою флотилию так, чтобы она двигалась вслед за рыбами-олдерменами.

Повернув круто налево, они прошли пролив, обычно называемый Истривер, то есть восточной рекой. Стремительное приливное течение, всегда ощутимое там, подхватило прекрасную лохань, на борту которой находился командор Ван-Кортландт, и понесло ее с быстротой, беспримерной для голландского судна, управляемого голландцем, вследствие чего славный командор, всю свою жизнь привыкший лишь к сонному плаванию по каналам, еще сильней убедился, что они оказались во власти какой-то сверхъестественной силы и что веселые дельфины ведут их на буксире в какую-то блаженную страну, где исполнятся все их желания и надежды.

Увлекаемые непреодолимым течением, они обогнули бур-

ный мыс, впоследствии называвшийся Корлеарс-Хук, и, оставив справа бухточку Уоллаэбаут с сильно изрезанными берегами, где теперь находит себе пристанище наш младенческий флот, вышли на величавый водный простор, окруженный прелестными берегами, зелень которых весьма радовала глаз. Когда путешественники осматривались вокруг, любуясь тем, что они сочли прозрачным и солнечным озером, они увидели вдали толпу раскрашенных дикарей, усердно занимавшихся рыбной ловлей и казавшихся скорей духами этих романтических мест. Их утлый челнок слегка покачивался, как перо, на волнующейся поверхности бухты.

От такого зрелища сердца героев из Коммунипоу изрядно затрепетали от страха. Но, по счастью, на носу командирского судна находился очень отважный человек по имени Хендрик Кип (чья фамилия в переводе означает цыпленок и была дана ему в знак его храбрости). Едва он увидел этих языческих мошенников, как затрясся от чрезмерной смелости и, хотя до индейцев было добрых полмили, схватил лежавший рядом мушкетон и, отвернувшись, самым бесстрашным образом выстрелил в небо. Старинное ружье отдало и наградило доблестного Кипа подлым ударом, от которого он свалился на дно лодки, задрав вверх ноги. Но оглушительный выстрел произвел такое действие, что дикари, пораженные ужасом, быстро схватились за весла и умчались в один из глубоких заливчиков на берегу Лонг-Айленда.

Славная победа воодушевила отважных путешественни-

ков, и в честь достигнутого успеха они назвали окрестную бухту именем доблестного Кипа, и с тех пор и поныне она носит название Кипс-Бей. Сердце доброго Ван-Кортландта, который, не имея своей земли, был большим любителем чужой, преисполнилось радостью при виде роскошной, никому не принадлежавшей страны вокруг него; охваченный приятными мечтами, он в своем распаленном воображении уже видел себя владельцем обширных соленых болот, поросших травой, и бесчисленных грядок капусты. От этого сладостного видения он сразу же пробудился из-за внезапно начавшегося отлива, который быстро унес бы их от обетованной земли, если бы благоразумный мореплаватель не подал сигнала держать к берегу. Вскоре они к нему и пристали вблизи от скалистых возвышенностей Бельвью – чудесного уголка, где наши веселые олдермены едят на благо города и откармливают черепах, приносимых в жертву на муниципальных торжествах.

Там, сидя на зеленой мураве на берегу ручейка, который, сверкая, бежал среди травы, они подкрепились после утомительного плавания, основательно налегая на обильные запасы провизии, захваченные ими с собой в это опасное путешествие. Восстановив как следует свои мыслительные способности, они стали серьезно совещаться о том, что им делать дальше. Это был первый обед совета, когда-либо съеденный христианами-бюргерами в Бельвью, и там, как говорит предание, началась великая родовая распря между Хар-

денбруками и Тенбруками, впоследствии оказавшая заметное влияние на строительство города. Смелый Харденбрук, чей взор был безмерно очарован солеными болотами, окутанными туманом и простиравшимися вдоль берега у основания Кипс-Бей, советовал во что бы то ни стало вернуться туда и там основать задуманный город. Против этого резко восстал непреклонный Тенбрук, и они обменялись множеством нелюбезных слов. Подробности их спора до нас не дошли, о чем мы вечно будем сожалеть; мы знаем только, что мудрый Олоф положил конец пререканиям, решив продолжать исследования в том направлении, которое столь ясно было указано таинственными дельфинами. В результате отважный Крепкоштанник отказался от дальнейшего участия в экспедиции, завладел соседним холмом и в приступе великой ярости заселил своим потомством всю эту часть страны, где Харденбруки живут и по сей день.

Тем временем веселый Феб, как шаловливый мальчуган, резвящийся на склоне зеленого холма, начал свой путь вниз по небосводу, и так как течение снова стало благоприятным, решительные павонцы опять отдались на его волю и, двигаясь вдоль западного берега, понеслись к проливам, отделяющим Блэкуэллс-Айленд.

Здесь капризное непостоянство течения весьма удивило и привело в замешательство наших знаменитых моряков. То их захватывали игривые водовороты и, заставив обогнуть далеко выступающий мыс, увлекали в глубь какой-нибудь ро-

мантической бухточки, вдававшейся в берега прекрасного острова Манна-хаты, то они проносились у самого основания нависших скал, покрытых пышными виноградными лозами и увенчанных рощицами, бросавшими широкую тень на расстилавшуюся внизу поверхность воды; то вдруг они оказывались на середине реки, и их мчало с такой быстротой, которая весьма тревожила мудрого Ван-Кортландта; видя, как с обеих сторон земля быстро уходит назад, он стал сильно подозревать, что материк от них ускользает.

Куда ни обращали путешественники свой взгляд, перед ними, казалось, цвел новый мир. Не было никаких следов человеческой деятельности, которые нарушали бы прелесть девственной природы, обнаруживавшей здесь все свое роскошное разнообразие. Эти холмы, ныне ощетинившиеся, как сердитый дикобраз, рядами тополей (тщеславных растений-выскочек! любимцев богатства и моды!), были тогда украшены могучими местными уроженцами. Царственный дуб, благородный каштан, стройный вяз и, тут и там, лесной гигант, тюльпановое дерево, вздымали ввысь свою величественную вершину. Где теперь виднеются пышные приюты роскоши – виллы, почти скрытые в полумраке тенистых аллей, откуда томная флейта часто разносит вздохи какого-нибудь городского щеголя, там птица-рыболов строила тогда свое уединенное гнездо на сухом дереве, возвышавшемся над ее водными владениями. Робкий олень, никем не тревожимый, пасся на этих берегах, ставших ныне для влюблен-

ных местом прогулок при луне и сохранявших следы стройных ножек красавиц; дикая пустыня была даже в тех прелестных местах, где теперь возвышаются величественные башни Джонсов, Схермерхорнов и Райнлендеров.

Так, скользя в безмолвном удивлении среди нового и незнакомого ландшафта, доблестная павонская флотилия обогнула подножие мыса, смело выступавшего навстречу волнам и как бы грозившего им, когда они с шумом набегали на его основание. Это был утес, хорошо известный современным морякам под названием Грейси-Пойнт – по прекрасному одноименному замку, который он, как слон, несет на своей спине. И тут перед взором путешественников открылась дикая, разнообразная панорама, где вода и суша чудесным образом соединились, словно для того, чтобы усилить и выставить напоказ красоту каждой из них. Справа от мореплавателей находилась поросшая осокой оконечность Блэкуэллс-Айленда, одетая в свежий наряд яркой зелени; за ней тянулся прелестный Сандсуикский берег и маленькая гавань, хорошо известная под названием бухты Халлета – место, в более позднее время пользовавшееся дурной славой из-за того, что оно служило пристанищем пиратам, кишевшим в этих водах, обкрадывавшим фруктовые сады и арбузные бахчи и оскорблявшим джентльменов, когда те выходили в плавание на прогулочных лодках. Слева глубокая бухта, или скорее речка, грациозно убегала вдаль среди берегов, окаймленных деревьями и представлявших собой нечто

вроде просеки, сквозь которую виднелись лесистые районы Харлема, Моррисании и Истчестера. Там взгляд с восхищением останавливался на покрытой густыми лесами местности, перемежавшейся увенчанными рощицами холмами, тенистыми лощинами и вздымавшимися одна над другой волнистыми цепями гор. И повсюду расстилался лиловатый весенний туман, придававший всему оттенок нежной истомы.

Прямо перед ними главное течение реки, образовав крутую излучину, извивалось среди прятавшихся под сенью листвы мысов и изумрудно-зеленых берегов, которые как бы растворялись в воде. Вокруг все говорило о кротости и скромном изобилии. Солнце только что опустилось, и легкий вечерний туман, как прозрачное покрывало, накинутое на грудь девственной красавицы, усиливал полускрытые им прелести.

О, чарующие картины обманчивых обольщений! О, злополучные путешественники, с простодушным удивлением взирающие на эти берега волшебницы Цирцеи![514] Увы, таковы они – бедные, доверчивые создания, внимающие соблазнам порочного мира. Его улыбки – предательские, его ласки – гибельные! Тот, кто поддается его искушениям, оказывается во власти захлестывающего течения и вверяет свою утлую ладью зыбким струям водоворота. Так случилось и с нашими славными павонцами; не испытывая никакой трево-

[514] Цирцея – в греческой мифологии волшебница, жившая на острове Эе у берегов Италии и превратившая спутников Одиссея в свиней.

ги при виде коварной картины, расстилавшейся перед ними, они спокойно двигались вперед, пока их внимание не привлекли какие-то необыкновенные толчки и сотрясения их лодок. Теперь течение, прежде кротко струившееся, заревело вокруг них, а волны закипели и запенились с устрашающей яростью. Как бы очнувшись от сна, изумленный Олоф закричал во все горло, приказывая повернуть на другой галс, но рев воды заглушил его слова. И вот, перед взорами наших мореплавателей возникла картина ужасного смятения: их то несло со страшной скоростью среди шумных бурунов, то мчало через грохочущие пороги. Вот они едва не налетели на Курицу с Цыплятами (гнусные скалы! более прожорливые, чем Сцилла[515] и ее щенки), а сразу за тем их, казалось, грозила поглотить зияющая пучина. Все стихии объединились, чтобы привести их к страшной гибели. Волны бушевали, ветер завывал; и пока лодки стремились все дальше и дальше, некоторые моряки с удивлением увидели, как скалы и деревья на окрестных берегах летели в воздухе!

Наконец, громадную лохань командора Ван-Кортландта затянуло в чудовищный водоворот, именуемый Котлом, где она принялась вертеться в головокружительной пляске, так что славный командир и весь экипаж едва не лишились рассудка от этого ужасающего зрелища и столь необычайного кружения.

---

[515] Сциллa – в греческой мифологии чудовище, жившее на прибрежных скалах узкого морского пролива и губившее всех проплывавших мимо мореходов.

Каким образом доблестная павонская флотилия вырвалась из когтей современной Харибды, в точности никому не было известно, ибо слишком много осталось в живых очевидцев, рассказывавших о случившемся, и, что еще удивительнее, слишком по-разному они рассказывали, в результате чего об этом событии сложились самые различные мнения.

Что касается командора и экипажа его судна, то, придя в себя, они обнаружили, что их лодка была выброшена на берег Лонг-Айленда. Почтенный командор любил рассказывать множество изумительных историй о своих приключениях в эти роковые минуты, по его словам, еще более замечательных, чем приключения Улисса в проливах Харибды; ведь он видел духов, летающих в воздухе, и слышал вой чертей, а сунув руку в Котел, когда они в нем вертелись, почувствовал, что вода обжигает ее, и заметил какие-то странные на вид существа, которые сидели на скалах и огромными шумовками снимали пену с бурлящей воды; но с особым упоением он рассказывал о том, что видел, как одни из негодников-дельфинов, завлекших их в беду, жарились на Рашпере, а другие шипели на Сковороде!

Многие, впрочем, считали все эти рассказы просто плодом командорского воображения, разыгравшегося, когда он лежал, остолбенев от страха, тем более, что всем хорошо была известна его склонность к фантазиям; таким образом, их достоверность осталась навсегда под сомнением. Бесспорно,

однако, что различные легенды, связанные со столь чудесным проливом и дошедшие до нашего времени, восходят к историям, которые рассказывали Олоф и его спутники; к историям о том, как видели там дьявола, сидевшего верхом на Свиной спине и игравшего на скрипке, жарившего рыбу перед бурей, и к многим другим, которым едва ли следует придавать слишком много веры. Из-за всех описанных выше страшных обстоятельств командир павонцев назвал этот узкий пролив Хелле-Гат, или, как было истолковано впоследствии, Хелл-Гейт,[516] то есть Врата Дьявола, каковое название сохранилось до настоящего времени.

ГЛАВА V
Из книги второй, издания 1812 года

О том, как герои Коммунилоу вернулись, понабравшись ума-разума, и о том, как мудрый Олоф увидел сон и что он во сне увидел.

Мрак ночи сменил этот злосчастный день, и печальна была она для потерпевших кораблекрушение павонцев, в ушах которых не переставали звучать шум разбушевавшихся сти-

[516] Хелл-Гейт – на эту тему Ирвинг написал впоследствии рассказ «Врата дьявола», открывающий четвертую часть («Кладоискатели») «Рассказов путешественника» (1824).

хий и вой чертей, кишевших вокруг коварного пролива. Но когда занялось утро ужасы миновавшей ночи кончились; пороги, буруны, водовороты исчезли, река снова спокойно текла, подернутая легкой рябью. Прилив сменился отливом, и Гудзон тихо катил свои воды назад, туда, где находился дом наших мореплавателей, о котором они вспоминали с таким сожалением.

Удрученные горем герои Коммунипоу печально смотрели друг на друга; последнее несчастье окончательно рассеяло их флотилию. Часть моряков была выброшена на западный берег; там они, предводительствуемые неким Рюлефом Хоппером, вступили во владение всей страной, лежавшей вокруг столба, который отмечал шестую милю от Нового Амстердама; она и теперь, когда пишутся эти строки, находится в собственности Хопперов.

Волдронов непогода занесла на дальний берег. Так как у них был с собой кувшин настоящей голландской водки, то им удалось там снискать дружбу дикарей, открыв нечто вроде таверны, положившей, как говорят, начало доброму городу Харлему, где их потомки поныне преуспевают как почтенные трактирщики. Что касается Сой-Дамов, то они были выброшены на берег Лонг-Айленда; в тех краях их и теперь можно найти. Но особенно повезло великому Десятиштанному, который, упав за борт, чудесным образом спасся и не утонул благодаря обилию нижнего белья. Всплыв на поверхность, он, как тритон, носился по волнам, пока благополучно

не вылез на скалу, где его наутро нашли, занятого просушиванием на солнце своих многочисленных штанов.

Не стану останавливаться на долгих совещаниях наших искателей приключений, на том, как они решили, что проку не будет, если они построят город в этих дьявольских краях, как, наконец, они со страхом и трепетом снова отважились доверить свою судьбу морской стихии и взяли курс назад, на Коммунипоу. Достаточно попросту сказать, что, вернувшись тем же путем, каким они шли накануне, они в конце концов увидели южную оконечность Манна-хаты и различили вдали свой любимый Коммунипоу.

И тут их остановило упорное встречное течение, с которым измученные моряки не в силах были справиться. Усталые и приунывшие, они больше не могли бороться с приливом, или, скорее, как скажут иные, со старым Нептуном, который, стремясь привести их к тому месту, где должна была быть основана его твердыня в Западном полушарии, послал десяток могучих валов, выкинувших лохань командора Ван-Кортландта на берег Манна-хаты.

После того, как наши мореплаватели, отчасти с помощью сверхъестественной силы, очутились на этом чудесном острове, они первым делом развели костер у подножия толстого дерева, стоявшего на том месте, что теперь называется Батареей. Затем, собрав множество устриц, в изобилии валявшихся на берегу, и выложив содержимое своих котомок, они приготовили и съели роскошный обед совета. Было отмече-

но, что почтенный Ван-Кортландт воздавал должное еде с особым рвением; так как все заботы об экспедиции были поручены ему, то он считал себя обязанным обильно есть на благо общества. По мере того, как он насыщался лежавшими перед ним лакомыми кушаньями, его душа достойного бюргера наполнялась радостью; казалось, он вот-вот переполнится и задохнется от хорошей еды и хорошего настроения. А когда душа у человека радуется, он охотней, конечно, высказывает все, что на ней лежит, и слова его исполнены доброты и товарищеских чувств. Итак, почтенный Олоф проглотил последний кусок, который мог еще в него влезть, запил его горячительным, почувствовал, как сердце его тает от нежности и все тело словно распирает от безграничного благодушия. Все вокруг казалось ему прекрасным и восхитительным; сложив руки на своем объемистом животе и медленно окидывая взглядом полузакрытых глаз чудесную картину суши и воды, которые расстилались перед ним в великолепном разнообразии, он воскликнул хриплым сдавленным голосом: «Какой очаровательный вид!». Слова замерли у него в горле; несколько мгновений он как будто размышлял о прелестном зрелище, затем веки его плотно сомкнулись, он уронил голову на грудь, медленно опустился на зеленую траву и постепенно погрузился в глубокий сон.

И мудрый Олоф увидел сон… Смотрите, добрый святой Николай приехал, промчавшись над вершинами деревьев в той самой тележке, в которой он каждый год развозит детям

подарки; он приехал и опустился как раз там, где недавно пиршествовали наши герои из Коммунипоу. И догадливый Ван-Кортландт узнал его по широкой шляпе, длинной трубке и по сходству с фигурой, стоявшей на носу «Гуде вроу». И святой Николай закурил трубку от костра, и сел, и начал курить; и когда он курил, дым от его трубки поднимался в воздух и клубился облаком над головой. И мудрый Олоф вспомнил все и поспешил влезть на верхушку одного из самых высоких деревьев, и увидел, что дым расстилается над большим пространством; он стал приглядываться внимательней, и ему показалось, что огромные столбы дыма принимают различные чудесные очертания. В густом мраке перед ним вырисовывались тени дворцов и куполов и величественных шпилей, которые появлялись на мгновение и вновь пропадали, пока дым не рассеялся и не осталось ничего, кроме зеленого леса. И когда святой Николай докурил трубку, он засунул ее за ленту своей шляпы и, приставив палец к носу, бросил на пораженного Ван-Кортландта весьма многозначительный взгляд; затем, усевшись в свою тележку, он снова поднялся над вершинами деревьев и исчез.

И Ван-Кортландт проснулся просветленный, и разбудил спутников, и рассказал им свой сон. Он истолковал его в том смысле, что святой Николай изъявил желание, чтобы они обосновались и построили город именно здесь; а дым от трубки был символом того, каким огромным предстоит стать городу, ибо клубы дыма из его труб будут расстилаться над

широкими просторами страны. И все в один голос согласились с этим толкованием, кроме мингера Тенбрука, заявившего, будто сон Олофа означает, что в этом городе от маленького огня будет много дыма, иначе говоря, что это будет очень хвастливый маленький город. И оба предсказания, как это ни странно, сбылись.

Благополучно достигнув таким образом великой цели, ради которой было предпринято столь опасное путешествие, наши мореплаватели весело вернулись в Коммунипоу, где их встретили с большой радостью. Созвав собрание всех мудрых людей и должностных лиц Павонии, они рассказали о своем плавании и о сне Олофа Ван-Кортландта. И народ вознес свои голоса и благословил доброго святого Николая; и с этого времени к мудрому Ван-Кортландту за его великий дар сновидений стали относиться с еще большим уважением, нежели прежде, и его провозгласили самым полезным гражданином и поистине превосходным человеком – когда он спит.

III
АПОЛОГИЯ АВТОРА

Публикуемое ниже произведение, которое сперва было задумано просто как ни к чему не обязывающая jeu d'esprit,[517] мы начали вместе с моим братом, покойным Питером Ирвингом, эсквайром. Мы намеревались написать пародию на маленькую справочную книгу, незадолго до того изданную под названием «Картина Нью-Йорка».[518] Как и она, наше произведение должно было начаться историческим обзором; вслед за ним мы собирались дать очерки нравов и обычаев города, выдержанные в полусерьезном, полушутливом духе и описывающие с добродушной насмешкой местные заблуждения, чудачества и странности.

Чтобы высмеять педантическую ученость, проявляемую в некоторых американских трудах, мы собирались начать исторический обзор с сотворения мира и наложили контрибуцию на самые различные сочинения, черпая из них избитые цитаты, как идущие, так и не идущие к делу, чтобы придать нашей книге надлежащий вид научного исследования. Прежде чем эта сырая масса шутливой учености приняла

---

[517] Игра ума (франц.).

[518] «Картина Нью-Йорка» – имеется в виду книга Сэмюела Митчела «Картина Нью-Йорка, или Путеводитель пг торговой столице Соединенных Штатов», изданная в Нью-Йорке в 1807 г.

определенную форму, мой брат уехал в Европу и мне предстояло одному продолжить начатое дело.

Теперь я изменил план сочинения. Отказавшись полностью от мысли создать пародию на «Картину Нью-Йорка», я решил, что первоначально задуманный нами вводный очерк составит содержание всего сочинения, которое будет представлять собой шутливую историю нашего города. Всю массу цитат и справочных сведений я уложил соответственно во вступительные главы, образующие первую книгу; вскоре, однако, мне стало ясно, что, как Робинзон Крузо с его лодкой, я начал работу не по плечу и что для успешного завершения моей истории я должен сократить ее размеры. Поэтому я решил ограничиться эпохой голландского владычества, в возникновении, развитии и падении которого мы имеем то единство сюжета, какого требует классическое правило. К тому же это была эпоха, в то время являвшаяся для истории terra incognita.[519] Я был поистине изумлен, обнаружив, сколь немногие из моих сограждан были осведомлены, что Нью-Йорк когда-то назывался Новым Амстердамом, или слышали имена его первых голландских губернаторов или хоть чуточку интересовались своими далекими голландскими предками.

И тут я неожиданно понял, что то была поэтическая эпоха в жизни нашего города, поэтическая по самой своей туманности, и, подобно далеким и туманным дням древнего Ри-

[519] Неизвестная земля (лат.).

ма, представляющая широкие возможности для всяческих украшений, обычных в героическом повествовании. Я приветствовал родной город как самый счастливый из всех американских городов, ибо его старина восходит к сомнительным, баснословным временам: не думал я также, что совершаю тяжкий исторический грех, с помощью собственных домыслов истолковывая кое-какие факты из той далекой и забытой эпохи, которые мне удалось установить, или же наделяя характерными чертами связанных с ними людей, чьи имена я смог спасти от забвения.

Конечно, я рассуждал как молодой и неопытный писатель, одурманенный собственной фантазией, и мое самонадеянное вторжение в эту священную, хотя и остававшуюся в пренебрежении, область истории встретило заслуженное порицание со стороны людей более трезвого ума. Впрочем, поздно теперь звать обратно столь опрометчиво выпущенную стрелу. Всем, кому это покажется неуместным, я могу лишь сказать вместе с Гамлетом:

> Прошу во всеуслышанье, при всех
> Сложить с меня упрек в предумышленьи.
> Пусть знают все: я не желал вам зла.
> Ошибкой я пустил стрелу над домом
> И ранил брата.[520]

[520] …И ранил брата – В. Шекспир. Гамлет, V, 2 (пер. Б. Пастернака).

В качестве еще одного довода в оправдание моего труда скажу следующее: если в нем я недопустимо вольно обошелся с ранней эпохой в истории нашей провинции, зато он, по крайней мере, привлек внимание к этому периоду и побудил к исследованиям. Только после появления этой книги принялись рыться в забытых архивах; факты и лица старого времени, от которых отряхнули пыль забвения, заняли то место, какое они на самом деле заслуживали.

Основная задача моего труда отнюдь не совпадала с серьезными целями исторического исследования, но поэтические умы, я надеюсь, воспримут ее с некоторым снисхождением. Дело шло о том, чтобы облечь предания о нашем городе в забавную форму, показать местные нравы, обычаи и особенности, связать привычные картины и места и знакомые имена с теми затейливыми, причудливыми воспоминаниями, которыми так небогата наша молодая страна, но которые составляют очарование городов Старого Света, привязывая сердца их уроженцев к родине.

Я имею основание думать, что в этом мне удалось добиться некоторого успеха. До появления моего произведения народные предания, касающиеся нашего города, были забыты; на своеобразные, ни с чем не сравнимые нравы и обычаи, сохранившиеся от наших голландских предков, не обращали внимания, или же к ним относились с полным безразличием, а то и с насмешкой. Теперь они стали общим достоянием и приводятся по любому случаю; они объединяют все наше

общество, вызывая веселое расположение духа и пробуждая дух товарищества, на них зиждется чувство родины, они служат приправой на городских празднествах, основой местных выдумок и шуток, ими так усердно пользуются авторы популярных романов, что из страны легенд, которая была впервые исследована мною, я оказался почти вытесненным толпой тех, кто бросился по моим следам.

Я останавливаюсь на этом по той причине, что при первом издании моего труда его цели и намерения были неправильно поняты некоторыми потомками голландских прославленных героев, а также потому, что, как мне стало ясно, и теперь время от времени могут найтись люди, которые посмотрят на него придирчивым взглядом. Льщу себя, однако, надеждой, что большинство читателей воспримет мои добродушные картинки в том самом духе, в каком они были выполнены. И когда по прошествии почти сорока лет я вижу, что мое случайное юношеское произведение все еще пользуется горячей любовью, когда я вижу, что само его название стало «домашним словом» и придает отпечаток домашности всему, требующему народного признания – в таких сочетаниях, как Никербокеровские общества, Никербокеровские страховые компании, Никербокеровские пароходы, Никербокеровские омнибусы, Никербокеровский хлеб и Никербокеровское мороженое, – и когда я вижу ньюйоркцев голландского происхождения, гордящихся тем, что они «истинные Никербокеры», я с радостью убеждаюсь, что попал в точку

и мой взгляд на доброе старое голландское время, на нравы и обычаи, дошедшие с той поры, соответствует чувствам и настроениям моих сограждан, что я пробудил приятные воспоминания о милых сердцу чертах, характерных для моего родного города, которым его жители не дадут, поскольку это от них зависит, вновь погрузиться в забвение, и что даже тогда, когда появятся другие исторические труды о Нью-Йорке, преследующие с точки зрения ученых знатоков более высокие цели, и займут почетное и заслуженное место на полках домашних библиотек, все же к Никербокеровской истории по-прежнему будут относиться с веселой снисходительностью, будут перелистывать ее и смеяться над ней, читая ее вслух у семейного очага.

В. И. Саннисайд, 1848 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Н. Николюкин «История Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга

Осенью 1809 г. в одной из вечерних нью-йоркских газет появилось объявление: «Маленький пожилой джентльмен в старом черном кафтане и треуголке по имени Никербокер некоторое время тому назад покинул свое жилище, и с тех пор о нем нет никаких известий. Поскольку есть основания считать, что он не совсем в здравом уме, его отсутствие вызывает большое беспокойство. Любое известие о нем будет с благодарностью принято в гостинице «Колумбия» на Малбери-стрит или в редакции газеты».

Несколько газет штата Нью-Йорк перепечатали сообщение о розысках несчастного Никербокера, а вскоре в той же газете «Ивнинг пост», уведомившей жителей Нью-Йорка об исчезновении Никербокера, появилось свидетельство некоего путешественника, что он видел похожего по описанию старичка, отдыхавшего на краю дороги, которая ведет из города на север.

Наконец, через три недели хозяин почтенной нью-йоркской гостиницы, где оставил свои вещи пропавший без ве-

сти старичок, публикует в газете уведомление, что если тот не вернется, то он в покрытие неоплаченного счета должен будет продать «весьма любопытную рукописную книгу, которая осталась в номере Никербокера».

И вот 6 декабря газета «Американ ситизен» объявила о выходе в свет «истории Нью-Йорка, написанной Дидрихом Никербокером». Едва ли кто из современников мог подозревать, что все это было ловко разыгранной мистификацией. Ведь в поисках исчезнувшего старого джентльмена принимало участие немало простодушных жителей Нью-Йорка!

Так появилась эта блестящая политическая сатира на современную Америку, юношеская буффонада молодого Ирвинга, заставившая смеяться весь Нью-Йорк. Когда авторство Вашингтона Ирвинга раскрылось, одна старая леди сказала, что она охотно выпорола бы сочинителя, а сам писатель в старости вспоминал об этой книге как о «невероятно дерзкой и бесстыдной вещи».

В 1812 г. выходит второе, в 1819 г. – третье, в 1824 г. – еще одно издание книги. «История Нью-Йорка» приобретает известность. Ее переиздают в Лондоне (1820), в Париже (1824), переводят на немецкий (1825), французский (1827), шведский (1827) языки. Ее хвалят многочисленные рецензенты газет и журналов. Один из них пишет: «Если Стерн прав, говоря, что каждый раз, когда человек смеется, он вытаскивает гвоздь из своего гроба, то после прочтения этой книги Ирвинга ваш гроб наверняка рассыплется на кус-

ки».[521]

Вальтер Скотт хохочет в своем Абботсфордском замке, читая «Историю Нью-Йорка», которая напоминает ему то Свифта, то Стерна. Единственное, о чем сожалеет сэр Вальтер, – это о своем незнании американских партий и политики, затрудняющее понимание «скрытой сатиры произведения». Байрон вспоминает героев «Истории Нью-Йорка» в своих письмах из Италии.[522]

Не менее лестны по-своему были и отзывы противников Ирвинга. Известный в то время правовед и историк, автор теологических трактатов Дж. Верпланк, предков которого Ирвинг высмеял столь непочтительно, заявил, выступая в «Нью-Йоркском историческом обществе»: «Горестно видеть, как ум, наделенный таким тонким чувством прекрасного и таким живым ощущением юмора, растрачивает свое пылкое воображение на неблагодарную тему, свой буйный юмор на грубую карикатуру».[523]

Хотя Ирвинг по-юношески легко отнесся к суровой критике присяжных историков и к фамильным обидам Верпланка, со временем, однако, писатель настолько изменился, что стал приглаживать первоначальный текст. Полвека прижиз-

---

[521] Pierre M. Irving. The Life and Letters of Washington Irving, vol. I. Philadelphia, Lippincott, 1871, p. 175.

[522] Byron. The Works, Letters and Journals. Ed. by R. E. Prothero, vol. V. London, 1901, p. 341.

[523] Pierre M. Irving. Op. cit., p. 176.

ненных публикаций книги Ирвинга – это печальная история постепенного смягчения наиболее острых и «дерзких» мест, отражающая превращение бунтарски настроенного юноши в степенного и благонамеренного литератора, «образец умеренности», как именует его в заглавии своей книги один современный американский критик.

С каждым новым авторским переизданием из книги уходило что-то живое, юношески-обаятельное. Пятьдесят лет, целую жизнь прожил с этой книгой Ирвинг, и она была для него подобно тому меняющемуся портрету, который хранил у себя Дориан Грей в знаменитом романе Оскара Уайльда. Разница заключалась лишь в том, что Дориан Грей ревниво оберегал свой портрет от взоров людей, а Вашингтон Ирвинг каждое новое десятилетие охотно выставлял свой на обозрение читающей публики.

В этих многочисленных переработках первоначального текста Ирвинг приглушил антиклерикальное звучание, сократил некоторые места, исполненные раблезианской жизнерадостности и стернианского юмора, привел книгу в тот вид, который был приемлем для добропорядочного буржуазного читателя. Даже ироническое посвящение книги «Нью-Йоркскому историческому обществу» оказалось снятым в последующих изданиях.

«История Нью-Йорка» – литературный памятник раннего периода американской прозы, когда еще не появились исторические романы Купера и Симмса, когда не было новелли-

стики Эдгара По и Готорна, когда, наконец, сам Ирвинг еще не написал рассказов, закрепивших за ним славу создателя романтического стиля в американской прозе. Текст «Истории» 1848 г., вошедший в собрание сочинений Ирвинга и неоднократно затем перепечатывавшийся, создавался писателем в годы, когда американский романтизм окончательно сформировался как идейно эстетическое направление в искусстве. Этот текст сам по себе уже перестает быть исключительным по своей свежести и необычности событием литературы США первого десятилетия XIX в. и отражает определенные тенденции позднего творчества Ирвинга, ставшего свидетелем новых веяний в американской литературе, европейских революций 1848 г. и движения аболиционизма, охватившего Америку перед Гражданской войной.

Поэтому настоящий русский перевод, вопреки обычным правилам, сделан не с последнего прижизненного издания, а с первого издания «Истории Нью-Йорка», вышедшего в 1809 г.

Изданию 1848 г. Ирвинг предпослал особую «Апологию автора», в которой рассказывал, как была создана эта книга (см. Дополнения, III). Вместе с братом он задумал написать пародию на только что вышедший справочник некоего Сэмюеля Митчела «Картины Нью-Йорка» (1807). Уже в самом многословном названии книги Ирвинга содержится пародия на ученые трактаты. Однако в ходе работы замысел изменился, и пародия превратилась в сатирический памфлет.

«Старый голландский Нью-Йорк становился под пером «историка»-сатирика, – пишет А. А. Елистратова, – прототипом всего американского общества в его прошлом и настоящем».[524]

Написанная от имени мифического Дидриха Никербокера, этого воплощения старой патриархальной Америки колониального периода, «История Нью-Йорка» представляет собой в то же время романтическую поэтизацию американской старины. Ирвинг рассказывает, как он был изумлен, обнаружив, что лишь немногим из его сограждан было известно, что Нью-Йорк когда-то был голландской колонией и назывался Новым Амстердамом. «И тут я неожиданно понял, – продолжает он, – что то была поэтическая эпоха в жизни нашего города, поэтическая по самой своей туманности, и, подобно далеким и туманным дням древнего Рима, представляющая широкие возможности для всяческих украшений, обычных в героическом повествовании».

Так возник замысел «облечь предания о нашем городе в забавную форму, показать местные нравы, обычаи и особенности, связать привычные картины и места и знакомые имена с теми затейливыми, причудливыми воспоминаниями, которыми так небогата наша молодая страна, но которые составляют очарование городов Старого Света, привязывая сердца их уроженцев к родине» («Апология автора»).

---

[524] «История американской литературы», т. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 118.

Прием «найденной рукописи», – столь удачно использованный Ирвингом во вступительном очерке к книге, не был новинкой в литературе. Джонатан Свифт, один из любимых писателей Ирвинга, и Даниэль Дефо уже использовали его, а первый американский романист Чарлз Брокден Браун в предисловии к своему роману «Виланд» (1798) уверяет читателей, что публикует письма леди Клары к друзьям о роковых событиях, свидетельницей которых она стала.

Но особенно популярным сделался этот прием после ирвинговской «Истории Нью-Йорка» и романов Вальтера Скотта. Уже в 1824 г. Джеймс Фенимор Купер в предисловии к задуманной им серии романов об истории Соединенных Штатов писал: «Автор торжественно заявляет прежде всего, что никакой неведомый человек не умирал по соседству с ним и не оставлял бумаг, которыми автор законно или незаконно воспользовался. Никакой незнакомец с мрачною физиономией и молчаливым нравом, вменивший себе молчание в добродетель, никогда не вручал ему ни единой исписанной страницы. Никакой хозяин гостиницы не давал ему материалов для этой истории, чтобы выручкою за использование их покрыть долг, оставшийся за его жильцом, умершим от чахотки или покинувшим сей бренный мир с бесцеремонным забвением последнего счета, то есть издержек на его похороны».[525]

---

[525] J. F. Cooper. Representative Selections. Ed. by R. E. Spiller. N. Y., American Book Company, 1936, p. 287.

Тем не менее художественный прием «найденной рукописи» еще долгие годы оставался в американской литературе. Популярность книги Ирвинга вызвала в 20-е годы подражания. Так появилась в 1824 г. анонимная история расположенного рядом с Нью-Йорком города Ньюарка, автором которой значился Дидрих Никербокер младший («The Manuscript of Diedrich Knickerbocker, Jun.» N. Y., 1824). В 1850 г. Натаниел Готорн во вступительном очерке к роману «Алая буква» уверяет, что нашел среди бумаг давно умершего таможенного надзирателя Джонатана Пью историю Бостона XVII в. и разыгравшейся там трагедии. Так дух неугомонного Дидриха Никербокера, автора романтических историй о далеком прошлом своей родины, вновь воскрес, на этот раз под именем достопочтенного мистера Пью.

Склонность к мистификации не покидала Ирвинга и позднее. Свою «Хронику завоевания Гренады» (1829) он выпустил под псевдонимом монаха-летописца Антонио Агапида, этого испанского Никербокера, воплотившего в себе дух рыцарства и веру средневекового фанатика.

Академик М. П. Алексеев отмечает, что в начале XIX в. мотив «находки рукописей» был в повсеместном употреблении, то в серьезных, то в сатирических целях, то просто ради повышения занимательности повествования. В предисловии к роману «Монастырь» В. Скотт не без иронии указывал на неумеренное употребление подобной завязки в повествованиях, лишающее их в конце концов правдоподобия

и слишком отзывающееся традиционной схемой, готовым штампом.[526]

* * *

За два года до «Истории Нью-Йорка» и в том самом году, когда начали печататься первые очерки из сатирической серии «Салмаганди»,[527] выпускаемой Ирвингом, его старшим братом Вильямом и будущим известным американским писателем Джеймсом Полдингом, появилась обширная поэма

---

[526] «Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских рукописных собраний». Под ред. М. П. Алексеева. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 75.

[527] Обычно принято считать, что образцом для этого первого литературного произведения Ирвинга, печатавшегося первоначально в виде журнала (всего вышло 20 номеров с 24 января 1807 г. по 25 января 1808 г.), послужили журналы Аддисона и Стиля, издававшиеся в начале XVIII в. Однако существуют и более близкие прототипы. Так, английские демократы Лондонского корреспондентского общества издавали в годы французской революции журнал, состоящий также из сатирических очерков и стихов, в названии которого тоже фигурировало слово «Салмаганди» («винегрет», «смесь», «всякая всячина»). Этот популярный в конце XVIII в. еженедельник назывался «Политика для народа, или Салмаганди для свиней» (1793–1795) и выдержал несколько переизданий, хотя его издатель и подвергался судебным преследованиям со стороны властей за резкую критику существующего в Англии государственного строя. Членом Лондонского корреспондентского общества был американский поэт Джоэл Барло, содействовавший связям английских и американских демократов. Когда в 1805 г. он вернулся в США, его дом стал местом постоянных встреч литераторов. Здесь молодые авторы «Салмаганди» могли познакомиться с английским журналом того же названия.

Джоэла Барло «Колумбиада» (1807). Поэт, участник американской революции, хотел воспеть историю молодого государства, за свободу которого он сражался. Еще в 1787 г., воодушевленный идеей создания американского национального эпоса, он опубликовал поэму «Видение Колумба», в которой изображает индейцев и ранние поселения белых колонистов Северной Америки в руссоистском духе.

В своем стремлении создать американский национальный эпос Барло, как и другие авторы подобных и ныне забытых героических эпопей, появлявшихся в годы американской революции, обратился к эпическому опыту европейских литератур. С эпической поэмы «Растущая слава Америки» (1772) начинал и «отец американской поэзии» Филипп Френо.

Литературная борьба тех лет знает, однако, не только героические эпопеи, но и комические пародии на них. Исторический материал подвергался в них ироническому переосмыслению. Эта традиция в сочетании с юмористическими буффонадами молодого Ирвинга, увлекавшегося книгами Стерна, легла в основу жанра «Истории Нью-Йорка».

Первый опыт героикомического повествования, получившего блестящее развитие затем в «Истории Нью-Йорка», Ирвинг предпринял в «Салмаганди». Политическая сатира на местном нью-йоркском материале сближает эти очерки с «ученым трудом» Никербокера. В № 17 «Салмаганди» упоминается один из участников воспетого затем в «Истории

Нью-Йорка» похода Питера Твердоголового против шведов – закоренелый богохульник Ван-Дам, воинская слава которого не дошла до наших дней только потому, что он был слишком скромен и не решился совершить ничего такого, о чем бы стоило говорить в позднейшие времена.

Вслед за этим рассуждением о доблести Ван-Дама в «Салмаганди» следует отрывок из «Хроники достославного и древнего города Дураков», которая непосредственно вводит нас в атмосферу «Истории Нью-Йорка».

Этот неумирающий дух никербокерства, веселого юмора и острой сатиры с современной политической направленностью вызывали восхищение современников. Колридж читал «Историю Нью-Йорка», не отрываясь, всю ночь напролет, Диккенс перечитывал ее постоянно.

Известный американский литературовед демократического направления В. Л. Паррингтон утверждает, что «История», написанная Никербокером, остается самым талантливым и выдающимся из его сочинений. Веселье юности искрится и сверкает на ее волшебных страницах, бросая вызов всеуничтожающему времени. Критики могут обвинять позднего Ирвинга в многочисленных серьезных недостатках, но порывы критических ветров не в состоянии развеять романтические клубы дыма, поднимающиеся от трубки Воутера Ван Твиллера».[528] Трудно не согласиться с этим мнени-

[528] В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли, т. II. М., 1962, стр. 247.

ем, прочитав забавную и поучительную, комическую и трагическую историю возникновения, расцвета и гибели славной голландской колонии Новый Амстердам.

Разумеется, шуточную «Историю Нью-Йорка» нельзя назвать историей в собственном смысле этого слова. Между тем в книге Ирвинга больше подлинно исторического звучания, чем в каком-либо ином из многочисленных ученых трактатов о Нью-Йорке, написанных американскими буржуазными историками за три века существования города и штата Нью-Йорк.

«История» Никербокера представляет собой характерное явление раннего американского романтизма. В ней прежде всего сказывается пародирование рационалистической традиции классицизма XVIII в., отношения к истории как учебнику и наставнику жизни, стремления представить и осмыслить общественную жизнь на примерах и образцах, почерпнутых из античности. Отсюда постоянное обращение Никербокера к гомеровскому циклу, к Греции и Риму, с которыми сопоставляется история голландской колонии Новый Амстердам. Даже частые параллели с артуровским циклом, возникающие в книге Ирвинга, используются в целях травестирования.

При общей просветительской интерпретации удивительных и забавных событий, происшедших в Новом Амстердаме, в книге есть один безусловно романтический образ, придающий красочность самым казалось бы сухим и скуч-

ным страницам жизни старой голландской колонии. Это сам Дидрих Никербокер, с загадочного исчезновения которого начинается рассказ о появлении на свет «Истории Нью-Йорка». Его предки выступают в хронике участниками рыцарских деяний Питера Твердоголового, а сам он долго еще не может распроститься с читателем на последних страницах, когда эта «единственная достоверная история тех времен из всех, которые когда-либо были и будут опубликованы», уже закончилась.

В Дидрихе Никербокере много общего с самым известным литературным героем Ирвинга – Рипом Ван Винклем, созданным, по уверению писателя, тем же Никербокером.[529] Оба они бегут из мира американской действительности в царство романтической фантастики, легендарного прошлого времен Хендрика Гудзона. Там, в патриархальном голландском Новом Амстердаме своей мечты, находят они то, чего не хватает им в современном обществе, в Америке бизнеса и денежного расчета. Но и там, в далеком прошлом времен Питера Твердоголового, происходят бесконечные раздоры, подобные борьбе федералистов и демократов – двух американских партий конца XVIII – начала XIX вв.

Может быть самая характерная черта героев Ирвинга, таких как Никербокер, Рип Ван Винкль или незадачливый ге-

---

[529] Этот рассказ имеет подзаголовок: «Посмертный труд Дидриха Никербокера». В дальнейшем многие рассказы Ирвинга имели такой же подзаголовок. Среди них «Легенда о Сонной Лощине», «Дом с привидениями», «Кладоискатели».

рой «Легенды о Сонной Лощине» Икабод Крейн, – в том, что все они куда-то уходят, оставляя позади современную Америку. Так уходили на Запад американские пионеры, спасаясь от наступления буржуазного прогресса.

Ирвинг-романтик не мог найти своего идеала в современной ему буржуазной Америке. Подернутое дымкой фантастики прошлое неудержимо влекло и притягивало к себе летописца трех голландских губернаторов Нового Амстердама. «Настоящее представлялось Ирвингу менее интересным, чем прошлое, и, конечно, менее красочным, – замечает В. Л. Паррингтон. – Он не мог примириться с духом торгашества и спекуляции. Заботы этого мира не волновали его. В глазах Ирвинга трубка старого Дидриха Никербокера стоила гораздо больше, чем весь новый Уолл-стрит, а черная бутылка, принесшая столь необычные приключения Рипу Ван Винклю, казалась ему более реальной, чем умирающий федерализм, судорожно цеплявшийся за остатки своих надежд, или буйная демократия, обряженная в засаленную одежду, говорящая с ирландским акцентом и сгоняемая к избирательным урнам дельцами из Таммани-Холла».[530]

В «Истории Нью-Йорка» Ирвинг создает романтическую мифологию истории, окружая давно прошедшие события ореолом привлекательности. И в то же время из-под его пера выходит острая пародия на романтическое понимание истории, складывавшееся в начале XIX в. Прослеживая цепь

[530] В. Л. Паррингтон. Указ. соч., стр. 237.

событий от захвата крохотного Форт-Кашемира коварными шведами, повлекшего за собой мщение грозного Питера Твердоголового, до завоевания Новых Нидерландов англичанами, вследствие чего все пространство Северной Америки от Новой Шотландии до Флориды стало единым владением британской короны, Ирвинг пишет с оттенком иронии, что благодаря этому разрозненные колонии составили одно целое и при отсутствии соперничающих колоний, которые препятствовали бы их развитию и держали бы в страхе, стали великими и могущественными. В конце концов, став для метрополии слишком сильными, они сумели сбросить с себя ее оковы и превратились в независимое государство. Но цепь следствий на этом не кончилась. Успешная революция в Америке повлекла за собой кровавую революцию во Франции, которая повлекла за собой могущественного Бонапарта, повлекшего за собой французскую тиранию, которая ввергла в смятение весь мир! Так все эти великие государства одно за другим были наказаны за свои злополучные победы, так, – подытоживает Никербокер, – все нынешние волнения и бедствия, постигшие человечество, начались со взятия маленького Форт-Кашемира. Это ли не образец философии истории, отличавшей историков времен Ирвинга!

Говоря о политической жизни в Новом Амстердаме XVII в., Ирвинг постоянно находит повод намекнуть на современную ему Америку. Аллюзия – один из ведущих художественных приемов «Истории». Иногда писатель сам как

бы ловит Никербокера на анахронизмах, которые то тут, то там попадаются на страницах этой «в остальном вполне достоверной книги». Однако чаще Ирвинг пародирует общественно-политические нравы Соединенных Штатов. Такова история разделения граждан Нового Амстердама на партии, для того, чтобы люди, которые иначе «никогда не знали бы своих собственных мнений, то есть что они должны думать по тому или иному вопросу», не подвергались соблазну думать самостоятельно. Автор вспоминает, что ему часто случалось видеть героев 1776 г., находившихся в ужаснейшем затруднении, так как они не знали, какого мнения им держаться о некоторых людях и действиях правительства. Они подвергались большому риску думать правильно, пока внезапно не разрешали своих сомнений, прибегнув к испытанному пробному камню – примкнуть к той или иной партии. Так простодушный Дидрих Никербокер вскрывает сущность официального «патриотизма» и «единомыслия», ставших орудием в руках американского правительства.

С неподражаемым юмором описывает Ирвинг в сущности весьма горестные для американского народа раздоры партий квадратноголовых (то есть федералистов, «лишенных округлости черепа, которая считается признаком истинного гения») и плоскозадых (республиканцев, «не обладавших природным мужеством или хорошим задом, как это впоследствии технически именовалось»).

Сразу же после американской революции фермеры и ре-

месленники попали в социальную и политическую кабалу к тем самым плантаторам и крупной буржуазии, против английских собратьев которых они сражались в годы революции. «Когда державный народ запряжен и на него надлежащим образом надето ярмо, – саркастически резюмирует беспристрастный Никербокер, – приятно видеть, как размеренно и гармонично он движется вперед, шлепая по грязи и лужам, повинуясь приказаниям своих погонщиков и таща за собой жалкие телеги с дерьмом» (IV, VI).

В «Истории Нью-Йорка» нашли отражение раздумья писателя над пороками нового общества, провозглашенного джефферсоновской Декларацией независимости. Однако его насмешки над Джефферсоном и «державным народом» носят подчас антидемократический характер; симпатии Ирвинга всецело принадлежат доброй старой патриархальной Америке. Писатель как бы угадывает будущие черты американской двухпартийной системы. В условиях политической борьбы его времени, выступая против Джефферсона и «державного народа», он все же был скован предубеждениями федералистского толка.

В переработанном издании 1812 г. Ирвинг ввел эпизод о великом Трубочном заговоре. Губернатор Вильям Упрямый издал закон, запрещающий гражданам Нового Амстердама курить. Это повело к образованию двух партий. Вместо квадратноголовых и плоскозадых они, наподобие свифтовских «тупоконечников» и «остроконечников», называют-

ся теперь Длинные трубки (аристократы-федералисты) и Короткие трубки (антифедералисты-республиканцы). Между ними по-прежнему подвизается некая ублюдочная партия по имени Жвачка.

Ирвинг сатирически заостряет разоблачение двухпартийной буржуазной системы, приводя рассуждение Гесиода, который разделял все человечество на тех, кто думает сам, тех, кто позволяет другим думать за себя, и тех, кто не делает ни того, ни другого. «Большинство людей принадлежит ко второй группе, – рассуждает Никербокер. – Поэтому возникают партии, под которыми подразумеваются большие группы людей, немногие из которых размышляют, а все остальные лишь разговаривают. Первые, называемые вождями, муштруют и воспитывают последних, поучая их, что им следует одобрять и что освистывать, что говорить, кого поддерживать и, главным образом, кого они должны ненавидеть, ибо никто не может быть по-настоящему партийным, если он не умеет решительно и бескомпромиссно ненавидеть» (Вариант 1812 года, IV, VI).

В критике американской демократии Ирвинг на тридцать лет предвосхитил Купера, хотя и не поднялся до широты его социальных обобщений. Он высмеивает «великие гарантии» существования Соединенных Штатов – свободу слова и свободу совести, которые на деле означают лишь то, что каждый человек может придерживаться собственного мнения при условии, если это мнение правильно. «И вот, – про-

должает честный историк Никербокер, – так как они (большинство) были совершенно убеждены, что только они думают правильно, то из этого следовало, что те, кто думал иначе, чем они, думали неправильно; а кто думал неправильно и упорно противился тому, чтобы его убедили и обратили в истинную веру, был гнусным нарушителем неоценимой свободы совести, гниющим и распространяющим заразу членом общества, заслуживающим, чтобы его отсекли и бросили в огонь» (III, VI).

Как созвучны эти строки памфлету Купера «Американский демократ» (1838) с его острой критикой демагогической демократии буржуазного «большинства»! Ирвинг высмеивает претензии старого, отживающего, которое цепко держится за свои привилегии и не дает расти новому, молодому. В свойственном ему насмешливом тоне он критикует систему американской демократии в ее бесчисленных антигуманистических проявлениях. Правительство, суд, пресса, американский конгресс, – все подвергается беспощадному осмеянию. Правительство неуклонно руководствуется тем, что «правителю несомненно более пристало быть настойчивым и последовательным в заблуждениях, чем колеблющимся и противоречивым в старании поступать правильно». Суд своими перекрестными допросами так запутывал простых индейцев и старух, что те начинали противоречить самим себе и давать ложные показания. Зато на преступления богатых благоразумно смотрели сквозь пальцы и оставляли их

безнаказанными.

Американский конгресс на своих заседаниях занят погребением неотложных вопросов и пустословием. Никербокер горестно восклицает по поводу всего строя американской демократии: «Что представляют собой наши крупные политические организации, как не доподлинную политическую инквизицию? А наши трактирные сходки разве не являются маленькими трибуналами, судящими на основании доносов, и наши газеты не служат позорным столбом, где несчастных людей, осужденных на наказание кнутом, забрасывают тухлыми яйцами? А разве наш чрезвычайный суд – это не огромное аутодафе, на котором ежегодно приносят в жертву преступников, виновных в политической ереси?.. Так или иначе, эти политические преследования являются великой гарантией вашей вольности и неопровержимым доказательством того, что мы живем в *свободной стране*!» (III, VI).

Подобное отношение к демократии доллара Ирвинг сохранил и в зрелом возрасте. Вернувшись в 1832 г. в США после семнадцатилетнего пребывания в Европе, он пишет: «Чем дольше я наблюдаю политическую жизнь в Америке, тем большим отвращением к ней я проникаюсь… Столько в ней грубости, вульгарности и подлости в сочетании с низкими приемами борьбы, что я не хочу принимать в ней участия».[531]

Центральное место в «Истории Нью-Йорка» занимают об-

[531] Pierre M. Irving. Op. cil., vol. II, p. 290.

разы трех голландских губернаторов Нового Амстердама. Если в первых двух книгах «Истории» писатель высмеивает ученых педантов, то с третьей книги, где описывается «блестящее правление Воутера Ван-Твиллера», начинается, своеобразное историко-комическое травести. Так в Воутере Сомневающемся, имевшем обыкновение при решении всякой проблемы заявлять, что «у него есть сомнение по этому вопросу», современники угадывали намеки на президента Адамса; в сменившем его Вильяме Упрямом – черты Томаса Джефферсона, а в правлении доблестного Питера Твердоголового, которому посвящена добрая половина книги, – новейшие события из жизни США, когда в 1808 г. президентом был избран Мэдисон и начался отход от джефферсоновской демократии. Таким образом, вся книга носит весьма злободневный и полемический характер.

Сатира и юмор органически сочетаются в этой истории голландских правителей Нью-Йорка, приобретая черты то мюнхаузенского бахвальства, то горькой иронии Свифта. Серьезное и смешное сплелись в книге Никербокера так же неразрывно, как имя ее легендарного автора с его детищем – «Историей Нью-Йорка».

Стиль ирвинговского повествования то героически возвышенный, то бурлескно-пародийный; склонность Никербокера к философским рассуждениям по поводу событий, описываемых в «Истории», а еще чаще о вещах, не имеющих к ней никакого отношения; романтическая идеализация про-

шлого Нью-Йорка в сочетании с элементами буффонады, – все это определяет жанровые особенности книги как героикомической хроники.

Истоки комической традиции книги Ирвинга восходят к журнальной сатире и бурлеску, в изобилии печатавшихся в американской и английской периодике конца XVIII-начала XIX в.[532] «История» Никербокера унаследовала многие черты этого жанра. В сне Олофа Ван-Кортландта Ирвинг пародирует картины великого будущего Америки, которые были непременной заключительной частью поэтических эпосов той поры. В клубах табачного дыма Олоф, выброшенный морем на берег острова Манхаттан различает чудесные очертания будущего Нью-Йорка. В густом тумане перед ним вырисовываются тени дворцов, куполов и величественных шпилей, которые появлялись на мгновение и вновь пропадали, пока дым не рассеялся и не осталось ничего, кроме зеленого леса. Разбудив своих спутников, Олоф рассказал им свой сон и истолковал его как указание свыше, чтобы здесь был построен город. Дым от трубки, которую курил святой Николай, явившийся во сне Олофу, был символом того, каким огромным предстоит стать городу, ибо клубы дыма из его труб будут расстилаться над широкими просторами страны. Все согласились с этим толкованием, кроме мингера Тенбрука, заявившего, будто сон Олофа означает, что

[532] Stanley T. Williams. The Life of Washington Irving, vol. 2. N. Y., Ox University Press, 1935, p. 264.

в этом городе от маленького огня будет много дыма, иначе говоря, что это будет очень хвастливый маленький город. И оба предсказания, заключает Ирвинг, исполнились.

В американской литературе есть еще одно изображение Манхаттана в его диком состоянии. Появилось оно сорок лет спустя и принадлежит перу другого американского романтика – Эдгара По. В рассказе «Mellonta Tauta» По нарисовал возврат Нью-Йорка к первобытному хаосу в результате грандиозной катастрофы, постигшей этот город в XXI в. Если Ирвинг в начале XIX в. предупреждал о густых клубах фабричного дыма, которые вскоре закроют солнце над городом, то Эдгар По, родившийся в год создания «Истории Нью-Йорка», в своем мрачном утопическом рассказе предсказал гибель того общества, в котором жили По и Ирвинг.

Ирвинг достигает комического эффекта в «Истории» самыми разнообразными способами. Одна из ярких сатирических картин в книге – описание бесславного похода генерала Вон-Поффенбурга, в котором современники тотчас угадали продажного главнокомандующего американской армией Джеймса Уилкинсона и его неудачную экспедицию в Новый Орлеан в 1806 г. Доблестный «главнокомандующий армиями Новых Нидерландов» бесстрашно повел свою армию к южной границе по невозделанным степям и диким пустыням, через неприступные горы и реки без переправ, сквозь непроходимые леса, преодолевая обширное пространство ненаселенной страны, опрокидывая на своем пути, разбивая

и в невероятном количестве уничтожая враждебные полчища лягушек и муравьев, собравшихся для того, чтобы воспрепятствовать его продвижению.

Весь рассказ о грандиозной битве у крепостных стен форта Кристина (VI, VII), во время которой с обеих сторон не погибло ни одного человека, если не считать толстого голландца, скоропостижно скончавшегося из-за несварения желудка, исполнен нескрываемого комизма. Впрочем, объевшийся до смерти толстяк вскоре был объявлен достойным вечной славы как павший за родину.

В число участников и наблюдателей «ужаснейшей битвы, о какой когда-либо повествовали в стихах или прозе», Ирвинг вводит гомеровских богов. Юпитер подновляет свои громовые стрелы; Венера, приняв вид непотребной женщины с гноящимися глазами, обходит крепостные стены форта Кристина, сопровождаемая Дианой в образе сержантской вдовы сомнительной репутации. Марс, как пьяный капрал, галантно вышагивает рядом с ними, а Аполлон тащится позади, самым отвратительным образом фальшивя на флейте. Волоокая Юнона, которой супруг Юпитер подбил накануне оба глаза, стоя на обозной повозке, выставляет напоказ всему славному войску свою величественную красоту. Чтобы поднять дух солдат, Минерва, подобно маркитантке, торгующей водкой, размахивает кулаками и артистически ругается на плохом голландском языке.

Так происходит пародийное снижение героического мате-

риала, и трагедия оборачивается фарсом, разыгрываемым на подмостках американской истории. Начало сражения описывается в нарочито «сверхгероических» тонах: «Земля задрожала, словно пораженная параличом; при виде столь жуткой картины деревья зашатались от ужаса и увяли; камни зарылись в землю, как кролики, и даже речка Кристина изменила направление и в смертельном испуге потекла вверх по горе!»

Воинственный клич Питера Твердоголового, когда он увидел, что его армия дрогнула под натиском шведов, разнесся по окрестным лесам и долам, повалил деревья, медведи, волки и пантеры с перепуга выскочили из своей кожи; несколько ошалевших холмов перепрыгнули через Делавэр, и все легкое пиво в форте Кристина скисло от этого звука!

Один из наиболее драматических эпизодов сражения разыгрывается, когда сабля Питера отсекает от бока шведского военачальника полную крепчайшей водки манерку и карман, набитый хлебом и сыром. Из-за этих лакомств, свалившихся на землю посреди поля сражения, между шведами и голландцами началась невероятная свалка, и всеобщая потасовка стала в десять раз яростней, чем прежде.

Гиперболизация в целях пародийного осмеяния постоянно используется Ирвингом в описаниях воинских подвигов трех голландских губернаторов. В начале VI книги при изображении воинственного Питера Твердоголового проза Ирвинга переходит в выспренний и величественный белый стих. В манере героического эпоса дан список голландских

воинов, выступающих в поход на коварных шведов (VI, IV). Описание отрядов: знаменитейших голландских рыцарей, проходивших через главные ворота города, патетическое по внешней форме, исполнено комизма. Вот идут толстяки небольшого роста в коротких штанах непомерной ширины, прославившиеся своими кулинарными подвигами: они первые открыли способ варить молочную кашу. За ними шагали семейства голландских рыцарей, каждое из которых имело свои особые заслуги. Одни были отъявленными хвастунами во хмелю, другие – доблестными грабителями птичьих гнезд и одновременно изобретателями оладий из гречневой муки, третьи были известны кражами дынь на баштанах, а также как любители жареных свиных хвостиков, четвертые, от которых ведут свое происхождение веселые трактирщики в Сонной Лощине, владели искусством загонять кварту вина в пинтовую бутылку. Длинный реестр всевозможных достоинств славных воинов Питера Твердоголового завершается, как и подобает в таких случаях, предками самого летописца – Никербокерами из Скагтикока, где «жители в ветреную погоду кладут камни на крышу дома, чтобы ее не унесло».

Мюнхаузенско-шильдбюргерские мотивы в «Истории Нью-Йорка» возникают постоянно. Губернатор Вильям Кифт, славившийся своими нововведениями и опытами, строит ветряную мельницу для защиты города от врагов, создает патентованные вертелы, приводимые в движение дымом, и телеги, едущие впереди лошадей. Даже смерть его

предстает в гротескно-комическом обличье. Согласно одной из легенд, он сломал себе шею, свалившись из чердачного окна ратуши при безуспешной попытке поймать ласточку, насыпав ей на хвост щепотку соли.

И только однажды забывает Ирвинг о героикомическом духе своей книги. Вместе со своим патриархально-трогательным Никербокером Ирвинг любуется картиной, открывающейся во время путешествия Питера Стайвесанта вверх по Гудзону: «Рука цивилизации еще не уничтожила темные леса и не смягчила характер ландшафта; торговые суда еще очень редко нарушали это глубокое и величественное уединение, длившееся столетиями. Тут и там можно было увидеть первобытный вигвам, прилепившийся к скале в горах, над которым в прозрачном воздухе поднимался клубящийся столб дыма; однако вигвам стоял так высоко, что крики индейской детворы, резвившейся на краю головокружительной пропасти, доносились столь же слабо, как песня жаворонка, затерянного в лазурном небосводе. Время от времени дикий олень появлялся на нависшей вершине скалистого обрыва, робко смотрел оттуда на великолепное зрелище, расстилавшееся внизу; затем, покачав в воздухе ветвистыми рогами, он прыжками мчался в лесную чащу» (VI, III). Красота любимой реки Ирвинга контрастирует с «нашим вырождающимся веком», разрушившим очарование дикой природы Америки.

Романтическое противопоставление близкой к природе

жизни индейцев буржуазному обществу отличает многие разделы «Истории». Молодого Ирвинга волновала трагическая судьба американских индейцев. Требование белых колонизаторов «Дикарь должен уйти» получило позднее еще более откровенное выражение: «Хорош только мертвый индеец». Шло поголовное истребление американских аборигенов.

Страницы «Истории Нью-Йорка», посвященные индейской проблематике, особенно глава V первой книги, открывают целую линию в творчестве Ирвинга – обличение жестокостей и несправедливостей, совершавшихся белыми колонизаторами на протяжении всей истории так называемой «цивилизации» Америки, в результате которой «вкусившим просвещения дикарям нашей страны любезно разрешают жить в негостеприимных северных лесах или в непроходимых дебрях Южной Америки».

Писатель верил в прирожденную доброту индейцев и горячо выступал против обычая жителей пограничных с индейцами районов винить во всем «кровожадных краснокожих». Эти мысли, высказанные сначала в «Истории Нью-Йорка», получили в дальнейшем развитие в двух очерках, опубликованных в 1814 г. и вошедших затем в «Книгу эскизов» Ирвинга («Черты индейского характера» и «Филипп Поканокет»).

«Поступь цивилизации оставляет за собой следы, пропитанные кровью аборигенов», – писал Ирвинг в очерке «Фи-

липп Поканокет», и эти слова лучше всего передают суть национальной политики американских властей, которые стремились получить земли индейцев, но без самих индейцев. «Первые королевские дарственные грамоты на землю в Новом Свете даже не содержали упоминания о коренном населении, жившем на этой земле, словно речь шла о совершенно необитаемых пространствах. Поселенцы всячески старались как можно скорее создать такое приятное для себя положение», – читаем мы в книге одного из виднейших деятелей американской компартии Уильяма Фостера.[533]

Сатирически обосновывая ссылками на труды знаменитых европейских юристов «право открытия», по которому европейцы захватили Америку, Ирвинг устами премудрого Никербокера заявляет, что для установления означенного права достаточно лишь доказать, что Америка была тогда совершенно необитаема. И так как индейские авторы, естественно, не выступили с противоположной точкой зрения, это обстоятельство признавалось полностью установленным и принятым, а населявшие страну животные двуногой породы были объявлены простыми каннибалами и гнусными уродами.

Право открытия, подкрепленное правом собственности и правом истребления тех, кто покушается на эту собственность, лежит, как убедительно показывает честный Никер-

---

[533] Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. Изд. 2. М., Изд-во иностранной литературы, 1955, стр. 63.

бокер, в основе американской законодательно-правовой системы.[534] Ирвинг предлагает соотечественникам представить себе, что бы они испытали, если бы некие предприимчивые обитатели Луны, явившись на Землю, поступили бы с ними так же, как белые колонизаторы Нового Света – с индейцами.

С острым сарказмом описывает Ирвинг процесс «цивилизации» американских индейцев: «Стоило, однако, милосердным жителям Европы узреть их печальное положение, как они немедленно взялись за работу, чтобы изменить и улучшить его. Они распространили среди индейцев такие радости жизни, как ром, джин и бренди, – и мы с изумлением узнаем, сколь быстро бедные дикари научились ценить эти блага; они также познакомили их с тысячью средств, при помощи которых облегчаются и исцеляются самые застарелые болезни; а для того, чтобы дикари могли постичь благодетельные свойства этих лекарств и насладиться ими, они предварительно распространили среди них болезни, которые предполагали лечить. Благодаря этим мерам и множеству других, положение злополучных дикарей отменно

[534] В пародийных целях Ирвинг пользуется многочисленными ссылками на ученые труды европейских юристов, подтверждающие право собственности американских колонистов на земли индейцев. При этом писателю даже не приходилось что-либо менять в рассуждениях тех или иных юристов XVII–XVIII вв. «Мы не можем не восхищаться умеренностью притязаний английских пуритан, первыми прибывших в Новую Англию, – пишет швейцарский юрист Э. Ваттель в своей книге «Закон наций», на которую неоднократно ссылается Ирвинг. – Хотя они привезли с собой королевские грамоты на владение этими землями, они покупали у диких те участки, на которых хотели селиться» (I, 18, 209).

улучшилось; они приобрели тысячу потребностей, о которых прежде не знали; и так как больше всего возможностей испытать счастье бывает у того, у кого больше всего неудовлетворенных потребностей, то они, без сомнения, стали гораздо счастливее» (I, V).

Характерно, что одно из наиболее ярких обличений способов распространения цивилизации белых Ирвинг исключил из последующих изданий «Истории». Общая картина получалась столь неприглядной, что стареющему писателю она показалась чересчур резкой: «Благодаря общению с белыми индейцы что ни день обнаруживали удивительные успехи. Они стали пить ром и заниматься торговлей. Они научились обманывать, лгать, сквернословить, играть в азартные игры, ссориться, перерезать друг другу горло, – короче говоря, преуспели во всем, чему первоначально были обязаны своим превосходством их христианские гости. Индейцы обнаружили такие изумительные способности к приобретению этих достоинств, что по прошествии столетия, если бы им удалось так долго выдержать непреодолимые последствия цивилизации, они, несомненно, сравнялись бы в знаниях, утонченности, мошенничестве и распутстве с самыми просвещенными, цивилизованными и правоверными народами Европы» (I, V). Все это рассуждение отсутствует в поздних изданиях книги Ирвинга.

Молодой Ирвинг задолго до великого американского сатирика Марка Твена высмеял высадку у Плимутского камня

отцов-пилигримов, прибывших первыми в Новую Англию и бросившихся сначала на колени перед богом, а затем на дикарей. «Ваши предки ободрали его живьем, и я остался сиротой»,[535] – гневно обратился Марк Твен к потомкам почитаемых в Америке отцов-пилигримов, напоминая о трагической судьбе американского индейца. Ирвинг столь же резко высмеивал расистские рассуждения по поводу цвета кожи у индейцев: «Обладать кожей медного цвета – это все равно, что быть негром; а негры – черные, а черный цвет, – говорили благочестивые отцы, набожно осеняя себя крестным знамением, – это цвет дьявола!» (I, V). Природа комического в «Истории Нью-Йорка» связана с раблезианской и стернианской традициями, оживающими на лучших страницах книги Ирвинга. Подвиги героев Рабле нередко возникают перед умственным взором летописца Никербокера: прожорливость армии Вон-Поффенбурга сравнивается с аппетитом Пантагрюэля; большой совет Новых Нидерландов, под которым подразумевается американский конгресс, ведет нескончаемые дебаты по поводу того, как лучше спасти страну от неприятеля и в конце концов решает «защитить провинцию тем же способом, каким благородный великан Пантагрюэль защитил свою армию – прикрыв ее языком», а свою чернильницу Никербокер сопоставляет с огромной чернильницей Гаргантюа.

---

[535] Марк Твен. Собрание сочинений в 12 томах, т. 10, М., Гослитиздат, 1961, стр. 678.

Раблезианский юмор особенно ощущается в первой половине «Истории», в картинах быта первых американских колонистов. Судно «Гуде вроу» («Добрая женщина»), на котором прибыли первые голландские поселенцы в Америку, имело формы женщины своей страны. Подобно общепризнанной первой красавице Амстердама, по чьему образу его создали, оно было тупоносое, с медной обшивкой подводной части, а также небывало громадной кормой! Не удивительно, что сравнение широкобрюхого корабля с женской фигурой вызвало возмущение наиболее строгих блюстителей нравственности в Америке.

Столь же суровое порицание навлекло на себя комическое описание Ирвингом народного обычая североамериканских колонистов, по которому жених и невеста перед свадьбой спали, не раздеваясь, в одной постели. «В те первобытные времена, – повествует Никербокер, – этот ритуал считался также необходимой предварительной ступенью к браку; ухаживание у них начиналось с того, чем оно у нас обычно заканчивается, и таким образом они досконально знакомились с хорошими качествами друг друга до вступления в супружество, что философами было признано прочной основой счастливого союза» (III, VI).

Этому хитрому обычаю «не покупать кота в мешке» приписывает Никербокер невиданный рост племени янки, поселившегося рядом с голландской колонией и пытавшегося посвятить нидерландских девиц в этот приятный обряд, ибо

повсюду, где господствовал обычай спанья, не раздеваясь, в одной постели, ежегодно без разрешения закона и благословения церкви рождалось на свет божий множество крепких ребятишек. «Поистине удивительно, – иронически заключает старый Никербокер, – что ученый Мальтус в своем трактате о населении совершенно обошел вниманием это примечательное явление» (III, VI).

Пускаясь в одно из своих излюбленных философских отступлений (VI, VI), Никербокер, уподобляясь в этом отношении Стерну, заводит с читателем задушевную беседу о вещах, не имеющих прямого отношения к рассказу, и сравнивает себя с Дон Кихотом, сражавшимся только с великими рыцарями, предоставляя мелочные дрязги, грязные и кляузные ссоры «какому-нибудь будущему Санчо Пансе, преданному оруженосцу историка». Реминисценции романа Сервантеса – ветряные мельницы, сравниваемые с могучими великанами, кодекс Санчо Пансы, библиотека рыцарских романов Дон Кихота – постоянно возникают на страницах «Истории». Выезд Питера Твердоголового и его трубача Антони Ван-Корлеара на переговоры с советом Новой Англии нарисован в донкихотской манере. «Смотрите, как они величественно выезжают из ворот города, словно закованный в броню герой былых времен со своим верным оруженосцем, следующим за ним по пятам, а народ провожает их взглядами и выкрикивает бесчисленные прощальные пожелания, сопровождая их громкими ура» (VII, III). В каждом городе,

через который проезжал Питер со своим оруженосцем, этот прославившийся своей педантичностью рыцарь приказывал храброму и верному Антони протрубить приветствие. А когда он видел старые одежды, которыми жители затыкали разбитые окна, и гирлянды сушеных яблок и персиков, украшавших фасады их домов, то принимал их, как новый Дон Кихот, за праздничное убранство в честь своего прибытия, подобно тому, как во времена рыцарства было в обычае приветствовать прославленных героев, вывешивая богатые ковры и пышные украшения.

Цитаты из Гомера, Эзопа, Рабле, Сервантеса, Мэлори, Шекспира, Свифта, Стерна, Филдинга, Томаса Пейна теснятся в каждой из семи книг цветистого повествования Никербокера. Многочисленные «источники» труда Никербокера, в котором наряду с любимыми писателями Ирвинга встречаются и полузабытые уже в его время авторитеты, воспринимается как романтическая ирония, пародирование псевдоученых трактатов. Если вопрос об «источниках» представляет скорее историко-литературный интерес, то творческое воздействие «Истории Нью-Йорка» на американских писателей-романтиков имеет самое непосредственное отношение к проблеме живого и волнующего нас, людей XX в., наследия литературы американского романтизма.

Традицию юмора Ирвинга можно обнаружить в творчестве Готорна, позднего Купера. Но особенно ощущается она в рассказах По, таких как «Необыкновенное приключение

некоего Ганса Пфалля» и «Черт на колокольне». Один современный американский литературовед находит даже, что в рассказе «Черт на колокольне» «больше голландской капусты, чем во всем Ирвинге».[536]

Весь рассказ о полете на луну Ганса Пфалля, начинающийся в старом благоустроенном Роттердаме (столь красочно описанном еще в «Истории Нью-Йорка», кн. II, гл. IV) в один светлый весенний день, весьма похожий на 1 апреля (помимо всего прочего это был, как рассказывает Ирвинг, старинный голландский праздник – день триумфального вступления Питера Твердоголового в Новый Амстердам после завоевания Новой Швеции), может быть воспринят как еще одна история из посмертных записок мистера Никербокера. Благодушные роттердамские граждане во главе с бургомистром мингером Супербус ван Ундердук в рассказе Эдгара По кажутся прямыми потомками достославного Питера Твердоголового. Роттердамский бургомистр отличается столь же завидным упорством в достижении цели, как и его великий новоамстердамский предок. Так, когда с воздушного шара ему на спину упали один за другим полдюжины мешков с балластом и заставили этого сановника столько же раз перекувырнуться на глазах у всего города, великий Ундердук не оставил безнаказанной эту наглую выходку: «Напротив, рассказывают, будто он, падая, каждый раз вы-

[536] William L. Hedges. Washington Irving: An American Study, 1802–1832. Baltimore, Hopkins Press, 1965, p. 99.

пускал не менее полдюжины огромных и яростных клубов из своей трубки, которую все время крепко держал в зубах и намерен был держать (с божьей помощью) до последнего своего вздоха».[537]

Современная американская критика видит в «Истории Нью-Йорка» прежде всего забавный бурлеск. Сатирическая направленность книги Ирвинга, особенно в последних главах, посвященных новым временам, остается вне сферы внимания буржуазных исследователей. В этой тенденции считать «Историю Нью-Йорка» исключительно юмористическим произведением сказывается не только желание смягчить остроту социальной сатиры молодого Ирвинга, но и то обстоятельство, что читатели и большинство критиков имеет дело с вошедшим во все собрания сочинений, сборники и отдельные издания на английском языке текстом «Истории Нью-Йорка» 1848 г.

Иначе обстояло дело, когда «История» впервые была опубликована. Уже первая рецензия, появившаяся в феврале 1810 г., усмотрела в ней сатиру на современные порядки. Один из бостонских журналов писал в связи с выходом «Истории», что это «добродушная сатира на безумия и ошибки наших дней и проблемы, ими порожденные».[538] Очевидно читатели тех дней гораздо острее ощущали социально-обличительную направленность этого произведения молодого

---

[537] Эдгар По. Избранное. М., Гослитиздат, 1958, стр. 44.

[538] Pierre M. Irving. Op. cit, vol. I, p. 174.

Ирвинга.

У русского читателя «Истории Нью-Йорка» возникают определенные литературные аналогии. На сходство художественных приемов, использованных Пушкиным в «Истории села Горюхина» и Ирвингом в «Истории Нью-Йорка» указывал в свое время академик М. П. Алексеев: «И Пушкин и Ирвинг пародируют традиционную стилистическую структуру научного исследования, шаблонные приемы высокого исторического стиля… Сходство приемов Ирвинга и Пушкина приводят к аналогичному комическому эффекту, на который ближайшим образом рассчитывают и один, и другой. Обнажение приемов происходит здесь при помощи маскировки в фикцию воображаемого летописца; частые исторические аналогии, отступления, рассуждения, цитаты становятся смешными именно потому, что самая маскировка слишком ощутима и автор непрерывно устремляет своего читателя по пути, совершенно противоположному тому, куда его должен был направить рассказчик. В результате противоречия идеи и формы происходят как бы непрерывные «срывы» одного плана и замены его другим».[539]

Однако если об аналогиях между «Историей села Горюхина» и «Историей Нью-Йорка» можно говорить скорее в плане стилистическом, то сатирическое содержание книги Ирвинга, гротескные образы голландских губернаторов, в ко-

[539] М. П. Алексеев. К «Истории села Горюхина». – В кн.: «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева. Вып. II. Одесса, 1926, стр. 83.

торых угадываются черты современников писателя, напоминают щедринских градоначальников в «Истории одного города», хотя и не достигают силы и глубины щедринской сатиры.

Другие интересные параллели между творчеством Ирвинга и Пушкина находим мы в статье А. А. Ахматовой «Последняя сказка Пушкина». Широкая популярность Ирвинга в России 20-30-х годов XIX в. (многочисленные переводы его произведений находятся во всех наиболее известных журналах того времени: «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Атенее», «Сыне отечества», «Телескопе» и «Литературной газете») дает основание А. А. Ахматовой ставить вопрос о непосредственном влиянии Ирвинга на Пушкина. На основе сравнительно-филологического анализа «Легенды об арабском звездочете» Ирвинга и «Сказки о Золотом Петушке» Пушкина она доказывает, что сказка Ирвинга послужила литературным источником для фантастического гротеска Пушкина, «Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, – некоторые звенья выпали и отсюда – фабульные невязки, та «неясность» сюжета, которая отмечена исследователями. Так, например, у Пушкина не перенесены «биографии» звездочета и принцессы. В отличие от других простонародных сказок Пушкина, в «Сказке о Золотом Петушке» отсутствует традиционный сказочный герой, отсутствуют чудеса и превращения.

Очевидно, что в легенде Ирвинга Пушкина привлек не

«Гарун-аль-Рашидовский стиль». Все мотивировки изменены в сторону приближения к «натуралистичности». Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры, у Пушкина Дадон спит от лени. Междоусобие в горах в легенде мотивируется действием талисмана, в «Сказке о Золотом Петушке» причиной естественного характера – ревностью и т. д. У Пушкина все персонажи снижены… В сказке Ирвинга главные персонажи, король и звездочет, – пародийны. Пушкин же иронизирует толька над царем, образ которого совершенно гротескный».[540]

Для Ирвинга эпоха старого Нью-Йорка – это романтический мир «прекрасных обманов», каким предстает перед писателем-романтиком патриархальная старина. Ирвинг, коренной житель Нью-Йорка, обыгрывает в «Истории» многие старые голландские выражения и словечки, распространенные в Нью-Йорке его времени. Этот языковый местный колорит, который бывает особенно сложно передать в переводе, придает книге Ирвинга оттенок голландской старины.

Романтизация истории заставляет Ирвинга обращаться к фольклору как к одному из элементов далекого прошлого, столь дорогого сердцу писателя. Фольклорное начало в книге живо ощущается в образах людей из народа. За десятилетие до «Рип Ван Винкля» Ирвинг создал такого характерного героя как Дирк Скуйлер, который, несмотря на свою

---

[540] А. Ахматова. Последняя сказка Пушкина. – «Звезда», 1933, № I, стр. 168–169.

леность и пристрастие к пьянству, – черты, запечатленные позднее в Рипе, – оказывается единственным человеком, проделавшим дальний путь сквозь дикие места от Форт-Кашемира до Нового Амстердама, чтобы сообщить о захвате форта шведами.

Не менее колоритен и другой народный персонаж «Истории» – хвастливый трубач и оруженосец Антони Ван-Корлеар, сопровождавший Питера Твердоголового во всех его воинственных похождениях. Со смертью этого героя, утонувшего вместе со своей медной трубой накануне взятия Нового Амстердама англичанами, кончается власть последнего голландского губернатора Нового Амстердама.

Романтизация «доброго старого голландского времени» с его нравами и обычаями противостоит «вырождающемуся веку», как именует Никербокер свое время. Символом противопоставления «века нынешнего» «веку минувшему» вошел Никербокер в классическую американскую литературу, став, наряду с героями Купера, одним из первых национальных литературных типов.

История Нью-Йорка привлекала к себе внимание не одного Ирвинга. Незадолго до смерти Купер написал книгу о Манхаттане. Типография, где печаталось это произведение, сгорела и рукопись погибла. Сохранилась только вводная часть этой публицистической книги, которая дает представление о социально-критическом замысле писателя. [541]

---

[541] Опубликована в нью-йоркском журнале «The Spirit of the Fair» (1864, 5 ап-

В 40-е годы, когда «История Нью-Йорка» сама уже стала историей, а в Соединенных Штатах развернулись капиталистические преобразования, в патриархального Никербокера превратился сам Ирвинг, иногда появляющийся на улицах своего родного города. Страна меняла свой облик буквально на глазах. Известный американский литературовед Ван Вик Брукс рисует контрасты той поры, когда капитализм вышел на авансцену американской жизни:

«Нью-Йорк, еще вчера такой добрый и простой, превратился в столицу, город с десятками общественных группировок, которые ничему не удивлялись более. Не удивлялись они и колоритной фигуре Вашингтона Ирвинга, легко и быстро прогуливающейся средь бела дня по Бродвею и как будто вышедшей из столь же далеких времен, как те, когда жил Риге Ван Винкль. Ирвинг часто наезжал в город из своей усадьбы Саннисайд. На нем были старомодные туфли, тогда как все носили сапоги; чисто выбритый, старчески краснощекий, закутанный в тальму, оживленно щебечущий и еще с огоньком в глазах, – такой странный со своими стародавними манерами, – он вызывал чувство невольного уважения со стороны всех, встречавших его. Умное и доброе лицо его, полное и жизнерадостное, напоминало о временах добрых матрон в старых голландских поселениях, привольной жизни в лесах и прериях, воскрешало в памяти ставшее нарицательным имя его героя Никербокера, компании, омнибусы,

---

реля). Отдельное издание вышло ограниченным тиражом в 1930 г.

гостиницы. То был всемирно известный житель Нью-Йорка».[542]

Прошло более полутора столетий со времени появления веселой книги о жизни Нью-Йорка эпохи голландских губернаторов, а ее по-прежнему читают и перечитывают.

Наиболее значительными произведениями, написанными Ирвингом после «Истории Нью-Йорка», были его рассказы («Рип Ван Винкль», «Сонная Лощина» и некоторые другие), а также «История жизни и путешествий Христофора Колумба» (1828).

В период 1820–1832 гг. Ирвинг выпустил четыре сборника рассказов. Из большего количества произведений, вошедших в эти циклы, нас прежде всего интересуют те, в которых получила отображение американская жизнь, как она представлялась писателю из его «европейского далека».

В первом выпуске «Книги эскизов», опубликованном в Нью-Йорке в мае 1819 г. под псевдонимом Джеффри Крейон, был помещен рассказ «Рип Ван Винкль». Это сказка об Америке прошлого, романтическая поэтизация народа и истории США.

Американские биографы Ирвинга с давних пор повторяют, что сюжет «Рип Ван Винкля» Ирвинг «бесстыдно украл из немецкой литературы».[543] Однако, даже воспользо-

---

[542] Van Wyck Brooks. The Times of Melville and Whitman. N. Y., Button and C o, 1947, p. 4.

[543] Lewis Leary. Washington Irving. Minneapolis, University of Minnesota Press,

вавшись иноземным сюжетом, писатель создал совершенно оригинальное произведение, новый жанр национальной литературы США. Это был первый рассказ, положивший начало американской новеллистике с ее острой сюжетностью, сочетанием комического и серьезного, лаконичностью художественных средств.

Позднее Ирвинг написал до двухсот очерков и рассказов, но из-под его пера не вышло более национального сочинения, чем «Рип Ван Винкль», В этом небольшом рассказе много общего с «Историей Нью-Йорка». Та же никербокеровская традиция романтизации истории в незатейливом анекдоте о простом и добродушном человеке, принадлежавшем к числу потомков тех Ван Винклей, которые с великою славою подвизались в рыцарственные времена Питера Стайвесанта и находились вместе с ним при осаде форта Кристина. Впрочем, как сообщает далее рассказчик, воинственного характера своих предков он не унаследовал.

Автор пускается в обстоятельное описание характера и нрава Рипа, доброго соседа и покорного, забитого мужа. Рип принадлежал к разряду тех счастливых смертных, обладателей легкомысленного и беспечного нрава, которые живут не задумываясь, едят белый или черный хлеб, в зависимости от того, какой легче добыть без труда и забот, и скорее готовы сидеть сложа руки и голодать, чем работать и жить в довольстве. Однако супруга его жужжала ему об его лени, беспеч-

---

1963, p. 25.

ности и о разорении, до которого он довел собственную семью. Утром, днем и ночью ее язык трещал без умолку и передышки, ибо «острый язык – единственный из всех режущих инструментов, который не только не притупляется от постоянного употребления, но, наоборот, делается все более острым».[544]

В введении к рассказу «Рип Ван Винкль» отмечается, что исторические сведения автор почерпнул не столько из древних книг, сколько из бесед с людьми, наблюдений нравов и характеров, которые одни составляют подлинную историю общества. Таково романтическое осмысление исторического прошлого Америки Ирвингом, его эстетические позиции в жанре исторического повествования.

Отсюда особый интерес Ирвинга к фольклорному началу и даже известная фольклоризация литературного материала самим писателем. Рип Ван Винкль связан с американским фольклором и сам стал со временем восприниматься как народный герой.[545]

В этом смысле он символизирует старую докапиталистическую Америку, еще не познавшую лихорадку предпринимательской деловитости.

Как отмечалось в критике, загадочная история Рип Ван Винкля, исчезнувшего на двадцать лет, а затем вернувше-

---

[544] В. Ирвинг. Новеллы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 6.

[545] L. LeFevre. Paul Bunyan and Rip Van Winkle. – «The Yale Review», 1946, Autumn, vol. 36, N 1.

гося домой, допускает несколько трактовок.[546] Одну из них предлагает сам Рип, рассказавший свою необычную историю о приключении в Каатскильских горах. Правда, при этом находились люди, которые подмигивали друг другу и корчили рожи (точно так же, как Бром Боне, на лице которого появлялось лукавое выражение, когда при нем рассказывалась история Икабода Крейна, изгнанного им из Сонной Лощины с помощью тыквы).

Согласно другой версии, которая остается нераскрытой в рассказе, так же, как и таинственная встреча Икабода с всадником без головы в «Легенде о Сонной Лощине», хитрый Рип, которому надоела тирания жены, просто убежал из дома. Недаром же он вернулся сразу после смерти своей сварливой супруги, а назвал себя, лишь удостоверившись, что она действительно скончалась.

Хотя рассказы Ирвинга, в отличие, например, от Гофмана, допускают подобную трезвую, антиромантическую интерпретацию, в них есть и второй, романтический план.[547] Писатель как бы хочет показать, что за видимыми фактами (уход Рипа в горы, его возвращение спустя двадцать лет) скрывается, возможно, совсем иной, романтический мир

---

[546] Ph. Young. Fallen From the Time: the Mythic Rip Van Winkle. «The Kenyou Review», 1960, Autumn, vol. 22, N 4, p. 568.

[547] Ср. анализ рассказа Ирвинга «Жених-призрак» в «Истории американской литературы», т. 1. М., 1947, стр. 132, а также интересные наблюдения Т. А. Ивановой в статье «Творческая встреча: Лермонтов и Вашингтон Ирвинг («Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1964, вып. 5).

грез и призраков. Так, вместо видимого превосходства новой Америки над старой, мы, по прочтении рассказа о Рипе Ван Винкле, неожиданно для себя убеждаемся, что Америка после революции стала не лучше, а менее поэтичной…

Это романтическое раздвоение реального и воображаемого – одна из существенных черт художественного мышления американских романтиков. Ирвинг был первым, у кого эти особенности проявились достаточно определенно. В дальнейшем По, Готорн и Мелвилл наиболее полно выразили эту тенденцию.

Ирвинг 20-х годов, в отличие от раннего Ирвинга, автора «Салмаганди» и «Истории Нью-Йорка», уже не был романтическим бунтарем. Впрочем, спорен вопрос, был ли он им и в 1800-е годы. Несомненно, однако, что критическое начало было гораздо сильнее в «Истории Нью-Йорка», чем в «Книге эскизов» или последующих произведениях писателя.

Характеризуя общие тенденции творчества Ирвинга этого периода, А. А. Елистратова справедливо отмечает, что «огонек жизни теплится в его произведениях спокойным и ровным пламенем, питаемый «маслом радости» – прекраснейшим горючим, по шутливому замечанию самого Ирвинга».[548]

В «Истории жизни и путешествий Христофора Колумба», созданной во второй половине 20-х годов, удивительным образом сплетаются черты молодого, задиристого Ирвинга и

[548] «История американской литературы», т. 1, стр. 138.

умеренного, покладистого Ирвинга позднего периода. Именно в этой книге писатель окончательно распрощался с идеями своей молодости и вступил на грустный путь угождения литературным вкусам американского буржуазного читателя.

«История Колумба» – романтическая биография. Не отступая от исторических сведений о Колумбе, Ирвинг наполнил это произведение фольклорным материалом. Это было продолжение романтической поэтизации американского прошлого, начатой писателем еще в «Истории Нью-Йорка». В книге о Колумбе Ирвинг делает еще один шаг от истории к роману – жанру, к которому он постоянно приближался в своем творчестве (напомним его «Хронику завоевания Гренады»), но создать который в американской литературе было суждено не ему.

«Историю Колумба» нельзя рассматривать как обычное историческое жизнеописание одного из замечательных людей прошлого. Еще В. Г. Белинский возражал против подхода к «Истории Колумба» как к историческому сочинению, высмеивая утверждение Н. А. Полевого о том, что Ирвинг «историк плохой».[549]

В книге о Колумбе Ирвинг дает один из первых образцов романтической робинзонады в литературе США. Описание форта Рождества, испанского поселения, основанного Колумбом в Новом Свете (IV, 1) и вся история испанских

[549] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. III, М., Изд-во АН СССР, 195. стр. 156–157.

колоний на островах Нового Света содержат в себе черты робинзонады, приобретшей популярность среди американских романтиков особенно в 1840-е годы («Кратер» Купера, «Таити», «Ому» Мелвилла).

Центральный герой «Истории Колумба» – сам знаменитый мореплаватель. Необыкновенная, гениальная личность Колумба привлекает к себе внимание Ирвинга. Книга посвящена воспеванию романтического подвига, борьбы Колумба с косностью, невежеством и завистью, окружавших его и при дворе королей, и среди просторов Атлантики, когда взбунтовавшаяся команда отказалась плыть дальше в неведомые воды мирового океана, и в испанских поселениях Нового Света. Писатель охотно украшает свое повествование мифами и легендами, сопровождавшими посмертную славу Колумба.

В отличие от героикомической «Истории Нью-Йорка» стиль повествования в «Истории Колумба» разительно меняется, становится романтически-приподнятым, иногда даже патетическим. Однако романтические страсти высокого накала не были по душе писателю. Его больше влекла романтика путешествий и открытий, составляющая пафос книги о Колумбе.

Значительное место отведено в «Истории Колумба» трагическим картинам разграбления открытых Колумбом земель, кровавым столкновениям испанцев с туземцами. Индейская линия «Истории Нью-Йорка» находит здесь свое прямое продолжение и становится постоянной темой амери-

канского романтизма, получившей дальнейшее и более глубокое развитие в творчестве Купера.

Русский читатель познакомился с Ирвингом в 1825 г., когда несколько московских и петербургских журналов почти одновременно опубликовали переводы его рассказов, в том числе знаменитого «Рип Ван Винкля» в переводе декабриста Н. А. Бестужева. С тех пор интерес к Ирвингу в России неизменно возрастал. Имя его стало называться среди наиболее известных американских писателей. Были переведены основные новеллы его сборников: «Книга эскизов» (1819-20), «Брейсбридж-холл» (1822), «Рассказы путешественника» (1824), «Альгамбра» (1832), а также «История жизни и путешествий Христофора Колумба» (1828, русский перевод 1836-37), «Путешествия и открытия сподвижников Колумба» (1831, русский перевод 1839), «Поездка в прерии» (1835, русский перевод 1837), «Магомет и его преемники» (1849-50, русский перевод 1857). В 1879 г. в Москве был издан том рассказов Ирвинга из разных сборников («Путевые очерки и картины», пер. А. Глазунов).

Однако «История Нью-Йорка» оставалась неизвестной русскому читателю.[550] что обедняло представление об одном из самых задорных и красочных писателей Америки прошлого века.

Международная известность американского романтизма

[550] В 1940 г. Издательство детской литературы выпустило сокращенный русский перевод 7 главы VI книги (битва у Форт-Кристина).

началась с Ирвинга. «История Нью-Йорка» было первым художественным произведением, глубоко впечатлившее читателей и писателей Европы и Америки.

Основные даты жизни и творчества Вашингтона Ирвинга

1783, 3 апреля В Нью-Йорке родился Вашингтон Ирвинг.

1802, ноябрь – 1803, апрель В нью-йоркской газете «Морнинг кроникл» публикуется первое литературное произведение Ирвинга «Письма Джонатана Олдстайла». В 1824 г. эти письма (кроме первого) были изданы отдельной книгой.

1804, май – 1806, март Первая поездка в Европу. Ирвинг путешествует по Франции, Италии, Швейцарии, Голландии и Англии.

1807, январь – 1808, январь Вместе со своим братом Вильямом и Джеймсом Полдингтом Ирвинг печатает анонимную серию сатирических очерков «Салмаганди, или Причуды и мнения Ланселота Лангстаффа и других».

1809, 26 апреля Смерть невесты Ирвинга Матильды Хоффман.

Декабрь Вышла в свет «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии, написанная Дидрихом Никербокером» (начата в феврале – марте 1808 г.).

1813–1814 Ирвинг редактирует филадельфийский литературный журнал «Аналектик мэгезин», где опубликовал два очерка («Черты индейского характера» и «Филипп По-

канокет»), включенные затем в «Книгу эскизов».

1814–1815 Во время англо-американской войны Ирвинг командует нью-йоркским милиционным отрядом.

1815, май Ирвинг отплывает в Англию в кратковременную поездку, но остается в Европе на 17 лет.

1817, 30 августа – 2 сентября Ирвинг гостит у В. Скотта в Абботсфорде.

1819, май-1820, сентябрь Публикация в Нью-Йорке семью выпусками «Книги эскизов» под псевдонимом Джеффри Крэйон (лондонское издание в двух томах вышло в феврале и июле 1820 г.).

1820, август – 1826, февраль Ирвинг путешествует по Франции, Австрии и Германии.

1820, 21 декабря Знакомство Ирвинга с Томасом Муром.

1822, май Издание сборника рассказов «Брейсбридж-холл». Издание «Рассказов путешественника».

1824, август 1825 Ирвинг пишет, а затем уничтожает рукопись сборника американских рассказов.

1826, февраль Ирвинг переезжает в Испанию, где его назначили на пост атташе американского посольства в Мадриде.

1828, февраль Издание «Истории жизни и путешествий Христофора Колумба», дополненной в 1831 г. «Путешествиями и открытиями сподвижников Колумба».

1829 Ирвинг избран членом Королевской академии истории в Мадриде.

Апрель Издание «Хроники завоевания Гренады» под псевдонимом монаха Антонио Агапида.

Октябрь Ирвинг возвращается в Англию, где занимает пост секретаря американского посольства.

1830, май Ирвингу присуждена почетная степень доктора права Оксфордского университета (торжественная церемония состоялась 15 июня 1831 г.).

1831, октябрь, 1832, январь Ирвинг посещает Ньюстедское аббатство, где живет в бывшей комнате Байрона.

1852, 12 апреля Ирвинг отплывает из Европы на родину (21 мая он прибыл в США).

832, июнь Издание книги «Альгамбра. Очерки и рассказы о маврах и испанцах».

1832, лето – осень Ирвинг путешествует по западным штатам США и индейской территории.

1835, апрель Издание «Поездки в прерии» в качестве первого тома «Сборника Крэйона».

1835, май Выходит в свет второй том «Сборника Крэйона», в который вошли очерки «Абботсфорд» и «Ньюстедское аббатство».

1835, октябрь Публикация третьего тома «Сборника Крэйона» («Легенды о завоевании Испании»).

1836 Ирвинг поселяется в усадьбе Саннисайд вблизи Тэрритауна (штат Нью-Йорк).

Октябрь Издание «Астории, или Анекдотов одного предприятия по ту сторону. Скалистых гор».

1837, март Издание книги «Скалистые горы, или Сцены, происшествия и приключения на Дальнем Западе», называющейся в позднейших переизданиях «Приключения капитана Бонвиля».

1839–1841 Ирвинг сотрудничает в журнале «Никербокер мэгезин».

1842, 25 апреля Ирвинг отплывает из США в Англию.

1842, июль-1846, январь Ирвинг живет в Испании в качестве посла США.

1849 Отдельное издание биографии Оливера Гольдсмита, написанной Ирвингом для парижского издания сочинений Гольдсмита в 4 томах (1825) и переиздававшейся в сочинениях Гольдсмита в 1830, 1837 и 1840 гг.

1849, март Издание «Книги о Гудзоне, составленной из сочинений Дидриха Никербокера», в которую Ирвинг наряду с ранее публиковавшимися включил также ряд новых произведений.

1849–1850, март Издание книги «Магомет и его преемники».

1855, февраль Издание сборника рассказов и очерков Ирвинга, печатавшихся в журнале «Никербокер мэгезин».

1855, апрель – 1859, апрель Публикация «Жизнеописания Джорджа Вашингтона» в пяти томах.

1859, 28 ноября Смерть Ирвинга в его усадьбе Саннисайд.

В течение пятидесяти лет Ирвинг неоднократно перерабатывал текст «Истории Нью-Йорка». Первое издание появи-

лось в 1809 г. В 1812 г. вышло второе издание, существенно переработанное автором (по подсчетам американских критиков, около десяти тысяч слов было заменено новыми). Редакция 1812 г., помимо исправления опечаток, орфографии и пунктуации, содержит ряд интересных добавлений, выдержанных в задорном духе первой редакции. Наиболее важные из них воспроизведены в Дополнениях к настоящему изданию (главы 4 и 5 из второй книги).

В 1819 г. вышло третье издание «Истории», для которого Ирвинг вновь переработал почти каждую главу, вычеркнув многие слова и выражения, особенно из книги третьей. Именно эта редакция была воспроизведена в лондонском издании 1820 г., выпущенном известным книгоиздателем Джоном Мерреем, познакомившим английского читателя с «Историей», автор которой уже был известен в Англии своей «Книгой эскизов», опубликованной в первой половине того же гтда. После 1819 г. в Америке появилось еще несколько изданий «Истории» с незначительными исправлениями. В 1848 г. Ирвинг подверг текст своей книги новой коренной переработке. Он сгладил или исключил все выражения, которые могли бы показаться недостойными «добропорядочного американского писателя». Особенно сильно это сказалось в книгах пятой, шестой и седьмой, посвященных Питеру Стайвесанту. Добавленная к этому изданию «Апология автора» дается в «Дополнениях» к настоящему изданию.

Но и это еще не было окончанием работы над текстом, хо-

тя именно редакция 1848 г. воспроизводится в посмертных изданиях сочинений Ирвинга. Исправления и переделки были сделаны им и в изданиях 1854 и 1857 гг. Наконец, уже после смерти писателя, в 1886 г. «Гролиер клуб» опубликовал рукопись исправлений, сделанных Ирвингом на издании 1848 г. и, видимо, предназначавшихся для нового переиздания.

Из новейших изданий «Истории» на английском языке следует отметить вышедшее в 1964 г. в серии «Twayne's United States classics series» под общей редакцией проф. Сильвии Баумен, представляющее собой научное издание редакции 1812 г. Однако текст 1812 г. является промежуточной редакцией и не может быть принят для русского перевода.

Настоящий русский перевод «Истории Нью-Йорка» сделан с издания 1809 г., научная публикация которого осуществлена американскими литературоведами Стенли Уильямсом, автором фундаментальной двухтомной биографии Ирвинга, и Тремейном Макдауеллом. Эта публикация вышла в свет в 1927 г.: «Diedrich Knickerbocker's A History of New York». Ed. by Stanley Williams and Tremaine McDowell. N. Y., Harcourt, Brace and C *o*, 1927.

* * *

Весь «научный аппарат» книги служит той же цели па-

родирования и сатирической буффонады, что и сам «труд» ученого Никербокера. Поэтому сложная система цитат и примечаний Ирвинга требует особого пояснения. Его любимый писатель Сервантес в Прологе к «Дон Кихоту» говорит о подобных литературных приемах: «Авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателя и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых».

Помимо обычных сносок под строкой и примечаний «издателя рукописи Никербокера», Ирвинг, особенно в первых книгах «Истории», охотно пользуется «учеными» примечаниями, придавая им нарочито наукообразный и непонятный вид, прибегает к сокращениям, аббревиатурам и иным приемам, затрудняющим их расшифровку. Следует, однако, отметить, что все, даже самые, казалось бы, запутанные примечания на латинском, французском, голландском и других языках имеют вполне реальный смысл.

Например, первые сноски в главе I первой книги: Faria y Souza. Mick. Lus., note B 7, означает: Примечание Фария-и-Суза к книге 7-й «Лузиады» Камоэнса в переводе Вильяма Майкла, изданном в Оксфорде в 1776 г. и позднее неоднократно переиздававшемся; Sir W. Jones. Diss. Antiq. Ind. Zod. означает книгу Вильяма Джонса «Рассуждения относительно истории, древностей, искусств, наук и литературы Азии»,

изданную в Лондоне в 1792 г. В настоящем издании после каждой подобной «ученой» сноски Ирвинга в квадратных скобках дается ее полный русский перевод.

Наконец, Ирвинг прибегает еще к одному виду примечаний, встречающемуся также и у других писателей-романтиков, например у Байрона. Это шутливо-пародийные примечания «типографского ученика», высказывающего «здравые» суждения по поводу труда Никербокера.